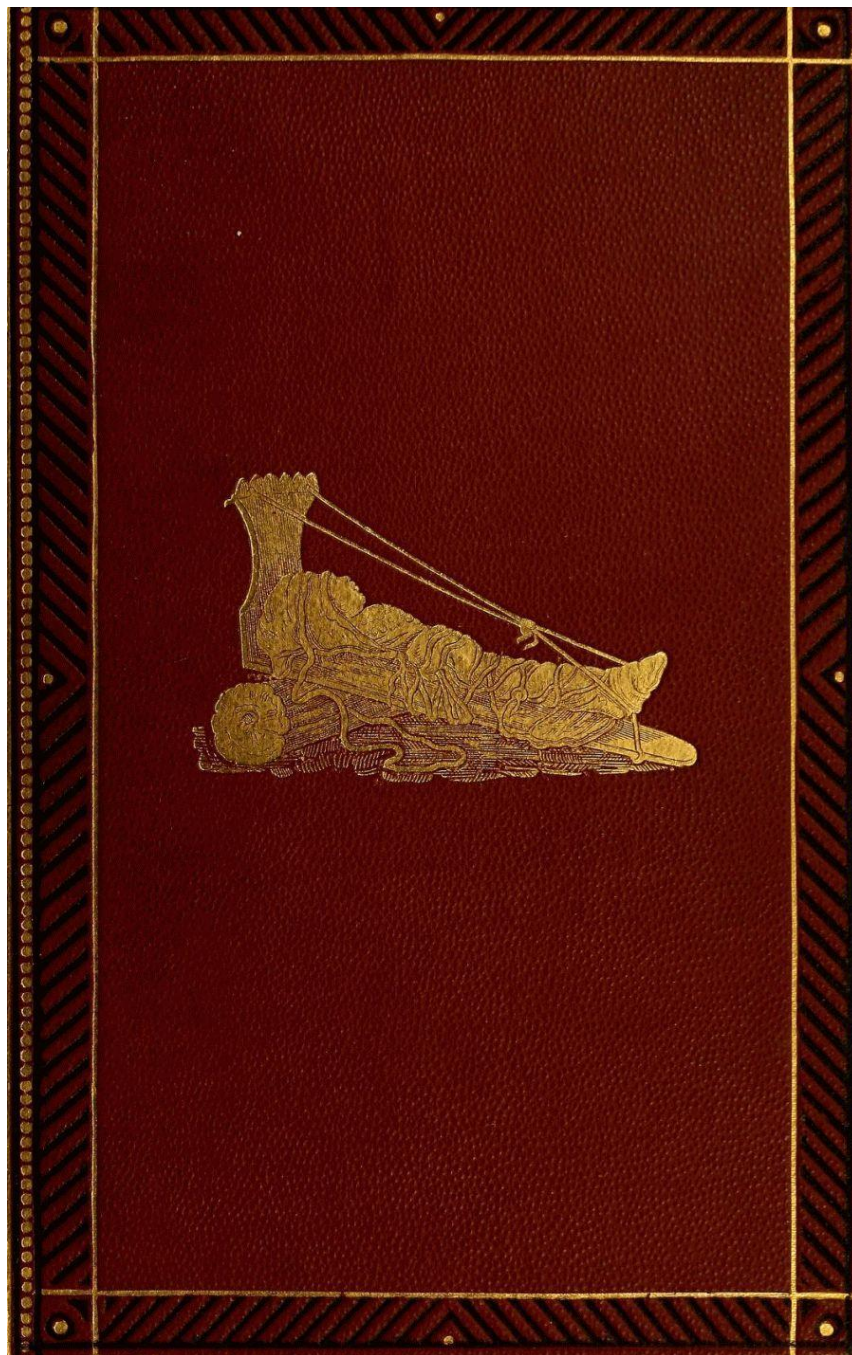

Доисторический человек

Сэр Дэниел Уилсон

Электронная книга проекта "Гутенберг" о доисторическом человеке

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Доисторический человек

исследования происхождения цивилизации в Старом и Новом свете

Автор: Сэр дэниел Уилсон

Дата выхода: 25 июня 2016 г. [Электронная книга № 52406]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

В титрах: Продюсеры Лаппи Харрисон, Синди Бейер и команда онлайн-проекта Gutenberg на <http://www.pgdpCanada.net> изображения предоставлены интернет-архивами-США

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК" ***

ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК

КАСКАТАЧЬЮХ.

ВОЖДЬ ШИМПСИАНЦЕВ.

Нарисован Д. Уилсоном, доктором права, по эскизам Пола Кейна.

Купер и Ходсон Лит. 188, Стрэнд, Лондон, WC

ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Исследования происхождения цивилизации в Старом и Новом Свете.

ДЭНИЕЛ УИЛСОН, доктор права, F.R.S.E.

ПРОФЕССОР ИСТОРИИ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ УНИВЕРСИТЕТСКОГО КОЛЛЕДЖА В
ТОРОНТО;

АВТОР "ДОИСТОРИЧЕСКИХ АННАЛОВ ШОТЛАНДИИ" И ДР.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ,
С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ.

Лондон:

МАКМИЛЛАН И КОМПАНИЯ

1876.

[Право на перевод зарезервировано.]

Издательство Эдинбургского университета:

ТОМАС И АРЧИБАЛЬД КОНСТЕБЛИ, ПЕЧАТНИКИ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА.

В ПАМЯТЬ О ПОЖИЗНЕННОМ УЧАСТИИ БРАТА Во МНОГИХ ЛЮБИМЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ, Эти
тома, ЛИШЕННЫЕ СМЕРТЬЮ СВОЕГО ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ, ПОДПИСАНЫ ЛЮБИМЫМ ИМЕНЕМ
ДЖОРДЖА УИЛСОНА, доктора медицинских наук, ПРОФЕССОРА ТЕХНОЛОГИИ REGIUS В
ЭДИНБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ И ДИРЕКТОРА ПРОМЫШЛЕННОГО МУЗЕЯ ШОТЛАНДИИ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Тема, о которой в первую очередь пойдет речь на следующих страницах, - это человек того нового полушария, которое было открыто Европе в 1492 году. Там на протяжении всех исторических веков он жил обособленно, абсолютно не подверженный влиянию каких-либо отблесков цивилизации Древнего мира; и все же, как представляется, следуя курсом, во многих отношениях поразительно аналогичным тому, посредством которого возникла цивилизация Европы. Признание этого ценно не только как помощь в осознании необходимых условий, через которые прошел человек, достигнув стадии, на которой он находится на заре истории; но, по-видимому, оно указывает на важный вывод о том, что цивилизация - это развитие способностей, присущих человеку.

Термин, использованный в названии, впервые был использован в 1851 году в моих "Доисторических анналах Шотландии", где были приведены свидетельства присутствия человека в Британии "задолго до самых ранних признаков проникновения арийских народов в Европу". Он был намеренно придуман, чтобы выразить весь период, раскрытый нам с помощью археологических свидетельств, в отличие от того, что известно из письменных источников; и в этом смысле термин был быстро принят археологами Европы. Но предмет, определенный таким образом, является всеобъемлющим; и по мере его быстрого роста были введены отличительные подразделения, которые, как правило, сужают сферу применения этого термина. Тем не менее, это все еще законное определение человека, где его историю можно восстановить исключительно с помощью примитивных искусств.

За первым изданием "Доисторического человека", опубликованным в 1862 году, в 1865 году последовало другое, тщательно переработанное в соответствии с более поздними сведениями. С тех пор я воспользовался дальнейшими возможностями для изучения и изысканий, касающихся как существующих рас, так и искусства и монументальных останков вымерших народов Нового Света. За тот же период были внесены важные дополнения в наши знания не только об искусстве, но и о физических характеристиках первобытного человека в Европе. Соответственно, в настоящем издании большая часть оригинальной работы была переписана. Несколько глав были заменены новыми материалами. Другие были сокращены или переработаны со значительными изменениями и новым расположением целого.

Иллюстрации были соответственно дополнены; и некоторые из них были выгравированы заново по более точным рисункам. В первом издании их было семьдесят одна. Сейчас их насчитывается сто тридцать четыре, включая несколько, за которые я признателен мистеру Джону Эвансу, члену Королевской академии наук, издателям журнала Nature и Совету Общества антикваров Шотландии.

Д. В.

Университетский колледж, Торонто,

18 ноября 1875 года.

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНИЕ.

Влияние открытия Америки—Старый Свет и Новый—Фазы жизни Америки—Термин "Доисторический"—Влияние миграций—Что такое цивилизация?Одомашнивание—индийской философии—аборигены—татарин; арабский—языки Америки—скитания Наций—ископаемый человек—профессия Нового Мира,

1

Главы II.

ПЕРВОБЫТНЫЙ ПЕРЕХОД.

Последние миграции—Основание столицы—Начало истории—Доисторические фазы—Неметаллургические эпохи—Колебания суши—Ледниковый период—Климатические условия—Ископаемые млекопитающие—Кремень—Народ дрейфа—Пришествие европейского человека—Орудия дрейфа—Аллювий Шотландии—Докельтарные расы—Их искусство подражания—Первобытный человек—Его интеллектуальное состояние—Инстинкт—Накопленные знания—Первобытная Британия—Ее ископаемая фауна—Оссифицированные пещеры—Пещера Бриксхэм—Пища—Шотландский северный олень—Американский дрейф—Реликвии древней жизни—Вымершие Фауна—Человек и мастодонт—Индейские традиции—Гиганты—Находки дрейфующих объектов—Большие яйцевидные диски—Находки пещер—Американский тип черепа—Древность американского человека,

17

ГЛАВА III.

ВКАМЕНОЛОМНЯ.

Карьер—Пещера Бриксхэм—Кремневые орудия Бриксхэма—Флинт—Ридж, Огайо—Кремневые карьеры—Отложения дрейфующих карьеров—Следы искусства эпохи палеолита—Ланцетовидные кремни—Миндалевидные кремни—Шауни—Индейцы Колорадо—Тайники обработанных кремней—Захоронения—Находки пещерных дрейфов—Наглядные аналогии—Коллекции Цинциннати—Наконечники копий из рогового камня—Искусство американского неолита—Кремневые сверла—Способы перфорации—Кремневые ножи—Бритвы и скребки—Формы наконечников стрел—Дискообразные камни—Грузила и лассо—Чашеобразные камни—Археологические теории—Валуны Джорджии—Ручные чашеобразные камни—Точильные камни эпохи неолита—Археологические загадки—Древние аналогии,

64

ГЛАВА IV.

ИЗГОТОВИТЕЛИ КОСТЕЙ И РАКОВИН.

Рабочие по кости и слоновой кости—Заменители кремня—Доказательства относительного возраста—Домашние костяные орудия—Грубое искусство эпохи палеолита—Работники китового уса—Примитивные рабочие инструменты—Рыба—Копья и гарпуны—Художественная изобретательность—Рисунок мамонта—Гравюры Мадлен—Рабочие—правши—Кирки из оленьего рога в карьере—Косторезы или Охранники—Время зарождения изобразительного искусства—Резчики—инуиты Аляски—Троглодиты

96

Центральной Франции—Человек послеледникового периода—Симметричная форма головы—Интеллектуальная энергия—Свидетельство скрытых способностей — Резьба по слоновой кости Таватин—Орудия труда озерных жителей—Пещерные орудия труда—Искусство жителей Тихоокеанских островов—Раковины карибов—Ножи—Аборигены Антильских островов—Карибы Сан—Доминго—Наскальные рисунки и резьба—Ценные тропические раковины—Древние могилы Теннесси—Изготовление раковин—Могилы гуронов и петунов—Священные раковины—Сосуды—Примитивные украшения из раковин—Американские курганы из раковин—Валюта из раковин—Стандарт ценности Иокуа,

ГЛАВА V.

ОГОНЬ.

Животное, использующее огонь—Эскимосы используют огонь—Огнедышание огнеземельцев—Способы добывания огня—Австралийский огонь—миф—Люди эпохи мамонта—Очаги пещерных людей—Тихоокеанский корень—Слово, обозначающее огонь—Великий цикл ацтеков—Разжигание священного огня—Перуанские солнцепоклонники—Жертвоприношение Белой собаки—Священные костры строителей курганов—Индейское разведение огня—Святость огня—Огненная Земля,

135

ГЛАВА VI.

ВКАНОЭ.

Использование инструментов—Инстинкт использования инструментов—Рудиментарная стадия искусства—Примитивное речное ремесло—Каноз Гуанахане—Океанская навигация—Изготовление африканских каноз—Каноз из Орегонского кедра—Коренные китобои Тихого океана—Доисторические строители лодок—Каноз Маваи—Полинезийский архипелаг—Terra Australis Incognita—Флотилии Тихого океана на каноз—Примитивная навигация—Переносные лодки—Коракл и Кайак—Перуанская бальса—Океанские мореплаватели,

151

ГЛАВА VII.

Инструменты.

Человек—ремесленник—Закон разума—Коренные расы—Способность человека к деградации—Что такое Каменный период?—Материалы первобытного искусства—Преемственность рас—Указания на древнюю торговлю—Индейцы шошоны—Техасские орудия труда—Способы обработки—Гнезда для оленьих рогов—Каменные ножи—Блинчики Аляски—Металлы каменного периода—Искусство Южной части Тихого океана—Малайское влияние—Фиджийское конструктивное мастерство—Фиджийская керамика—Медленное созревание рас—Меч с кремневым лезвием—Лига пяти наций—Преобладание ирокезов—Работа с обсидианом и кремнем—Гондурасские кремневые орудия—Источники материала—Столкновение рас—Судьба низших рас ,

170

ГЛАВА VIII.

МЕТАЛЛЫ.

Рассвет металлургической эры —Первобытная обработка меди-Медный регион озера Верхнее—Изображенные скалы—Железная гора Джексона—Шахта Клифф—Медные инструменты—Древние шахтерские траншеи—Большой объем работ—Рудники Айл—Ройял—Их предполагаемый возраст—Древние орудия добычи—Каменные кувалды и топоры—Реликвии добычи Онтонэгона—Места медных мануфактур—Самородная медь и серебро—Медные орудия Броквилла—Утраченное металлургическое искусство—Химические анализы—Местная терракота-Древние британские горные инструменты—Раса медных рудников—Суеверия Чиппева —Самые ранние упоминания о Медный регион—Масса меди на Онтонэгоне—Древнее местное движение—Местное использование металлов—Состояние строителей курганов—Минеральные ресурсы-Древность медных разработок—Заброшенность шахт,

198

ГЛАВА IX.

СПЛАВЫ.

Бронзовый век—Промежуточный медный век—Европейские медные орудия—Самородное серебро и медь—Олово и медные руды—Касситериды—Древние источники олова—Искусство Юкатана—Сплавленные медные лезвия топоров-Бронзовое серебро—Инструмент для добычи полезных ископаемых-Перуанские бронзы—Примитивные горнорудные инструменты—Местные металлургические процессы—Металлические сокровища инков—Следы более древней расы—История Перу—Тольтеки и мексиканцы—Корректировка календаря—Экссессы варваров—Работа местных ювелиров—Золотые реликвии Панама—Мексиканская металлическая валюта—Экспериментальные процессы—Древняя европейская бронза—Испытания цивилизации —Древние американские бронзы—Местный металлург,

229

ГЛАВА X.

СТРОИТЕЛИ КУРГАНОВ.

Земляные пирамиды—Памятники строителей курганов-Места проживания древнего населения—Различные классы работ-Древние крепости—Природные объекты—Форт Хилл, Огайо—Крепости ирокезов—Аналогичные крепости—Укрепленные гражданские объекты—Священные ограды—Курган Ньюарк Игл—Геометрические земляные работы—План земляных работ Ньюарка, Огайо—Стандарт измерения—Разнообразие работ—Свидетельство мастерства—Табличка Цинциннати—Весы из Измерения—Следы исчезнувших обрядов,

256

ГЛАВА XI.

МОГИЛЬНЫЕ ХОЛМЫ.

Источники информации—Курганы Хилла—Курган Скиото—Курган Тейлора—Курган Иссакина—Курган Эллиота—Курган Локпорта—Могила Черной Птицы—Курганы долины Скиото—Символические обряды—Человеческие жертвоприношения—Курган Грейв—Крик—Обычные захоронения—Кремация—Череп кургана Скиото-Священные фестивали,

277

ГЛАВА XII.

ЖЕРТВЕННЫЕ КУРГАНЫ.

Алтари в курганах—Отложения в алтарях—Тушение огня в алтарях—Очаги в курганах—
Город в курганах—Военные алтарные курганы—Их структура и содержание—Значение их
отложений—Аналогичные индийские обряды—Переходная цивилизация,

293

ГЛАВА XIII.

СИМВОЛИЧЕСКИЕ КУРГАНЫ.

Регион Висконсин—Курганы животных—Символические курганы—Курган Большого
слона—Курганы округа Дейд—Масштаб земляных работ—Закрытые произведения
искусства—Работы на реке Рок—Северный Ацталан—Древние грядки—Равнины
Висконсина—Священная нейтральная земля—Курган аллигатора—Великий Змей, Огайо—
Символы змеи—Земляные работы глубокой печати—Наводящие на размышления
выводы—Древняя раса—Каста священнослужителей—Древность расы—
Неполноценность индейских племен,

303

ГЛАВА XIV.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ КОРЕННЫХ американцев .

Тольтеки—Икстлильшочитль—Ацтеки—Американская архитектура—Ацталан—Долина
Мексики—Столица Монтесумы — Ее исчезнувшее величие—Мексиканский
календарь—Календарный камень—Мексиканские божества—Цивилизация тольтеков—
Элементы расы—Столица тольтеков—Дворцы Тецкукан—Их современные остатки—
Кецалькоатль—Пирамида Чолула—Священный город—Индейцы моки —Священный
город Перу—Поклонение Солнцу—Астрономические знания—Сельское хозяйство—
Ткани, Сотканые ламой—Наука и искусство— Местные институты—Металлургия—
Происхождение мексиканцев—Смешение рас,

324

ГЛАВА XV.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ХРОНИКИ.

Умение подражать—Архаичное европейское искусство—Традиционная орнаментация—
Имитационный дизайн—Аналогии в обрядах и обычаях—Алтарные записи—Плавка руды—
Земли прерий Висконсина—Раса курганов—Резьба по курганам—Портретные
скульптуры—Американская иконография—Выводы—Неиндейский тип—Другие примеры—
Античное иконографическое искусство—Своеобразное умение подражать—
Изображенные животные—Обширные географические связи—Знание тропической
фауны—Выводы—Тукан и ламантин—Следы миграции—Предполагаемые указания—
Аналогичные скульптуры—Перуанское умение подражать—Ступки из резного камня—
Никотианские религиозные Ритуалы—Индейские легенды—Красная трубка—
Каменоломня- Прыгающая скала—Традиции манданов—Легенда сиу о трубке мира—
Священное растение кока—Кола—Легенда Книстено о потопе—Указания на прежние
миграции—Любимый материал—Пвагунека—Обычаи шимпсианцев—Искусство

355

шимпсианцев—Резьба по бабчену—Стержень медицинской трубки-Индийские
искупительные жертвоприношения—Никотианские обряды гадания,

ИЛЛЮСТРАЦИИ

РИС.

Портрет Каскатачьюха, вождя племени Шимпсейя.

1. Кремневый нож, наконечники Гринелла,
2. Орудие из Льюистонского кремня,
3. Кремневый диск, пещера Кента,
4. Кремневый инструмент из пещеры Бриксхэм,
5. Ланцетный кремь, Флинт-Ридж, Огайо,
6. Миндалевидный кремь, Флинт-Ридж, Огайо,
7. Листовидный кремь, долина Шарон, Огайо,
8. Кремневый инструмент, округ Лизинг, Огайо,
9. Кремневая мотыга, Кентукки,
10. Кремневый наконечник копья, Индиана,
11. Кремневое шило, Мейвилл, Кентукки,
12. Кремневое сверло, Цинциннати,
13. Сверло по камню, Цинциннати,
14. Кремневый нож, Цинциннати,
15. Кремневая бритва, Кентукки,
16. 17. Кремневые скребки, Огайо,
18. Листовидный наконечник стрелы,
19. Лассо-Стоун, Кентукки,
20. Чашеобразный камень, Огайо,
21. Чашеобразный Боулдер, Тронтон, Огайо,
22. Костяная лопатка, Кейсс,
23. Костяной гребень, Бургар,
24. Костяной гребень, Бургар,
25. Чашечка китового позвонка,
- от 26. до 30. Рыболовные копия и гарпуны,
31. Гарпун, пещера Кента,
32. Костяной наконечник копья, пещеры Дордонь,
33. Огненный гарпун,
34. Копье-рыба, пещера Кента,
35. Копье-рыба с двусторонними зазубринами, Мадлен,

36. Копье-рыба с односторонними зазубринами, Мадлен,
37. Резная дубинка или булава, пещеры Дордонь,
38. Мамонт, выгравированный на слоновой кости, Ла Мадлен,
39. Шотландский каменный браслет,
40. Счет охотников, рог оленя, кроманьонец,
41. Череп кроманьонского старика-профиль,
42. Череп кроманьонского старика-вид спереди,
43. Череп кроманьонского старика -вид сверху,
44. Китовая резьба по слоновой кости из таватина,
45. Резьба по слоновой кости из таватина,
46. Зубило из свиного зуба, лаконичное,
47. Британские костяные орудия,
48. Карибские ножи для разрезания раковин,
49. Идол из Теннесси,
50. Каменный топор Клайда,
51. Каменное тесло Clalam,
52. Череп Grangemouth,
53. Техасский каменный топор с рукоятью,
54. Техасское кремневое орудие,
55. Долото и гнездо для оленьего рога, лаконичное,
56. Каменный нож, лаконичный,
57. Каменные орудия из Южной части Тихого океана,
58. Каменное тесло, Новая Каледония,
59. Фиджийская керамика,
60. Гондурасское зазубренное кремневое орудие,
61. Государственная алебарда Гондураса, кремень,
62. Кремневый инструмент Гондураса,
63. Шахтерские лопаты, озеро Верхнее,
64. Каменные кувалды шахтеров,
65. Медный инструмент Ontonagon,
66. 67. Броквилльский медный кинжал и выбойка,
68. Броквилльское медное копье,
69. Терракотовая маска,
70. Земляные работы Ньюарка, Огайо,
71. Табличка Цинциннати,
72. Каменная труба, Эллиот-Маунд, Огайо,
73. Диск озера Вашингтон,

74. Маска, Мексиканский календарный камень,
 75. Тикульская иероглифическая ваза,
 76. Перуанская паутина,
 77. Портретная курганная трубка, анфас,
 78. Портретная курганная трубка, профиль,
 79. Портретная курганная трубка,
 80. Ламантин, Скульптура из трубки,
 81. Тукан, Скульптура-трубка,
 82. Перуанская черная посуда,
 83. Перуанские каменные ступки,
 84. Трубка Чиппева,
 85. Трубка Бабин,
 86. Скульптура-трубка Бабин.
-

ГЛАВА I. ВВЕДЕНИЕ.

ВЛИЯНИЕ ОТКРЫТИЯ АМЕРИКИ—СТАРЫЙ СВЕТ И НОВЫЙ—ФАЗЫ ЖИЗНИ АМЕРИКИ—ТЕРМИН "ДОИСТОРИЧЕСКИЙ"—ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИЙ—ЧТО ТАКОЕ ЦИВИЛИЗАЦИЯ?—ОДОМАШНИВАНИЕ—ИНДИЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ—АБОРИГЕНЫ—ТАТАРИН—АРАБ—ЯЗЫКИ АМЕРИКИ—СКИТАНИЯ НАРОДОВ—ИСКОПАЕМЫЙ ЧЕЛОВЕК—ЗАСЕЛЕНИЕ НОВОГО СВЕТА.

Недавнее развитие археологии как науки в немалой степени обусловлено простотой, характеризующей доисторические открытия Скандинавии, Ирландии и других регионов Европы, лежащих за пределами греческого и римского влияния. Но тот же самый элемент проявляется в гораздо более широком масштабе как в археологии, так и в этнологии западного полушария. Без особых колебаний можно предположить, что Америка начала свой человеческий период позже, чем старый свет, и что расцвет цивилизации начался позже. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что ее наиболее цивилизованные нации достигли весьма частичного прогресса, когда в пятнадцатом веке они внезапно соприкоснулись со зрелой цивилизацией Европы. Следовательно, более ранние стадии человеческого прогресса могут быть испытаны там свободными от многих затемняющих элементов, неизбежных из-за смешения существенно различных фаз цивилизации на старых исторических территориях. Во времена Геродота Трансальпийская Европа была большей загадкой для народов на берегах Средиземного моря, чем Центральная Африка для нас. Для римлян четырем столетиями позже Британия все еще была почти другим миром; и великий северный улей, откуда вскоре должны были появиться разрушители расчлененной империи Цезарей, был им настолько совершенно неизвестен, что, как замечает доктор Арнольд, "Римские колонии по берегам Рейна и Дуная смотрели на страну за этими реками, как мы смотрим на звезды и действительно видим своими

глазами мир, о котором ничего не знаем”. Тем не менее, цивилизация исторических центров вокруг Средиземноморья не обошлась без определенного влияния на зародыши современных наций, которые в то время переживали период энергичного зарождения за Дунаем и Балтикой. Берега Атлантического и Германского океанов и острова Британских морей задолго до этого отдали дань уважения финским мореплавателям; и по мере того, как археологи и этнологи продолжают свои исследования и извлекают на свет божий памятники ранней юности Европы, они поражены сходством с древними историческими нациями в языке, искусстве и обрядах не меньше, чем обнаруженными следами незнакомого прошлого.

Но с Новым Светом, который открыл Колумб, дело обстоит совершенно иначе. Поверхностные исследователи его памятников действительно неверно истолковали характеристики, относящиеся к инфантильным инстинктам, общим для человеческого мышления, проводя воображаемые аналогии с искусством Египта; и не один гениальный философ прослеживал сходство с мифологией и астрономической наукой древнего Востока; но западный континент по-прежнему стоит особняком, со своим особым народом и, по сути, своими языками, искусствами и обычаями. К какому бы источнику ни восходили американские нации, на протяжении бесчисленных столетий они оставались отрезанными океанскими барьерами от всех влияний исторического полушария. И все же там первые европейские исследователи обнаружили, что человек так мало отличается от всего, с чем они уже были знакомы, что название "индийский" возникло из веры, которую великий космограф сохранял до последнего, что американский континент - это не новый свет, а всего лишь восточные границы Азии.

Таким образом, таков континент, где человека можно изучать при обстоятельствах, которые, по-видимому, обеспечивают наилучшую гарантию его независимого развития. Никакой отблеск греческой или римской цивилизации не вел его по этому пути. Великие источники религиозного и морального убеждения, которые придали форму средневековой и современной Европе и столь сильно повлияли на государственное устройство и культуру Азии и даже Африки, были фактически исключены; и каким бы длительным ни был период оккупации западного полушария его собственными американскими народами, человека все еще можно увидеть там в состоянии, которое, по-видимому, воспроизводит некоторые из наиболее знакомых фаз, приписываемых младенчеству неисторического мира. Записи о его детстве не затемнены, как в Европе, более поздними хрониками; где при каждой попытке расшифровать следы более ранней истории нам приходится описывать почти стертый палимпсест. На фоне простоты палеографии афоризм, благодаря которому только римляне могли претендовать на принадлежность к древнейшей расе мира, приобретает новую силу: “*antiquitas seculi, juvenus mundi*”.

Открытие Америки само по себе было одним из величайших событий в самую памятную эпоху мирового прогресса. Это привело к удивительным изменениям в идеях и мнениях человечества относительно планеты, которую они занимают, и подготовило почву для многих последующих революций как в мышлении, так и в действиях. С тех пор мир как арена человеческой истории был разделен на Старый и Новый. В одном полушарии традиция и миф восходят к рассвету неопределенной древности; в другом история имеет определенное и совершенно современное начало. Тем не менее, не требуется большого исследования, чтобы показать, что это также было театром человеческой жизни и многих революций народов, на протяжении веков восходящих к древности, столь же туманной, как та, что лежит за исторической зарей Европы; и изучение как доисторических, так и неисторических рас Америки изобилует обещаниями новых истин

относительно первобытного человека. Некоторые из самых старых проблем, связанных с ним, находят там свое решение; и среди новых вопросов, которые сейчас ставят в тупик изучающих науку, из того же источника даются ответы неожиданной ценности.

Изучение состояния и прогресса человека в доисторические века Европы показывает его как дикого охотника, вооруженного исключительно кремневым и костяным оружием, часто посещающего озерные и речные окраины континента, покрытого первобытными лесами и преследуемого огромными хищными зверями. Вытесненный навязчивыми миграциями, этот грубый первопроходец исчезает, и его следы накладываются или стираются усовершенствованным искусством его предшественников. Начинается младенчество исторических наций. Металлургия, архитектура, наука и письменность следуют за ними, стирая слабые свидетельства о кочевых пионерах Европы; и первые следы поздних пришельцев приобретают настолько примитивный вид, что существование более древних европейских народов, чем кельты, казалось до недавнего времени слишком экстравагантной идеей для серьезного рассмотрения.

Посвятив значительное исследование восстановлению следов раннего искусства в Британии и поняв на основе многих примитивных открытий некоторое четкое представление о варварах доисторической зари Европы, мне посчастливилось стать поселенцем на американском континенте, посреди сцен, где первобытные леса и их дикие обитатели находятся в процессе вытеснения искусствами и расами цивилизованной Европы. Исключительно благоприятные возможности помогли облегчить изучение этого этапа Нового Света, рассматриваемого таким образом в одну из его великих переходных эпох: с его коренными племенами и европейскими и африканскими колонистами на различных стадиях мутации, возникшей в результате миграции, смешения или столкновения. Наблюдая за новыми аспектами жизни, возникающими в результате такого положения вещей, я проникся убеждением, что многие этнологические явления доисторических веков Европы воспроизведены здесь в самом грандиозном масштабе. Считается, что человек подвержен влияниям, подобным тем, которые воздействовали на него во время всех великих переселений и столкновений различных рас. Здесь также находится дикарь, непосредственно соприкасающийся с цивилизацией и подверженный тем же причинам, из-за которых исчезает дикая фауна. На мой взгляд, некоторые сложные проблемы этнологии были упрощены; и мнения относительно доисторических рас Европы, основанные на выводах или индукции, получили поразительное подтверждение. Воодушевленный этим опытом, я осмеливаюсь изложить результаты исследования сущностных характеристик человека, основанного главным образом на сравнении теоретической этнологии первобытной Европы с подобными открытиями Нового Света.

Можно предположить, что человек был доисторическим везде, где его летописи о нем самом не являются вымышленными, и его история полностью восстанавливается методом индукции. Строго говоря, этот термин не имеет хронологического значения, но в своем относительном применении соответствует другим археологическим периодам, в отличие от геологических. Существуют как современные, так и древние доисторические расы; и обе доступны для решения проблемы истинного естественного состояния человека. Но также отношение человека к внешней природе как обитателя определенных географических районов и подверженного определенным влияниям климата, пищи, материальных приспособлений и условий жизни предполагает выводы, приобретающие все большее значение, ввиду множества новых вопросов, к которым привело расширенное исследование его истинного места в

природе. Если человеческие расы являются коренными в определенных областях и контролируются теми же законами, которые, по-видимому, регулируют географическое распределение животного мира, то результаты нарушения ими этих законов были подвергнуты самым тщательным испытаниям со времен открытия Америки. Лошадь, перенесенная в Новый Свет, великолепными стадами бродит по бескрайним пампасам; а свинья, возвращенная к естественному состоянию, сменила деградацию ячменя на свирепую отвагу дикого кабана. Там также можно увидеть, что коренные жители прерий и лесов все еще не затронуты местной или вторгшейся цивилизацией; в то время как наиболее цивилизованные расы Европы вступили в контакт с африканскими дикарями; и те и другие подверглись всем новым влияниям, в которых западный континент не менее разительно контрастирует с умеренным климатом, чем с тропическими регионами восточного полушария. Произошедшие в результате изменения были значительными, и масштаб, в котором они были осуществлены, настолько велик, что любые выводы, которые могут быть законно выведены из них, представляют высочайший интерес и ценность.

Последствия, вытекающие из изменений ареала и климата, играют замечательную роль в истории человека и не имеют аналогов в миграциях низших животных. Франк, англосаксы и норманны, венгры, сарацины и турки - все они в значительной степени являются продуктами переселения кажущихся коренными рас в более благоприятные местности; но изменения, произошедшие со всеми ними, были меньшими, чем те, которым подверглись колонисты Нового Света. Там старый процесс был обращен вспять; и отпрыск высочайшей европейской цивилизации, внезапно перенесенный в девственные леса и степи американской пустыни, был оставлен среди расширяющегося наследия новых расчищенных территорий для развития тех тенденций, которые дремали в искусственном европейском человеке.

Итак, вот материалы, полные надежд для изучающего этническую проблематику: — краснокожий, коренной житель, кажущийся аборигеном и все еще находящийся в том, что принято называть естественным состоянием; негр, с незапятнанными африканскими чертами характера, систематически лишенный до самых недавних лет возможности свободно принимать цивилизацию, с которой он соприкоснулся, но, тем не менее, подвергающийся новым влияниям климата, пищи и всех внешних приспособлений; белый человек, также подвергающийся преобразующему воздействию климата в окружении новых социальных и политических институтов; и все три крайних типа тестирования разнообразия или расы в достаточно широком масштабе. , их способность к плодотворному смешению крови. Более того, этот период в некоторых отношениях благоприятен для подведения итогов, поскольку происходят изменения, знаменующие завершение цикла в новых условиях, которым подвергалась по крайней мере одна из вторгшихся рас на протяжении более трех столетий.

В Европе мы изучаем человека только таким, каким его сформировали тысячи внешних обстоятельств. Искусство, зародившееся на самой заре истории, придает форму современной общественной жизни. Вера и мораль, взращенные на холмах Иудеи, интеллект Греции, юриспруденция и военная доблесть Рима, а также гражданские и церковные институты средневекового христианского мира - все это помогло сделать нас такими, какие мы есть: до тех пор, пока у европейца девятнадцатого века не возникает любопытный вопрос: насколько это относится к человеку, а насколько к той цивилизации, автором и порождением которой он является частично? Напрасно мы пытаемся отделить европейского человека от чуждых ему элементов, чтобы мы могли взглянуть на него таким, какой он есть или был по природе; ибо он

существует для нас только как продукт всех тех разнообразных элементов, которые накапливались на протяжении бесчисленных поколений. Сам крепостной из русских степей не может расти свободно, как это делает его брат-кочевник из Азии; он должен облачаться в непривычную одежду франков, такую же непривычную для него, как доспехи Саула на юном эфрафите.

Является ли, в таком случае, цивилизация естественной для человека; или это всего лишь искусственно навязанная привычка или состояние, столь же чуждое его природе, как удила и уздечка для лошади или тележка для дикого осла в пустыне? Подобные вопросы затрагивают всю этнологическую проблему, вновь открытую Ламарком, Агасисом, Дарвином, Хаксли и другими. Откуда взялся человек? Каково его прошлое? Какова — в пределах компаса, с которым имеет дело только наука, — его дальнейшая судьба? Двигается ли цивилизация только через ограниченные циклы, повторяя в новые столетия работу старой; достигая, в какой-то изменяющейся фазе, того же максимума нашего несовершенного человечества, а затем, подобно блуждающей комете, возвращаясь из великолепия своего перигелия обратно в ночь?

Возможно, предварительный вопрос даже к этому таков: что такое цивилизация? Тот, кто видел евроамериканца и индейца бок о бок, может не сомневаться в разнице между цивилизованным и нецивилизованным человеком. Но вправе ли он поэтому заключить, что элемент, который так заметно отличает Белого человека Нового Света от краснокожего, является атрибутом, присущим первому, а не развитием врожденных сил, общих для обоих, и обладанием которыми человек отличается от всех других животных? Одомашнивание для низших животных означает подчинение их искусственным условиям, чуждым их природе, которые они не могли создать для себя сами и которые они не развивают и не увековечивают, а, напротив, спешат сбросить, как только их предоставляют их собственным неконтролируемым действиям. Цивилизация предназначена для развития человека. Она возникла сама по себе; она развивает все естественные для человека способности и является прогрессивной и, по-видимому, неискоренимой. Доказательства обоих постулатов, по-видимому, предлагает социальная жизнь как в лесах, так и на полях Нового Света; и на другие вопросы, связанные с исследованием происхождения цивилизации и отношения человека к ней, ответы также можно почерпнуть из того же источника. Там новейшие достижения человеческого прогресса внезапно оказываются лицом к лицу с самыми непрогрессивными проявлениями дикой природы; и многие старые проблемы решаются заново в новых условиях. Раса, которой это в основном принадлежит, была изолирована в течение столетий подготовительного обучения, и некоторые источники ее прогресса иллюстрируют препятствия на пути цивилизации диких рас, вступивших в контакт с другими на столь непохожей стадии. Сами элементы величия Британии, по-видимому, заключаются в ее медленном созревании; в ее столкновении с сменяющимися друг друга расами, лишь немного опережающими ее саму; в ее переходе через все стадии от младенчества к полной силе зрелости. Но, сделав это, старый англичанин становится жителем Новой Англии; начинает новую карьеру со своей зрелой позиции и вытесняет краснокожего американца белым американцем, свободным продуктом великого прошлого и великого настоящего.

Я испытывал странное и завораживающее удовольствие от того, что, после того как я попытался воскресить расы доисторических эпох Британии с помощью их погребальных искусств,^[1] Я оказался лицом к лицу с аборигенами Нового Света. Многое, что стало знакомым мне в воображении, как относящееся к давно забытому прошлому, было здесь живым настоящим; в то время как вокруг меня, на каждой переходной стадии, лежали фазы дикой и цивилизованной

жизни: природа леса, искусство города; страна, созданная Богом, город, созданный человеком: каждый в самом процессе изменения, исчезновения и воссоздания. Таким образом, перед нами открылось новое поле для изучения цивилизации и всего, что с ней связано. Дикий зверь находится в своем естественном состоянии и, освобожденный от искусственных ограничений, спешит вернуться в лесные дебри как в свое естественное состояние. Лесной человек — он тоже в своем естественном состоянии? ибо сыны Европы более трех столетий вырубали его леса и насаждали свою цивилизацию на полянах, но он не считает их цивилизацию высшей целью для себя. Он, по крайней мере, думает, что белый человек и краснокожий имеют разную природу; что город и возделанное поле предназначены для одного, а дикий лес и свободная охота - для другого. Он не завидует белому человеку, он только удивляется ему как существу другой природы.

Сломанная Рука, вождь племени кри, принимая путешественника Пола Кейна и его группу в своем вигваме в их лагере в долине Саскачевана, рассказал ему следующую традицию племени. Один из кри стал христианином. Он был очень хорошим человеком и поступал правильно; и когда он умер, его вознесли на небеса белого человека, где все было очень красиво. Все были счастливы среди своих друзей и родственников, ушедших раньше них; но индеец не мог разделить их радости, потому что все было ему незнакомо. Он не встретил ни одного из духов своих предков, которые приветствовали бы его: ни охоты, ни рыбной ловли, ни какого-либо другого из тех занятий, которые ему обычно доставляли удовольствие. Тогда Великий Маниту позвал его и спросил, почему он безрадостен на Своих прекрасных небесах; и индеец ответил, что он вздыхает по обществу духов своего собственного народа. Итак, Великий Маниту сказал ему, что он не может отправить его на индийский рай, поскольку он, находясь на земле, выбрал этот; но поскольку он был очень хорошим человеком, он отправит его обратно на землю.

Индеец не верит в превосходство белого человека. Разница между ними такая же, какую он видит между социальным, конструктивным бобром и одинокой, хитрой лисой. Великий Дух вложил в каждого из них его особые способности; почему один должен желать природы другого? Отсюда один из элементов безнадежного будущего Индии. Прогресс белого человека дает еще меньше стимулов для его честолюбия, чем хитрость лисы или архитектурные инстинкты бобра. Он, по крайней мере, не упускает из виду в своей "лесной философии" ту особенность физической истории человечества, на пренебрежение которой жаловался Агассис, а именно естественные отношения между различными типами людей и животными и растениями, населяющими одни и те же регионы. И все же индеец американских дебрей не более первобытен, чем его леса. Под корнями их старейших гигантов лежат памятники более древней местной цивилизации; и американский этнолог и натуралист, хотя и убедились в постоянстве общего типа и специфических этнических характеристик, преобладающих во всех широко разбросанных племенах американского континента,^[2] изучали только временных заменителей народов, незнакомых нам как вымершие представители более древних геологических периодов.

На том древнем Востоке, к которому наука все еще обращается в поисках колыбели человеческой семьи, существуют обширные территории, характеристики которых, по-видимому, оставляют неизгладимый отпечаток на наследниках почвы. Вдоль берегов Индийского океана и Леванта, простирающихся от Персидского залива до плодородных долин Евфрата и Тигра, до сих пор встречаются очаги цивилизации, существовавшей на заре истории

человечества. Но за ними лежит возвышенное плоскогорье Центральной Азии, простирающееся далеко на север и вливающее свои воды во внутренние моря или направляющее их нецивилизованные течения в замерзшие воды Северного полярного круга. Крутые горные цепи разделяют это возвышенное плато на регионы, которые на протяжении незаписанных веков были ульями скотоводческих племен, не затронутых никаким вторжением цивилизованных искусств или устоявшихся социальных привычек; пока, побуждаемые неизвестными причинами, они не хлынули на юг, минуя очаги примитивной азиатской цивилизации, или на запад, на более молодой континент Европы.

От кочующих орд великих азиатских степей произошли гунны, мадьяры и турки, а также значительная часть болгар современной Европы; в то время как бесплодный Аравийский полуостров породил моральные революции самого продолжительного влияния. И все же цивилизованность мадьяра или турка, перенесенных в новые физические условия и подвергшихся более высокому моральному и интеллектуальному влиянию, или поразительная интеллектуальная энергия араба из Багдада или Кордовы не позволяют оценить неподвижность татарина в его родной степи или араба в его дикой пустыне. Без сельского хозяйства или какой-либо идеи собственности на землю, лишенный самых зачатков архитектуры, не знающий ни писаного закона, ни какой-либо формы правления, кроме патриархальной экспансии в племя примитивных семейных уз: мы не можем заметить никаких изменений в диком кочевнике, хотя и прослеживаем его историю на протяжении трех тысяч лет. Мигрирующие ответвления орд Центральной Азии и скитальцев Аравийской пустыни ушли, чтобы доказать способность наименее прогрессивных рас к прогрессу; но большая часть все еще остается в дикой местности и степи, чтобы доказать, какой стойкой способностью обладает человек, чтобы жить как представитель дикой фауны пустыни.

Индейцы Нового Света, откуда бы они ни происходили, представляют нам точно такой же непрогрессивный тип жизни, как и кочевники Азиатской степи. Краснокожий Северо-Запада ничем не отличается от своих предшественников пятнадцатого века; и если судить по тому, что в нем проявляет способность к развитию, леса американского континента, возможно, давали приют охотничьим и воинственным племенам индейцев, точно так же, как они давали приют и пасли дикие стада буйволов на протяжении бесчисленных веков с тех пор, как континент поднялся со дна океана. То, что он не является недавним злоумышленником, неоспоримо доказывается как физическими, так и интеллектуальными доказательствами. Согласно любой теории происхождения человека, смешанные градации широко разнообразных коренных рас Америки требуют более длительного периода для их развития; и в равной степени, согласно любой теории происхождения языков, необходимо продлить время, чтобы допустить умножение взаимно непонятных диалектов и наречий в Новом Свете. Подсчитано, что в Европе насчитывается около шестисот языков и диалектов, сформировавшихся в самостоятельные языки. Известное происхождение и рост некоторых из них могут служить эталоном для определения времени, указанного таким размножением язычков. Но, по оценкам, языков на американских континентах насчитывается более тысячи двухсот шестидесяти, включая агглютинатные языки с особенно сложной структурой и флективные формы сложного развития. О грамматике индейцев ленни-ленапе Дюпонсо замечает: "Она демонстрирует язык, полностью созданный детьми природы, которым не помогают наши искусства и науки, и, что самое замечательное, они не знакомы с искусством письма. Его формы богаты, регулярны и методичны, точно следуя аналогии с идеями, которые они призваны выражать; сложны, но не запутанны; иногда эллиптичны в своем способе выражения, но не в большей степени, чем

языки Европы, и гораздо в меньшей степени, чем языки большой группы наций на восточном побережье Азии. Окончания их глаголов, выражающие число, лицо, время и другие модификации действия и страсти, хотя и богаче по своему расширению, чем окончания латинского и греческого, которые мы подчеркнуто называем учеными языками, по-видимому, были сформированы по аналогичной, но расширенной модели, без иной помощи, кроме той, которая была предоставлена природой, воздействующей на интеллектуальные способности человека".^[3] В то же время не менее важно отметить ограниченный словарный запас во многих американских языках. Эти характеристики, взятые вместе с их особой голофрастической способностью перегибать сложные словосочетания и выражать с их помощью тонкие оттенки значения, демонстрируют феномены человеческой речи в некоторых из их наиболее замечательных фаз. Но диапазон словарного запаса дает истинное представление об интеллектуальном развитии индейца: он не способен к абстрактному идеализму, понимает мало общих отношений и умножает слова сравнениями и описательными соединениями.

Какой бы причине мы ни приписывали подобные явления, многое можно получить, имея возможность изучать их отдельно от сложных производных элементов, которые затрудняют изучение европейской филологии. Исходя из нашего настоящего аргумента, мы предполагаем единство человеческой расы не в двусмысленном смысле общей типичной структуры, а буквально как потомков одной породы: в первобытном рассеянии младенческих народов монголы и американцы двинулись на восток, в то время как индоевропейцы начали свои еще незавершенные странствия на дальний запад. Монголы и индоевропейцы неоднократно встречались и смешивались. В настоящее время они неравномерно делят Индийский полуостров и Европейский континент. Но американец и индоевропейец встретились только через интервал, измеряемый тысячами лет, придя с противоположных направлений и обогнув земной шар.

Таким образом, оказывается, что Краснокожий принадлежит к числу древних людей земли. Сколько ему может быть лет, определить невозможно; но для одной американской школы этнологов никакая историческая древность не является для него достаточной. Самые ранние находки Нового Света по геологическим следам человека были немногим менее поразительными, когда их впервые обнаружили, чем все, что впоследствии было обнаружено в результате европейского дрейфа. Остров Гваделупа, один из малых Антильских островов, открытый Колумбом в 1493 году, предоставил первые образцы ископаемого человека и произведения искусства, вмурованные в твердую скалу. Удивленному натуралисту казалось, что они опровергают все предвзятые представления о происхождении человеческой расы. Но более тщательное исследование показало, что порода представляет собой конкреционный известняк, образовавшийся из обломков кораллов и раковин. Скелеты, вероятно, ни в коем случае не древние, даже по меркам американской истории; хотя они представляют собой любопытное звено в палеонтологических сокровищах Британского музея и ботанического сада. Доктор Лунд, датский натуралист, описал человеческие кости, несущие, как он полагал, признаки геологической древности, найденные вместе с костями многих вымерших млекопитающих в известковых пещерах Бразилии. Ископаемые останки человека также были обнаружены в известковом конгломерате коралловых рифов Флориды, возраст которого, по оценкам профессора Агассиса, составляет не менее 10 000 лет;^[4] и Академия естественных наук Филадельфии хранят безымянный человеческий скелет, фрагмент спорной древности, выкопанный недалеко от Натчеца, на Миссисипи, под костями динозавров. мегалоникс.^[5]

Из этих и других открытий подобного рода, по крайней мере, становится очевидным, что в Новом Свете, как и в Старом, для изучения начальных глав археологии и этнологии следует обратиться к завершающей эпохе геологии. Согласно геологическим расчетам, большая часть американского континента совсем недавно поднялась из океана. Среди органических остатков канадских послетретичных отложений обнаружены фока, балана и другие существующие морские млекопитающие и рыбы, а также *Elephas primigenius*, *Mastodon Ohioticus* и другие давно вымершие виды. Рассматривая человеческие скелеты из известняка Гваделупы в музеях Лондона и Парижа — первые образцы костей человека в ископаемом состоянии, — непосвященный глаз не видит существенного различия в форме между ним и другими животными. Какими бы современными ни были эти вмурованные в скалу скелеты, они соответствуют более древним следам человеческих останков, смешанных с останками вымерших млекопитающих, которым более поздние рассуждения придали такой новый интерес в связи с вопросом о древности человека. Происхождение и продолжительность существования американского типа все еще остаются неизвестными. Человек заселил Новый Свет в течение столетий, которые здесь, как и везде, тянутся назад, по мере того как мы стремимся их исследовать. Его ранняя история утеряна, ибо не прошло еще и четырех столетий с момента ее открытия; и он все еще живет там, как жил тогда, существуя отдельно от всего того, что особенно отличает культурного или некультурного человека Европы. Его континент тоже стал ареной, на которой проверяются великие проблемы в социальных науках, политике и этнологии. Там цивилизованный человек и дикарь встретились лицом к лицу, чтобы заново определить, насколько Бог “наделяет все жизнью, и дыханием, и всякой тварью; и от одной крови произвел все народы человеческие для обитания по всему лицу земли; и определил заранее назначенные времена и границы их обитания”. Там тоже чернокожий и краснокожий, чьи судьбы, казалось, разделяли их так же широко, как полушария мира, были сведены вместе, чтобы проверить, является ли африканец более выносливым, чем коренной американец, на своей собственной земле; чтобы также попытаться решить для нас, как нельзя было бы иначе, вопросы слияния и гибридизации, развития и сохранения разновидностей, доминирующей, дикой и раблепной расы. Во всех отношениях: в своем восстанавливаемом прошлом, в своем понятном настоящем, в своем мыслимом будущем, Новый Мир приглашает нас к изучению, обещая раскрытия, полные интереса к их связи с тайнами старого мира.

- [1] Смотрите Доисторические анналы Шотландии.
- [2] Мортон: *Crania Americana*; Нотт: коренные расы и т.д.
- [3] Американские философские труды, N. S., том iii. стр. 248.
- [4] Типы человечества. Стр. 352.

[5] Продолжить. Акад. нац. наук Филад. Окт. 1846. С. 107.

ГЛАВА II. ПЕРВОБЫТНЫЙ ПЕРЕХОД.

ПОСЛЕДНИЕ МИГРАЦИИ—ОСНОВАНИЕ СТОЛИЦЫ—НАЧАЛО ИСТОРИИ—ДОИСТОРИЧЕСКИЕ
ФАЗЫ—НЕМЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЕ ЭПОХИ—КОЛЕБАНИЯ СУШИ—ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД—
ИСКОПАЕМЫЕ МЛЕКОПИТАЮЩИЕ—КРЕМЕНЬ—НАРОД ДРЕЙФА—ПРИШЕСТВИЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО ЧЕЛОВЕКА—ОРУДИЯ ДРЕЙФА—ХРОНОЛОГИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ДРЕЙФА—
АЛЛЮВИЙ ШОТЛАНДИИ—ДОКЕЛЬТСКИЕ РАСЫ—ИХ ИСКУССТВО ПОДРАЖАНИЯ—
ПЕРВОБЫТНЫЙ ЧЕЛОВЕК—ЕГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ—ИНСТИНКТ—
НАКОПЛЕННЫЕ ЗНАНИЯ—ПЕРВОБЫТНАЯ БРИТАНИЯ—ЕЕ ИСКОПАЕМАЯ ФАУНА—
ОССИФИЦИРОВАННЫЕ ПЕЩЕРЫ—ПЕЩЕРА БРИКСХЭМ—ШОТЛАНДСКИЙ СЕВЕРНЫЙ ОЛЕНЬ—
АМЕРИКАНСКИЙ ДРЕЙФ—РЕЛИКВИИ ДРЕВНЕЙ ЖИЗНИ—ВЫМЕРШАЯ ФАУНА—ЧЕЛОВЕК И
МАСТОДОНТ—ИНДЕЙСКИЕ ТРАДИЦИИ—ГИГАНТЫ—ОТКРЫТИЯ О ДРЕЙФЕ—АМЕРИКАНСКИЙ
ТИП ЧЕРЕПА—ДРЕВНОСТЬ АМЕРИКАНСКОГО ЧЕЛОВЕКА—ПРИМИТИВНЫЕ ИСКУССТВА.

Поразительные контрасты, которые почти во всех отношениях представляет Новый Свет по сравнению со Старым, полны значения в отношении происхождения цивилизации и ее влияния на прогресс человека. Рассматриваемая просто как последняя сцена масштабной миграции европейских рас, Америка может многое раскрыть в качестве иллюстрации первобытной истории. Там мы видим землю, очищенную от девственного леса, почву, подготовленную для первой обработки, выбранное место будущего города и рождение исторических столиц мира, воплощенных в столицах самых молодых американских государств. Остановившись на одном из новейших гражданских объектов, давайте проследим краткую историю политической и коммерческой столицы Верхней Канады.

Построенный на краю залива, окруженный полуостровной косой, отходящей от северного берега озера Онтарио, город Торонто покоится на наносном пласте песка и глины, однородность которого нарушается только почти ровными промоинами и оврагами, отмечающими русла ручьев, осушающих его поверхность. Это первоначальные проекторы города наметили в виде параллелограммов, с улицами, равномерно пересекающими друг друга под прямым углом; и при выполнении их плана каждый овраг и неровность сглажены и выровнены, как с безошибочной точностью косилки. Местность поднимается к северу примерно на двадцать миль, постепенно спускаясь к водоему между Онтарио и озером Симко, а затем спускается к северному озеру и старым охотничьим угодьям гуронов. Это почти неизменное пространство частично расчищенного леса: пустое место, где стерты индейские традиции, нетронуты колониальные традиции. У городов старого света есть свои мифические основатели и причудливые легенды, которые до сих пор увековечены в геральдических гербах. Но в происхождении Торонто нет никакой тайны. Верхняя Канада была выделена в отдельную провинцию в 1791 году, всего через восемь лет после того, как Франция окончательно отказалась от всех притязаний на провинцию Квебек; а через несколько месяцев после этого генерал Симко, первый губернатор новой провинции, прибыл в старый французский форт в

устье реки Ниагара и в мае 1793 года выбрал залив Торонто в качестве места будущей столицы. Выбранное место представляло собой унылый вид болота и неубранного соснового леса; но среди них его проницательный глаз с нетерпением увидел возвышающийся город, в котором уже насчитывалось свыше 60 000 жителей; и, отказавшись от старого индейского названия, с тех пор восстановленного, он дал своей зародышевой столице название Йорк. Полковник Бушетт, генеральный инспектор Нижней Канады, был выбран для планировки проектируемого города и гавани; и он так описывает местность в том виде, в каком она существовала в то время: “Я до сих пор отчетливо помню тот дикий вид, который предстал передо мной, когда я впервые вошел в этот прекрасный бассейн. Густые и непроходимые леса тянулись вдоль берега озера, и их перевернутые изображения отражались в его стеклянной поверхности. Бродячий дикарь соорудил свое эфемерное жилище под их пышной листвой, группа, состоявшая тогда из двух семейств миссиссагов; а залив и соседние болота были доселе незаселенными местами обитания огромных стай диких птиц; более того, их было так много, что они в какой-то мере досаждали нам по ночам ”.^[6]

Перипетии, сопровождавшие развитие канадского города, были подробно описаны местными историками, которые фиксируют, сколько жилищ из круглых бревен, оцилиндрованного бревна или более амбициозных каркасных домов, превышающих один этаж, существовало в разное время. Первое судно, принадлежавшее городу и приведшее в порядок его гавань; первый кирпичный дом, самый ранний каменный; и даже первая гичка честолюбивого горожанина, появившаяся после 1812 года, - все это должным образом зафиксировано в хрониках. Если бы мы могли с такой же правдивостью узнать о первых годах города, построенного Ромулом на Палатинском холме, его анналы поведали бы не менее простую правду, на которую даже сейчас смутно намекает легенда о презрительном Реме, перепрыгнувшем через его крепостные стены. Когда-то на месте Тайберс-хилла стояла только одинокая хижина пастуха; и один пожилой горожанин описал мне свои юношеские воспоминания о Торонто как состоящем из нескольких бревенчатых хижин на поляне и индейской деревни с берестяными вигвамами недалеко от Дона, с простой тропинкой через лес к старому французскому форту, на той линии, где сейчас более двух миль дорогих магазинов, гостиниц и общественных зданий обозначают главную улицу оживленного города.

М. Теодор Пави описывает Торонто в своих "Атлантических сувенирах", опубликованных в Париже в 1833 году, как все еще находящийся в лесу, просто передовой пункт цивилизации на окраине бескрайней пустыни. “Дома сразу сменяются лесами, и какими глубокими должны быть эти необъятные леса, если учесть, что они продолжают непрерывно, пока не теряются в ледяных районах Гудзонова залива недалеко от Северного полюса”. С тех пор прошло более сорока лет, а для городов Нового Света это целая эпоха. С каждым годом наблюдается все более стремительный прогресс, как в развитии Торонто, так и в расчистке и заселении окружающей местности. Железные дороги открыли новые пути развития торговли и коммерции и перенесли отряды отважных первопроходцев в дикую местность позади. Вырубка лесов происходила так быстро, и так сильно подорожала рабочая сила, что топливо, доставляемое с отдаленных угольных месторождений Пенсильвании, уже дешевле древесного угля, добываемого в канадских лесах; и даже ньюкаслский уголь согревает многие роскошные зимние очаги. Все изобилует прогрессом. Новое прошлое презирается; на старое прошлое не обращают внимания; а к древности нет ни почтения, ни веры. Это начало истории; и они полны значения для тех, кто решал некоторые любопытные проблемы древнего прошлого на фоне исторических сцен, во всехотношениях контрастирующих с этой неисторической, но

энергичной молодостью Нового Света. Контраст между новым и старым здесь достаточно разителен. И все же старое тоже когда-то было новым; имело даже такое начало, как это; и было так же лишено истории, как самая сырая поляна Дальнего Запада.

Существуют и другие аспекты, в которых Новый Мир, вступающий таким образом в свою историческую жизнь, призван пролить свет на происхождение цивилизации. Хотя ни его леса, ни его аборигены не являются первобытными, они представляют для нас именно такое первобытное состояние, в котором, по-видимому, начинается история человечества. Во всех наиболее характерных чертах индейцев, так же как и в следах индейской металлургии, архитектуры, письменности и науки, мы находим воспроизведение тех же этапов, через которые проходил человек в древнейшие доисторические времена; и когда в пятнадцатом и шестнадцатом веках мы становимся свидетелями того, как минеральные богатства Анд соблазняли европейскую колонизацию за Атлантикой, мы видим только экспедиции новых аргонавтов; и вспоминаем случаи первого путешествия к Касситеридам; или основание молодых колоний Гадир, Массала и Карфаген фокейскими и пуническими авантюристами с древнейших времен. исторический рассвет. Но рассуждения современной науки уводят нас далеко за пределы любого периода определенной истории, даже когда исследования направлены на изучение примитивных искусств человека и происхождения его цивилизации.

Изучение лежащих в основе хроник древнейшей истории человечества Европы не вызывает сомнений в том, что ее историческому периоду предшествовал длительный неисторический период, отмеченный медленным переходом от самых примитивных искусств к другим, которые включали в себя зародыши всего последующего развития. Из Европы и исторических земель Азии и Африки мы черпаем свои представления о человеке; и о самом молодом из этих континентов, на котором он таким образом продвинулся от дикой безыскусственности к высшим искусствам цивилизации, у нас есть история, письменная или традиционная, насчитывающая по меньшей мере две тысячи лет. Но в 1492 году был открыт Новый Мир, населенный миллионами людей, по большей части ни в какой степени не продвинувшихся дальше той первобытной отправной точки, которая лежит далеко за древнейшими традициями Европы. Обнаружить там существ, странных, как обитатели Страны Гуингнмов Свифта, или чудовищ, вызванных в философских грезах сэра Хамфри Дэви о заселении других планет,^[7] людям того пятнадцатого века показалось бы менее удивительным, чем то, что они действительно обнаружили: человек в состоянии дикого младенчества, полностью лишенный искусств. рудиментарный; язык без букв, традиция без истории, все как бы только начиналось, и все же он сам оглядывается назад, в прошлое, еще более обширное и туманное, чем их собственное. Значение такого положения вещей заслуживает исследования, хотя бы для того, чтобы пролить свет, который аналогии с таким живым настоящим могут пролить на младенчество Европы и, кроме того, на первобытное младенчество человеческой расы.

Недавние открытия примитивного искусства в дилuviальных формациях Франции и Англии, как правило, придают новый интерес к исследованию того “первобытнокаменного периода”, который лежит в основе древнейших памятников европейской цивилизации. Древнейшая из всех письменных хроник называет период некоторой продолжительности в истории человеческой расы, в течение которого человек возделывал землю, занимался охотой и шил одежду из добытого, не имея никаких знаний об обработке металлов, от которой зависит простейшее из всех известных искусств. Мне уже казалось вероятным, что через такую примитивную стадию прошли все цивилизованные нации,^[8] до того, как сведения о еще более

древнем кремневом периоде в хрониках дрейфа придали новое значение термину "первобытный" в его применении к неметаллургической эпохе европейского искусства.

Недоверие и даже презрение, с которым применение системы археологических периодов к древностям Британии было воспринято в последние годы определенным классом критиков, было неизбежным из-за исключительного внимания, ранее уделявшегося римским и средневековым останкам. Но внимание антикваров, так же как и геологов, сейчас направлено на выводы, к которым обоих заставили прийти следы человека в слоистом гравии постплейстоценовых формаций. Обстоятельства, сопутствовавшие их повторному открытию, не ставят под сомнение их отдаленную древность. Трудность действительно состоит в том, чтобы привести явления, иллюстрируемые палеолитическими реликвиями четвертичного периода, в какую-либо мыслимую гармонию с границами хронологии, применявшейся до сих пор к человеку. Докельтские архитекторы британского длинного кургана и аллофилы европейского каменного века - всего лишь люди вчерашнего дня по сравнению с людьми из Кремня времен Дрейфа. Они принадлежат погибшей Атлантиде — другому континенту, ныне, по крайней мере частично, погребенному под океаном; и по сравнению с которым Старый Исторический Мир так же нов, как тот, который открыл для него Колумб.

Открытия геологии приучили нас к убеждению, что "устойчивая земля", "вечные холмы" и "вечные горы" - всего лишь фигуры речи. Но в сопротивляющиеся умы навязывается идея, что человек сам был свидетелем исчезновения альпийских цепей и затопления континентов. Тихоокеанские архипелаги - это всего лишь горные гребни южного континента, которые в более ранние века, возможно, облегчали странствия народов. Поразительные открытия во время французского и английского дрейфа являются результатом колебаний северного полушария, которые во времена, более близкие к историческим столетиям, понизили дно Балтийского моря в эпоху датского кеккенмеддинга и превратили в сушу верхние устья рек Форт и Клайд. Действительно, сомнительно, чтобы обмеление датского и Шотландского морей в результате подъема их океанического дна было целиком делом доисторических времен. Подъем, все еще продолжающийся в некоторых частях шведского побережья, - явление, давно знакомое геологам; и подъем шотландского региона, охватывающего долины рек Форт и Клайд, как теперь представляется вероятным, затянулся в исторические времена и даже повлиял на относительный уровень моря и суши со времен строительства римской стены.

Изменения, наблюдаемые таким образом в сравнительно небольших масштабах на знакомых территориях, помогают нам в некоторой степени оценить огромные физические революции, произошедшие по всему северному полушарию в течение того недавнего геологического периода, который последовал за формированием плейстоценовых слоев. Одним из наиболее замечательных явлений, которые в настоящее время признаны влияющими на условия жизни в недавние геологические эпохи, является длительное существование во всем северном полушарии температуры, напоминающей нынешнюю температуру в арктических регионах. После периода, более близкого по климатическому характеру к тропикам, хотя в остальном условия изменялись, температура всего северного полушария постепенно снижалась к концу третичной эпохи, пока высокогорья Шотландии и Уэльса, находившиеся тогда на гораздо большей высоте, не стали напоминать нынешнюю Гренландию, а арктическая температура распространилась на юг до Пиренеев и Альп. Ледники, образовавшиеся под влиянием вечных морозов, и снег сошел в долины и равнины на большей части Центральной Европы и Северной Азии, и повсюду царил арктический зима.

Такое положение вещей, относящееся к так называемому ледниковому периоду, несомненно, было длительным. Но после некоторых частичных колебаний температуры и последующего наступления и отступления ледниковых влияний вдоль того, что тогда было границей северной умеренной зоны, первый период экстремальных холодов подошел к концу. Между Альпами и горными хребтами Шотландии и Уэльса зима напоминала ту, которая даже сейчас царит на североамериканском континенте, в широтах, в которых лоси, вапити и медведи гризли свободно пасутся в тех же районах, куда в течение короткого лета с сильной жарой ежегодно мигрируют с юга огромные стада бизонов. Подобная смена времен года в течение европейского ледникового периода может сама по себе объяснить присутствие, наряду с арктической фауной, таких животных, как гиппопотам и гиена, известных на протяжении всего исторического периода только как уроженцы тропиков. Температурный диапазон канадских сезонов допускает появление арктической поморской чайки, снежного гуся, лапландской овсянки и им подобных арктических гостей, встречающих королевскую птицу, колибри и других странников из Мексиканского залива.

Такие климатические условия могут быть причиной обнаружения останков северного оленя и гиппопотама в тех же дрейфовых и пещерных отложениях ледникового периода Европы. Можно предположить, что шерстистый мамонт и носорог, овцебык, северный олень и другая арктическая фауна ежегодно отступали от летней жары и уступали место тем животным, живые представители которых сейчас встречаются только в тропической Африке. Последовал период депрессии, в течение которого на обширной территории все, кроме самых высоких уровней, были затоплены Северным Ледовитым океаном, а дрейф и валуны высокогорий Норвегии и Шотландии были рассеяны с помощью айсбергов по низким уровням того, что тогда было архипелагом, в котором из моря поднимались только самые высокие вершины Британии. Далеко к югу от Темзы и Сены дрейф Северного Ледовитого океана тогда накапливал свидетельства, которые теперь раскрывают нам фауну и искусство четвертичной Европы; точно так же, как лежащие выше американские валуны, дрейфующие далеко на юг в долинах Огайо, показывают их происхождение от Лаврентийских гор Канады. С поднятием старого дна океана, по-видимому, произошло восстановление арктической температуры, о чем свидетельствуют следы местных ледников в горах Шотландии, Камберленда и Уэльса; и таким образом, ледниковый период подошел к концу. Постепенное повышение температуры уносило линии льда и вечных снегов все дальше и дальше на север, за исключением районов с большой высотой, таких как Швейцарские Альпы. Это обязательно сопровождалось таянием ледников, скопившихся в горных долинах в течение длительного периода холодов. Разрушенные скалы и почва высокогорья были сметены в долины потоками растаявшего льда и снега; нижние долины были выдолблены и преобразованы под действием этого нового фактора; и ландшафт принял свои последние очертания долины, устья рек и русел рек.

Это то, что старейшие геологи, включая дина Бакленда, какое-то время принимали за свидетельство Моисеева потопа. В настоящее время повсеместно признано, что это не результат внезапного катаклизма, а результат операций, непрерывно выполнявшихся на протяжении периодов огромной продолжительности, в течение которых памятники животной и растительной жизни плейстоценовой и плейстоценовой эпох медленно внедрялись в накопленные обломки этой допотопной реконструкции. Характеристики ископаемых млекопитающих послеледникового периода во многих отношениях настолько сильно отличаются от всего, что мы привыкли связывать с присутствием человека, что они помогают натолкнуть даже на преувеличенное представление о древности. Тем не менее, разрыва

непрерывности нет. У животных, все еще живущих, есть свои ископаемые представители наряду с плейстоценовым мастодонтом, пещерным львом и медведем: если, конечно, последний сам по себе не *ursus ferox*, или медведь гризли из Северной Америки, когти которого до сих пор носят как самый гордый трофей охотников-краснокожих индейцев.

Из двадцати одного вида послеледниковых млекопитающих, обнаруженных в отложениях пещеры Бриксхэм, только четыре считаются вымершими видами, и к ним относятся *ursus spelæus* и *hyæna spelæa*. Но их среда обитания сильно изменилась в результате произошедших климатических и географических революций. Одних следует искать за полярным кругом, других - в низких широтах и на континентах, лежащих совершенно за пределами того мира, который был известен только Аристотелю и Плинию. Все указывает на революцию, медленно совершавшуюся на протяжении бесчисленных веков, в течение которых древняя фауна вытеснялась новыми видами, включая те, которые относятся к историческому периоду умеренной Европы. Насколько явствует из современных свидетельств, сам человек должен быть включен в число новых представителей европейской фауны. К этому послеледниковому периоду, во всяком случае, следует отнести появление кремневого народа Дрейфа: расы охотников и рыболовов, не сильно отличавшихся своим грубым искусством от более непосредственных предшественников исторических рас каменного века Европы; но которые были современниками сибирского мамонта и других вымерших слонов, шерстистого носорога, овцебыка и северного оленя Франции; и многочисленных вымерших хищников, пропорции которых соответствовали гигантским травоядным животным, на которых они охотились.

Регионы, в которых до сих пор в основном встречались останки кремневого народа, охватывают долины Северной Франции и Южной Англии, где сейчас виноградная лоза и хмель покрывают своим величием солнечные склоны. Но по мере накопления новых свидетельств обнаруживаются соответствующие признаки, распространяющиеся на берега и острова Средиземного моря. Следы европейских ремесленников эпохи неолита были обнаружены в пещерах Гибралтара; и среди исключительно интересного скопления кремневых отщепов, полированных каменных топоров, грубой керамики и т.д., лежащих рядом со скелетами их владельцев, в тех же пещерах Андалусии, из одной из которых была извлечена золотая тиара примитивной работы.^[9] Среди более отдаленных следов в Макканьоне, сицилийская пещера, доктор Фальконер не смог обнаружить ничего, что указывало бы на другой период для грубых кремневых орудий и многочисленных костей гиппопотама, мамонта, пещерного льва и других ископаемых млекопитающих, с которыми они были связаны; в то время как далеко на востоке, недалеко от Бейрута, преподобный Х. Б. Тристрам сообщает о находке, в сталагмитовом полу известняковой пещеры - кости и зубы ископаемого быка, благородного оленя и других северных оленей, а также кремневые ножи или отщепы, которыми пользовались доисторические пещерные люди Ливана, когда лакомились такой добычей.^[10] Но, хотя такие следы встречаются на древних исторических объектах, мы тщетно ищем какое-либо связующее звено между древнейшими историческими расами и расами, принадлежащими к эпохе, которую один выдающийся геолог обозначил как "Второй слоновий период";^[11] когда, согласно его реконструкции физической географии региона, Темза была притоком Рейна; Ла-Манша еще не существовало, и Британия существовала только как часть континента, который непрерывно простирался на север к полярному кругу.

Таким образом, представляется, что появление человека в Северной Европе можно отнести к периоду, когда мамонт и тихий носорог еще бродили по ее лесам, а огромный пещерный тигр и

другие вымершие хищники населяли ее пещеры; когда гигантский ирландский лось, северный олень, овцебык и дикая лошадь были объектами охоты; а большой гиппопотам был летним гостем Сены и Темзы. Впервые употребляя термин "доисторический", который с тех пор получил такое всеобщее признание, я заметил, имея в виду следы шотландских аборигенов: "В этом исследовании примитивных искусств есть один определенный момент, которым британский антиквар обладает лучше всех остальных и с которого он может начать, не опасаясь ошибки. Учитывая наше островное положение, несомненно, что первый колонист Британских островов должен был уметь построить какое-то судно и обладать достаточными знаниями в области навигации, чтобы держать курс в открытом море".^[12] Тогда это казалось постулатом, на котором самый осторожный искатель приключений в великой тьме, которая лежит позади нас, мог бы уверенно занять свою позицию. Но, в конце концов, точка зрения не была однозначной. Фауна позднего слоновьего периода все еще бродила по обширному континенту, не омываемому Ла-Маншем или Ирландским морем; и долина Рейна, простирающаяся на север через еще не затопленную равнину Германского океана, принимала в себя в качестве притоков Темзу и Хамбер, возможно, также Твид и Форт. Следовательно, измеряемый по самой умеренной оценке геологической хронологии, исторический период по отношению к интервалу, прошедшему с момента первого появления человека, находится в некотором соотношении с поверхностным слоем почвы и растительной плесени по сравнению со всеми отложениями слоистого слоя: другими словами, он настолько незначителен, что с геологической точки зрения едва ли стоит принимать его во внимание.

Каковы бы ни были следствия, связанные с такими всеобъемлющими предположениями, с каждым новым поиском, по-видимому, накапливаются доказательства широкого распространения по всему слою костей послеледникового периода симметрично сформированных кремней, несущих несомненные следы интеллекта и примитивных механических навыков.

Это старый аргумент Пейли, воспроизведенный в форме, о которой его философия и не мечтала. "Если, " мог бы сказать он, - раскапывая насыпь из гальки, мы найдем кремнь, мы не станем спрашивать, откуда он взялся; но если наша лопата ударит по часам?" - В век кремня механическая изобретательность народа расходовала себя на другие цели, помимо изготовления хронометров; но если признать искусственное происхождение орудий труда, найденных в штреке, и их последующие признаки присутствия человека, то наша самая большая трудность заключается в отдаленности периода, на который они, по-видимому, указывают. Обработанные кремни и другие предполагаемые промышленные останки человека в настоящее время были извлечены из пещер в различных странах Европы, например, в пещерах Энгис и Шокье, близ Льежа; в Мон-Салева, Женева; на юге Франции, в Бельгии и в Англии: во всех случаях они настолько перемешаны с останками мамонта, носорога, гиены и других вымерших млекопитающих, что позволяют утверждать об их одновременном отложении. Недавние тщательно проведенные исследования в пещерах Девоншира привели к, казалось бы, неоспоримым доказательствам того, что английские кремневые орудия амьенского типа являются ровесниками вымершей фауны; и что, следовательно, присутствие их изготовителей должно быть отнесено к периодам, предшествовавшим последовательным наводнениям и отложениям, в результате которых пещера Бриксхэм постепенно заполнилась слоями размытого водой гравия, ила или пещерной земли, костяной брекчии и твердым настилом из карбонатной извести.

Грубость многих обработанных кремней наводит на мысль об их случайном происхождении; но самые тщательные поиски в кучах меловых кремней, отломанных для дорог во Франции или Англии, или раздробленных на месте подземными движениями, как на острове Уайт, не позволили обнаружить ни одного экземпляра, похожего даже на самые грубые орудия труда; тогда как в древних кремневых карьерах Шауни и, вероятно, строителей курганов в Огайо, - к которым я еще вернусь, - я собрал расколотые кремни из точно такие же типы, как те, что знакомы нам среди самых грубых дрифтерных приспособлений. По большей части они отличаются по размеру, а также по типу от тех, что были найдены в ранних британских или датских курганах; но искусственное происхождение и изобретательный дизайн столь же очевидны в одном, как и в другом.

То, что подделка проходческих орудий в последнее время стала практиковаться, особенно французскими рабочими, бесспорно, но это не должно влиять на суть вопроса. Факты, связанные с ихоткрытием, были зафиксированы почти полтора столетия назад, прежде чем была осознана их значимость; и образцы остались без внимания в Британском музее и в коллекции Лондонского общества антикваров, причем их рукоделие не вызывало сомнений, поскольку их происхождение приписывалось кельтскому искусству.^[13] На самом деле исследователи дрейфа были озадачены самим обилием обнаруженных следов искусства. Доктор Риголло утверждает, что только в карьерах Сент-Ашеля в период с августа по декабрь 1854 года было добыто свыше четырехсот образцов. Наименьшая оценка количества, найденного в долине Соммы, составляет 3000; но это без учета более сомнительных кремневых ножей, стилизованных под отщепы, которые, по оценкам сэра Чарльза Лайелла, насчитывают еще много тысяч.^[14] В Англии кремневые орудия того же своеобразного типа уже принесли плоды исследованиям во многих местностях; так что г-н Эванс справедливо замечает: “В количество найденных почти невозможно поверить”.^[15] Некоторые причины, объясняющие их скопление в таких местах, обсуждаются в следующей главе в свете аналогичных открытий в Новом Свете. Но хотя больше невозможно подвергать сомнению их искусственное происхождение и вытекающие отсюда свидетельства присутствия человека в тех местах, где они изобилуют, местами обитания этих первобытных охотников и рыболовов были долины рек древнего мира; и любая попытка оценить время, необходимое для изменения климата, вымирания фауны, преемственности рас, подразумеваемой в фазах палеолита и неолитических искусств, а также постепенного внедрения и развития металлургии, включает в себя так много неизвестных величин, что в настоящее время должно быть достаточно признать бесспорным тот факт, что весь исторический период Северной Европы проходил в течение длительного времени. незначителен по сравнению со временем, необходимым для учета всех рассматриваемых явлений. Относительная хронология французского дрейфа такова: 1-я, поверхностно, гробницы и другие остатки римского периода, едва заметно затронутые в своих геологических отношениях почти всем интервалом христианской эры; 2-я, в наносном слое, по-видимому, образованном естественным накоплением, на средней глубине 15 футов, остатки европейского каменного периода, соответствующие недавно обнаруженным пфальбаутенам, или озерным деревням швейцарских озер; и, 3-я, гравий с орудиями труда, поделки кремневых мастеров, сделанные, по-видимому, в результате естественного накопления. когда реки только начинали работу по прокладке долин, которые придают их нынешние очертания ландшафтам Франции и Англии.

При таких указаниях на отдаленность эпохи кочевников едва ли заслуживает особого внимания тот факт, что их орудия труда соответствуют некоторым из тех, что найдены в пещерных

отложениях, таких как Кентс-Хоул, Девоншир; но их легко отличить от более мелких орудий труда и оружия из того же материала, изготовленных примитивными строителями курганов Европы или современными дикими племенами, все еще несведущими в металлургии. С какой бы точки зрения мы ни пытались рассматривать факты, представленные таким образом нашему рассмотрению, становится одинаково очевидным, что мы имеем дело со следами периода, несовместимого ни с одной общепринятой системой исторической хронологии; но в пределах которого, тем не менее, мы вынуждены распознавать многие признаки присутствия человека.

По свидетельству сходного характера, промежуточные, но все еще отдаленные периоды доисторических веков населены сменяющими друг друга человеческими расами.

Доказательства колебаний, переворотов и нарушения течения древних рек свидетельствовали об огромном промежутке времени, охватившем британскую каменную эпоху, прежде чем появились известия об открытиях Аббевиля и Амьена.^[16] В 1819 году в намыве карс-ленд, где река Форт огибает древние исторические места, был обнаружен скелет гигантского кита с перфорированным копьем или гарпуном из оленьего рога рядом с ним. Они лежали вместе у подножия Данмята, одного из холмов Очил, на высоте двадцати футов над самым высоким приливом в соседнем устье. Поверх этого скопления пяти футов аллювиальной почвы было покрыто тонким слоем мха. Местность была обследована учеными-наблюдателями, особенно компетентными в данной области; и в то же время было обнаружено достаточно следов старой римской дамбы, ведущей к одному из бродов Форты, чтобы доказать, что в эпоху подлинной истории не произошло никаких важных изменений в русле реки или общих чертах рельефа.^[17] Этот пример также не был единственным. Останки гигантских Бален находили неоднократно; и один скелет, обнаруженный в 1824 году в семи милях дальше вглубь материка, был передан на хранение в музей Эдинбургского университета вместе с найденным рядом с ним примитивным гарпуном из оленьего рога, на котором в данном случае сохранилась часть деревянного древка, которым им пользовались. Среди старинных трофеев, найденных на разных глубинах в том же карьерном массиве, коллекция шотландских антикваров включает примитивный кверн, или ручную мельницу, сделанную из куска дуба, - такие до сих пор используются индейцами Америки для измельчения зерна, - и деревянное колесо хитроумной конструкции, найденное рядом с несколькими кремневыми наконечниками для стрел.

При наличии таких хорошо проверенных и совершенно бесспорных доказательств, которые уже есть в нашем распоряжении, дополнения, внесенные в наши основания для веры в древность доисторического рассвета Британии или Европы, существенно не влияют на сделанные таким образом выводы, хотя и увеличивают кажущуюся продолжительность человеческой эры. Какие бы трудности ни возникали в связи с открытиями в Аббевиле и Амьене или более древними находками на Грейс Инн Лейн, Хоксне и в других местах в отношении возраста человека, хронология, достаточная для того, чтобы охватить древнее каледонское китобойное судно в пределах периода истории человечества, в равной степени приспособится к более поздним открытиям. И, лежащих, как и шотландские реликвии, почти под брусчаткой римской дамбы, их достаточно, чтобы показать, что находки, относящиеся к британскому кельту времен Юлия Цезаря или к романизированному британцу времен Клавдия или Нерона, которые до сих пор казались антикварам озарением первозданной зари, имеют несколько меньшее отношение к периоду, к которому относятся гарпуны Данмята и Блэр-Драммонда Мосса, чем американские аборигены пятнадцатого века к первобытным поколениям Нового Света. Сам вопрос, вновь поднятый такими открытиями, как дрейф британцев, оссифицированные пещеры, могильные холмы и случайные отложения, заключается в том, не был ли древний кельт, на территорию

которого вторглись римляне и саксы, сам совсем недавним вторжением к более древним аллофильским обитателям?^[18] Если это было не так, нам остается представить себе древность и историю его расы, по сравнению с которыми сны Мерлина и басни Джеффри Монмутского кажутся правдоподобными.

С появлением человека, предшествующим геологическим эпохам, римский период становится, по правде говоря, частью очень современной истории; и огромные века, которые, по расчетам, прошли между этими двумя периодами, сбивают с толку воображение в его попытках постичь связи, которыми они связаны. Но какими бы грубыми ни были искусства той первобытной эпохи, можно видеть, что они выгодно отличаются от искусств некультурного человека любого более позднего периода. Недавние исследования, и особенно в пещерах Дордони в Центральной Франции, обнаруживают резьбу по кости и гравюры на слоновой кости и сланце, упомянутые ниже, обнаруживающие умение подражать и наблюдательность в описании характерных деталей формы и действия, которым редко, если вообще когда-либо, можно было найти равных в искусстве современных некультурных рас. Если с помощью этих исключительно интересных открытий мы действительно обнаружим следы кремневого народа, относящиеся к эпохе, которая, по оценкам некоторых научных хронологов, предшествует нашей на сотни тысяч лет, то немаловажно понять, что интервал, который произвел на земле такие революции, которые зафиксированы в дрейфе млекопитающих, показывает человеку то же рассуждение, пробный и изобретательный механик, который так же четко отличался тогда от высших порядков современной жизни слоновьего или пещерного периодов, как сейчас он отличается от самых разумных представителей животного мира. создание. По правде говоря, такие открытия не только не приближают к установлению антропоидной связи между человеком и животным, но и древнейшие следы искусства палеотехников Центральной Франции не только превосходят следы искусства многих диких рас, но и указывают на интеллектуальные способности, ни в какой степени не уступающие способностям среднего француза девятнадцатого века.

Большая часть рассуждений относительно характеристик, которые археологические открытия приписывают человеку на его первобытной стадии, берет свое начало в нелогичной ассоциации сопутствующих современного интеллектуального и социального прогресса условий, подразумеваемых в первичном состоянии человека как разумного существа. Для подтверждения первобытного Каменного или Кремневого Периода нет необходимости принижать человека из того величественного происхождения нашей расы, когда он слышал голос Господа Бога среди райских деревьев и не боялся. Еще меньше требуется, чтобы мы делали из него "вымерший вид человекообразных животных", поспешно изобретенный сверхчувствительными геологами-мозаичистами для решения проблемного вопроса о произведениях искусства плейстоцена. В этом первобытном переходе этнолога, когда геология подходит к концу, а археология берет свое начало, среди всей грубости палеолитического искусства, мы все еще можем распознать рационального властелина творения, существо, наделенное не физическим, а моральным превосходством; в ком интеллект и накопленный опыт оказались более чем достойными противостоять всей грубой силе тех гигантских млекопитающих, которые так хорошо знакомы нам сейчас по ископаемым останкам в отложениях гравия и пещерной земле. Даже если для первобытного человека не требуется ничего большего, чем состояние, сходное с состоянием многих современных нецивилизованных рас, мы все равно можем различить новый и более высокий порядок существ, которому все остальные должны были уступить место.

Но если наши современные технологические стандарты должны быть единственными признанными критериями интеллектуального благородства, то “его прекрасное широкое лицо и возвышенный взгляд” со всеми наводящими на размышления образами первобытного человека Мильтона напрасны. Его искусство, хотя и достаточное для удовлетворения любых его потребностей, если его проверять по таким стандартам, объявляет его не более чем “неблагородным созданием, на которое указывают наконечники стрел и кремневые ножи”. Он не нуждался в оружии для войны или охоты; сельскохозяйственные орудия были едва ли менее необходимы среди изобилия, превосходящего изобилие островов Южного океана. Игла и ткацкий станок были так же чужды его потребностям, как печатный станок или электрический телеграф. Зачем ему был нужен гончарный круг, или резец скульптора, или инструменты каменщика? И если его простые желания действительно предполагали необходимость в каком-нибудь режущем инструменте, кремневом ноже или

“Такие другие садовые инструменты, как искусство, но грубые,

Невиновный в пожаре, сформировался”,

гармонизировать с простотой той первобытной жизни и ее легким трудом гораздо естественнее, чем это могли бы сделать самые художественные столовые приборы Sheffield со всеми необходимыми предварительными процессами добычи, плавки,ковки, шлифовки и черенкования ненужного инструмента.

Идея, которая связывает интеллектуальный подъем человека с сопутствующими механическими навыками, как если бы они каким-то образом находились в причинно-следственной связи, и с интеллектуалом как порождением механического элемента, а не родителем, является продуктом современной мысли. Сам элемент, порождающий неразумное состояние дикаря, заключается в том, что вся его энергия расходуется и все его мысли поглощены ежедневным добыванием пищи и одежды, а также необходимых инструментов, с помощью которых они должны быть добыты; или там, где, как на роскошных островах Полинезии, природа, кажется, предоставляет все в его распоряжение, его деградировавшая моральная природа не украшает Эдем хлебного дерева.

Первобытный “каменный период”, по-видимому, лежит в основе самых отдаленных следов европейской цивилизации; и это не только возвращает свидетельства присутствия человека во времена гораздо более отдаленные, чем кто-либо до сих пор предполагал, но и подтверждает идею о том, что его раннее состояние было не только лишено металлургии, но и характеризовалось механическими искусствами самого простого вида. Но из этого не обязательно следует, что он находился в состоянии интеллектуальной спячки. Деградация его моральной природы, а не отсутствие искусств, которые мы связываем с современной роскошью и предприимчивостью, сделали его дикарем. Арабский шейх, странствующий со своими стадами по пустыне, ненамного превосходит индейца из американских лесов ни в мастерстве механики, ни в художественной утонченности; однако идумеянин Иов был именно таким арабом-скотоводом, но, тем не менее, философом и поэтом, намного превосходящим любого, кто жил среди чудесных достижений механического и художественного прогресса в городах Тигра или Евфрата. Однако не следует делать вывод, что археолог утверждает, что вся история человеческой расы раскрывает регулярную последовательность периодов — каменного,

бронзового и железного, или как бы иначе их ни обозначали, — аналогичную органическим открытиям геологии; или что там, где обнаруживаются их следы, они обязательно подразумевают такой порядок в своей последовательности. Единственная истинная аналогия между геологом и археологом заключается в том, что оба находят свои свидетельства скрытыми в поверхностной коре земли и выводят хроники стертого прошлого путем законной индукции оттуда. Радикальное различие между палеонтологом и этнологом заключается в том, что первый стремится восстановить историю неразумных подразделений вымершей жизни; другой исследует все, что относится к все еще существующему разумному существу, способному выйти из своего прошлого состояния или вернуться к нему при самых разнообразных внешних обстоятельствах.

Среди того странно разнообразного ряда органических существ, который относится к исследованиям геолога, наконец появляется одно, “красота мира, образец животных”;^[19] существо, способное к высокому моральному и интеллектуальному подъему, плодотворное в замысле, способное передавать опыт и разрабатывать комплексные планы совместными усилиями многих последовательных специалистов. поколения. Во всем этом нет аналогии ни с одним из низших порядков бытия. Действия муравья и бобра, кораллового зоофита и пчелы демонстрируют исключительную изобретательность и способность к комбинированию; и каждый пернатый певчий строит свое гнездо с поразительной предусмотрительностью в назначенное природой время года. Но инстинкты низших порядков творения тщетны по сравнению с ухищрениями человека, даже в его диком состоянии. Их самые гениальные работы не требуют от них никаких интеллектуальных усилий для овладения ремеслом, а опыт не вносит никаких улучшений во всю непрерывную работу замечательных механиков. Бобр сооружает плотину, более совершенную, чем лучшие достижения человеческой изобретательности в устройстве волнорезов, и строит для себя хижину, которую автор книги “Закат Римской империи” справедливо противопоставляет по архитектурному мастерству более грубому жилищу азиатского татарина. Формируя свою ячейку, пчела решает математическую задачу, которая занимала труды самых проницательных аналитиков. Но каждый изобретательный ремесленник занимается ремеслом, которому не обучал ни один мастер и к которому ему нечего добавить. Чудесная, инстинктивная, живая машина создает для себя наивысшее удовольствие, на которое она способна, развивая искусство, которым она наделена; и выполняет это с безошибочной точностью, как делали все ее необученные предшественники и как, без обучения, будет делать каждый новорожденный преемник. К таким архитекторам и художникам история не имеет отношения, ибо их искусство не знало изначального состояния несовершенства и не было свидетелем прогресса. Из их работ, как и из их органической структуры, один пример является достаточным прообразом целого. Материалы палеонтолога были названы одним популярным геологом “Медалями творения”; и этот термин, хотя и заимствован у антиквара, имеет значение, которое особенно подчеркивает контраст, на который сейчас ссылаются между геологией и археологией. Подобно медалям, отчеканенным в одном кубке, множество образцов вымершего вида, каждый искусно вылепленный коралл и каждый слепок симметричной сигиллярии повторяют одни и те же типичные характеристики; и фантазия поэта может быть принята буквально верной по отношению к самым изобретательным искусствам, которые изучает натуралист:

“Все крылатые обитатели рая,

Чьи песни когда-то смешивались с песнями ангелов,
Сплели свои первые гнезда так же любопытно и хорошо
Как лесной менестрель в наши злые дни
После шеститысячелетнего труда.^[20]

Но с реликвиями человеческого искусства, даже на его самой примитивной стадии, дело обстоит иначе. Каждый пример обладает своей индивидуальностью, поскольку он является продуктом разумной воли, способной развиваться и извлекать пользу из опыта.

Накопленные знания - важная характеристика человека. Каждая эпоха оставляет в наследство какие-то результаты своего опыта; и это составляет выгодную позицию последующих поколений. Ухудшение, которое следует за каждым препятствием на пути такой передачи и накопления знаний, не менее существенно отличает человека от изобретательных прядильщиков, ткачей и строителей, которые не извлекают уроков из прошлого и не передают никакого опыта будущему. Только человека можно представить как разумного механика, начинающего с первых зачатков искусства, изобретающего инструменты, приобщающегося к знаниям и накапливающего опыт. Следовательно, все, что имеет тенденцию раскрывать проблески такого примитивного состояния и его самых ранних достижений в механическом искусстве и металлургических знаниях, помогает составить правильное представление о первобытном человеке. Давайте тогда взглянем на имеющиеся у нас свидетельства такой начальной стадии бытия. И первыми в кажущемся хронологическом порядке идут следы человеческого искусства в сугробах или в окостенелых пещерах среди костей странных групп существ, которые, как предполагалось до сих пор, задолго до существования человека. В древних аллювиальных отложениях — наиболее современных среди известных геологу слоев — залегают многочисленные следы вымершей животной жизни, относящиеся к той недавней переходной эпохе на земном шаре, в которую впервые появился человек. Почти во всех отношениях они представляют собой контраст со всем, с чем мы знакомы в истории нашей земли как театра человеческих действий. С зоологической точки зрения они включают человека и существующие расы животных, а также вымершие расы, которые, по-видимому, были современниками местных видов. Для археолога они богаты свидетельствами того первобытного перехода, в котором лежат истоки истории. Как рано в ту завершающую геологическую эпоху появился человек или как поздно в ту археологическую эпоху сохранились вымершие ископаемые млекопитающие - вот два независимых предположения, которые должны установить и согласовать родственные науки.

Островной характер Великобритании делает ее особенно интересным объектом археологических исследований, микрокосмом, завершенным сам по себе и немногим менее обширным по разнообразию своих записей, чем огромный континент, отделенный от него океаном; и все же, как мы видели, вопрос возникает вновь: была ли она уже островной, когда первые кочевники ступали по ее неисторической земле? Каледонский аллофил, как мы теперь знаем, преследовал гигантского кита в устье реки, которое протекало вдоль подножия далеко идущих вглубь материка Очиллов; и вел свое крошечное каноэ над океанским дном, которое пришлось поднять, чтобы выйти на солнечный свет многих столетий, прежде чем оно смогло стать ареной деяний, которые на страницах истории связаны с именами Агриколы, Эдварда, Уоллеса и Брюса, Монтроза, Кромвеля и Мара. Его история начинается в эпоху геологических

изменений, но не в большей степени, чем сейчас происходит в других и соседних исторических землях. Это тип изменений, которые постепенно превращали этот странный микрокосм посттретичного периода в знакомую историческую Британию девятнадцатого века.

Из изучения обломков и включенных в них окаменелостей, а также обнаруженных торфяных мхов мы узнаем, что, когда Британские острова находились во владении их первых колонистов, страна, должно быть, была почти полностью покрыта лесами и наводнена животными, давно вымершими. В отложениях мергеля, которые лежат в основе скопившихся торфяных болот Шотландии и Ирландии, в изобилии встречаются останки ископаемого лося - животного, намного превосходящего по размерам любой существующий вид оленей. Его кости были найдены рядом со скелетами мамонта и других хоботных, а также с многочисленными зубами, челюстями и отдельными костями вымерших носорогов, гиппопотама, гиены, ископаемого быка и т.д.; Однако сейчас нет сомнений в том, что лось был современником человека на Британских островах. Каменные топоры, кремневые наконечники стрел и фрагменты керамики были обнаружены рядом с его скелетом при обстоятельствах, которые убеждают геологов, а также археологов, в их одновременности; были найдены его кости со следами кремневых долот и пилы; и различного рода свидетельства, по-видимому, указывают на то, что этот гигантский олень был объектом охоты и источником примитивной пищи, одежды и инструментов.

Профессор Джеймисон и доктор Мантелл отмечают обнаружение в графстве Корк человеческого тела, эксгумированного из болотистой почвы под торфяным болотом толщиной одиннадцать футов. Мягкие части были преобразованы в жировую клетчатку, а тело, сохранившееся таким образом, было завернуто в оленью шкуру таких больших размеров, что навело их на мысль, что оно принадлежало вымершему лосю. В 1863 году профессор Бит Джакс продемонстрировал геологической секции Британской ассоциации левую бедренную кость с частью одного из зубцов оленьего рога, недавно выкопанных в окрестностях Эджуортстауна и лежащих в мергеле под сорока футами болота. Поперечный разрез на нижнем конце бедренной кости соответствовал другому на оленьем роге, с помощью которого они, по-видимому, были приспособлены для соединения. Внимательно осмотрев эту кость, я не сомневаюсь, что она была вырезана острым инструментом и намеренно использована в качестве рукояти рогового клинка, который лежал рядом с ней. Когда эти двое были соединены вместе, из них, должно быть, получилось грозное оружие. На других костях этого ископаемого оленя были обнаружены следы искусственной разделки; но одно из самых интересных свидетельств их использования было представлено на заседании Археологического института 3 июня 1864 года, когда граф Данрейвен продемонстрировал несовершенную ирландскую лиру, найденную во рву замка Десмонд, Адэр, материал которой, по словам профессора Оуэна, был костью ирландского лося. Вероятность обнаружения музыкального инструмента, ровесника ирландского лося, была значительно уменьшена более поздними открытиями. Среди резных костяных реликвий троглодитов долины Дордонь была кость северного оленя, пронзенная на одном конце косым отверстием, доходящим до костномозгового канала. При дуновении на него, как на полую клавишу, получается пронзительный звук; и, соответственно, к этому инструменту М. Поль Брока применяет название призывного свистка. Но более позднее открытие дает более определенные свидетельства древнего музыкального искусства. В 1871 году М. Э. Пьетт исследовал пещеру Гурдан (Верхняя Гаронна), и там в слое древесного угля и золы, перемешанных с кремневыми орудиями, он нашел то, что он описывает как флейту эпохи неолита. Он также сделан из кости, но с отверстиями сбоку: несомненный образец искусства одного из первобытных учеников Джубала.

Свидетельства, представленные оссифицированными пещерами Англии, а также континентами Европы и Америки, полны интереса благодаря соответствующим откровениям. Пещера Киркдейл, Йоркшир, приобрела особую известность благодаря описанию и иллюстрации ее содержимого, данным доктором Баклендом в его книге "Reliquiæ Diluvianæ" в связи с теорией дилювиальности, от которой впоследствии отказались; а в Кентс-Хоул, Девоншир, одном из богатейших хранилищ ископаемых хищников Великобритании, обнаружены не менее замечательные следы примитивного механического искусства. Вперемешку с останками носорога, пещерной гиены, большого пещерного тигра, пещерного медведя и других вымерших млекопитающих в необычном изобилии лежали не только обработанные кремни и тому подобные следы человеческого искусства, но и многочисленные орудия труда, сделанные из их костей; и последующие исследования окостенелых пещер в различных местах компетентными научными исследователями, руководствующимися накопленными знаниями и опытом более чем за тридцать лет, уточнили идеи, которых уже придерживались о сосуществовании человека с вымершей фауной пещер.

В этих случаях, а также при аналогичных открытиях в Бельгии и Южной Франции, где были найдены останки самого человека, а также изделия его рук, связанные с ископаемыми млекопитающими, факты на какое-то время были дискредитированы или объяснены как несовместимые с давно принятыми выводами относительно возраста и раннего состояния человека. Но в 1858 году в Бриксхэме, в окрестностях знаменитой Кентс-Хоул, была случайно обнаружена еще одна пещера из оссифицированного известняка, и вскоре после этого были начаты переговоры о ее тщательном исследовании в научных целях. В отличие от пещеры Кентс-Хоул, после чередования длительных периодов заселения плотоядными животными позднечетвертичной эпохи; затопления в результате локальных наводнений с отложением их обломочных отложений в слоях различного характера и содержания; и образования поверх всего, в благоприятных местах, настила из карбонатной извести толщиной более фута: обрушение части свода закрыло вход в пещеру Бриксхэм, за исключением мелких грызунов и норных животных. Таким образом, его история как места обитания древних млекопитающих и самого человека была резко оборвана, и с тех пор он оставался нетронутым до недавнего исследования. Таким образом, хотя его свидетельства о присутствии человека скудны по сравнению с Кентс-Хоулом, в нем полностью отсутствуют какие-либо сбивающие с толку элементы, такие как в этой замечательной пещере, явно относящиеся к кельтским, римским и даже саксонским временам.

Пещера Бриксхэм, по-видимому, долгое время была пристанищем гиен, которые затаскивали свою добычу в ее главные проходы и оставляли там обглоданные кости носорога, ископаемые лошади и быка, северного оленя, косули, большого благородного оленя и т.д. Он содержал безошибочные следы пребывания мамонта или другого огромного хоботообразного, был посещен пещерным тигром (*Felis spelae*) и, наконец, стал излюбленным местом обитания большого пещерного медведя (*Ursus spelae*), а также двух других видов медведей, один из которых, по-видимому, соответствует *Ursus arctos*, или бурому медведю, а другой, как предполагалось, идентичен *Ursus ferox*, или медведю гризли. Время от времени его также посещали, и некоторые из его отдаленных уголков исследовал человек. Всего в различных слоях пещерных пластов было найдено тридцать шесть кремней. Некоторые из них - просто необработанные кремни; но двадцать три из них обнаруживают следы работы человека и его использования; среди них ножи, а также лезвия овальной и ланцетовидной формы, очень похожие на орудия, найденные в пещере Ориньяк в Пиренеях и в пещере Ле Мустье в Дордони.

Другие, хотя и являются всего лишь отщепами кремня, несут явные следы использования в качестве скребковых инструментов. Другим орудием труда является круглая галька из кремнистого песчаника весом 1 фунт 3 унции, которая, должно быть, была принесена издалека, и на стороне, противоположной той, за которую ее легче всего схватить рукой, видны отчетливые свидетельства ее использования в качестве камня-молотка. К более прочным кремням прилагался один, и только один, предмет, сделанный из животного материала, маленькая цилиндрическая булавка или стержень из слоновой кости. Некоторые из этих признаков присутствия человека были обнаружены на дне, или галечном слое, перекрытом нетронутой пещерной землей, богатой останками млекопитающих; и вся последовательность слоев была перекрыта слоем сталагмита, в котором находились кости мамонта, носорога и других ископаемых млекопитающих.

Не похоже, чтобы пещера Бриксхэм когда-либо была заселена человеком. Здесь нет скопления расколотых костей или сломанных орудий труда, равно как и каких-либо следов очага, как в Кентс-Хоул или в пещерах Дордони и Пиренеев. Но люди периода мамонта время от времени прибегали туда - возможно, чтобы спрятаться или преследуя свою добычу; и таким образом уронили обработанные кремни, которые теперь обнаруживают свидетельство их присутствия. Здесь нет ни следов человеческих костей, ни каких-либо признаков того, что человек стал добычей могущественных диких животных, которые в основном обитали в пещере. Но он исследовал его тайники, по крайней мере в одном случае, на расстоянии семидесяти четырех футов от входа; и если мы не предположим, что он пробрался туда ощупью в поисках более надежного укрытия от какого-нибудь врага-человека, то не кажется несправедливым предположение, что он носил с собой освещающий факел. Потухшие очаги во французских пещерах, таких как Ориньяк и Везер, не оставляют места для сомнений в раннем знакомстве человека с огнем. Мне также не кажется вероятным, что в суровом климате, которому он подвергся в тот далекий послеледниковый период, он, как человек, мог не воспользоваться искусством добывания огня для удовлетворения своих потребностей, как это сейчас делают арктические эскимосы в соответствующих условиях. Тем не менее следует отметить, что кремневые орудия, найденные в Бриксхемской пещере, имеют самый грубый характер; и, подобно другим образцам обработанных кремней людей дрейфового или пещерного периодов, указывают на очень слабое развитие конструктивного мастерства, если только, как будет показано ниже на аналогичных американских примерах, не будет оснований рассматривать многие из них как находящиеся лишь на первой стадии изготовления оружия или инструментов.

В пещере Кента были найдены гораздо более разнообразные образцы примитивного искусства, такие как зазубренные наконечники гарпунов, туловища, шила и костяные иглы. Как и другие, найденные во французских пещерах, они наводят на мысль о сравнении с изобретательным искусством эскимосов: и могут также оправдать вывод о том, что в более мягких регионах и при других благоприятных обстоятельствах современный человек, как тогда, так и сейчас, проявлял более высокую интеллектуальную энергию, когда был свободен от изнурительного напряжения, связанного с борьбой за жизнь, будь то современного гиперборейца или послеледникового ремесленника пещерного периода.

В эпоху, которая, хотя и остается доисторической, является современной по сравнению с новейшими следами послеледникового или пещерного периодов, обработанные кремни и костяные орудия, найденные во многих европейских первобытных отложениях, в пещерах, пирамидах из камней, курганах и среди случайных находок земледельцев, продолжают

демонстрировать самую детскую стадию рудиментарного искусства. Фрагменты обожженных на солнце урн и округлые плиты сланца тарелкообразной формы ассоциируются с признаками грубых кулинарных приемов, иллюстрирующих привычки и вкусы дикого человека. Разбитая керамика, обожженные кости, зола древесного угля и другие следы кулинарных операций были замечены при сходных обстоятельствах, как в Англии, так и на европейском континенте; это указывает на то, где находился очаг аллофилов. Наряду с ними, особенно в пещере Кента, кремни были разбросаны в любых условиях, от округлой массы, когда она добывалась из мела, до готовых наконечников стрел и топориков; в то время как мелкие кремневые отщепы и частично использованные кремневые брусочки, густо разбросанные по почве, указывали на то, что британский троглодит имел здесь свою мастерскую, а также кухню, и перерабатывал сырье того примитивного каменного периода в необходимые инструменты и оружие охоты. Не было таким образом напоминаний и о недостатке специфической пищи человека в ту отдаленную эпоху. Помимо костей, у входа в пещеру были свалены в кучу раковины мидий, моллюсков и устриц, а также небо скаруса, что указывало на то, что аборигены добывали себе ненадежное пропитание продуктами охоты и добычей в соседнем море.

Тот же факт дополнительно иллюстрируется аналогичными остатками подземного каменного жилища в Савероке, недалеко от Керкуолла, на Оркнейских островах, расположенного, подобно естественным пещерам Торбея, недалеко от морского берега. Скопившиеся остатки древесного угля и торфяной золы лежали вперемешку с костями мелких северных овец, лошади, быка, оленя и кита, а также с некоторыми грубыми орудиями, свидетельствующими о примитивных оркнейских искусствах; в то время как слой раковин устриц, морских гребешков и барвинков, обыкновенного моллюска, пурпуры и морской капусты покрывал пол и прилегающую землю глубиной в полфута.

С тех пор, как я впервые обратил внимание на подобные следы доисторических веков Шотландии, этот класс останков вызвал особый интерес. Древние курганы из ракушек, аналогичные датскому кеккенмеддингру, обнаруженному на побережьях Элгина и Инвернессшира, дали аналогичные результаты; а исследования других курганов, особенно Кейсса в Кейтнесе, неопровержимо доказали, что аборигены Северной Британии были знакомы с северными оленями в сравнительно поздний период. Образцы его рогов были найдены не только в связи с кремневыми орудиями, чашками и личными украшениями из камня и сланца, разнообразными кучами рыбных костей, прибрежными раковинами и другими обломками кухонных помоек, но и с каменной кладкой шотландского броха, или примитивной круглой башни. На некоторых найденных таким образом рогах северного оленя видны следы распиливания, очевидно, металлическими инструментами. Сколько им лет, возможно, строго определить невозможно; но они позволяют отнести шотландский оленеводческий период к очень современной эпохе по сравнению с “Оленьим периодом” Франции; и устраняют все основания для отклонения заявления Торфейуса о том, что совсем недавно, в двенадцатом веке, оркнейские ярлы имели обыкновение пересекать залив Пентленд-Ферт, чтобы охотиться на косуль и северных оленей в дебрях Кейтнесса.

Но недавние открытия, полные интереса и ценности, которые, таким образом, расширяют ресурсы европейского археолога и антрополога, известны мне только по обычным каналам информации; и поэтому я обращаюсь к другой области изучения, ценной из-за контраста, который она представляет во всех отношениях с исторической Европой, с ее запутанными элементами, относящимися ко временам, когда амбиции Рима настолько подавляли все

национальности и стирали память об истории, что даже сейчас трудно убедить некоторых людей, что европейский мир существовал до Цезарей.

Город Торонто, расположенный на северном берегу озера Онтарио, построен на дрейфующих глинах, которые скопились над породами нижнесилурийской формации на средней глубине свыше тридцати футов, а в некоторых местах и более семидесяти футов. Те же самые залегающие пласты валунной глины и дрейфующего гравия простираются с монотонным единообразием на восток от озера Гурон до реки Оттава; и по всей нижней части долины Святого Лаврентия до Лабрадора. Следы древней жизни, обнаруженные в этих канадских ледниковых отложениях, за очень немногими исключениями, соответствуют живым видам, включая Radiata, Mollusca, Articulata и Vertebrata, которые сейчас встречаются в других широтах. Как и можно было ожидать, более древние слои ледников указывают на более арктические условия жизни и, таким образом, согласуются с другими свидетельствами, указывающими на постепенное улучшение климата в Северной Америке. Но только в валунной глине нижнего течения Святого Лаврентия палеонтолог находит окаменелости, с помощью которых делаются такие выводы; и рядом с которыми было бы разумно ожидать следов присутствия человека. Строительство эспланады вдоль берега залива Торонто в последние годы обнажило вырубку протяженностью более двух миль и обнажило девственную почву самого густонаселенного участка, который в настоящее время посвящен цивилизационным процессам европейской колонизации в Верхней Канаде. Те же отложения глины и гравия были обнаружены во многих других раскопках, но до сих пор они не представляли интереса для археологов. Насколько мне удалось установить, только в двух случаях были обнаружены какие-либо следы предшествующего присутствия человека. На глубине почти двух футов от поверхности, перед зданиями парламента, среди кучи древесного угля и золы лежали кости и рог оленя, а вместе с ними грубое каменное долото или топорик. Совсем недавно к западу от того же места, на глубине восьми или девяти футов, был найден один из шейных позвонков вапити (*Cervus Canadensis*), а также грубый каменный топорик и кремневый наконечник копья. Но путешествующие окаменелости из торонтского дрейфа относятся к совсем другой эпохе и принадлежат к группе рек Гудзон Нижнего силура, как и породы, на которых они наложены. С различными органическими остатками, вкрапленными в глину и гравий, эта же формация покрывает настоящие окаменелые породы Западной Канады; и, по-видимому, ее длинная полоса лесистых равнин и пологих холмов превращает ее в страну, приспособленную для бесчисленного сна в тени своих лесов на протяжении веков, в тип земли первобытного человека, пока новорожденная механическая наука Европы не обеспечила ее железной дорогой и локомотивом, а обширную цепь рек и озер - в шоссе для пароходов. Благодаря таким новым возможностям, добавленным к неукротимой энергии вторгшихся оккупантов, весь облик континента находится в быстром процессе трансформации; и хорошо бы, прежде чем изменение будет завершено, отметить каждый поддающийся расшифровке признак характеристик прошлого, обреченного таким образом на быстрое уничтожение.

От неосвоенных зарослей, которые все еще занимают берега озера Верхнее, на юго-восток через великие озера и реки до долины Святого Лаврентия, эти дрейфующие отложения открывают геологу удивительные изменения, произошедшие на этой обширной территории Североамериканского континента. Вдоль низких берегов, тянувшихся в стороне от порогов Су-Сент. От Мари до озера Верхнее разбросаны огромные гранитные валуны, похожие на обломки какого-то титанического Вавилонского столпотворения; приподнятые пляжи на различных уровнях по берегам озер Гурон, Эри и Онтарио обнаруживают следы других революций; и везде,

где волны Святого Лаврентия вновь вскрывают отложения в нижней части долины, обнажается дно древнего океана, часто с прибрежными или глубоководными раковинами, вкрапленными на разных уровнях в слоистый слой. Но как ни далека древность, согласно всей человеческой хронологии, к которой относится фауна этих отложений морского детрита, палеонтолог обнаруживает среди их окаменелостей послетретичного периода *rhosa*, *balænae* более чем одного вида, рыб, членистоногих и раковины многих моллюсков, все еще обитающих в соседнем океане вдоль берегов северной Атлантики. Следовательно, период, охватывающий эти пережитки древней жизни, является тем же периодом, к которому принадлежит человек; и они отмечают для него одну из фаз той последней переходной эпохи, в течение которой континент готовился к его вступлению на него. С тех пор как натика, фузус, туррителла и другие морские животные постплейоценового периода были живыми обитателями долины Святого Лаврентия, в физической географии континента произошли огромные изменения. Относительные уровни моря и суши изменились таким образом, что старые берега моря превратились в склоны высоких холмов и оставили много сотен миль внутренних откосов, образованных волнами этого древнего моря. Климатические условия претерпели не менее важные изменения, развив в соответствующей степени новый характер и условия жизни, относящиеся к этому дну исчезнувшего океана: оно было покрыто последовательными отложениями морского мусора, а затем поднялось в область солнца и дождя, чтобы покрыться густым лесом и стать местом обитания на следующий смутно обозначенный период вапити, бобров и бизонов, а вместе с ними ирокезов, гуронов и чиппева: все они похожи на фауну с условиями жизни, принадлежащую к переходному периоду. период подготовки Нового Мира к нашему собственному.

Какими бы чудесными ни были эти космические революции, относящиеся к периоду выхода северной зоны Америки из великого Северного Ледовитого океана, когда мы смотрим на каждое завершенное целое, кажется, что процесс не характеризовался какой-либо аномальной жестокостью. Медленно, на протяжении долгих веков, океан мелел. Глубоководные организмы предыдущего поколения были покрыты прибрежными раковинами более новой морской флоры и фауны, а затем приливные волны отступили от формирующегося морского пляжа; до сих пор мы ищем далеко внизу, в заливе Святого Лаврентия и на побережье Лабрадора, живых потомков видов, собранных в результате постплейоценового дрейфа. Таким образом, завершающая эпоха геологии в Новом Свете, как и в Старом, соприкасается с той, с которой начинается его археология; и мы смотрим на Североамериканский континент как на наконец подготовленный к присутствию человека.

Такие записи отмечены здесь среди открытий великой долины Святого Лаврентия, которая осушает почти половину континента; ибо именно в долинах, по которым происходит нынешний осушение исторических территорий, встречаются не только такие отложения недавних раковин и ископаемых остатков существующей фауны, но также обнаружены наиболее обширные останки вымерших млекопитающих в сочетании с предметами, которые позволяют связать их с объектами современных эпох. В образованиях такого характера в нижней долине Миссисипи были обнаружены *Elephas primigenius*, *Mastodon Ohioticus*, *Megalonyx*, *Megalodon*, *Ereptodon* и *Equus curvidens*, или вымершая американская лошадь: со многими другими следами незнакомой фауны, а также флоры, современной этим гигантским маммиферам, но которая также включает как морских, так и наземных представителей существующих видов. Соответствуя по своим обширным географическим очертаниям почти своему нынешнему состоянию, американский континент, должно быть, почти во всех других характеристиках

представлял разительный контраст со своим современным видом, хотя и кажется нам покрытым первобытными лесами и почти не измененным присутствием человека. В постплейоценовых формациях Южной Каролины, обнаженных вдоль русла реки Эшли, встречаются останки мегатерия, мегалодона и других гигантских вымерших млекопитающих, связанных не только с существующими видами, характерными для американского континента, но и, по-видимому, с другими, которые, как до сих пор считалось, были одомашнены и впервые завезены современными европейскими колонистами. Но более интересными для нашей настоящей цели, как, возможно, указывающие на одновременное существование некоторых из этих странных млекопитающих с человеком, являются упоминания об остатках человеческого искусства в той же формации. Профессор Холмс, выставляя коллекцию окаменелостей из постплейоцена Южной Каролины перед Академией естественных наук Филадельфии, заметил: “Доктор Клипштейн, проживающий недалеко от Чарльстона, при рытье канавы с целью рекультивации большого болота обнаружил и прислал мне зуб мастодонта с просьбой, чтобы я спустился и посетил это место, поскольку были признаки того, что кости и зубы животного все еще оставались в песках, которые подстилают торфяной пласт. Соответственно, с небольшой группой джентльменов мы посетили доктора и преуспели не только в получении нескольких других зубов и костей этого животного, но и почти целого бивня, и сразу же рядом с бивнем был обнаружен фрагмент керамики, который я держу в руке и который похож на тот, что изготавливают в настоящее время американские индейцы”.^[21] Было бы неразумно выдвигать поспешные теории относительно такого странного сопоставления реликвий, возможно, относящихся к очень далеко разделенным периодам. Река Эшли проложила себе путь через эоценовые и постплейоценовые формации Южной Каролины, и там, где они обнажаются на ее берегах, окаменелости вымываются со своих русел и смешиваются с останками недавних местных и домашних животных, а также с предметами человеческого искусства. Но открытие доктора Клипштейна было сделано при раскопках нетронутой и, с геологической точки зрения, сравнительно недавней формации. Бивень мастодонта лежал рядом с фрагментом керамики в отложениях торфа и песков постплейоценового периода. Непосредственно под ними залегают морские отложения, богатые разнообразными группами моллюсков, соответствующими видам, ныне обитающим на морском побережье Каролины, но также включающими два ископаемых вида, которые там больше не встречаются, хотя распространены в Мексиканском заливе и Вест-Индских морях.

Здесь палеонтология Нового Света раскрывает нам типы фауны, относящиеся к его последнему переходному периоду, которые служат иллюстрацией удивительного контраста между его началом и завершением. До обнаружения зубов мегатерия в постплейоценовом русле реки Эшли останки этого вымершего млекопитающего были найдены только в штате Джорджия, в Северной Америке, в то время как *Mastodon Ohioticus* и *Elephas primigenius* входят в число хорошо известных представителей фауны канадского дрейфа. Из них в некоторых североамериканских местностях сохранились останки в поразительном изобилии, но не более, чем в знаменитом болоте в Кентукки, известном под своим невзрачным, но выразительным названием Big-bone Lick. В голубой глине этого древнего болота были найдены целые скелеты или отдельные кости не менее ста мастодонтов и двадцати мамонтов, помимо останков мегалоникса и других вымерших четвероногих. Великолепный скелет мастодонта *Ohioticus*, ныне находящийся в Британском музее, был обнаружен вместе с зубами и костями многих других животных недалеко от берегов Ла-Пом-де-Терре, притока реки Осейдж, штат Миссури; и там мы, кажется, снова натываемся на следы пребывания человека того времени. “Кости, -

говорит Мантилл, который исследовал их в присутствии м-ра Альберта Коха, их первооткрывателя, - были погружены в коричневый песчаный налет, полный растительных остатков, с узнаваемыми остатками кипариса, тропического тростника и болотного мха, стеблей пальметты и т.д., И все это было покрыто слоем голубой глины и гравия толщиной около 15 футов. М-р Кох утверждает, и он лично заверил меня в правильности этого утверждения, что под костями ног этого скелета был найден наконечник индийской кремневой стрелы, и что он был обнаружен под костями ног этого скелета". четыре аналогичных орудия были заложены в один и тот же слой".^[22] Некоторые выводы г-на Коха были экстравагантными и имели тенденцию дискредитировать его заявление. Но, похоже, нет справедливых оснований сомневаться в основных фактах. Вид большого наконечника стрелы в натуральную величину приведен в отчете Смитсоновского института за 1872 год. Другое, но более сомнительное сообщение, сохранившееся в "Американском научном журнале", описывает обнаружение в Миссури костей мамонта со значительными участками кожи, связанными с каменными наконечниками копий, топорами и ножами, при обстоятельствах, которые наводят на мысль, что он запутался в болоте, был забит камнями до смерти и частично сожжен огнем.^[23] Такая близость творений человека к этим вымершим млекопитающим предостерегает нас, по крайней мере, от любого высокомерного неприятия указаний на его древнее присутствие как в Новом, так и в Старом Свете.

Независимо от того, были ли мамонт и мастодонт современниками человека или нет, их останки были объектами достаточно поразительной величины, чтобы пробудить любопытство даже у невзрачного индейца; и среди аборигенов были распространены традиции относительно их существования и уничтожения. М. Фабри, французский офицер, сообщил Бюффону, что они приписывают эти кости животному, которое они называли Отец о Беф. Среди шауни и других южных племен бытовало поверье, что мастодонты когда-то населяли континент вместе с расой гигантов соответствующих пропорций, и что оба погибли вместе от ударов молнии Великого Духа. В другом индейском предании Виргинии рассказывается, что эти чудовищные четвероногие собрались вместе и уничтожали стада оленей и бизонов вместе с другими животными, созданными Великим Духом для использования его краснокожими детьми, когда он поразил их всех своими молниями, за исключением большого быка, который вызываяще подставил свой огромный лоб под стрелы и стряхивал их, когда они падали; пока, наконец, будучи ранен, он не бежал в район великих озер, где находится по сей день.

Первое сообщение в английском научном журнале об ископаемых млекопитающих американского дрейфа дает такой аналог традициям шауни о вымерших гигантах, который мог бы преподать урок современным спекулянтам в науке; при этом следует помнить, что трудность сейчас заключается в том, чтобы согласовать с предвзятыми представлениями обнаружение произведений человеческого искусства рядом с их останками. В 1712 году некие гигантские кости, которые сейчас, скорее всего, отнесли бы к мастодонту, были найдены недалеко от Клуверака, в Новой Англии. Знаменитый доктор Инкриз Мэзер вскоре после этого сообщил об открытии Лондонскому королевскому обществу; и в аннотации к "Философским трудам" должным образом изложил свое мнение об этом предполагаемом подтверждении существования людей огромного роста в допотопном мире, о чем свидетельствуют кости и

зубы, которые, по его мнению, были человеческими, ”особенно зуб, который представлял собой очень большую точилку, весом в четыре фунта и три четверти, с бедренной костью семнадцати футов длиной”.^[24] Доктор Мазер, несомненно, с немалым удовлетворением воспринял их как поразительное подтверждение записи Моисея о том, что “в те дни были гиганты”. Сомневаться в выводах философа из Новой Англии тогда, возможно, было еще опаснее, чем верить им сейчас. Возможно, по прошествии еще полутора столетий некоторые из наших собственных запутанных смещений религиозных вопросов с научными исследованиями покажутся не менее глупыми, чем допотопные гиганты божества Новой Англии.

Во всем, что касается истории человека в Новом Свете, мы всегда должны оставаться при своем мнении для выяснения дальнейших истин. Существуют языки ныне живущих племен, о которых у нас нет ни словаря, ни грамматики. Есть народы, о физическом облике которых мы едва ли что-либо знаем; и области, где даже сейчас остается спорным вопрос, не является ли древняя цивилизация центральной Америки все еще живым существом. Оссифицированные пещеры Англии раскрыли свои чудеса только в нынешнем столетии, а произведения искусства во французском пласте оставались скрытыми до наших дней. Поэтому мы не можем даже предположить, какими будут разоблачения Америки. Открытия в ее оссифицированных пещерах уже привели к тем же выводам, что и в Европе. Кабинет Британского музея заполнен ископаемыми костями млекопитающих, добытыми доктором Лундом и М. Клауссеном из известняковых пещер в Бразилии, которые очень напоминают оссифицированные пещеры Европы. Останки были погружены в красноватый суглинок, покрытый толстым сталагмитовым настилом; и вместе с ними лежали многочисленные кости родов, все еще населяющих континент, а также раковины большого булимуса, обычного наземного моллюска Южной Америки.

Здесь нельзя провести четкой демаркационной линии между эпохой вымерших хищных и беззубых и эпохой существующих видов; и поэтому нет большей причины для удивления, чем в аналогичных примерах Европы, когда узнаешь, что в тех же обломках бразильских пещер доктор Лунд обнаружил человеческие скелеты, которые, как он полагал, были ровесниками некоторых вымерших млекопитающих. Также до сих пор не были обнародованы первые произведения искусства в American drift. У меня есть несовершенный кремневый нож (рис. 1), по внешнему виду столь же бесспорный реликт человеческого искусства, как и самый симметричный из тех, которым исследователи французских и английских отложений приписывают сходное происхождение. Он был подарен мне мистером П. А. Скоттом, интеллигентным канадцем, который нашел его на глубине более четырнадцати футов среди перекатанного гравия и золотосодержащего кварца в Гринелл-Лидс, на территории Канзаса, во время поисков золота. На аллювиальном дне, в Голубом хребте Скалистых гор, на расстоянии нескольких сотен футов от небольшого ручья под названием Клир-Крик, была пробита шахта, проходящая через четыре фута богатой черной почвы, а ниже - через более чем десять футов гравия, красноватой глины и округлого кварца. Здесь было найдено кремневое орудие, и его безошибочно искусственное происхождение настолько поразило нашего, что он спрятал его и тщательно отметил глубину, на которой оно лежало.

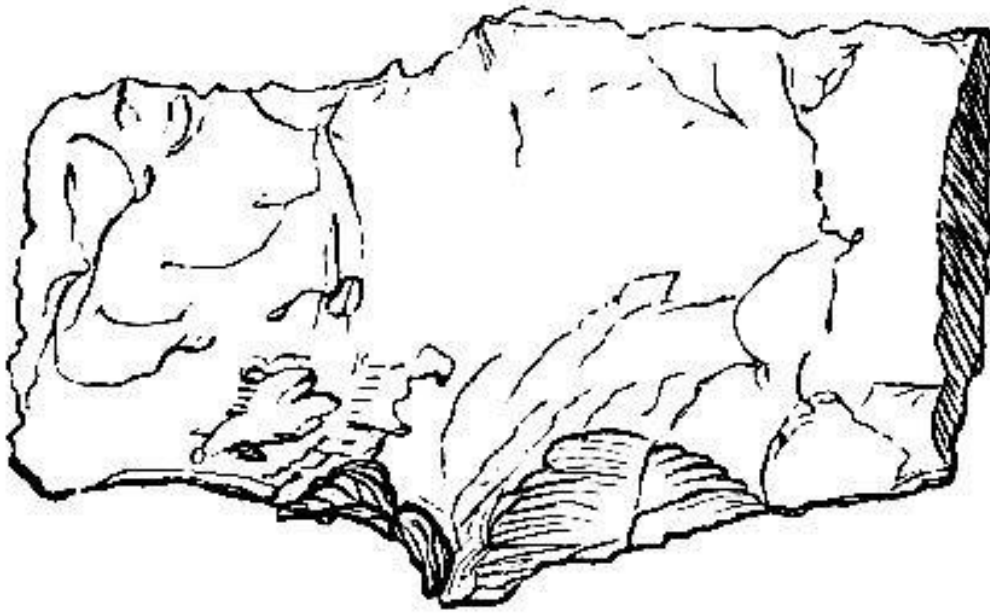

Рис. 1. Кремневый нож с наконечниками Grinell.

В настоящее время трудно точно проверить такие случайные свидетельства. Открытие палеолитических орудий в Европе было зафиксировано более чем за полвека до того, как было признано их истинное значение; в то время как американский исследователь находится в ожидании подобных открытий и временами проявляет чувство, что честь его страны окажется под угрозой, если он потерпит неудачу. Более того, из повествования следующей главы будет видно, что изобилие кремня и каменных орудий труда на девственной почве Нового Света почти поразительно. Поэтому к обнаружению случайных образцов в современных речных отложениях, промывках золотоносных пластов или в любых раскопках, подверженных воздействию поверхностных примесей, следует относиться с предельной осторожностью. Несколько кремневых орудий из золотоносного гравия Калифорнии были изготовлены на Парижской выставке 1855 года. По данным геологической службы Иллинойса за 1866 год, кости мастодонта и других ископаемых млекопитающих были найдены в слое “локального дрейфа” близ Олтона, под лесом; и на той же глубине были найдены каменные топоры и кремневые наконечники копий.^[25]

Но подобные находки обработанных кремней или полированных каменных орудий отодвигаются в тень предполагаемым открытием человеческих останков в золотоносном слое Калифорнии. В 1857 году доктор К. Ф. Уинслоу представил фрагмент человеческого черепа, найденный на глубине восемнадцати футов под поверхностью, в “платном штреке” на Столовой горе, в связи с костями мастодонта и ископаемого слона. Более позднее раскрытие выявило полный человеческий череп, который, как сообщается, был обнаружен в золотоносном гравии, подстилающем пять последовательных лавовых образований. Профессор Уитни, убедившись в подлинности находки, представил череп на Чикагском собрании Американской ассоциации содействия развитию науки в 1869 году, к явному восторгу тех, кто был готов сразу же отнести американца к более отдаленной эпохе, чем люди, изготавливавшие Кремень в Аббевилльском и Амьенском гравийных карьерах. Совсем недавно перед Чикагской академией наук был представлен отполированный до блеска обломок сиенита в форме двойного конуса с

отверстием на одном конце в качестве орудия труда, найденного на глубине тридцати футов в наносном гравии Сан-Хоакина, Калифорния, несколькими рабочими, занятыми рытьем колодца. И в этом случае профессор Уитни, по-видимому, без колебаний отнесла это к возрасту ископаемых слона и мастодонта. По-видимому, никто не осознал, насколько более вероятно, что каменное орудие высокой степени обработки, подобное отвесу Сан-Хоакина, упало с поверхности в процессе раскопок и поэтому, возможно, не старше эпохи мексиканского завоевания, чем то, что это отборный образец искусства постплейоцена.

Большая часть свидетельств, приводившихся до сих пор в пользу древности американского человека, имеет исключительно современный аспект. Человеческие черепа относятся к преобладающему индейскому типу наших дней, хотя это не должно нас удивлять. Доктор Ашер отмечает это только в случае с “ископаемыми людьми” из бразильских пещер, чтобы добавить: “Это соображение может избавить науку от дальнейших рассуждений о способе заселения Нового Света из Старого; ибо после монументального переноса в глубь веков существования народа, когда мы обнаруживаем, что они также сохранили тот же тип вплоть до отдаленного, даже геологического, периода, не может быть необходимости выезжать за границу”. искать их происхождение”.^[26] Вопрос об этом воображаемом американском типе будет рассмотрен ниже. Но наравне с этими свидетельствами находятся фрагменты корзин и глиняных сосудов, представленные Новоорлеанской академии наук в 1867 году как современные слону и другим ископаемым млекопитающим, кости которых были найдены при раскопках тех же соляных карьеров, в которых были найдены глиняная посуда и плетеные корзины; или фрагмент тростниковой циновки, подаренный Смитсоновскому институту в 1866 году мистером Дж. Ф. Клу вместе с частями бивней и зубов ископаемого слона, которые лежали над ним, на глубине тринадцати футов в соляной шахте Луизианы. Циновки, или корзины, из расщепленного тростника так же распространены среди содержимого южноиндийских могил, как и фрагменты керамики; и можно обоснованно подозревать, что и то, и другое несет в себе свидетельства, несовместимые с какой-либо геологической древностью.

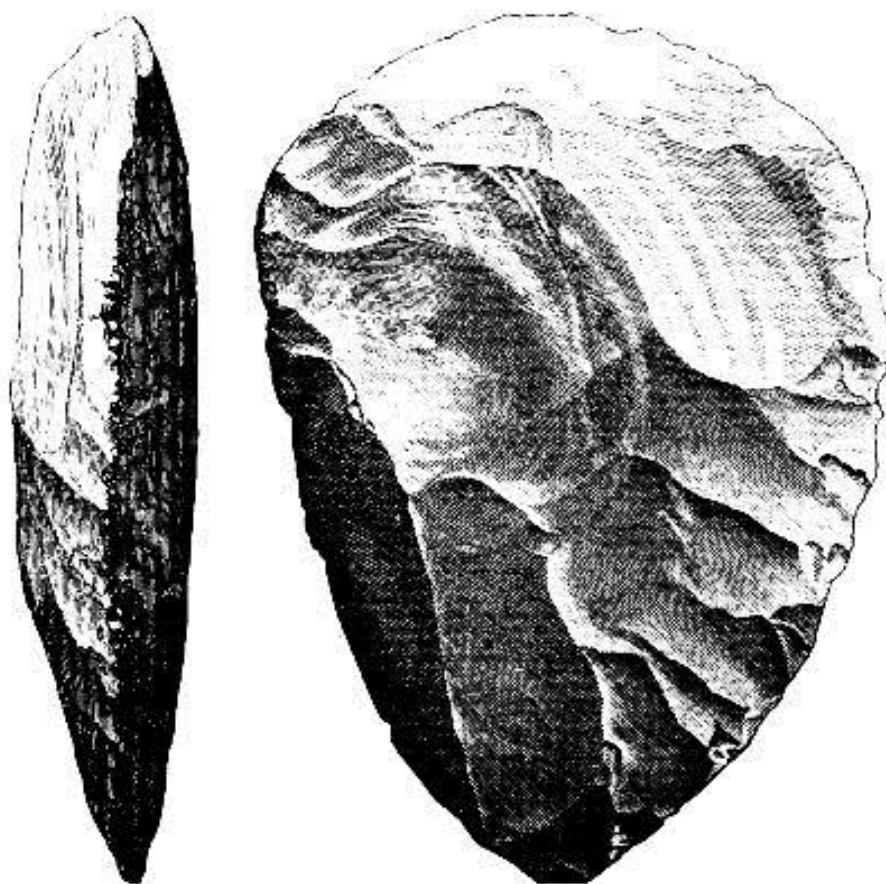

Рис. 2. Орудие из льюистонского кремня. (5/7).

Г-н Чарльз К. Джонс отмечает открытие более наводящего на размышления характера, также связанное с поисками золота. В штате Джорджия река Чаттахучи протекает по золотоносному району долины Накучи. Время от времени золотоискатели проделывали обширные выемки в почве и подстилающем ее сланцевом гравии вплоть до сланцевой породы, на которой он покоится. Во время одной из таких раскопок на глубине около девяти футов среди гравия и валунов были найдены три больших кремневых орудия, размером от трех до четырех дюймов в длину, и “по материалу, способу изготовления и внешнему виду они настолько напоминают некоторые грубые так называемые кремневые топорики, принадлежащие к типу дрейфующих, что их очень легко можно принять одно за другое”.^[27] К ним можно отнести крупное орудие из рогового камня, находящееся сейчас в коллекции шотландских антикваров и приобретенное мной у торговца индийскими диковинками в Льюистоне, штат Нью-Йорк, где, как говорили, оно было найдено на большой глубине при проходке колодца. Его форма, хотя и достаточно распространена среди орудий американских строителей курганов, редко, если вообще когда-либо, встречается в таких крупных масштабах в Европе, за исключением останков эпохи палеолита. Яйцевидные диски того же класса привлекли внимание преподобного Дж. Макенери в его ранних исследованиях пещеры Кент и были заново обнаружены в ходе недавних систематических исследований там. Мистер Эванс приводит данные одного из них, найденного там в 1866 году (рис. 3), несколько меньшего размера и более яйцевидного по очертаниям, но того же типа. Орудие Льюистона показано на рис. 2. Оно было восстановлено до нынешней формы сравнительно несколькими штрихами; и на обратной стороне оно выглядит так, как

будто сломано последним неумелым ударом. Один край изношен и сломан, как будто от частого использования. К сожалению, более подробной информации о местности и обстоятельствах, связанных с ее обнаружением, получить не удалось. Но даже если его рассматривать всего лишь как случайную реликвию того же класса, что и описанные ниже, среди древних курганных отложений Висконсина и Огайо, он представляет особый интерес благодаря своей находке у берегов реки Ниагара, где нет никаких следов строителей курганов или их искусства. Мистер Эванс позволяет мне привести здесь аналогичный пример из пещеры Кента. Он сделан из серого кремнистого кремня и отколот с обеих сторон с более чем обычной тщательностью. Несмотря на меньший размер, чем орудие Льюистона, разница составляет всего около половины дюйма; более крупное из двух имеет длину чуть более пяти дюймов. Я намеренно выгравировал льюистонский диск в крупном масштабе, чтобы более четко представить пропорции орудий этого класса и показать близкую аналогию, прослеживаемую между орудиями, найденными на американском континенте, и европейскими находками речного и пещерного стока.

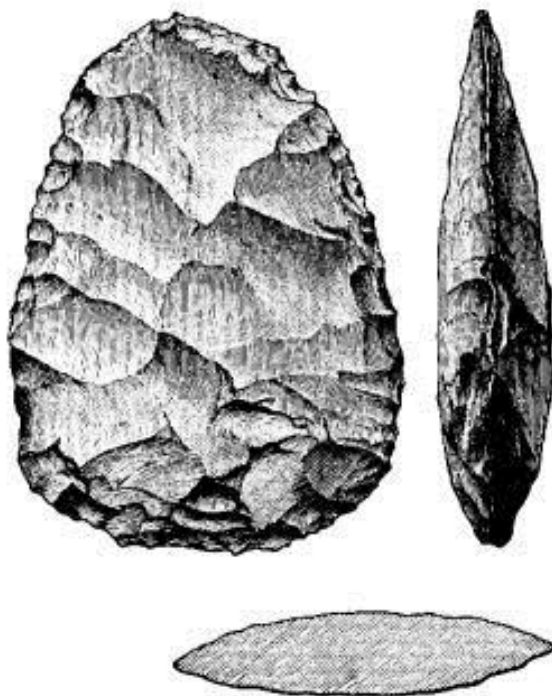

Рис. 3. Кремневый диск, пещера Кента. (1/2).

Итак, таковы некоторые из признаков, которые, как предполагалось, указывают на древнее присутствие человека в Новом Свете. Если мы оцениваем это с точки зрения исторических, а не геологических периодов, то какие бы доказательства его археологии древности ни были представлены, они будут подтверждены другими свидетельствами; и особенно доказательствами, представленными множеством независимых языков и разнообразием типов рас, простирающихся от полярного круга до Огненной Земли. Но было бы опрометчиво предполагать на основании полученных пока частичных свидетельств, что сопоставление кремневых наконечников стрел с мастодонтом из Миссури, керамики с костями и бивнем того же животного в постплейоцене Южной Каролины, человеческих костей в богатых окостенелыми породами пещерах Бразилии или кремневых орудий труда и человеческих останков, найденных

в калифорнийских и других золотоносных отложениях, бесспорно доказывают существование человека на американском континенте одновременно с ископаемым слоном или мастодонтом. .

Приведенные до сих пор доказательства в лучшем случае лишь наводили на мысль о дальнейших исследованиях. Нет никаких сомнений в том, что доктор Лунд посетил ту часть Бразилии, которая лежит между Рио-дас-Вельяс и Рио-Парапеба, и получил очень важные палеонтологические результаты. Там он обнаружил горную цепь из известняковых пород, изобилующую трещинами и кавернами; и в некоторых из этих известковых пещер он извлек не только кости многочисленных ископаемых млекопитающих, залегших в красной земле, но и человеческие кости, которые, по его словам, были ископаемыми. Среди останков были не только останки ленивцев и броненосцев гигантских размеров, но и вымершие роды обезьян, которые, как предполагается, были современниками ископаемых пещерных людей. Но опыт учит палеонтолога, что простое извлечение костей или орудий из одной и той же пещеры не является доказательством современности. Пещера, которая была заполнена пещерной землей и костной брекчией, вместе с вымершими животными периода глиптодона и милодона, возможно, в долгую последующую эпоху стала убежищем или местом захоронения индейцев.

С момента открытия доктора Лунда прошло почти сорок лет. С тех пор оплакиваемый Агассис посетил Бразилию с ценными результатами для науки; но никакого дополнительного света на значение открытий этой интересной местности пролито не было. Однако один важный факт не только был признан, но и настаивался на нем. Череп ископаемых людей Бразилии не обнаруживает следов приближения к черепу ископаемой обезьяны, а, напротив, ничем не отличается от преобладающего типа американских индейцев; и то же самое впоследствии было подтверждено в отношении набора человеческих черепов, находящихся сейчас в коллекции Смитсоновского института, которые были найдены инкрустированными сталагмитами в известняковой пещере в округе Калаверас, Калифорния. Сначала предполагалось, что их ископаемый характер и крайняя древность бесспорны. В этом другом отношении они соответствуют бразильским ископаемым останкам. Профессор Джеффрис Вайман сообщил о них, что они не представляют “никаких особенностей, по которым их можно было бы отличить от других черепов Калифорнии”.^[28]

Таким образом, здесь могут появиться дополнительные доказательства того, “что общий тип рас, населявших Америку в ту невообразимо отдаленную эпоху, был тем же самым, который преобладал в период открытия Колумбии”;^[29] и что, следовательно, предполагаемый доктором Мортоном единый тип черепа относится к американскому человеку из самых отдаленных геологических времен. Однако, кажется, есть больше оснований полагать, что пещера Калаверас была местом погребения нынешней расы индейцев; и что ее черепа очень современны даже по сравнению с ископаемыми карибами из Гваделупы. Но растущее количество свидетельств отдаленной древности европейского человека, естественно, предполагает пересмотр свидетельств, приводимых в подтверждение его древнего присутствия в Новом Свете.

В последнее время сэр Чарльз Лайелл отнесся с большей благосклонностью, чем когда-либо, к возможному сосуществованию человека с мастодонтом, мегалониксом и другими вымершими видами, среди костей которых в суглинке долины Миссисипи, недалеко от Натчеза, была обнаружена человеческая тазовая кость, которая легла в основу весьма всеобъемлющих теорий. Сообщается, что в дельте той же реки, недалеко от Нового Орлеана, был найден полный

человеческий скелет, погребенный на глубине шестнадцати футов под остатками четырех последовательных кипарисовых лесов; и это открытие дало данные, на основании которых доктор Беннет Даулер приписал человеческому роду существование в дельте Миссисипи 57 000 лет назад.^[30]

Доказательства такого исключительного характера требуют использования со скромной осторожностью. Европейские антиквары, обнаружившие табачные трубки шестнадцатого и семнадцатого веков рядом с керамикой и другими несомненными остатками римского искусства, поспешно отодвинули употребление табака на классические времена.^[31] При столь же веских доказательствах это может быть отнесено к останкам мамонта, поскольку аналогичная реликвия была обнаружена на глубине многих футов при проходке угольного карьера в Миске, в графстве Эйршир.^[32]

[6] Британские владения в Северной Америке. Lond. 1832. Vol. i. p. 89.

[7] Утешения в путешествии, или Последние дни философа.

[8] Доисторические анналы Шотландии, том i, стр. 41.

[9] Доисторические исследования Андалусии, Мадрид, 1868.

[10] Земля Израиля: журнал путешествий по Палестине, 1865, стр. 11.

[11] Дж. Триммер: Журнал. Геол. соц., том ix.

[12] Доисторические анналы Шотландии, 1851, 1-е изд. стр. 29.

[13] Археология, том. xiii. с. 206; т. xxxviii. с. 301.

[14] Древность человека, 4-е изд. стр. 190.

[15] Археология, том. xxxviii. с. 296.

[16] Доисторические анналы Шотландии, 1-е изд. стр. 33.

[17] Ред. Фил. Jour., i. 395.

[18] Этот вопрос был впервые поднят автором в “Исследовании доказательств существования примитивных рас в Шотландии до кельтов”. —Отчет Британской ассоциации, 1850.

[19] Гамлет, Акт II. Часть 2.

- [20] Монтгомери, остров Пеликан.
- [21] Труды Академии естественных наук, Филадельфия, июль 1859 г., стр. 178, 186.
- [22] Окаменелости Мантелла из Британского музея, стр. 473.
- [23] Американский журнал. о науке и искусствах, том. xxxvi. стр. 199, Первая серия.
- [24] Philosophical Transactions, vol. xxiv. стр. 85.
- [25] Геология. Обзор Иллинойса, А. Х. Уортен, том i, стр. 38.
- [26] Типы человечества, стр. 351.
- [27] Древности южных индейцев, стр. 293.
- [28] Отчет Смитсоновского института, 1867, стр. 407.
- [29] Доктор Ашер, Типы человечества, стр. 351.
- [30] Типы человечества, стр. 272.
- [31] La Normandie Souterraine, стр. 76.
- [32] Доисторические анналы Шотландии, том ii. стр. 505.

ГЛАВА III. КАМЕНОЛОМНЯ.

КАМЕНОЛОМНЯ—ПЕЩЕРА БРИКСХЭМ—КРЕМНЕВЫЕ ОРУДИЯ БРИКСХЭМ—ФЛИНТ—РИДЖ, ОГАЙО—КРЕМНЕВЫЕ КАРЬЕРЫ—ОТЛОЖЕНИЯ ДРЕЙФУЮЩИХ КАРЬЕРОВ—СЛЕДЫ ИСКУССТВА ЭПОХИ ПАЛЕОЛИТА—ЛАНЦЕТНЫЕ КРЕМНИ-МИНДАЛЕВИДНЫЕ КРЕМНИ—ШАУНИ—ИНДЕЙЦЫ КОЛОРАДО—ТАЙНИКИ ОБРАБОТАННЫХ КРЕМНЕЙ—ЗАХОРОНЕНИЯ—НАХОДКИ ПЕЩЕРНЫХ ДРЕЙФОВ-НАГЛЯДНЫЕ АНАЛОГИИ—КОЛЛЕКЦИИ ЦИНЦИННАТИ—НАКОНЕЧНИКИ КОПИЙ ИЗ РОГОВОГО КАМНЯ—ИСКУССТВО АМЕРИКАНСКОГО НЕОЛИТА-КРЕМНЕВЫЕ СВЕРЛА—СПОСОБЫ ПЕРФОРАЦИИ—КРЕМНЕВЫЕ НОЖИ—БРИТВЫ И СКРЕБКИ—НАКОНЕЧНИК СТРЕЛЫ ФОРМЫ—ДИСКОВИДНЫЕ КАМНИ—ГРУЗИЛА И ЛАССО-КАМНИ—ЧАШЕОБРАЗНЫЕ КАМНИ—АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ-ВАЛУНЫ ДЖОРДЖИИ—РУЧНЫЕ ЧАШИ—КАМНИ—ТОЧИЛЬНЫЕ КАМНИ ЭПОХИ НЕОЛИТА—АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАГАДКИ-ДРЕВНИЕ АНАЛОГИИ.

Если простая грубость должна быть принята за указание на первые безыскусственные попытки человека обзавестись инструментами, исследователь первобытной истории может предположить, что в самых грубых орудиях из сугробов и пещер он видит примеры самых инфантильных усилий в промышленном искусстве. Он может даже воображать, что в больших бесформенных кремневых орудиях, найденных в оссифицированных пещерах и аллювиальных отложениях, наряду с остатками вымершей фауны периода палеолита, столь непохожего ни на одну историческую эпоху, он проследил свой путь назад к первым примитивным попыткам человеческого искусства, если не к эволюционной заре полумразумного ремесленника. Знаменательным фактом является то, что каменные орудия самых деградировавших диких рас не отличались такой неуклюжей бесформенностью. Действительно, можно привести примеры, отобранные за их грубость, из орудий труда современных дикарей. Но бушмены, патагонцы, минкопи, австралийцы или любая другая раса, стоящая на низшей ступени развития человечества, проявляют изобретательность и мастерство в изготовлении каких-то специальных инструментов или оружия. Не менее достойно внимания и то, что обычные орудия труда и оружие из кремня и камня, найденные в древних скандинавских, галльских и британских захоронениях, в озерных жилищах Швейцарии, датских курганах ракушек и других европейских хранилищах доисторического промышленного искусства, едва ли отличимы от кремневых ножей, скребков, наконечников копий и стрел или каменных долбил, топоров и кувалд краснокожих индейцев или жителей островов Тихого океана. Особые типы действительно встречаются; и материалы, которыми изобилуют в особых местностях, такие как мексиканский обсидиан или зеленый камень Тасмании, придают особый характер орудиям труда некоторых регионов; но, в целом, каменное искусство различных рас, как бы далеко они ни были разделены пространством и временем, представляет так много аналогий, что они, по-видимому, подтверждают идею о том, что определенные инстинктивные операции человеческой изобретательности находят повсюду одно и то же выражение в узком диапазоне неметаллургического искусства. Поэтому немногие факты, относящиеся к этой области изучения, произвели на меня большее впечатление, чем существенно разнообразные типы, характерные для массивных и чрезвычайно грубых орудий из пещер и речных заносов. Они, по-видимому, указывают на некую необъяснимую разницу между мастером эпохи мамонта или северного оленя и изготовителем орудий труда британской эпохи неолита или индийским дикарем нового времени.

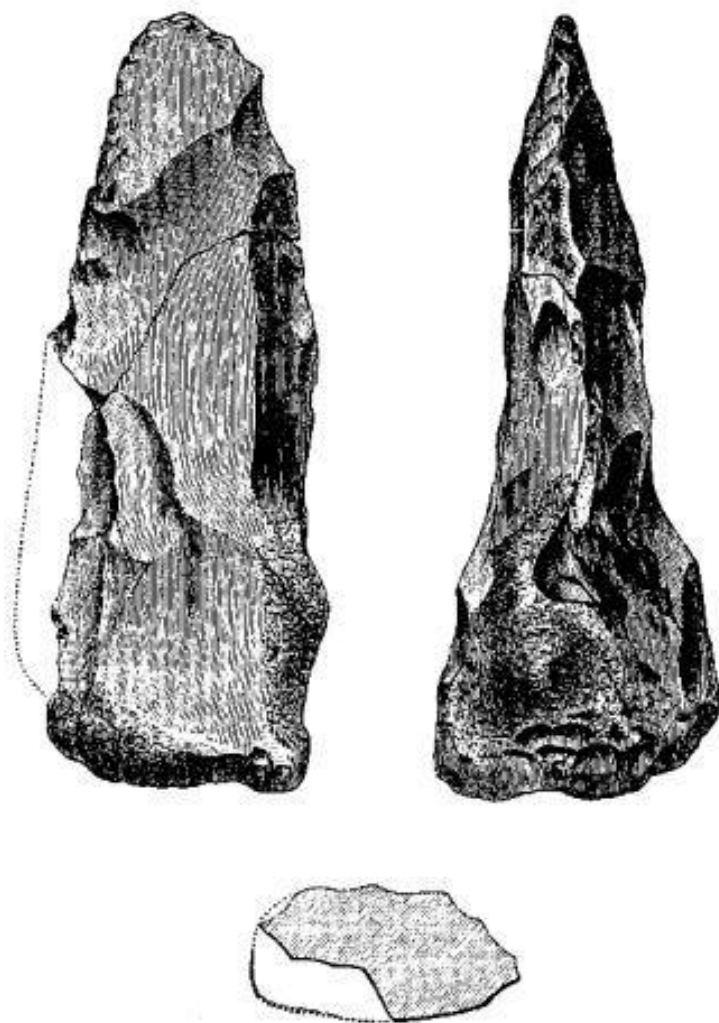

Рис. 4. Кремневое орудие из пещеры Бриксхэм. (Эванс). (1/2).

Между орудиями из пещерной земли и из речного стока прослеживается достаточное соответствие, позволяющее отнести их к одной и той же эпохе; и, таким образом, оправдать нас при проверке их искусства путем их совместного обнаружения. Оссифицированная пещера Бриксхема, которая недавно была подвергнута исчерпывающему научному исследованию, состоит из ряда галерей и проходов в девонширском известняке. Частично это естественные трещины, а частично камеры, выдолбленные под действием проточной воды. Они были заполнены гравием, красной пещерной землей и слоями сталагмита, которые находились в процессе отложения, когда *ursus spelae*, или большой пещерный медведь, все еще обитал в их убежищах, и когда северный олень был уроженцем соседнего региона. Несмотря на то, что человек время от времени посещал пещеру Бриксхэм, она никогда не была его жилищем или мастерской, и поэтому здесь были обнаружены только его самые грубые инструменты. Из них рис. 4 является характерным примером грубого ланцетовидного орудия, которое воплощает в себе некоторые очень важные отблески эпохи, к которой оно принадлежит. Большие долины были раскопаны и вновь засыпаны гравием, образовавшимся в результате дрейфа во время длительных ледовых работ и наводнений. Но здесь видно, что сила наводнений достигала даже глубин пещер. Орудие было разбито на три части, очевидно, в период первоначального засыпания пещеры. Одна часть была найдена погребенной в земле пещеры галереи кремневых

ножей; другой фрагмент лежал далеко друг от друга, под слоем земли в три с половиной фута, в соседней галерее; в то время как третья часть ускользнула даже от тщательных и разборчивых поисков, которые привели к извлечению этих давно разрозненных фрагментов. Следует иметь в виду, что каждый фрагмент кремня, найденный в пещерной земле, был сохранен, независимо от того, были ли на нем следы работы человека или нет. Всего было обнаружено тридцать два фрагмента; с интервалом почти в месяц между обнаружением первой и второй частей орудия, изображенного здесь. Прошло еще больше времени, прежде чем было замечено, что они подходят друг к другу как части одного и того же обработанного кремня. Большинство найденных таким образом фрагментов претерпели значительные изменения в своей структуре и стали впитывающими влагу и хрупкими. Как мало, следовательно, шансов, что какой-либо тонко обработанный кремневый инструмент будет найден в пересыпанных слоях гравия!

Но сравнительно девственная почва Нового Света хранит в запасе примеры подобного примитивного мастерства, иллюстрирующие значение некоторых из тех аморфных кремней, которые свидетельствуют об искусстве и все же кажутся почти слишком безыскусственными для любых целей человека. Долины реки Огайо и ее притоков имеют особую привлекательность как места многочисленных земляных работ и других останков доисторической расы, известной по одному из выдающихся классов своих сооружений как Строители курганов. В более поздние столетия, в период сношений Европы с Новым Светом, те же долины были заселены воинственными племенами краснокожих индейцев; и теперь, когда трудолюбивое население заменило свои эфемерные жилища городами и фермами англо-американских поселенцев, следы даже позднейших аборигенов кажутся примитивными, как следы европейского неолита. Летом 1874 года я посвятил часть долгого отпуска осмотру некоторых из самых замечательных земляных сооружений и других древних остатков этой интересной местности; и среди других объектов, иллюстрирующих его прошлую историю, я посетил Флинт-Ридж, кремнистое месторождение каменноугольного периода, которое простирается по территории штата от Ньюарка до Нью-Лексингтона, и в различных точках его обрабатывали для изготовления местных орудий труда. Здесь у меня была возможность исследовать древние ямы, из которых, как предполагается, строители гигантских земляных сооружений в соседних долинах добывали кремнь, или роговой камень, из которого в основном изготавливали свое оружие и орудия труда. Посещаемая точка находится на вершине холмистой гряды примерно в десяти милях от города Ньюарк и его замечательных земляных сооружений, описанных ниже. В различных точках вдоль хребта, как там, так и в других частях штата, встречаются многочисленные воронкообразные ямы глубиной от четырех или пяти до пятнадцати футов; аналогичные следы горных работ можно увидеть и в других местностях, например, в Левенворте, примерно в трехстах милях ниже Цинциннати, где в изобилии встречается серый кремнь, или кретит, из которого в основном изготавливают крупные орудия труда. Наклонные стенки ям во многих случаях покрыты расколотыми кремнями, раздробленными и частично сформованными, как будто для целей изготовления. Там я впервые увидел настоящие аналоги орудий для выемки грунта и в течение часа или двух без труда раздобыл образцы, в точности повторяющие многие формы, знакомые среди тех, что распространены в пещерной земле и выемках гравия Франции и Англии.

Мы склонны думать, что древние огнивщики и камнерезы просто подбирали случайные материалы, подходящие для их простого ремесла. Но использование кремня для изготовления камней для пращей, наконечников стрел и другого метательного оружия, а также всех обычных бытовых принадлежностей, а также для войны и охоты, требовало постоянного спроса на

свежие материалы, которые часто можно было достать только в отдаленных населенных пунктах. Следовательно, это то, что можно предположить, помимо любых прямых свидетельств, что применялась регулярная система добычи кремневых конкреций, наиболее подходящая для искусства изготовления орудий труда; и что торговля или бартер сырьем обеспечивал поставки племенам, удаленным от содержащих кремнь месторождений мела или гравия. Но также это вытекает из интересных исследований полковника А. Лейна Фокса в Сиссбери, недалеко от Уортинга,^[33] и из исследований преподобного У. Гринвелла в Граймс-Грейвз, недалеко от Брэндона, в Норфолке,^[34] что кремневые конкреции не только добывались в карьере, но и подготавливались на месте; так что рудокоп уносил с собой не просто груз кремневых конкреций, как современный производитель мог бы обременить себя железной рудой: но кремни требуемых размеров, грубой формы для окончательной операции, которая заключалась в изготовлении из них ножей, скребков, наконечников стрел и копий, топоришков и т.д. Точно такой же процесс наблюдается и в останках, найденных в карьерах Флинт-Ридж, штат Огайо. Хлопья или икра, ножи, скребки, миндальные и ланцетные брусочки в изобилии используются на первой стадии грубого производства. Изучая их на месте, я был сильно впечатлен сходством многих из них с более грубыми орудиями из штрека; и, следовательно, пришел к предположению, что и в последнем случае мы во многих случаях имеем дело не с безыскусными орудиями, которые вполне уместно предполагают, что мастеру, соответственно, не хватает даже такого мастерства и рассуждений, которыми руководствуются современные дикари, изготавливающие орудия труда; но только с грубо отесанными кремнями, только что из каменоломни, и в состоянии, наименее подверженном повреждению в результате насилия, которому неизбежно подвергались камни, несущие орудия труда. Более того, не может ли быть так, что в некоторых из богатейших залежей таких обработанных кремней в гравиях Франции и Англии мы действительно имеем рассеянные материалы таких скоплений в карьерах, а не разрозненные орудия труда отдельных охотников? Только таким образом мы можем удовлетворительно объяснить тот факт, что подобные следы первобытного человека в настоящее время успешно разыскиваются на основе чисто геологических данных. Археолог копается в кельтском или саксонском кургане и находит в качестве награды орудия труда и керамику его строителя. Но английские геологи, определив характер гравия с орудиями труда во французском штреке, искали кремневые орудия в соответствующих английских слоях, как они искали бы ископаемые раковины того же периода и с таким же успехом. В настоящее время они получены в Саффолке, Бедфорде, Хартфорде, Кенте, Мидлсексе и Суррее.^[35] "Человек из дрейфа" настолько полностью вышел из-под контроля археологов, что в 1861 году профессор Прествич дополнил свои "Заметки о дальнейших открытиях кремневых орудий в слоях постплейстоценового гравия и глины" списком из сорока одного населенного пункта, где встречаются гравийные карьеры или пласты гравия, а также некоторые места на юге из Англии, где, по его мнению, при тщательных поисках также можно было бы найти кремневые орудия, и последующие открытия подтвердили его предположения.

Многими было воспринято как элемент, который в некоторой степени умаляет неопровержимую силу этого накопленного доказательства, что там, где обработанные кремни обнаруживаются *in situ*, они встречаются в слоях гравия и глины, изобилующих необработанными кремнями на всех стадиях случайного разрушения, и включая многие из них, которые самый опытный археолог не решился бы классифицировать как имеющие естественное или искусственное происхождение. Но, исходя из предположения о регулярной добыче полезных ископаемых и обработке кремнистых пластов, можно ожидать, что такие следы искусства эпохи палеолита обнаружатся в

речном гравии как геологической формации, в которой было много необходимого материала; и которая, более того, в своей последней реконструкции относится к речным долинам, наиболее приспособленным для обитания человека послеледниковой эпохи. Фактически, это местности, к которым опыт археолога направил бы его в поисках следов примитивных охотничьих и рыболовецких племен; но также это те же слои, содержащие млекопитающих, к которым обращается геолог, когда ищет остатки, иллюстрирующие вымершую фауну послеледниковой эпохи.

Рис. 5. Ланцетный кремль, Флинт—Ридж, Огайо, (2/3).

В карьерах Флинт-Ридж и вокруг них, штат Огайо, сейчас можно увидеть накопленные результаты столетий добычи полезных ископаемых, простиравшихся, по всей вероятности, от эпохи строителей курганов до вымирания миами, шауни и других недавних жителей долины Огайо. Унесенные наводнениями в нижние долины, более мелкие фрагменты были бы раздроблены и исчезли; и только такие образцы сохранились бы в неизменном виде, поскольку в долине Соммы их количество поразило археологов и побудило скептиков приписать их происхождение случайному разрушению слоев гравия и необработанных кремней, в которых они в основном встречаются. На рис. 5 показан обработанный кремль, подобранный в одном из карьеров на Флинт-Ридж, в округе Лизинг, штат Огайо. Небольшой кусочек откололся от острия в результате недавнего перелома. Его аналогия с одним из известных типов дрейфующих орудий едва ли может вызывать сомнения. Это, как следует помнить, никогда не вынималось из ямы и, несомненно, представляет собой грубо перекрытый таким образом материал, из которого старый мастер намеревался изготовить готовый инструмент. Другой распространенный тип показан на рис. 6, грубо обтесанный в виде миндалевидного лезвия. Некоторые из приобретенных мной образцов покрылись пятнами от долгого пребывания на

солнце, а другие обесцвечены и стали хрупкими; но на многих из них почти не осталось следов воздействия времени. Действительно, можно усомниться в том, что какие-либо из них относятся к отдаленной древности; хотя, несомненно, древние строители курганов

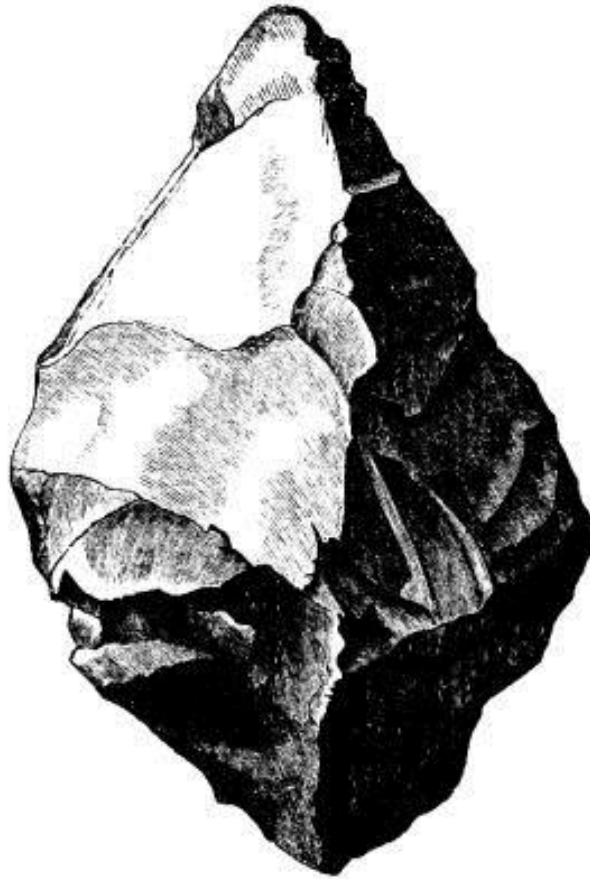

Рис. 6. Миндалевидный кремнь, Флинт—Ридж, Огайо. (2/3).

черпали материалы для своих каменных орудий из этого неисчерпаемого источника; и образцы того же класса обработанных кремней часто встречаются поблизости от курганов и даже среди их содержимого. Кремневые отщепы, грубо сделанные ножи и скребки настолько распространены на вспаханных полях, что о них обычно говорят по всему Огайо и Кентукки под названием “спавлс”. Действительно, трудно сделать выборку из множества материалов, иллюстрирующих эту часть предмета. Запасы кремня или его роговиков и кремнистых эквивалентов были неисчерпаемы; а его естественное дробление приводило к получению форм, которые часто требовали небольшого труда для превращения в полезные домашние орудия. Представленные до сих пор образцы были получены непосредственно из карьеров Флинт-Ридж; но столь же характерные образцы лежат вперемешку с готовыми топорами и наконечниками стрел, вывернутыми плугом или извлеченными из курганов. В приведенном здесь примере (рис. 7), взятом из оригинала, вспаханного в долине Шарон, округ Лизинг, штат Огайо, в окрестностях большого кургана, читатель не может не заметить аналогию со знакомым классом орудий для проходки.

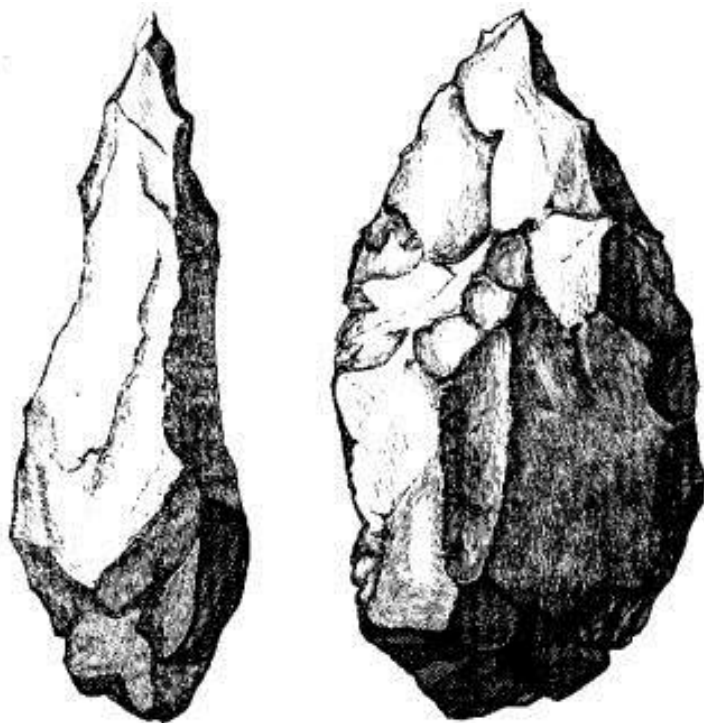

Рис. 7. Кремль в форме листа, долина Шарон, Огайо. (2/3).

Шауни, которые в последний раз населяли упомянутый сейчас регион, были многочисленным и воинственным племенем, которое, согласно индейской традиции, пришло из Джорджии и Западной Флориды в долину Огайо. Но они были вовлечены во французские войны, присоединились к знаменитому заговору Понтиака в 1763 году и были почти истреблены в битве, разыгравшейся в двух милях от города Ньюарк. К ним, без сомнения, следует отнести многие из кремневых орудий, столь распространенных в соседних долинах, а также частично обработанные кремни в многочисленных карьерах вдоль Флинт-Ридж. Но материал для самых крупных орудий здесь неисчерпаем; и естественные линии конхоидального излома в равной степени определяли мастерство троглодита из Дрейфа и самого современного изготовителя стрел из племени шауни или чиппева.

В огромных курганах, которыми изобилует регион, орошаемый рекой Огайо и ее притоками, изящно обработанные ножи и наконечники стрел, ценные наконечники топоров, перья и полусферы из гематита, искусно вырезанные трубки и даже булавки и набалдашники из кости похоронены вместе с самыми крупными кремнями ланцетовидной и овальной формы; или блоки из того же материала, грубо отесанные, которые были извлечены из ям. Преобладает общая и вполне обоснованная идея о том, что древние строители курганов, а в некоторых случаях и современные индейцы, имели обыкновение делать тайники из кремневых блоков, чтобы защитить материал от воздействия атмосферы. Современные английские производители оружейных кремней придерживались той же идеи, полагая, что определенное количество влаги, присутствующее в кремне, необходимо для легкой обработки, и что оно теряет ее при длительном воздействии. Профессор Дж. У. Пауэлл в своем отчете об исследованиях Западного Колорадо, сделанном в 1873 году, таким образом описывает метод, применяемый индейцами Колорадо при изготовлении своих каменных орудий: "Обсидиан или другой камень, из которого должно быть изготовлено орудие, сначала отбирают путем дробления больших массивов

породы и выбора тех, которые демонстрируют желаемую трещиноватость и которые не имеют изъянов; затем эти куски запекают или готовят на пару, возможно, я мог бы сказать, отжигают, помещая их во влажную землю, покрытую яркимогнем, на двадцать четыре часа; затем резкими ударами по камню подвергают обработке. далее их измельчают на хлопья, приблизительно соответствующие желаемой форме и размеру. Для более полной обработки орудия используется инструмент из рога, обычно горного барана, но иногда оленя или антилопы. Каменную крошку держат в одной руке, кладут на маленькую подушечку из незадубленной кожи какого-нибудь животного, чтобы защитить руку от отколовшихся чешуек, и резким нажатием костяного инструмента придают ей нужную форму. Они приобретают в этом большое мастерство, и это искусство, по-видимому, доступно лишь нескольким людям, которые изготавливают их и обменивают на другие изделия".^[36] Несомненно, некоторые из простых костяных орудий, найденных в курганах, использовались для этой цели. Недавно в Цинциннати мне показали несколько хорошо сделанных наконечников для стрел работы доктора Х. Х. Хилла, который сообщил мне, что его единственным орудием труда была костяная ручка зубной щетки.

Среди множества интересных открытий, сделанных в результате исследований господ . Сквайер и Дэвис обнаружили в кургане "Работа Кларка", одном из крупнейших земляных сооружений в долине Скиото, то, что справедливо можно рассматривать как склад таких кремневых блоков, только что извлеченных из каменоломни. Многие из них достигают полуметра в длину, но различаются по размеру и форме. Из раскопок длиной шесть футов и шириной четыре было извлечено почти шестьсот. Они лежали ровными рядами, по краям, в два слоя, один над другим; и исследователи подсчитали, что все месторождение могло составлять четыре тысячи дисков из рогового камня, грубо подготовленных для будущего изготовления.

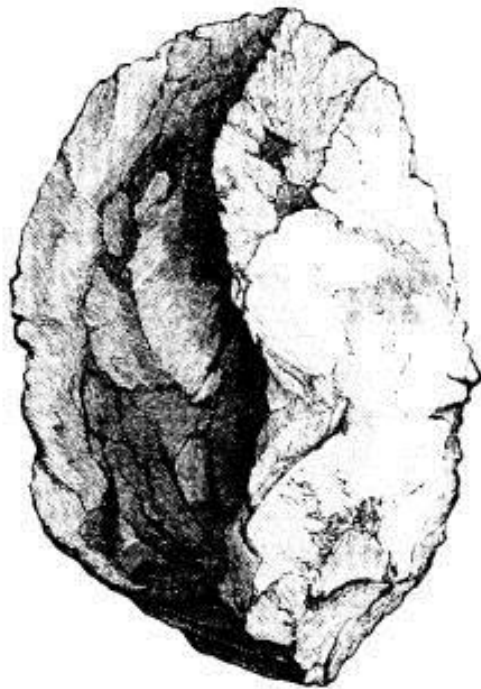

Рис. 8. Кремневое орудие, округ Лизинг, Огайо. (1/1).

Кремневые брусочки длиной от десяти до двенадцати дюймов, подобным образом выполненные в виде острия копья, время от времени попадались в Дании, Франции и Бельгии;

их следует искать и в других местах, поскольку кремневые орудия распространены во многих местностях, где материал, из которого они сделаны, совершенно неизвестен. Справедливо предполагается, что это было сырье, которое, подобно чугуну, таким образом, было готово для использования мастером. Несомненно, путем бартера и торговли различными способами этот материал для кремневикуров разных каменных периодов Европы и Америки распространялся из центров, где добывался самородный кремень; точно так же, как в более поздние медный и бронзовый периоды на обоих континентах ценные металлы распространялись по отдаленным районам. Но только в местностях, где изобилует кремень, орудия труда, или даже блоки, или ядра, самого большого размера являются обычным явлением. Рис. 8 представляет собой одно из небольших кремневых орудий грубой формы, найденных из большого кургана в окрестностях Ньюарка. Это указывает, как на обесцвечивание, так и на изменение потускневшей поверхности, на характерные свидетельства значительной древности. Таким образом, погребенные в курганах или разбросанные повсюду в бороздах каждого вспаханного поля, тонкие кремневые отщепы, ножи или черенки, наконечники стрел, топоры и другие реликвии как строителей курганов, так и их индейских преемников встречаются в изобилии. Огромный грубо отесанный кусок кремня или рогового камня занимает такое же достойное место рядом с изящно обработанными орудиями труда, как и ценный кусок необработанного гематита, крупная пируля или даже масса меди или галенита. Возможно, они были захоронены в могильном холме, чтобы снабдить умершего материалами для изготовления орудий труда, приспособленных к новой жизни, в которую он собирался вступить. Однако более вероятно, что они были положены там просто как часть обычной обстановки, приспособленной к повседневному опыту жизни. Но если палеолитические мастера по изготовлению орудий труда создавали что-то похожее на более тонкие орудия, то превратности диллювиальных и других геологических изменений оставили мало и частично свидетельствующих о такой законченной ручной работе дрейфующего народа. В их пещерных жилищах действительно допускались, при особо благоприятных обстоятельствах, случайные находки костяных орудий, небольших ножей и кремневых копий и других сравнительно изящных предметов, используемых при работе в помещении; и ценность их как иллюстраций привычек и обычаев древних троглодитов едва ли можно преувеличить. Но даже они обязаны своим сохранением процессам, сходным с тем, который расколол и рассеял фрагменты орудий из пещеры Бриксхэм; и который в результате более сильного изменения речного гравия, должно быть, в целом превратил любую резную кость или искусно обработанный кремень в неразличимые фрагменты. Исключения действительно чрезвычайно редки, когда в отложениях гравия находят единственную кость такого маленького животного, как человек.

В содержимом ила и сталагмита пещер также, несомненно, присутствуют промышленные орудия более позднего периода, чем речная галька; и, как в случае с пещерой Кента, даже сохраняются свидетельства смены обитателей, принадлежащих к разным эпохам и, вероятно, к существенно различным расам людей. Но только в исключительных случаях, представляющих особый интерес, в пещерном штреке обнаруживаются следы настоящего жилья, кучи кухонного мусора, сломанные или разбросанные инструменты и даже кремневые стержни, камни-молотки и кремневые отщепы, указывающие на мастерскую древнего мастера по изготовлению инструментов. Мистер Эванс изображает камни-молотки различных видов, сделанные из разнообразной гальки и обколотого кремня; другие из французских пещер состоят из кремневых стержней с выступающими поверхностями, обтесанными в результате их использования в качестве камней-молотков в процессе обтесывания кремня. желаемые формы.

Одно из орудий этого класса, находящееся сейчас в моем распоряжении, из светло-серого кремня, носящее явные следы длительного использования, было обнаружено на вспаханном поле в округе Лизинг, штат Огайо. Другой образец из моей коллекции был подарен мне мистером У. Л. Меррином, который подобрал его поблизости от одной из шахт на Флинт-Ридж, среди обломков и конкреций, указывающих на то, где работал старый добытчик кремня. В пещерные отложения были занесены останки животных и орудия труда человека частично в результате тех же процессов, которые в долинах соседних рек погребали творения человека рядом с костями крупнейших ископаемых млекопитающих. В первом случае временами заиливание было процессом достаточно щадящим, чтобы сохранить в целости мельчайшие следы пещерного жителя и его искусства; но, как правило, от той далекой палеотехнической эпохи до нас дошли только более крупные и грубые орудия, соответствующие, так сказать, топору дровосека и мотыге или плугу полевого работника, которые единственные были способны противостоять яростным наводнениям и подобным элементам геологической реконструкции.

Из находок иного характера в настоящих пещерных жилищах Людей Дрейфа до нас дошло достаточно, чтобы подтвердить идею о том, что мы пока получили лишь частичное представление об искусстве той далекой зари; и что мы можем с интересом наблюдать за каждым новым открытием, призванным уменьшить удивление, вызванное крупными ланцетными или яйцевидными кремнями той эпохи, обработанными настолько грубо, что временами их можно приписать какому-нибудь иррациональному калибану, а не человеку-ремесленнику. Возможно, кто-то сочтет, что я слишком легко поверил причудливой аналогии; но когда я исследовал заброшенные кремневые карьеры Шауни и древние каменоломни строителей курганов в Огайо или подбирал в бороздах их оскверненных земляных валов огромные полуоформленные блоки из рогового камня яйцевидной и копьевидной формы, похожие на те, что были обнаружены в европейских отложениях, это казалось мне проблеском света, озаряющим мрак того далекого рассвета.

Весь регион Огайо и Кентукки богат останками древних каменщиков. В Гранвилле, Черри, Шароне, Ганновере и других долинах вокруг Ньюарка, в окрестностях Дейтона и в форте Древний в округе Уоррен, штат Огайо, где у меня были специальные возможности для изучения, а также во множестве других населенных пунктов по всему штату изобилуют кремневые орудия труда. В Цинциннати я изучил большие коллекции, в основном полученные в результате поисков на берегах Огайо и его притоков после весеннего разлива. Иногда прекрасные экземпляры можно наблюдать *in situ*, выступающие из размытого берега на глубине около двадцати дюймов от поверхности; но большее количество подобрано в иле и гравии, оставленных падающей рекой, в то время как гораздо больше должно быть погребено в ее русле: возможно, они станут предметом изучения будущих поколений в реконструированных речных долинах нового мира. Их количество действительно поражает тем контрастом, который представляет собой девственная почва Нового Света по сравнению с редкими следами европейского неолитического искусства. Один коллекционер-энтузиаст, доктор Бирнс из Цинциннати, рассказал мне, что наиболее удачные находки были сделаны им в месте слияния рек Литтл-Майами и Огайо, где за один день он обнаружил на берегах реки свыше семидесяти каменных орудий различного вида, обнаженных льдом и весенними паводками.

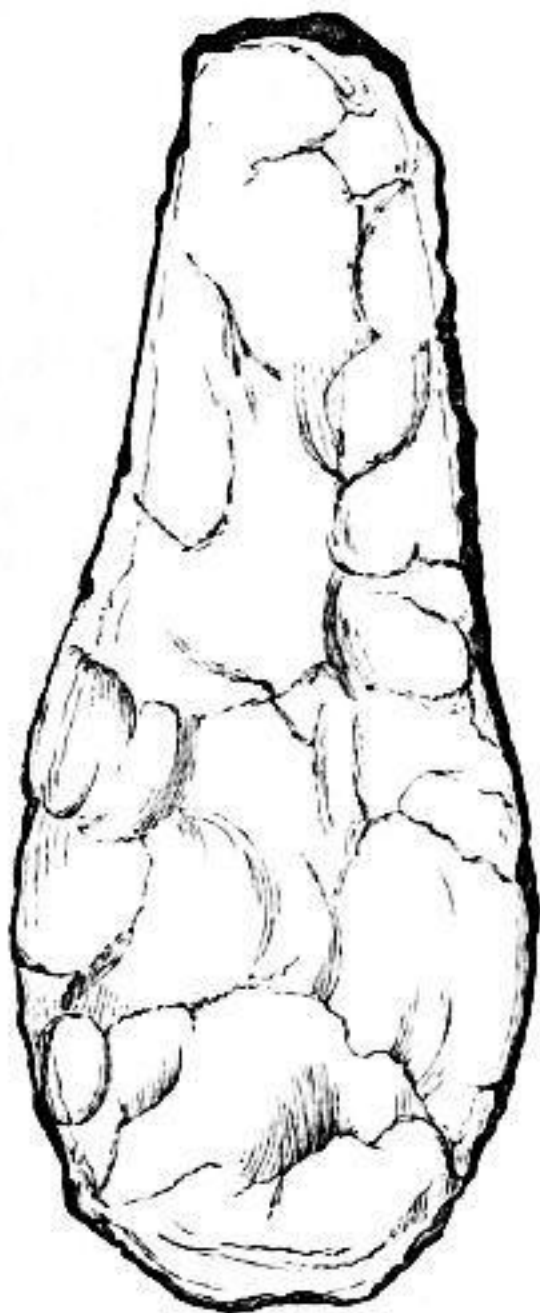

Рис. 9. Кремневая мотыга, Кентукки. (1/3).

Многие кремневые орудия обработаны с изысканной точностью, вплоть до тончайших зазубренных краев; при этом, без сомнения, благодаря обилию материала, они часто по масштабам значительно превосходят орудия европейского периода неолита. В коллекциях доктора Хилла, доктора Бирнса и мистера Осии из Цинциннати я сделал рисунки кремневых ножей, наконечников копий и мотыг длиной почти одиннадцать дюймов. На рис. 9 показан пример последнего устройства, уменьшенный до одной трети линейного измерения. Он был найден доктором Хиллом на берегу реки Огайо, недалеко от Смитленда, штат Кентукки, и полностью иллюстрирует характер кремневой мотыги. Широкий конец был обработан до краев и отломан от использования, в то время как узкий конец заканчивается плоской

необработанной поверхностью, демонстрирующей естественную текстуру конкреции, из которой он был сделан. Те же коллекции, о которых говорилось выше, включают наконечники копий из темного рогового камня длиной от 6½ до 7 дюймов, которых более пятидесяти было найдено на ферме в округе Кейси, штат Кентукки. На другой ферме в округе Джексон, штат Индиана, любопытство владельца было возбуждено большим размером двух или трех наконечников копий из темно-серого рогового камня, вырытых плугом; и при раскопках он обнаружил около девяти сложенных по краям ярусов один над другим. Их экземпляры, исследованные мной в разных коллекциях, имели длину от 4½ до 5 дюймов. Одно из самых маленьких из них изображено здесь в натуральную величину, рис. 10. Наряду с некоторыми из этих крупных наконечников копий доктор Хилл изготовил несколько прекрасно обработанных лезвий в форме листьев, заточенных до тонких краев, длиной более 5 дюймов. Они обработаны из бледно-серого рогового камня с белыми вкраплениями. Двенадцать из них были вспаханы на равнине между двумя большими курганами недалеко от Бруквилла, штат Индиана; а десять совершенных, с многочисленными сломанными образцами более редкого типа наконечников больших стрел, столь же хорошо обработанных, были найдены в окрестностях другого кургана, недалеко от Андерсонс-Ферри, в нескольких милях ниже Цинциннати. Количество таких орудий в этом регионе поражает; и часто красота куска молочного кварца, желтого кремня или чистого горного хрусталя, по-видимому, побуждала мастера проявлять максимальную ловкость в изготовлении зазубренных, зубчатых и искусно обработанных лезвий различных форм.

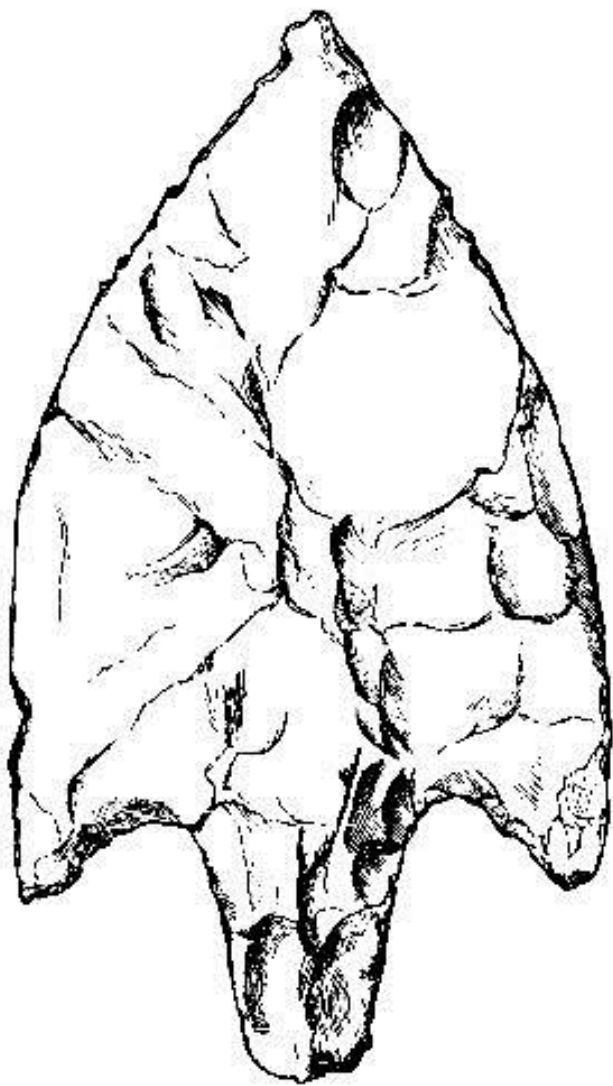

Рис. 10. Кремневый наконечник копья, Индиана. (1/3).

В названных мною коллекциях, а также в коллекциях м-ра Кленея и м-ра Джеймса из Цинциннати, м-ра Меррина и м-ра Шрока из Ньюарка, образцы кремневых и каменных орудий насчитывают многие сотни, и потребовался бы том не менее объемный, чем всеобъемлющая монография м-ра Джона Эванса о древних каменных орудиях, оружии и украшениях Великобритании, чтобы проиллюстрировать их детали. Я ограничусь здесь несколькими примерами, выбранными из числа тех, которые характерны для неолитического искусства Нового Света и которые дают какой-либо наводящий на размышления намек относительно происхождения или использования предметов, уже знакомых археологу. Среди реликвий кургана встречаются перфорированные зубы медведей и других животных; бусины из раковин встречаются еще чаще; костяные и роговые булавки и наконечники копий, а также особый класс каменных орудий, чаще всего изготовленных из полосатого серого или голубого сланца, продырявленных двумя или более отверстиями, - все это обычное явление. Основные разновидности показаны в древних памятниках долины Миссисипи, рис. 136, с. 237. Некоторые из них настолько похожи на наручи, или гарды, найденные в британских захоронениях, и предполагается, что их носили на левой руке для защиты от натягивания тетивы при

использовании лука, что я склонен приписывать им то же назначение. Но другие изогнуты по краям и часто имеют слишком большой размер для этой цели. Последние также иногда изготавливаются из меди. Один из примеров орудий труда этого класса, или личных украшений, найденных в Локпортском кургане и ныне находящихся во владении мистера Меррина, имеет размеры 5·30 на 3·80 дюймов.

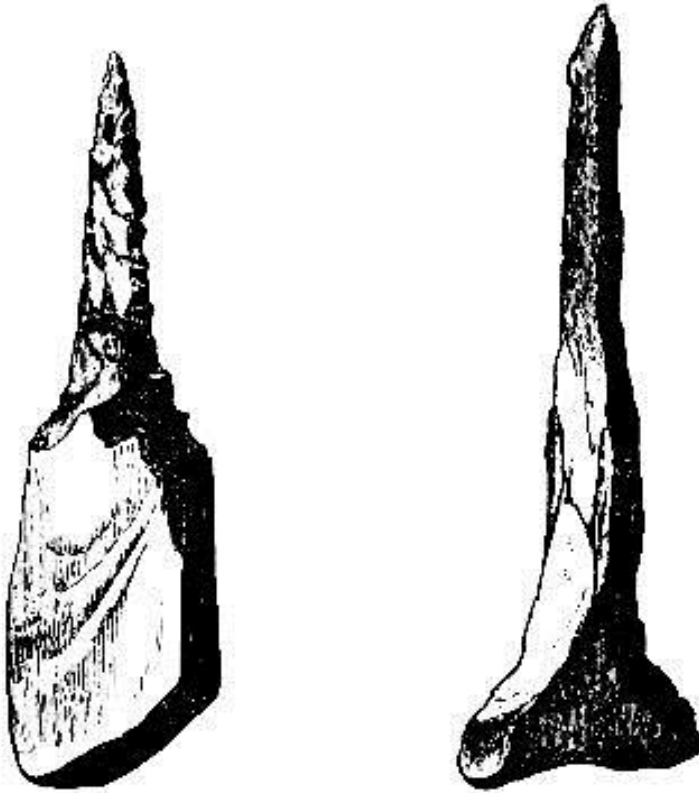

Рис. 11.—Кремневое шило, Мейвилл, Кентукки. Рис. 12.—Кремневое сверло, Цинциннати.

Частое появление просверленных и перфорированных каменных и ракушечных орудий, трубок и т.д. Объясняет нахождение разнообразных шил или сверл, сделанных из кремня и камня. В курганах были найдены не только перфорированные горжетки из раковин, каменные таблички или гарды, перья и тому подобные реликвии, но такжебусы, зубы медведя и другие подвески или личные украшения различного рода. В некоторой степени они соответствуют классу орудий из перфорированных раковин и кости, встречающихся в древних пещерных отложениях Франции и Англии; а кремневые шила или буры, которыми они сверлились, были признаны среди более редких предметов периода неолита, найденных в Англии, Франции, Дании и в швейцарских озерных жилищах.^[37] Рис. 11, 12 являются хорошими примерами двух типов таких инструментов, которыми пользовались древние каменщики долины Огайо. Рис. 11 был найден его нынешним владельцем, мистером Джеймсом Пирсом, недалеко от Мейвилла, штат Кентукки. Квадратный обухок, образующий рукоять, сохраняет естественную форму куса желтого кремня, из которого она сделана, в то время как сколы на поверхности лезвия подчеркивают темно-серый цвет сердцевины. На рис. 12 представлен более крупный и грубый образец кремневого сверла из коллекции доктора Хилла из Цинциннати, вероятно, предназначенного для крепления к деревянной рукоятке и используемого для операций более крупного масштаба. Более тщательно обработанное маленькое кремневое шило с аккуратно обработанной ручкой, но, к

сожалению, сломанное на острие, было подарено мне мистером Меррином из Ньюарка, который подобрал его в поле неподалеку. Дрель другого типа показана на рис. 13, также из коллекции доктора Хилла.

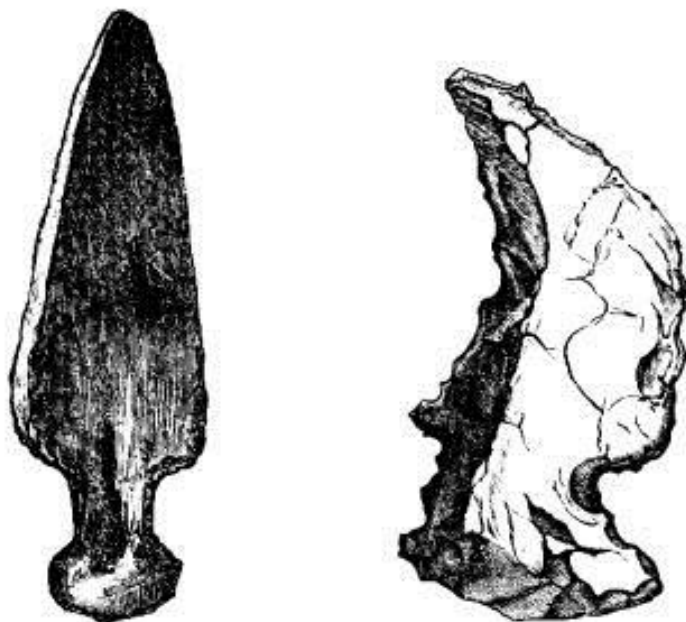

Рис. 13.—Сверло по камню, Цинциннати. Рис. 14.—Кремневый нож, Цинциннати.

Он сделан из диорита, и на первый взгляд его можно принять за каменный наконечник стрелы. Но он совершенно гладко истерт по обоим краям, особенно к острию, очевидно, из-за постоянного использования для продырявления какого-либо твердого вещества, такого, которое могло бы привести к выдалбливанию чаши в каменной трубке; хотя такой инструмент использовался во многих операциях древних кремневи́ков. Ножи и бритвы различных форм, причем некоторые из них отделаны с особой тщательностью, иногда в совершенно фантастических формах, также встречаются часто. Их необычная форма, вероятно, частично объясняется случайным переломом кремневых отщепов, образцы которых в изобилии встречаются в ямах на Флинт-Ридж, и часто требуются небольшие манипуляции, чтобы превратить их в режущие орудия. На рис. 14 показан небольшой нож этого класса, выбранный из нескольких в коллекции доктора Хилла. Он сделан из желтого кремнезема и имеет острую режущую кромку. Но есть еще один класс кремневых ножей, знакомый европейским археологам, среди которых встречаются интересные примеры. Хороший американский образец кремневого стержня, подобный тому, который был найден в пещере Кента и в других местах на британских стоянках и широко распространен среди неолитических реликвий Дании, теперь находится в моем распоряжении. Он был подобран в долине Гранвилл, округ Лизинг, штат Огайо, недалеко от знаменитого Крокодилового кургана; на нем видны грани, с которых были сняты длинные изогнутые чешуйки. Изогнутая форма, которую от природы принимает чешуйка, часто сохраняется в готовых орудиях труда вместе с тремя гранями, образующими острое треугольное лезвие, переходящее в острую кромку.

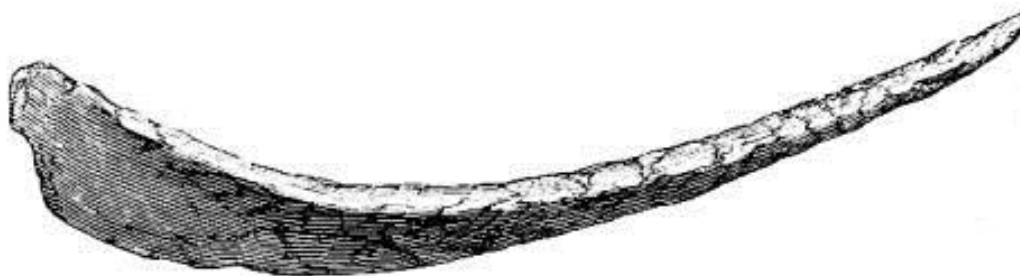

Рис. 15. Кремневая бритва, Кентукки.

Мексиканский обсидиан характеризуется таким же изломом; и некоторые из ранних испанских авторов подчеркивают остроту лезвия обсидиановых бритв, которые едва ли уступают лезвиям из стали, хотя они быстро теряют свою остроту. Хороший пример кремневой бритвы показан на рис. 15 из коллекции мистера Джеймса Пирса из Мейвилла, штат Кентукки. Это одна из внешних чешуек сердцевины, хорошо заостренная с одной стороны и сколотая до широкой корешка. Снабженный деревянной рукоятью, он стал бы удобным режущим инструментом для многих целей. Здесь он показан примерно в 5-6 раз больше первоначального размера. Естественное расщепление кремня, определяющее, таким образом, формы, которые принимают раздробленные конкреции, привело к появлению определенных классов орудий, общих для всех каменных периодов, о которых у нас есть какие-либо следы, от эпохи палеолита кочевников и пещерных людей до эпохи обработки кремня дикими племенами наших дней. Подковообразные, грушевидные, овальные, дисковидные и другие скребки изобилуют среди наиболее известных орудий труда древнеамериканских кремневиков, воспроизводящих все формы, характерные для ранних каменных периодов Европы, и которые были подробно проиллюстрированы мистером Эвансом.^[38] Но есть и другой тип скребка, более законченного характера,

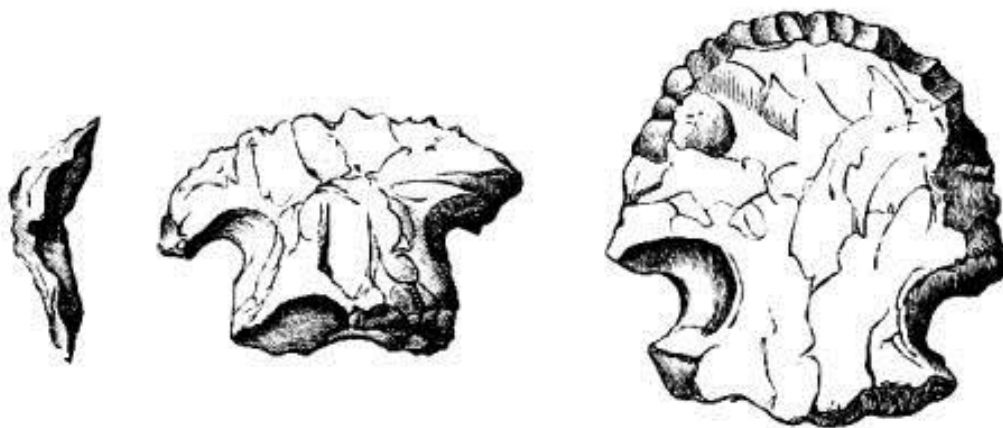

Рис. 16-17. Кремневые скребки, Огайо.

что часто встречается среди американских кремневых орудий, о которых я не знаю, чтобы какой-либо пример до сих пор был отмечен в Европе. В его более распространенной форме его на первый взгляд можно было бы принять за сломанный наконечник стрелы. Но повторяющееся появление примеров этого типа с хорошо обработанным краем, неизменно наклоненным с

изгибом в одну сторону, не оставляет места для сомнений относительно его назначения в качестве скребка, предназначенного для крепления к рукояти и используемого для придания формы иглам, набалдашникам, наконечникам копий и другим орудиям из слоновой кости или рога. Этот тип показан на рис. 16, подобран в окрестностях Ньюарка. На рис. 17 представлена другая распространенная форма, с краем, загнутым в одну сторону, но с более слабым изгибом или иным наклоном в сторону. Оба они изображены в натуральную величину; но встречаются экземпляры большего размера с различными изгибами лезвия, от длинной подковы до широкой формы полумесяца. Существуют также наконечники стрел аналогичной формы, но без изгиба лезвия. Похожие наконечники для стрел в настоящее время индейцы черноногие делают из железных обручей, полученных от торговцев мехами в Гудзоновом заливе, и говорят, что с их помощью искусный стрелок обезглавит птицу на лету. Другие, более редкие формы кремневых орудий включают листовидные, яркие или фантастической формы наконечники стрел и подобные орудия, пример которых показан на рис. 18, и для которых трудно определить какое-либо конкретное применение. Некоторые из них, действительно, похожи на забавы изобретательного мастера, соблазнившегося случайными формами расколотого кремня, чтобы попробовать свои силы в изготовлении какого-нибудь причудливого ножа, наконечника стрелы или другого орудия необычной конструкции.

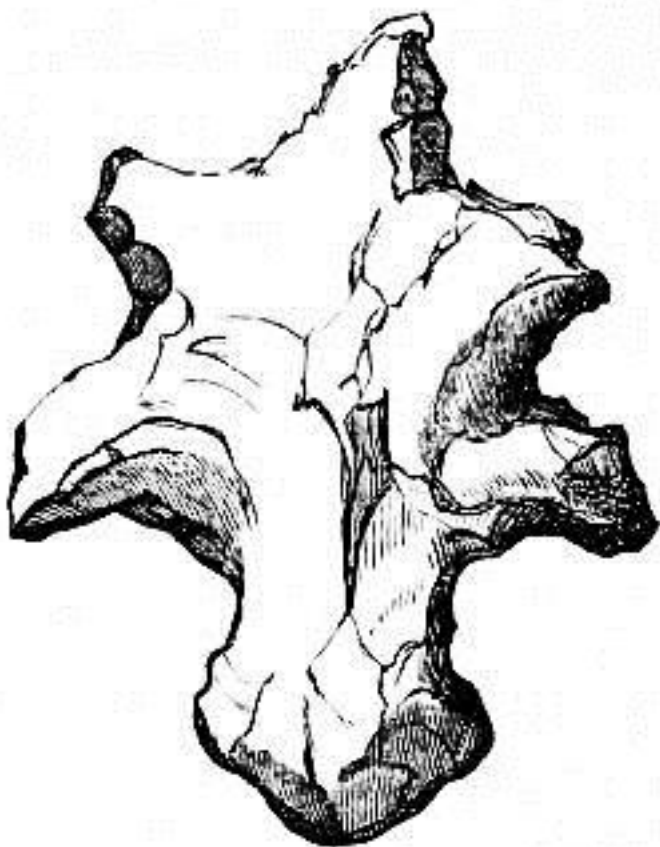

Рис. 18. Листовидный наконечник стрелы.

Дисковидные камни, несколько различающиеся по форме и размеру, распространены в долине реки Огайо и по всем Южным штатам. Господа. Сквайер и Дэвис приводят два примера,

найденных ими вместе с необычайно богатым запасом отборных реликвий, в том числе нескольких свернувшихся змей, вырезанных из камня и тщательно завернутых в листовую слюду и медь, под насыпью в большом земляном валу Пейнтс-Крик. Найденные там дискообразные камни сделаны из очень плотного железистого камня темно-коричневого цвета с вкраплениями желтой слюды. Другие сделаны из гранита, порфира, яшмы, зеленого камня и кварца, иногда с вогнутыми поверхностями или перфорированными воронкообразными углублениями с обеих сторон; но всегда из твердого камня и тщательно отполированного. Один прекрасный образец в коллекции доктора Бирнса сделан из полированного новакулита, а другой - из кварца. Самые крупные из них около шести дюймов в диаметре и, как правило, отделаны очень симметрично. Нет сомнения, что подобные орудия использовались южными индейцами после того, как их посетили европейцы, в некоторых любимых играх. Адэр описывает их использование; и добавляет, что они ценились так высоко, “что их хранили со строжайшей религиозной заботой от одного поколения к другому; и их не разрешалось хоронить вместе с мертвыми”. Возможно, в некоторых из них мы находим орудия, использовавшиеся в играх, которые играли заметную роль в священных празднествах, для которых, как предполагается, были построены огромные геометрические земляные сооружения. Действительно, совершенная симметрия формы большинства реликвий этого класса, по-видимому, согласуется с идеей о том, что они были созданы расой, оставившей такие гигантские памятники своего уважения к геометрической конфигурации. Один перфорированный дискообразный камень из полированного гранита, который я исследовал в Цинциннати, был выкопан доктором Дж. Х. Хантом в большом земляном валу в Клеве, недалеко от великой реки Майами; а другой, находящийся во владении доктора Бирнса, был найден поблизости от одного из больших курганов на реке Огайо.

Среди более редких каменных орудий, встречающихся среди реликвий европейского неолитического искусства, есть определенные предметы, которые, хотя и небольшого размера, в остальном настолько напоминают наиболее совершенные горные молотки, что их обычно называют молотковыми камнями. Однако более тщательное и разборчивое изучение их привело к назначению для совершенно иной цели. Пример, найденный недалеко от Эмблсайда, Уэстморленд, и приведенный в Археологическом журнале,^[39] показывает хорошо обработанное яйцевидное орудие из камня с глубокой канавкой посередине. Другие неоднократно находили по соседству с английскими озерами, а также в других местностях; и поскольку на них нет следов побоев или износа от использования молотка, и они часто сделаны из песчаника или другого материала, непригодного для такой цели, в настоящее время их обычно рассматривают как грузила для сетей или рыболовных лесок. Предметы почти аналогичной формы, но чаще всего сделанные из диорита, гранита или других столь же твердых пород, встречаются среди каменных орудий в долине Огайо. Многие из них имеют длину от 3 до 4 дюймов. Но хотя на них также отсутствует каких-либо следов истирания или ударов, это указывает на то, что они не использовались в качестве молотков, при их изготовлении, по-видимому, предпочтение было отдано твердому и тяжелому материалу. Следовательно, было высказано предположение, что это были гири, прикрепленные к охотничьему ремню или лассо; хотя они в равной степени служили бы грузилами для рыбацких сетей. Один из них, из кургана в Кентукки, показан на рис. 19. Он сделан из гранита и тщательно обработан, но твердый кремнистый конкреций на одном конце не поддавался усилиям рабочего придать ему идеальную симметрию. Попытка определить, для чего были изготовлены орудия труда при обстоятельствах, столь кардинально отличающихся от всего, с чем мы знакомы, является в лучшем случае

догадкой. Но кажется маловероятным, что столько труда и навыков было затрачено на придание такому неподатливому материалу симметричной формы для простого грузила сети. В коллекции мистера Меррина есть большое орудие труда той же формы, весом целых восемнадцать фунтов. Он был найден на месте кургана Локпорт в Ньюарке вместе с многочисленными другими реликвиями из камня, ракушек, слюды и меди. Его размер и вес сразу наводят на мысль о его использовании в качестве рудничного молота; но он сделан из песчаника и не сохранил следов использования в качестве молотка. Он одинаково неприменим как для охотничьего лассо, так и для рыболовной сети; и если рассчитан на определенный вес, то должен был предназначаться для каких-то совершенно иных целей.

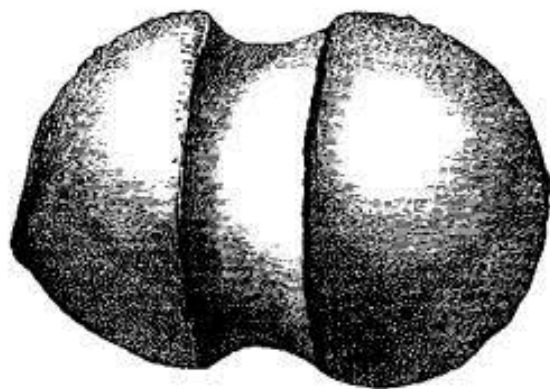

Рис. 19. Лассо—Стоун, Кентукки.

Среди различных новых реликвий долины Огайо, которые привлекли мое внимание своим сходством с другими, знакомыми европейским археологам, был класс чашевидных камней, очень распространенных во многих местностях. В 1867 году сэр Джеймс Ю. Симпсон опубликовал подробное и почти исчерпывающее исследование “Архаичных камней в Шотландии, Англии и других странах”; и примерно в то же время Алджернон, герцог Нортумберлендский, предпринял иллюстрацию того же класса реликвий в своем собственном округе. Работа была задумана в большом масштабе и появилась только после его смерти, когда был выпущен большой императорский фолиант, озаглавленный “Вырезанные знаки на камне, найденные в графстве Нортумберленд, Аргайлшир и др.”. Простейшие типы этого класса архаичных скульптур состоят из округлых углублений, или “чашечек”, образованных на поверхности скал и стоячих камней и варьирующихся от 1 до 3 дюймов в диаметре. Они неравномерно разбросаны по поверхности. Но у другого класса чашечки окружены концентрическими кольцами и линиями, ведущими от одной группы к другой, с такой очевидной системой, что наводит на мысль о том, что это образцы примитивной хорографии, мало чем отличающиеся от очертаний, которые, как я видел, были сделаны индейцем на кусочке бересты для обозначения географии местности. Фактически предполагалось, что это карты либо кельтских бриттов, либо какого-то более древнего народа, и что они изображают главные города или укрепленные крепости, а также соседние деревни или лагеря с дорогами, ведущими от одной к другой. Но в то время как чашеобразные углубления составляют их основные отличительные черты, сопровождающие их линейные знаки достаточно различаются, чтобы предоставить любителям антиквариата широкий простор для фантазии и догадок при определении их происхождения или использования. Соответственно, они были описаны как финикийские, друидические, митраистские; как происходящие из поклонения

Ваалу или персидскому богу Солнца; как кровавые фокусы алтарей друидов; эмблемы поклонения женскому лингаму; сабейские астрономические устройства; или как так или иначе узнаваемые как обладающие священным или религиозным характером.

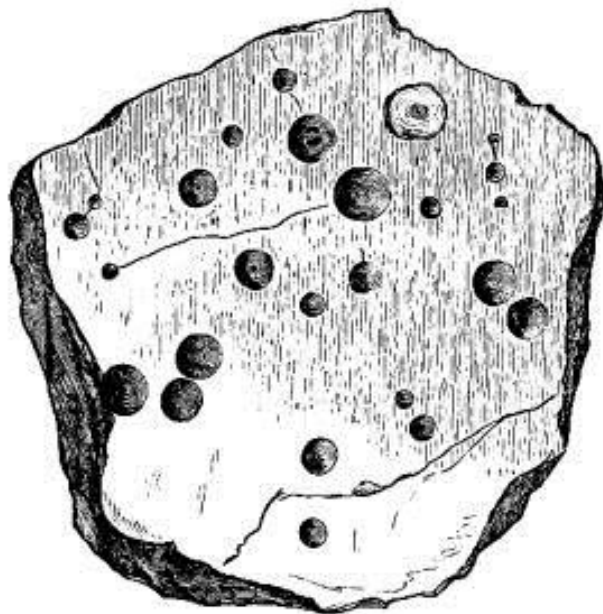

Рис. 20. Чашеобразный камень, Огайо.

Скульптурные изображения чаш в Великобритании вскоре привлекли внимание, когда профессор Нильссон сообщил об их появлении на скандинавских стоячих камнях; доктор Келлер признал их присутствие на скалах и валунах Швейцарии; и теперь выясняется, что они не менее распространены в Огайо и Кентукки и простираются на юг, в Джорджию и другие штаты Персидского залива. На рис. 20 представлена чашеобразная глыба песчаника на берегах Огайо, немного ниже Цинциннати. Другие, гораздо более крупные, были описаны мне доктором Хиллом. В одном из них, расположенном над Мейвиллом, тридцать девять чаш, а в другом, недалеко от берега реки, восемьдесят таких же характерных углублений с другой линейной и круглой резьбой. Мистер Чарльз К. Джонс в своих "Древностях южных индейцев" упоминает скульптурный валун из мелкозернистого гранита в округе Форсайт, штат Джорджия, который во многих отношениях является точной копией древних британских колец и чаш. Подобно замковому камню Боннингтонского кромлеха, блоку Олд-Бьюик, описанному сэром Дж. Я. Симпсоном, и кромлеху Ланкресс на Нормандских островах: валун Джорджии имеет ряд чашечек, или просверленных отверстий, идущих вдоль одной стороны, в то время как его поверхность изрезана чашеобразными углублениями глубиной от половины до трех четвертей дюйма, с concentрическими кольцами и соединяющими линиями, очень напоминающими скульптуры на некоторых древних шотландских камнях. В Джорджии предполагается, что это работа индейцев чероки; но г-н Джонс добавляет: "Никакой интерпретации этим фигурам предложено не было, и неизвестно, кем или с какой целью они были сделаны".^[40] Но помимо больших каменных скульптур, на вспаханных полях встречается множество мелких камней с вырезанными на них подобными чашечками. Они в основном из крупнозернистого песчаника, часто с несколькими отверстиями, нерегулярно расположенными более чем на одной поверхности; и близко соответствуют образцам, приведенным доктором Келлером, некоторые

из которых были добыты в озерных поселениях Невшателя. Я собрал несколько образцов и мог бы получить гораздо больше на фермах Огайо, включая как гладко выдолбленные чашечки диаметром от одного до двух с половиной дюймов, так и те, где углубление грубо вырезано или только частично превращено в гладко закругленную чашечку. Некоторые из этих образцов были найдены на соседних полях во время раскопок кургана Эванса в долине Шарон, недалеко от Ньюарка, где я также приобрел как полированные топоры, так и фрезерные станки. Чашевидные камни были из крупнозернистого песчаника, с углублениями, расположенными нерегулярно с обеих сторон и иногда настолько близко, что переходили друг в друга. В них помещались закругленные концы каменных топоров и пестиков, и эти два класса предметов казались дополняющими друг друга. Здесь была грубо вырубленная впадина, постепенно превратившаяся в гладкое округлое углубление в процессе, как я понимаю, заточки концов каменных топоров, маисовых дробилок, пестиков и тому подобных приспособлений, некоторые из которых точно помещались в чашечки. Поскольку углубление постепенно становилось слишком большим, было сделано новое. Края чашеобразных камней меньшего размера также часто свидетельствуют об их использовании для шлифования поверхностей таких каменных орудий. Однако это не та теория, которая находит одобрение в долине Огайо. Там в изобилии растет гикори, или местный грецкий орех, с твердой скорлупой, не поддающейся никаким обычным попыткам добраться до соблазнительного ядра. Но мальчики научились находить камешек в форме чашечки и, помещая орех в его углубление, раскалывают его при ударе другим камнем, а его содержимое закрепляют. Поэтому такие предметы называются ореховыми камнями; и м-р К. К. Джонс в своих "Древностях южных индейцев" перенял и название, и идею, заключенную в нем, несмотря на наличие таких же чашечек или углублений на скалах и валунах, совершенно неприменимых для такой цели.^[41]

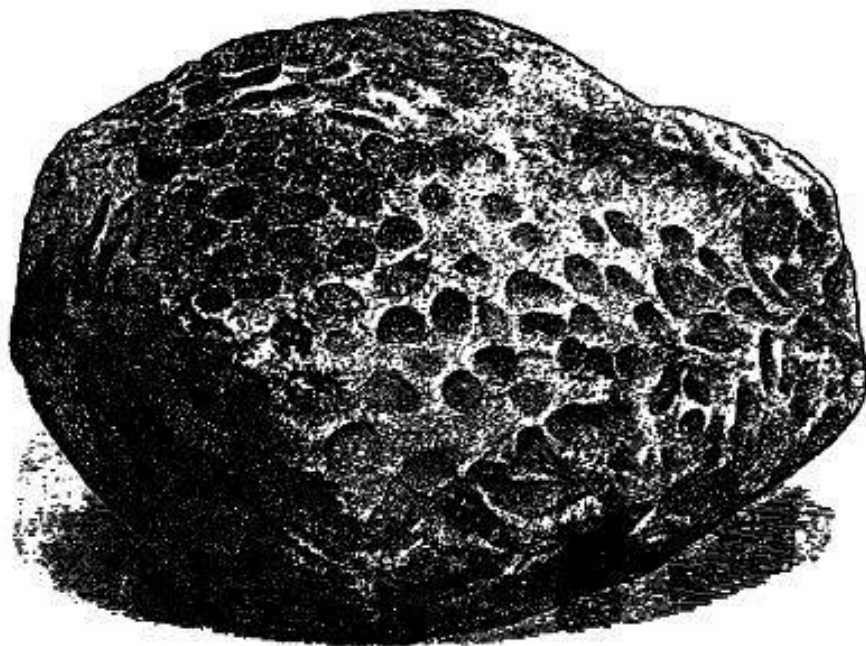

Рис. 21. Чашеобразный Боулдер, Тронтон, Огайо.

Каким бы ни было назначение чашевидных камней, они не были неизвестны древним строителям курганов. Господа. Скуайер и Дэвис утверждают, что “при вскрытии одного из курганов была обнаружена глыба плотного песчаника, в которой было несколько круглых

углублений, во всех отношениях напоминающих те, что бывают на рабочих блоках медников, в которые вбивают металлические пластины для придания им выпуклости". Соответственно, они предполагают, что это были формы, в которых формовались медные выступы и диски, многочисленные образцы которых были найдены в курганах.

Весьма характерный пример того, что, возможно, не совсем уместно назвать точильным камнем эпохи неолита, был найден недалеко от Тронтона, штат Огайо, летом 1874 года. Это большой валун из песчаника, как показано на рис. 21, покрытый чашечками, или ямками; а также, как будет видно, длинными бороздками, которых достаточно, чтобы доказать его использование в качестве камня для придания формы и полировки инструментов. Это подтверждает вероятное происхождение чашек по аналогичной причине. С тех пор как я привлек внимание к этому предмету, мне сообщили об обнаружении многочисленных камней с аналогичными углублениями и бороздками вдоль берегов реки Огайо, включая некоторые из твердых гранитных, или лаврентийских валунов. Но, по-видимому, предпочтение было отдано твердым породам из песчаника.

Предположение о том, что чашечки на больших валунах и маленькие точильщики песчаника могут быть в равной степени отнесены к манипуляциям изготовителя каменных инструментов, оставляет неучтенными более сложные элементы в виде концентрических колец и линейных приспособлений; хотя мне кажется менее невероятным, что эти дополнения, которые, таким образом, обнаруживаются среди других следов племен чероки и шауни нового света, а также среди останков доисторических рас Европы, могут быть не более чем дополнениями праздной фантазии, добавленными к углублениям, возникшим при необходимости шлифования кремня и других материалов. каменные орудия придают им требуемые формы, чем то, что они являются таинственными религиозными символами. И все же есть очарование в идее, что они являются "археологическими загадками": финикийскими, митраистскими, сабейскими или друидическими; "лапидарными иероглифами и символами", как предполагает сэр Дж. Я. Симпсон, "ключ к таинственному значению которых утерян и, вероятно, никогда не будет восстановлен".^[42] "Они, - снова говорит он, - слишком явно "пережитки прошлого", чтобы даже самая традиционная из человеческих рас сохранила о них хоть малейшее воспоминание"; и поскольку в своей попытке определить расу, к которой их можно отнести, он отслеживает проблески их появления за пределами Британских островов, он спрашивает: "Распространены ли они в странах, где они существуют?" кельтская раса так и не достигла? более того, можно ли их найти в землях латиноамериканцев, финляндцев или басков, которые, по-видимому, никогда не занимали ни кельты, ни какие-либо другие арийцы? Появляются ли они в Азии в пределах арийской или семитской рас? Или их можно проследить в Африке или в каких-либо местностях, принадлежащих хамитской ветви человечества? Существуют ли они на камнях Америки или Полинезии?"^[43] Если моя теория верна, их можно искать во всех. С нежными воспоминаниями о дорогом друге я отвечаю, что такие скульптурные чаши действительно существуют на камнях Америки и вполне оправдывают связь чаш Старого Света с эпохой европейского неолита, когда люди периода полированного камня шлифовали и придавали совершенную форму наиболее ценным реликвиям своего кропотливого искусства.

Объяснение, полученное таким образом из следов исконно дикарского искусства Америки, в возможном разъяснении класса архаичных европейских скульптур, которые стали предметом таких ученых спекуляций и исследований, может показаться слишком безыскусственным, чтобы его можно было заменить теориями религиозной символики или обрядов поклонения. Но

древние свидетельства художественного труда в обоих полушариях согласуются с идеей о том, что самые ранние искусства человека были наиболее практичного рода. Он действительно находил время украшать инструменты, предназначенные для обычного использования, и давал волю своей способности к подражанию в рисунках и резьбе, которые не отвечали никакой другой цели, кроме удовольствия, которое рисовальщик во все века получал от проявления своего мастерства в искусстве. Но привитие малоизвестных теорий символизма и ритуальных устройств либо к таким очертаниям, либо к более простым свидетельствам работы его рук способно увести нас в сторону от причудливых и бесполезных спекуляций, совершенно не относящихся к истинному значению таких следов примитивной механической изобретательности, которые обнаруживают присутствие человека даже на окраинах древних ледников и среди наносов гравия на заре Европы после плейоцена.

[33] Archæologia, vol. xlii. стр. 68.

[34] Журнал. Этнол. Soc. N.S., том ii. стр. 419.

[35] Журнал. Геол. соц. Изд., т. xvii. с. 322, 368; т. xviii. с. 113 и др.

[36] Отчет об исследованиях Западного Колорадо и его притоков, стр. 27.

[37] Древние каменные орудия Великобритании, стр. 289.

[38] Древние каменные орудия Великобритании, стр. 270-277.

[39] Археол. Журнал., том x. стр. 64.

[40] Древности южных индейцев, стр. 378.

[41] Древности южных индейцев, стр. 315-320.

[42] Архаические скульптуры, стр. 92.

[43] Там же, стр. 147.

ГЛАВА IV. ОБРАБОТЧИКИ КОСТИ.

РАБОЧИЕ С КОСТЬЮ И СЛОНОВОЙ КОСТЬЮ—ЗАМЕНИТЕЛИ КРЕМНЯ—ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ОТНОСИТЕЛЬНОГО ВОЗРАСТА—ДОМАШНИЕ КОСТЯНЫЕ ОРУДИЯ—ГРУБОЕ ИСКУССТВО ЭПОХИ ПАЛЕОЛИТА—РАБОЧИЕ С КИТОВЫМ УСОМ—ПРИМИТИВНЫЕ РАБОЧИЕ ИНСТРУМЕНТЫ—РЫБА-КОПЬЯ И ГАРПУНЫ—ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИЗОБРЕТАТЕЛЬНОСТЬ—РИСУНОК МАМОНТА—ГРАВЮРЫ МАДЛЕН—РАБОЧИЕ-ПРАВШИ—КИРКИ ИЗ ОЛЕНЬЕГО РОГА—КОСТЯНЫЕ НАРУЧИ ИЛИ ГАРДЫ-ВРЕМЯ ЗАРОЖДЕНИЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА—ИНУИТЫ-РЕЗЧИКИ АЛЯСКИ—ТРОГЛОДИТЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ФРАНЦИИ—ЧЕЛОВЕК ПОСЛЕЛЕДНИКОВОГО ПЕРИОДА—СИММЕТРИЧНАЯ ФОРМА ГОЛОВЫ-ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭНЕРГИЯ—СВИДЕТЕЛЬСТВА СКРЫТОГО ПАУЭРС-ТАВАТИНСКАЯ РЕЗЬБА ПО СЛОНОВОЙ КОСТИ—ОРУДИЯ ТРУДА ОЗЕРНЫХ ЖИТЕЛЕЙ—ПЕЩЕРНЫЕ ОРУДИЯ ТРУДА—ИСКУССТВО ЖИТЕЛЕЙ ТИХООКЕАНСКИХ ОСТРОВОВ—РАКОВИНЫ КАРИБОВ-НОЖИ—АБОРИГЕНЫ АНТИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ—КАРИБЫ САН—ДОМИНГО-НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ И РЕЗЬБА—ЦЕННЫЕ ТРОПИЧЕСКИЕ РАКОВИНЫ—ДРЕВНИЕ МОГИЛЫ ТЕННЕССИ—ИЗГОТОВЛЕНИЕ РАКОВИН—МОГИЛЫ ГУРОНОВ И ПЕТУНОВ—СВЯЩЕННЫЕ РАКОВИНЫ—СОСУДЫ—ПРИМИТИВНЫЕ УКРАШЕНИЯ ИЗ РАКОВИН—АМЕРИКАНСКИЕ КУРГАНЫ ИЗ РАКОВИН-ВАЛЮТА ИЗ РАКОВИН—СТАНДАРТ ЦЕННОСТИ ИОКУА.

Самый близкий тип, который мы можем сейчас представить себе к дрейфующему народу Европы послеледниковой эпохи, - это эскимосы. Возможно даже, что, подобно им, они жили зимой в снежных хижинах и возвращались в свои пещерные жилища только во время кратковременной жары полуарктического лета. У народа, занимающего такое положение, промышленные искусства крайне востребованы, как в отношении одежды, так и в отношении инструментов; и простейший опыт охотника направляет его к добыче охотничьих продуктов для наиболее легкого получения того и другого. Заостренный рог оленя служит для изготовления готового кинжала, наконечника копья и гарпуна; резец крупных грызунов служит для долота с более тонкими краями, чем могло изобрести первобытное искусство; и сам процесс разламывания костей крупных млекопитающих с целью получения ценного костного мозга приводит к образованию заноз и заостренных фрагментов, которые при несложных манипуляциях превращаются в ободки, заколки для волос и иглы. Слоновая кость моржа, нарвала или слона легче поддается обработке во многих желаемых формах и менее подвержена разрушению, чем неподатливый кремль или камень; и все эти материалы имеются в изобилии в самые суровые зимы, когда кремль и камень замурованы под мерзлой почвой. Следовательно, можно предположить, что орудиям труда и оружию из кости предшествовали все, кроме самых грубых каменных орудий; и хотя из-за неразрушаемой природы их материала именно из последнего в основном черпаются наши представления о древнейшем послеледниковом искусстве, в современных пещерных отложениях было найдено достаточно, чтобы подтвердить этот вывод об аналогичных гиперборейских искусствах наших дней.

Действительно, кремль, хотя и широко используемый в качестве материала для изготовления примитивных орудий труда, неизвестен во многих местностях. В настоящее время мы знакомы с регионами, где человек не только существует, но и снабжает себя приспособленными к его потребностям орудиями труда и оружием, хотя ни кремль, ни камень недоступны. Этот факт практически игнорировался в общепринятой научной терминологии. В том виде, в каком он теперь приведен к системе, он продолжается в ретроспективном порядке следующим образом:

Исторический, доисторический, неолитический, палеолитический, с возможным протолитом и еще более древними геологическими эпохами. Неловкое неправильное название неизбежно вытекает из такого предположения о камне как единственной основе первобытного искусства: например, когда археолог говорит о костяных орудиях палеолита или неолитической керамике. Поэтому я заменил здесь более полные термины "палеотехнический" и "неотехнический". Их в равной степени достаточно для классификации орудий труда и личных украшений из кремня, камня, кости, слоновой кости или даже металла: как в случае с неотехническими изделиями из золота и бронзы; а также для изделий из морских раковин. Многие из последних были обнаружены при обстоятельствах, которые подтверждают их право быть причисленными к другим образцам первобытного искусства; и даже находят иллюстрации среди более редких находок древнего пещерного схода. На огромном архипелаге Карибского моря, а также на широко разбросанных островах Тихого океана первобытную стадию туземного искусства действительно правильнее было бы назвать периодом изготовления раковин; ибо до их открытия европейцами большие раковины, которые моллюски соседних океанов добывают в большом изобилии, служили туземным мастерам наиболее удобным и легко обрабатываемым материалом. Особенно для туземцев коралловых островов Тихого океана морские раковины восполняли недостаток не только меди и железа, но и кремня и камня; и ставили их в незначительное невыгодное положение по сравнению, например, с индейцами медных районов озера Верхнее.

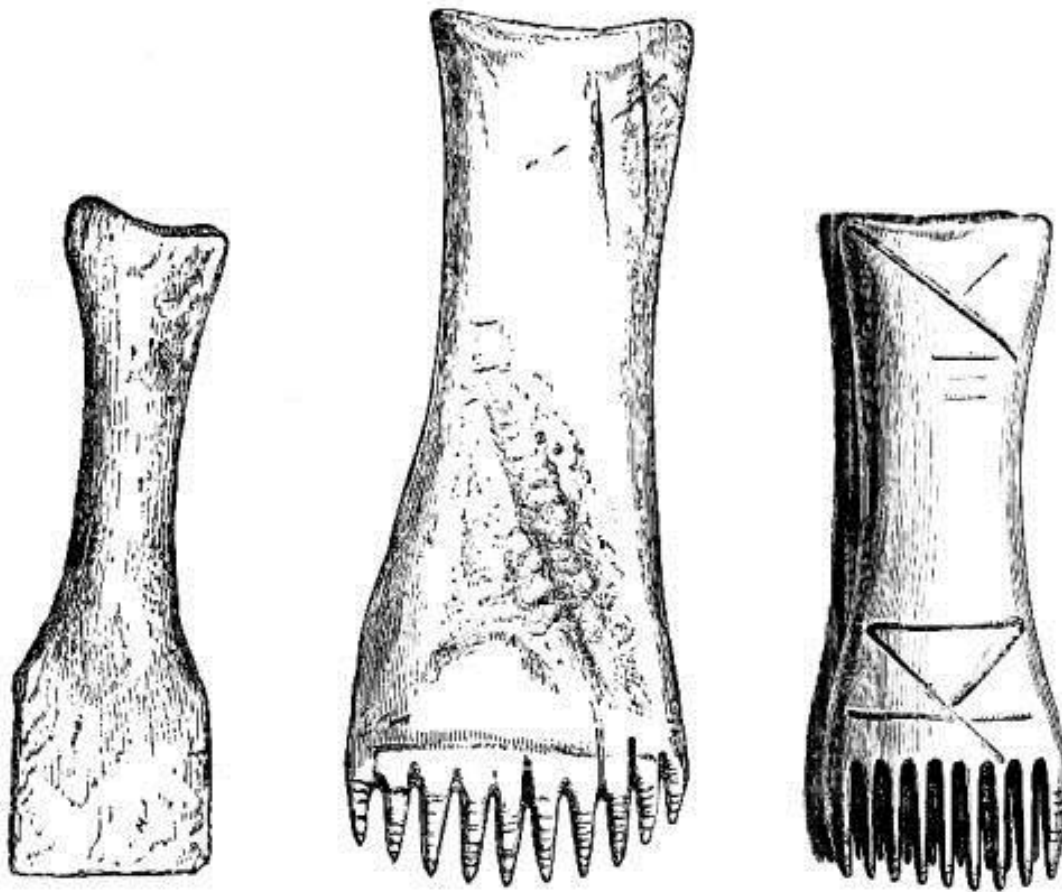

Рис. 22.—Костяная лопатка, Кейсс. Рис. 23.—Костяная расческа, Бургар. Рис. 24.—Костяная расческа, Бургар.

Как по слоновой кости и резьбе по кости современных эскимосов, так и по редким, но бесценным свидетельствам примитивного искусства древних пещерных жителей Дордони и других древнейших человеческих жилищ видно, насколько благоприятным был такой легко обрабатываемый материал для развития механических навыков и художественной изобретательности, которые, должно быть, бездействовали, если бы первобытные ремесленники полностью ограничивались кремнем. Тот же результат прослеживается, хотя и в меньшей степени, в аналогичном материале периода изготовления раковин островитянами. Но орудия труда и украшения, сделанные из морских раковин, представляют дополнительный интерес из-за свидетельств, которые они иногда предоставляют о дальних перевозках или взаимообмене иностранными товарами.

Орудия труда из рога, кости и слоновой кости обладают ценностью другого рода. С ними, как на общей почве, встречаются палеонтолог и археолог и определяют относительный возраст первобытного художника и его материалов. В гламорганширской пещере в Павиланде доктор Бакленд нашел череп мамонта или другого ископаемого хоботообразного, а рядом с ним остатки цилиндрических стержней и браслетов, сделанных из слоновой кости. В знаменитой

пещере Ориньяк, на северном склоне Пиренеев, были найдены стрелы и другие орудия труда из рога северного оленя, туловище, сделанное из рога косули, и бивень *ursus spelae*, перфорированный и вырезанный в виде головы птицы. Пещеры Дордони аналогичным образом показывают, что аборигены Южной Франции в ее старую послеледниковую эпоху охотились на зубров и северных оленей и изготавливали из их рогов и костей копья, набедренные повязки, иглы, дубинки, церемониальные или официальные дубинки и другие орудия различного назначения и дизайна. Среди “доисторических останков Кейтнесса”, которые стали наградой за исследования мистера Сэмюэля Лэйнга в курганах Кейсса, были многочисленные орудия труда, сделанные из рогов и костей северного оленя, благородного оленя, быка, лошади и кита. Некоторые из них носят самый грубый характер, и все они указывают на условия жизни, сходные с условиями жизни племен Лабрадора или побережья Аляски в наши дни. На рис. 22 изображена лопаточка, грубо отформованная из кости быка; если только, как предположил мистер Джозеф Андерсон, это не первая стадия процесса изготовления гребня типа, показанного на рис. 23, 24. Последний, найденный в Бургаре, на Оркнейских островах, является точной копией гребней с длинными ручками, которые до сих пор используются эскимосами для отделения сухожильных нитей, которые служат им важным ресурсом при пошиве одежды. Эти реликвии указывают на времена, когда фауна отличалась даже больше, чем люди той эпохи от современных. С другой стороны, в курганах долины Огайо костяные орудия труда и останки животных, по-видимому, относятся к существующим видам; и таким образом, они служат доказательством, противоречащим крайней древности, приписываемой некоторыми курганам и их строителям. Таким образом, проявляется особая ценность примитивных орудий труда из рога, кости и слоновой кости. Они воплощают проблески истины в отношении климата, местной фауны, кулинарных обычаев и особых объектов охоты; и этому легко обрабатываемому материалу мы обязаны раскрытием эстетических способностей и художественных способностей, присущих троглодитам Дордони, которым, если бы не такие свидетельства, могло быть присвоено и, вероятно, было бы присвоено звание среди людей, стоящее настолько же ниже уровня современного дикаря, насколько патаговец или австралиец не дотягивает до уровня среднего европейца наших дней.

Было поставлено под сомнение искусственное происхождение многих самых грубо обработанных плавучих кремней. Но в том, что большое кремневое орудие, найденное рядом с костями ископаемого слона в отложениях четвертичного периода Лондонской котловины, недалеко от Грейс-Инн-Лейн, изготовлено человеком, или в том, что наконечники копий, которые были обнаружены под подобными ископаемыми костями в наносах долины Уэйвни, в Хоксне, в Саффолке, никогда не вызывали сомнений. Оба были открыты более чем за столетие до того, как была поставлена под сомнение идея одновременного существования человека с млекопитающими дрейфа; но если такие образцы его искусства сделать единственной проверкой человеческих способностей в ту первобытную эпоху, они могли бы оправдать идею о каком-то более низком типе, чем даже жалкие патагонцы или австралийцы. Но современные пещерные отложения проверяют наши выводы, основанные на таких частичных свидетельствах, и предполагают, что в этих грубейших образцах искусства эпохи палеолита мы имеем лишь самые нерушимые реликвии эпохи, отнюдь не лишенной изобретательности или художественного мастерства.

Все упомянутые пещерные отложения сопровождались человеческими останками. В пещере Гламорганшир женский скелет лежал в непосредственной близости от черепа ископаемого слона, погруженного в массу глинистого суглинка. Приспосабливая свои выводы к

господствующей идее, которой тогда руководствовался автор “Дилuviанских реликвий”, доктор Бакленд называет цилиндрические стержни и кольца из слоновой кости “сделанными из частей допотопных бивней, которые лежали в той же пещере; и, - добавляет он, - поскольку они, должно быть, были обтесаны до их нынешней формы в то время, когда слоновая кость была твердой и не крошилась на кусочки, как сейчас, от малейшего прикосновения, мы можем из этого обстоятельства предположить, что они очень древние”. Представление доктора Бакленда о древности, подразумеваемое такой пещерой. это сильно отличалось от того, что сейчас общепринято. Но не следует упускать из виду, что здесь, как и в Ориньяке и других могильных пещерах, погребение может относиться к эпохе, намного более поздней, чем эпоха ископаемых млекопитающих. Бивень мамонта из пещеры Фолкерк, который сейчас в виде отдельных фрагментов хранится в музее Эдинбургского университета, был снят с токарного станка токаря по слоновой кости; а ископаемая слоновая кость из Сибири является обычным предметом торговли.

Но в других примерах подобного характера у нас не остается никаких сомнений. Гарпуны из оленьего рога китобоев Блэр-Драммонд Мосс, несомненно, современны ископаемым китам; и хотя орудия труда достаточно грубые, их можно отнести к описанным здесь гарпунам и копьям для ловли рыбы, некоторые из которых были найдены связанными с изделиями из кости, выполненными с большой изобретательностью и мастерством. Гренландский кит, несомненно, обитал у северных берегов Шотландии в исторические времена. Его кости находят в шотландских брошах и кухонных отбросах; и среди множества следов доисторического искусства и образа жизни, обнаруживаемых содержимым шотландских подземных жилищ, одним из наиболее интересных является большая чаша для питья, сделанная из позвонка кита. Он был найден в уиме на острове Эдей, на Оркнейских островах, вместе с костяным совком, костяными булавками, гребнями и другими примитивными реликвиями, в том числе металлическими. Чашечка имеет высоту 4 с половиной дюйма и, как показано на рис. 25, представляет собой очень простую адаптацию естественной формы кости путем отпиливания выступающих остистых отростков.

Рис. 25. Чашечка позвонка кита.

Нож, пила, тесло, долото, дрель и скребок, или рубанок, как мы можем это назвать, были сделаны из кремня. Изношенные и истертые края многих из этих кремневых орудий свидетельствуют об их использовании для изготовления какого-либо твердого вещества. У него также был свой напильник, сделанный из песчаника, различные образцы которого были найдены в пещерах. Обычно они представляют собой точильные камни, но их назначение, вероятно, было таким же, как у современных напильников. Некоторые из них сделаны из крупнозернистого камня, а другие - из более мелкого. Без некоторых таких инструментов было бы невозможно довести более сложные изделия из кости до состояния отделки, которое они представляют. Среди них гарпуны и рыболовные колья самых разнообразных типов, варьируемых в зависимости от изобретательности работника и потребностей его ремесла. Примеры таких примитивных рыболовных орудий самых разных эпох сгруппированы здесь воедино. Трехзубое рыболовное копьё, рис. 26, иллюстрирует искусство эскимосов-рыбаков: этой живой расы арктических морей, которая как в искусстве, так и в условиях жизни во многом напоминает нам людей послеледниковой эпохи в Европе. Рядом с ним находятся крючок, или наконечник колья из оленьего рога, рис. 27, и зазубренное рыбье копьё из того же материала, рис. 28, оба работы древних обитателей озера

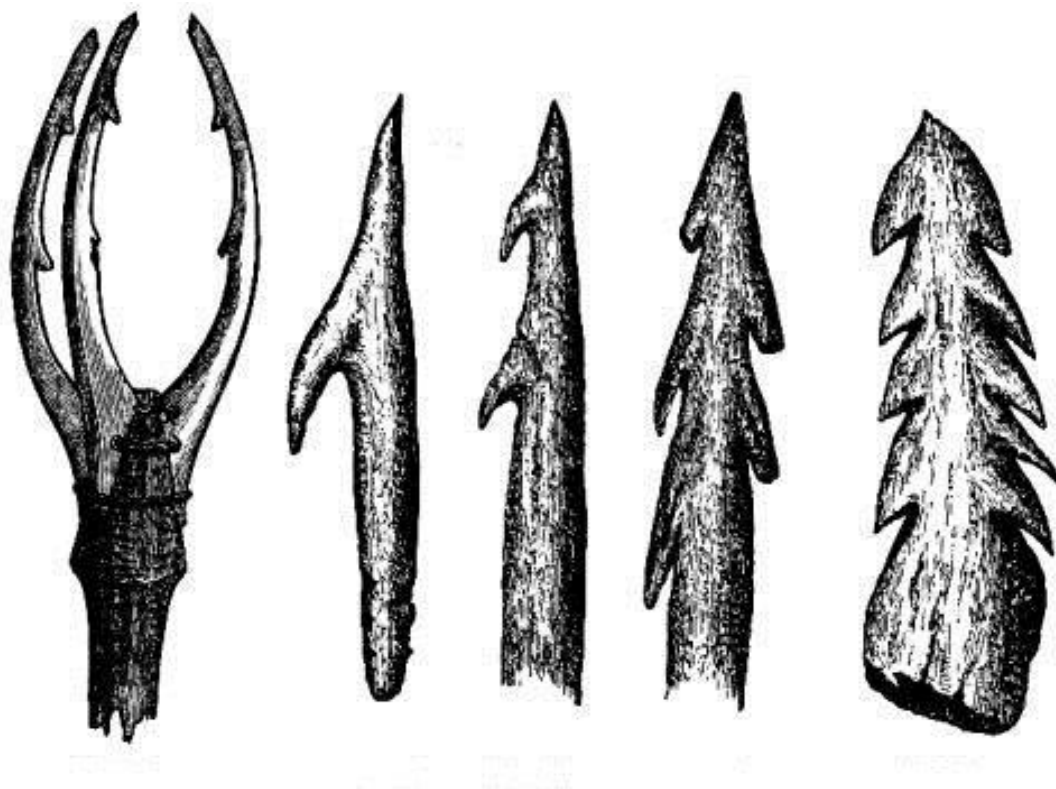

Рис. 26-30.—Рыболовные копья и гарпуны.

of Neuchâtel. Они представляют интересные аналогии с наиболее известными типами рыбьих копий из кости или слоновой кости французской и английской послеледниковой эпохи, примеры которых из пещер Дордонь приведены на рис. 29, 30. Рис. 31, хотя и изношенный и сломанный, иллюстрирует форму лезвия пещерного гарпуна, зазубренного только с одной стороны. Это из пещеры Кента, где были найдены другие, хотя и менее совершенные, образцы. Один из них, изображенный мистером Эвансом,^[44] особенно замечен своей изогнутой формой. Подобные орудия неоднократно встречались в пещерных отложениях, например, в отложениях Дордони и в Бруникеле, где также в необычном изобилии были найдены зазубренные кремни или пилы. Рис. 36 из пещеры Ла-Мадлен - хороший пример одностороннего рыболовного копья, намного превосходящего по мастерству изготовления аналогичное орудие современного огнеземельца, показанное на рис. 33, и хорошо приспособленного к нуждам речного рыбака. Но форма кентского пещерного типа скорее наводит на мысль, что это было одно из лезвий большого обоюдоострого или трехзубого копья, аналогичного образцам, все еще используемым среди эскимосов:

Рис. 31. Гарпун, пещера Кента.

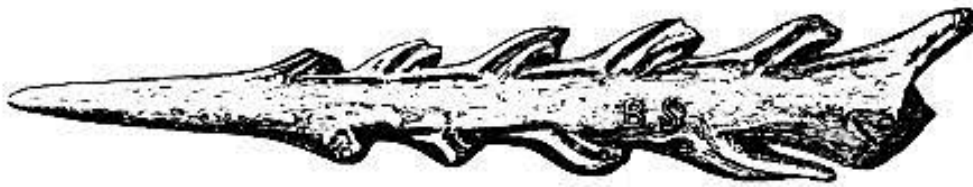

Рис. 32. Костяной наконечник копья, пещеры Дордони.

Рис. 33.—Огненный гарпун.

один из них, находящийся сейчас в музее Университета Торонто и показанный на рис. 26, иллюстрирует вероятную конструкцию изогнутых лезвий. В пещерах долин Дордони и Гаронны были отмечены неоднократные находки костяных игл, связанных с зазубренным рыбьим копьем. Они являются объектами тонких манипуляций, ценность которых доказывается появлением примеров, случайно сломанных и просверленных новым глазом. Пещеры Дордони принадлежали, даже в отдаленную эпоху мамонта или северного оленя, расе охотников и рыбаков, обитавших внутри страны, для которых такой гарпун был бы громоздким, если не совсем не соответствовал их потребностям. Но троглодиту из Кентс-Хоул, вероятно, приходилось сталкиваться с более грозной добычей, и поэтому он приспособил орудия охоты к своим особым требованиям. Хороший, хотя и несовершенный пример двустороннего копья с зазубринами в натуральную величину показан на рис. 32 из Laugerie Basse, в Дордони. Другой, рис. 34, был найден в красной пещерной земле Кентской пещеры, под слоем черной земли, содержащим отщепы кремня и кости вымерших млекопитающих, над которыми скопился сталагмитовый настил толщиной в полтора фута. Подобные орудия были найдены и в других пещерах Дордони. Рис. 35 из La Madelaine представляет собой вариацию последнего типа, у которого зазубрины расположены попеременно с обеих сторон.

Рис. 34. Копье—рыба, пещера Кента.

Рис. 35. Копье для ловли рыбы с двусторонними зазубринами, La Madelaine.

Рис. 36. Копье для ловли рыбы с односторонними зазубринами, La Madelaine.

Одинаково интересно и в высшей степени наводит на размышления о характеристиках человека как разумного существа, обнаруживая, таким образом,, что его изобретательность, стимулируемая сходными потребностями, приводит к почти аналогичным результатам в эпохи, разделенные интервалами столь огромными, что мы тщетно пытаемся измерить их какими-либо стандартами исторической хронологии. Но изобретательность, проявленная в изготовлении его рыболовных и охотничьих снастей, весьма неадекватно раскрывает нам склонности людей дрейфующего или пещерного периодов. В те далекие эпохи, как и сейчас, человек был разумным существом, во многих отношениях удовлетворяющим свой вкус работами, часто требующими большого труда и не приводящими ни к каким другим практическим результатам, кроме многочисленных трудов резчика и декоратора, художника, скульптора и гравера наших дней. Среди произведений искусства, например, пещерных людей Дордони, современных мамонтам и северным оленям Центральной Франции, необычный интерес вызвали различные резные изображения животных, выполненные как на кости, так и на сланце, по-видимому, кремневым пером или гравером. Они включают изображения ископаемой лошади, как на резной дубинке или булаве, рис. 37; северных оленей, собранных в группы и участвующих в бою; быков, рыб разных видов, цветов, орнаментальных узоров и некоторых более грубых попыток придать человеку форму. Резьба по кости иллюстрирует то же самое остроумное миметическое искусство. Но самым замечательным из всех является изображение мамонта, рис. 38, выполненное на пластинке из слоновой кости и, по-видимому, нарисованное с натуры. На нем изображен вымерший слон, нарисованный с большой свободой и даже художественным мастерством; и он не только выгодно отличается от лучших образцов современных очертаний диких животных, но и демонстрирует такую свободу обращения, что больше похож на набросок художника, искусно владеющего своим карандашом. Я не могу припомнить ни одного примера дикого искусства, демонстрирующего такую свободу; и никто, кроме опытного рисовальщика, не смог бы изобразить карандашом или офортной иглой ничего, приближающегося к выражению и характеру, заданному с помощью нескольких линий, выполненных без особых усилий, но явно набросанных человеком, полностью уверенным в своих силах.

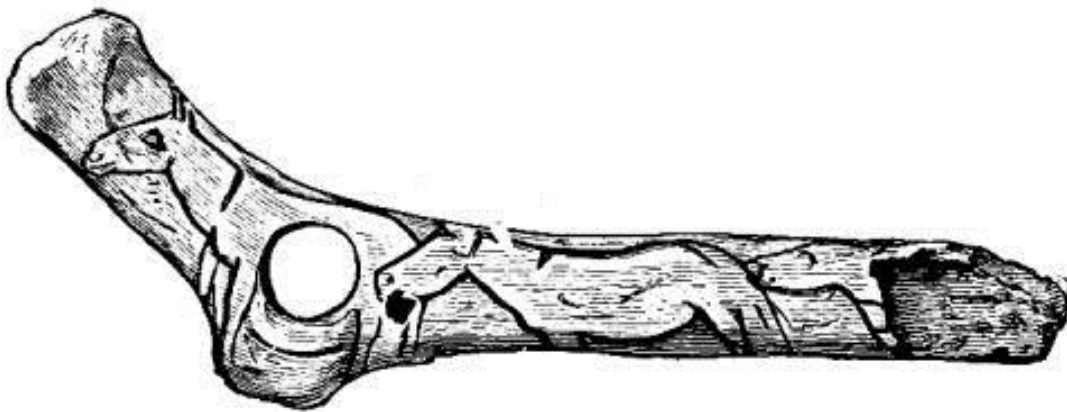

Рис. 37.—Резная дубинка или булава (1/3).

Этот древнейший образец имитационного искусства был найден в пещере Мадлен на реке Везер М. Ларте в компании М. Вернейля и доктора Фальконера. Таким образом, обстоятельства открытия в не меньшей степени, чем характер исследователей, делают его подлинность вне

всяких подозрений. Его ценность велика как произведения современной портретной живописи животного, известного нам только по его ископаемым останкам. Но это теряет свою значимость по сравнению с его ценностью как показателя интеллектуальных способностей людей эпохи северного оленя в центральной Европе. Многие из их резных изображений украшают рукояти орудий труда и оружия из рога или слоновой кости; но упомянутый офорт явно был выполнен не с какой иной целью, кроме удовлетворения художественного вкуса рисовальщика, и напоминает бесплатные наброски, сделанные художником в часы досуга.

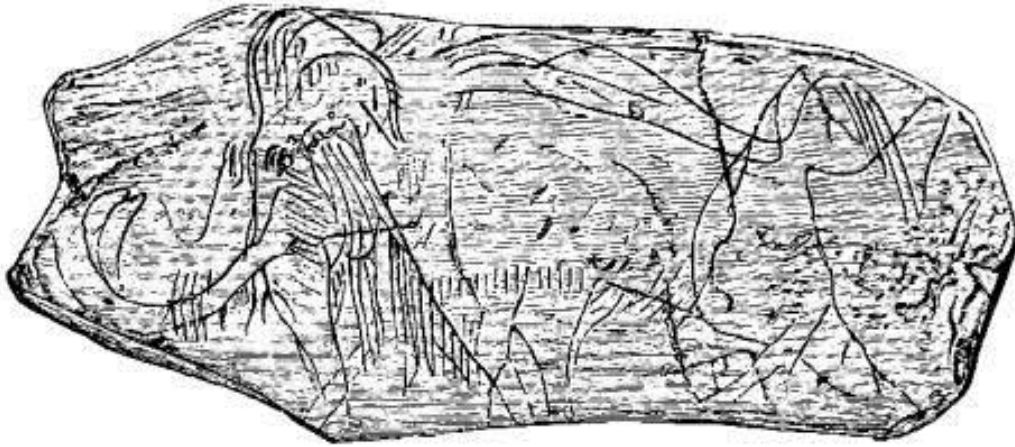

Рис. 38. Мамонт, выгравированный на слоновой кости.

Но здесь есть еще один момент, достойный внимания, интерес к которому значительно возрастает из-за несомненной древности реликвии. Эта палеографическая табличка представляет собой рисунок, сделанный правой рукой; то же самое можно сказать и о группе северных оленей, и о других гравюрах Мадлен. Они выполнены в профиль, взглядом влево, как это естественно для любого рисовальщика-правши, если только у него нет какой-то особой причины отклоняться от направления, которое подсказывает легкость его карандаша.

Вопрос о правше как естественной или приобретенной практике, свойственной человеку, представляет особый интерес, если рассматривать его в связи с его врожденными инстинктами или атрибутами на далекой заре человеческого интеллекта, таким образом, заново выявленными. Универсальность правши как характеристики человека была допущена частично на основании параллельных свидетельств языка, которые демонстрируют общую привычку пользоваться одной рукой вместо другой. Но распространенность использования правой руки среди диких народов все еще является простым предположением. Статистические данные еще предстоит собрать, и они ни в коем случае не являются легкодоступными. Любые свидетельства распространенности правши среди народа, все еще находящегося на примитивной стадии изготовления каменных орудий, должны быть чрезвычайно расплывчатыми. В грубых манипуляциях чисто дикой жизни, при несовершенстве инструментов и общем отсутствии комбинированных операций различие в использовании одной руки по сравнению с другой не имеет большого значения. При выкапывании корней, лазании по скалам или деревьям, при грубых операциях первобытного лодочника или строителя хижин, при охоте, сдирании кожи, приготовлении пищи или при большинстве других операций, относящихся не только к охотнику, но даже к скотоводческой стадии, нет явных причин для того, чтобы использовать одну руку чаще, чем другую; и если предположить, что одна из них станет более полезной в целом, это не привлечет внимания и ни в какой степени не помешает искусству жизни, хотя одни отдавали

предпочтение правой руке, а другие - левой. Отсюда трудность определения распространенности правши среди диких народов. Его проявления в грубом искусстве изолированного рабочего неясны, и какое-либо единообразие действий становится очевидным только в тех комбинированных операциях, которые сравнительно редки в жизни дикарей. Тем не менее, даже в языках гавайцев, фиджийцев, маори и австралийцев встречаются термины, указывающие на преимущественное использование одной руки. В самом грубом состоянии общества у человека как животного, пользующегося орудиями труда, зародилась эта привычка; и по мере того, как он прогрессирует в цивилизации и совершенствует свое первое грубое оружие и орудия труда, должна возникнуть неизбежная тенденция отдавать предпочтение одной руке перед другой не только при совместных действиях, но и из-за необходимости приспособливать определенные инструменты к руке.^[45]

Интересный эпизод, связанный с этой предполагаемой специализацией человека, приводится в сообщении преподобного У. Гринвелла Лондонскому этнологическому обществу об открытии нескольких древних кремневых карьеров в Норфолке, широко известных как “Могила Грайма”. В них были найдены не только кремневые орудия, базальтовый топорик, молотки, кварцитовые камни и другая галька, а также многочисленные обрезки и стержни кремня, костяной штырь и еще одно костяное орудие, которое, как предполагает мистер Гринвелл, использовалось для отделения отломков кремня для ножей и наконечников стрел; но также ряд примитивных кирков из оленьего рога, которыми пользовались древние каменоломщики, которые таким образом добывали кремень и изготавливали из него инструменты.

Кирки, сделанные из рогов благородного оленя, изготавливались простым отделением рога на расстоянии примерно шестнадцати-семнадцати дюймов от надбровного конца, а затем отламыванием всего, кроме большого надбровного зубца, с помощью огня и грубых кремневых режущих инструментов. Они использовались и как кирки, и как молотки, причем острое выступающего зубца служило киркой, а широкая плоская часть напротив него - молотком для отламывания кремня от мела; в то время как раскопки в твердом мелу производились с помощью базальтовых топориков. Следы обоих инструментов были в изобилии видны на стенах галерей; и многие из грубых кирков, включая две особо упомянутые, были покрыты меловой коркой, на которой остались отпечатки пальцев рабочих. Здесь, как и в Бриксхэмской пещере, несчастный случай, который привел к резкому прекращению древних операций, закрыл свидетельства о них вне досягаемости любых затемняющих интерполяций до тех пор, пока их не обнаружили в последние годы. При расчистке одной из подземных галерей, вырытых в мелу, было обнаружено, что “крыша обвалилась примерно в середине галереи и перекрыла ее по всей ширине. Сняв это, стало видно, что кремень был обработан в трех местах на конце, образовав три углубления, выходящие за пределы меловой поверхности в конце галереи”. Перед двумя из этих углублений лежали две кирки, соответствующие другим, найденным в различных частях шахт и галерей, сделанные из рога благородного оленя. Но в данном случае автор отмечает, что рукоятка каждого из инструментов была обращена ко входу в галерею, а зубцы, образующие лезвия инструментов, были направлены друг к другу, “показывая, по всей вероятности, что ими пользовались соответственно правша и левша. Рабочий день закончился, мужчины сложили каждый свой инструмент, готовые к работе на следующий день; тем временем обвалилась крыша, и кирки так и не были найдены” до тех пор, пока они не были воспроизведены в доказательство предполагаемых привычек праворуких и леворуких рабочих, которыми они были наняты в конце того последнего рабочего дня на доисторической заре.^[46]

Рис. 39.—Шотландский каменный браслет.

Мистер Эванс, обсуждая использование определенных перфорированных каменных пластин, часто встречающихся в британских захоронениях, придерживается идеи, что это были наручи, или щитки, защищавшие левую руку лучника от натягивания тетивы при стрельбе из лука. Но, добавляет он, “если не было какой-то ошибки в наблюдении, пластины такого рода иногда находили на правой руке”; и он ссылается на скелет, обнаруженный лордом Лондсборо при вскрытии кургана в Дриффилде, кости правой руки которого были уложены в очень необычный и красивый браслет, сделанный из кости какого-то крупного животного, украшенный двумя бронзовыми булавками или заклепками с золотыми головками, скорее всего, для прикрепления к ремешку, который охватывал руку и был закреплен маленькой бронзовой пряжкой, найденной под костями. Мистер Эванс также предполагает, что это был наруч, или защита лучника; и он добавляет: “возможно, этот древний воин был левшой”. Здесь показан шотландский пример из большого кургана на берегу залива Бродфорд, остров Скай, рис. 39. Эти пластины, или щитки, чаще всего изготавливаются из мелкозернистого зеленого хлоритного сланца; и в различных случаях среди прочего содержимого той же могилы были отмечены кремневые наконечники стрел. Но в гробнице, в которой лежал предполагаемый воин-левша, были бронзовый кинжал, несколько крупных янтарных бус и чашка для питья; но не было наконечников стрел, подтверждающих мысль о том, что он был похоронен с луком рядом, а стражник держал его наготове, как одного из семисот левшей-вениамитов, каждый из которых мог метать камни на расстояние волоска и не промахиваться. Возможно, новый и богато отделанный браслет занимал подобающее место на правой руке в качестве личного украшения, соответствующего рангу владельца.

Но бронзовые булавки и кинжалы переносят нас в более поздние времена, чем у троглодитов Дордони. Хотя курган Дриффилд, несомненно, является древним по общепринятой хронологии, это очень недавняя гробница по сравнению с катакомбами периода французского оленеводства, рисунки с которых, несомненно, наводят на мысль о умелости рисовальщиков, которые так ловко пользовались пером и гравером в то время, когда зарождалось изобразительное искусство в трансальпийской Европе.

Но аналогичные следы первобытного искусства, относящиеся к еще более ранней эпохе, были недавно обнаружены в окрестностях Дарданелл. М-р Фрэнк Калверт описывает обнаружение многочисленных каменных орудий, некоторые из них большого размера и сильно изношенные, в отложениях толщиной в двести или триста футов, подстилающих слоистые породы, как он полагает, периода миоцена. Кремневые орудия встречаются редко, и наиболее распространенным материалом является красная или другого цвета яшма. Среди ископаемых костей, зубов и раковин из той же формации были обнаружены останки динотерия и панцирь вида *Melania*, относящегося к эпохе миоцена; и м-р Калверт пишет в “Левант Геральд”: “С поверхности скалы, состоящей из слоев того периода, на геологической глубине 800 футов я сам

извлек фрагмент сустава кости либо динотерия, либо мастодонта, на выпуклой стороне которого глубоко вырезан безошибочно узнаваемый рисунок рогатого четвероногого животного". , с изогнутой шеей, ромбовидной грудью, длинным телом, прямыми передними ногами и широкими ступнями. Есть также следы семи или восьми других фигур, которые вместе с задними четвертями первой почти стерты. Вся конструкция окружает внешнюю часть фрагмента, который имеет девять дюймов в диаметре и пять в толщину. Я также нашел недалеко от места, где была выгравирована кость, в разных частях того же утеса обломок кремня и несколько костей животных, раздробленных в продольном направлении, очевидно, рукой человека, с целью извлечения костного мозга, согласно практике всех примитивных рас".^[47]

Эти следы первобытного искусства мистер Калверт признает "убедительными доказательствами существования человека в период миоцена третичной эпохи". Они, по крайней мере, дают дополнительные иллюстрации его интеллектуальной деятельности, какой бы далекой ни была древность, к которой его относят; и демонстрируют те же идеи сравнения, которые так широко используются не только в современном художественном дизайне, но и в большей части риторики и поэзии более поздних времен.

Среди ныне живущих рас иннуиты Аляски, расположенные в пределах трех градусов от Берингова пролива, являются искусными резчиками по слоновой кости. В основном они используют зубы белуги, небольшого белого кита, часто встречающегося в их морях, и с большим мастерством вырезают из них птиц, рыбу, тюленей, оленей и других животных, а также шкуры, иглы, шила и другие орудия труда. Они получают моржовые бивни по обмену от более северных племен; и из них они делают рыболовные колья, гарпуны и другие более крупные орудия. Они также развлекаются тем, что рисуют на костяных пластинах танцы, сцены охоты и другие знакомые происшествия. О последнем мистер У. Х. Далл замечает в своем интересном рассказе об Аляске и ее ресурсах: "Эти рисунки аналогичны тем, что были обнаружены во Франции, в пещерах Дордони".^[48] Они таковы в той мере, в какой оба являются попытками неискушенного человека изобразить современную животную жизнь; но прилагаемые иллюстрации Innuït art показывают, насколько работы современного дикого рисовальщика отстают от работ художника эпохи Мамонта в Европе.

Рис. 40. Охотничий счетный олений рог.

К счастью, наши знания о людях той далекой эпохи дополняются свидетельствами еще более прямого характера. В 1868 году строительство железной дороги привело к удалению обширной осыпи на левом берегу реки Везер в Кроманьонье, обнажив пещеру или неглубокую выемку в поверхности скалы, внутри которой была найдена последовательность слоев со следами воздействия огня, включая кремневые скребки, костяные набедренные повязки, наконечники стрел и другие орудия, наряду с костями *Elephas primigenius*, *Felis spelae*, северного оленя, ископаемую лошадь, а также таблички из слоновой кости и наконечники из оленьего рога, отмеченные с серией зарубок, которые, как предполагается, являются подсчетами охотников, фиксирующих результаты охоты. Один из последних, интересный как иллюстрация этих самых

ранних попыток создания числовых обозначений, показан на рис. 40. Но самой ценной из всех были человеческие скелеты, в том числе скелеты старика, женщины и части других останков двухмолодых людей и ребенка. Рядом с ними лежало около трехсот морских раковин, в основном *Littorina littorea*, несколько перфорированных зубов и — словно для определения эпохи кроманьонских троглодитов - несколько орудий труда, сделанных из рога северного оленя.

Свидетельства подобного рода накапливаются вместе с интересом, который они вызвали. К югу от Альп в пещерах Бауссе-Руссе была обнаружена исключительно богатая серия орудий труда и личных украшений из кремня, слоновой кости и раковин; и, что важнее всего, почти совершенный человеческий скелет, обнаруженный в пещере Ментона, с черепом, все еще украшенным декоративным головным убором из перфорированных раковин (*Cyclonassa neritea*) и клыками *Cervus elaphus*, первоначально нанизанными, как предполагается, на сетку для волос. Поперек лба лежала большая костяная заколка для волос, сделанная из лучевой кости оленя, с сохранением естественного мыщелка в качестве головки.^[49] Соответствие между черепом ментона и черепом кроманьонца весьма велико. Таким образом, уже обнаружено достаточное количество останков древних пещерных жителей, которые позволяют нам составить некоторое определенное представление об их физических характеристиках.

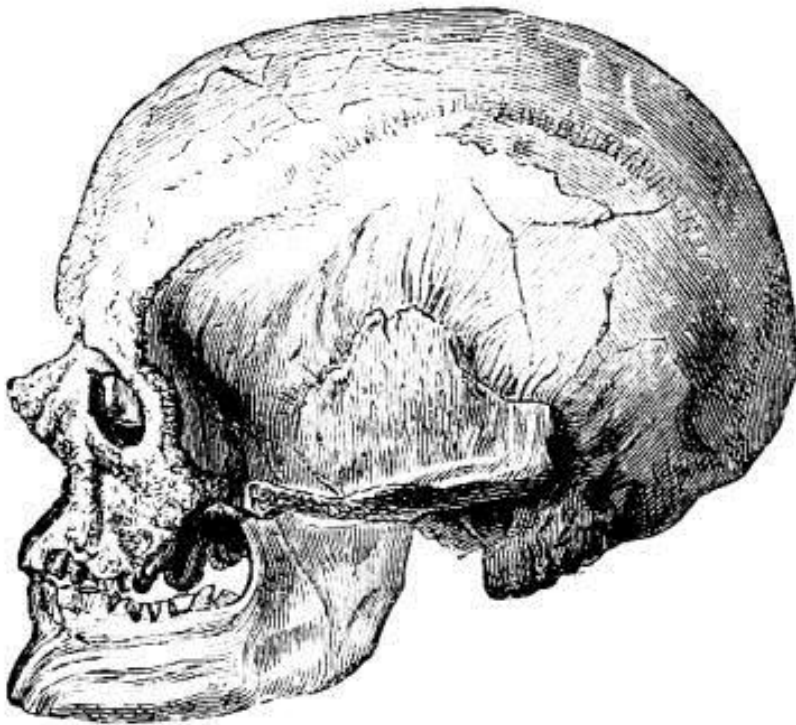
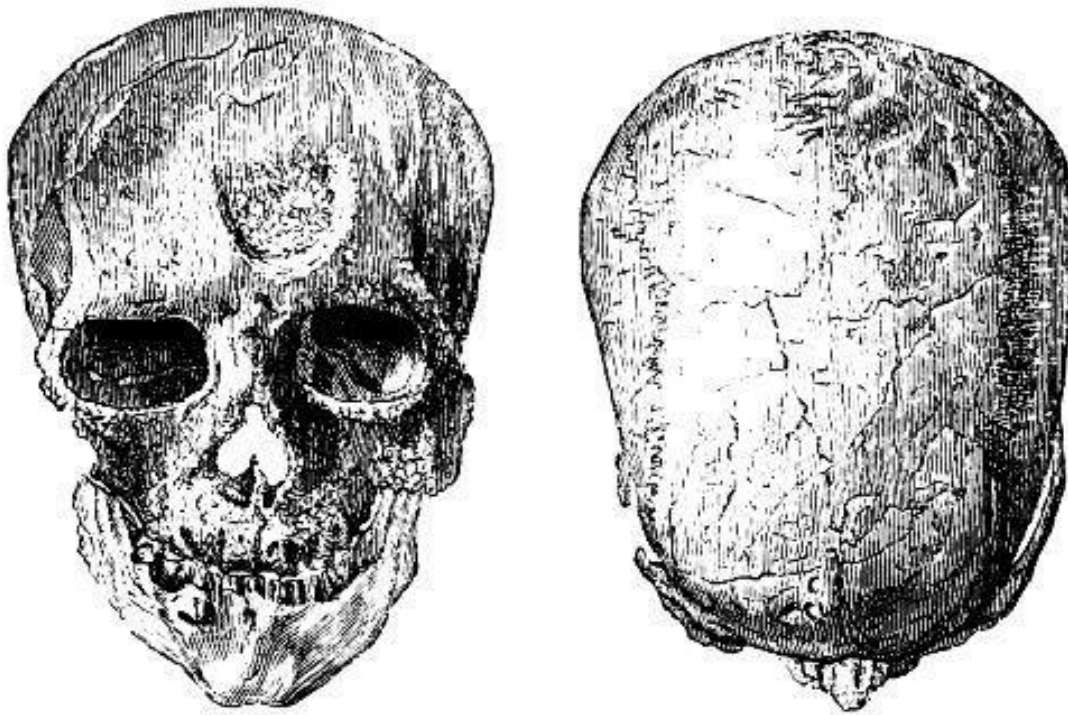

Рис. 41. Череп кроманьонского старика—Профиль.

Кроманьонские мужчины и женщины отличаются высоким ростом. Их черепа, как и черепа из пещеры Ментона, относятся к долихоцефальному типу и пока что соответствуют эскимосской, а не какой-либо туранской форме головы. Но важно отметить, что ни в каком другом отношении они ни в малейшей степени не соответствуют поддерживаемой некоторыми теории о том, что пещерные люди палеолитической Европы имели сходство с эскимосами и что в лице последних

мы имеем живых представителей послеледникового, если не еще более древнего человека. Если черепа кроманьонцев и ментонов действительно являются, как предполагалось, черепами современников мамонта и северного оленя Южной Европы, доктор Прунер-Бей замечает об этой расе: “Если мы примем во внимание, что у трех ее особей объем черепа намного превышал средний показатель на сегодняшний день; что одна из них была самкой, и что женские черепа обычно ниже среднего размера мужских черепов; и что, тем не менее, объем черепа кроманьонской женщины превосходит средний объем черепов мужских особей Южной Европы”. сегодня мы склонны рассматривать огромный размер мозга как один из наиболее примечательных признаков кроманьонской расы. Этот объем мозга, как мне кажется, даже превышает тот, с которым в наши дни ассоциировался бы рост, равный росту наших пещерных людей: малы ли черепа из бельгийских пещер не только абсолютно, но даже относительно относительно небольшого роста обитателей этих пещер”.^[50] Наряду с таким обильным развитием мозга общая форма головы изящна и симметрична. Как и в примерах с кроманьонцами, так и в примерах с Ментонкой отмечается полное отсутствие прогнатизма. Выразительный, хотя и сильно выраженный ортогнатический профиль с широким лбом, выдающимся носом, умеренно развитыми надбровными дужками и верхнечелюстными челюстями и хорошо сформированным подбородком выгодно отличает его не только от передовых диких рас, но и от многих цивилизованных наций современности.

Череп кроманьонского старика.

Рис. 42.—Вид спереди. Рис. 43.—Вид по вертикали.

Говоря о возрасте этих троглодитов Франции, г-н Лартэ замечает: “Присутствие останков огромного медведя, мамонта, большого пещерного льва, северного оленя, спермофилы и т. Д. В очагах во всех отношениях подтверждает их древность; и это можно сделать еще более убедительно, если мы основываем наш аргумент на преобладании здесь лошади по сравнению

с северным оленем, на форме обработанных кремней и костяных наконечников стрел и дротиков”.^[51] Этот аргумент, однако, не учитывает возможность погребения спустя долгое время после накопления лежаков-очагов с включенными в них реликвиями. Предполагая, что этот пещерный период Центральной Франции является более поздним подразделением эпохи палеолита в Европе, его рисунки и резьба представляют искусство отдаленной эпохи, по сравнению даже с полированными каменными молотками и отколотыми кремнями, современными древнейшим орудиям из бронзы. Следовательно, очевидно, что сравнение грубо обработанных кремней пещерных людей Южной Франции с высокоточными каменными орудиями бронзового периода Северной Европы не является истинным показателем какого-либо промежуточного прогресса или развитости. Художник, чьему карандашу или гравировальному инструменту мы обязаны единственным подлинным изображением мамонта, несомненно, обладал мастерством и интеллектуальной энергией, достаточными для изготовления любого каменного орудия или личного украшения, относящегося к искусству Западной Европы в начале ее металлургического периода. По правде говоря, гораздо легче привести доказательства упадка, чем прогресса, проводя сравнение между современниками мамонта и более поздними доисторическими расами Европы или дикими народами нового времени. Они продвинулись, как говорит месье Поль Брока, “к самому порогу цивилизации”. Они обладали искусствами, промышленностью и, по-видимому, такой степенью социальной организации, какую допускали их внешние обстоятельства. Но затем, как и во многие последующие периоды, элементы прогресса были остановлены на этой стадии, и всю работу по созданию цивилизации пришлось начинать заново.

Тщательное изучение туземных искусств американского континента в последующих главах привлечет наше внимание к интеллектуальным усилиям человека в чисто диком состоянии и, таким образом, поможет определить, что подразумевается под определенными частичными проявлениями миметического замысла. Это истинное исправление любой тенденции к необоснованной оценке общего прогресса, подразумеваемой такими доказательствами. Будет видно, что среди определенных племен проявляются редкие способности к миметическому рисованию и резьбе по дереву; однако они имеют ограниченное применение и сопровождаются небольшим превосходством над окружающими племенами в использовании этого искусства для удовлетворения общих потребностей дикой жизни. Однако даже в таких случаях это свидетельствует о скрытых способностях, способных развиваться при благоприятных обстоятельствах. Потребности арктической жизни подтолкнули эскимосов к большой изобретательности в изготовлении своего оружия и всех других охотничьих приспособлений, от которых зависит само их существование; но, как дикий народ, они искусны как в декоративном, так и в полезном искусстве. Их платья из кожи и меха сшиты и украшены с большим вкусом, а многие из их изделий из слоновой кости украшены прекрасной резьбой. В музее Университета Торонто хранится набор детских игрушек эскимосов, в том числе миниатюрные человечки, собаки, сани и предметы для охоты, вырезанные из слоновой кости с выдающимся мастерством. Тлинкеты Аляски, расположенные на границах истинно эскимосского региона, делают половники и ложки из рогов оленя, горного барана и козы, которые являются особыми объектами охоты, и вырезают их с особой изобретательностью. Гротескные маски из дерева, весла, костяные рукояти ножей, набедренные повязки, гребни и другие личные украшения, в основном из моржовой слоновой кости, вырезаны с большим разнообразием рисунков, хотя вряд ли в стиле высокого искусства.

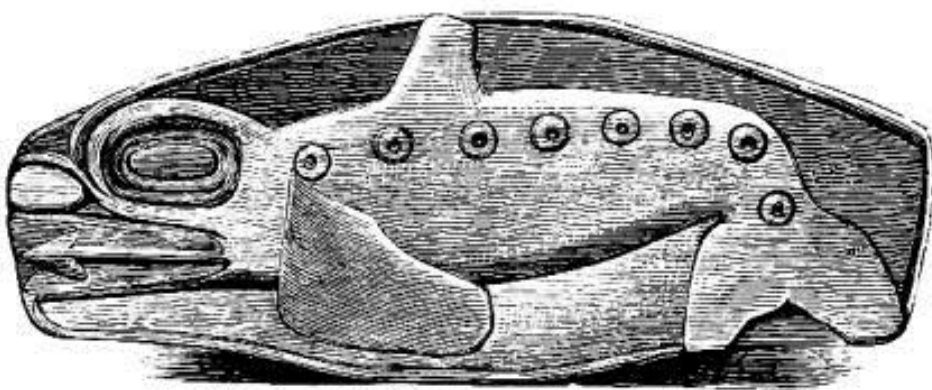

Рис. 44.—Вырезанный из слоновой кости кит из Таватина.

Среди племен, расположенных непосредственно к югу, индейцы таватин из Британской Колумбии особенно преуспели в резьбе по слоновой кости. Их личные украшения богато украшены; и многие из их резных работ настолько напоминают гигантские портреты мадленского художника, что это просто результат мастерства, не имеющий иной цели, кроме удовольствия, получаемого от их выполнения. Однако на общепринятом изображении кита, показанном на рис. 44, будет видно, насколько они отстают от древних мастеров по обработке слоновой кости в буквальной точности очертаний. В одном отношении это произведение резьбы по Таватину действительно напоминает характерную черту раннехристианского искусства. Каким бы незначительным ни было это соответствие, любопытно, таким образом, обнаружить, что современный индийский резчик с тихоокеанского побережья наделил чудовище из глубин тем же зазубренным языком, который является общепринятым атрибутом драконов и левиафанов средневековой Европы. Но гораздо интереснее отметить не только чисто местный художественный стиль их более сложной резьбы, но и распознать во многих из них определенные черты, которые напоминают характеристики законченных скульптур на руинах Центральной Америки и Юкатана. Это наглядно показано на другой их резьбе, рис. 45, где некоторые моменты сходства помогают подтвердить другие следы, указанные ниже по другим основаниям, ранних сношений, если не общих взаимоотношений, между дикими племенами Северо-Запада и древними цивилизованными народами Центральной Америки и Мексиканского нагорья.

Рис. 45.—Резьба по слоновой кости из таватина.

Во времена, все еще доисторические, хотя, по-видимому, недавние по сравнению с периодом мамонта или северного оленя во Франции, работы древних озерных жителей Швейцарии содержали иллюстрации применения рога, кости и слоновой кости для многих полезных целей, для которых сейчас считаются пригодными только металлы. Стоянка пфальбауэновцев в Краузе, на озере Невшаталь, была особенно богата найденными на ней иллюстрациями орудий труда из кремня, камня, кости, рога, а также из бронзы. Черепа, рога и кости как домашних животных, так и тех, что добыты на охоте, также имеются в изобилии; и среди последних благородный олень и дикий кабан, по-видимому, преобладали в качестве продуктов питания.

Музей естественной истории Кембриджа, штат Массачусетс, который обязан своим существованием неутраченному рвению оплакиваемого профессора Агассиса, пополнился коллекцией останков древних швейцарских озерных жителей, полученных при особо благоприятных обстоятельствах. Отец выдающегося естествоиспытателя в течение пятнадцати лет был священником Консистории; и случилось так, что сын посетил свой родной кантон в то время, когда строительство железнодорожного виадука через часть соседнего озера привело к обнаружению многочисленных следов его древнего населения. Соответственно, он смог собрать отборную коллекцию, иллюстрирующую искусство аборигенов, включая некоторые характерные образцы орудий труда из рога и кости, из которых здесь отобраны некоторые наглядные примеры. Рис. 46 может быть описан как долото, сделанное из свиного зуба, вставленного в черенок из оленьего рога, в точности по способу, знакомому краснокожим индейцам, превращающего резец бобра в полезный режущий инструмент. Та же коллекция включает ножи, кинжалы, накладные или шила, сделанные из кости или слоновой кости с рукояткой из рога; а также орудия из кремня и камня, упомянутые ниже.^[52]

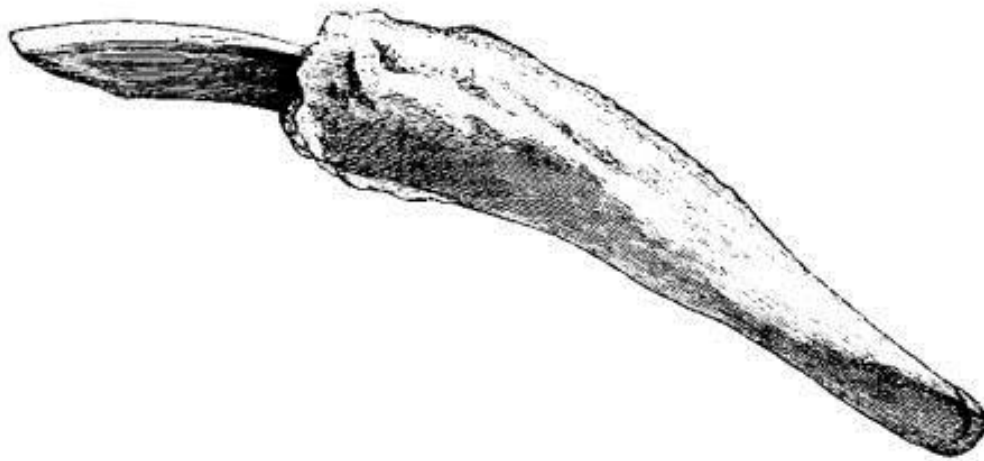

Рис. 46. Зубило для свиных зубов, краткое.

Среди инструментов и личных украшений из слоновой кости мамонта, которые, по словам Дина Бакленда, были найдены в пещере Козья нора в Павиланде, есть шампур, сделанный из пястной кости волка, сплюснутый по краю с одного конца и заканчивающийся с другого естественным закругленным мышелком кости. Орудия такого типа отнюдь не редкость. Первоначальные находки в пещере Кента включали наконечники стрел и копий, набедренные повязки, булавки, гребни для волос, сетки и другие орудия труда, все сделанные из кости. Подобные предметы неоднократно находили в шотландских вимах и брошах, а также на кухонных помойках

Британии, Дании и других европейских скоплениях подобного рода. На рис. 47 представлена группа таких предметов, в основном из одного из примитивных подземных жилищ в Скаре, на Оркнейских островах. Он включает в себя маленькую перфорированную булавку из слоновой кости и набедренную повязку, сделанную по образцу орудия из волчьей кости "Козья нора" из плюсневой кости небольшого быка. Орудия такого простого характера являются общими для искусств многих периодов и состояний общества; и, подобно кремневым и каменным орудиям почти каждой эпохи и страны, помогают проиллюстрировать инстинкт изготовления орудий, свойственный человеку.

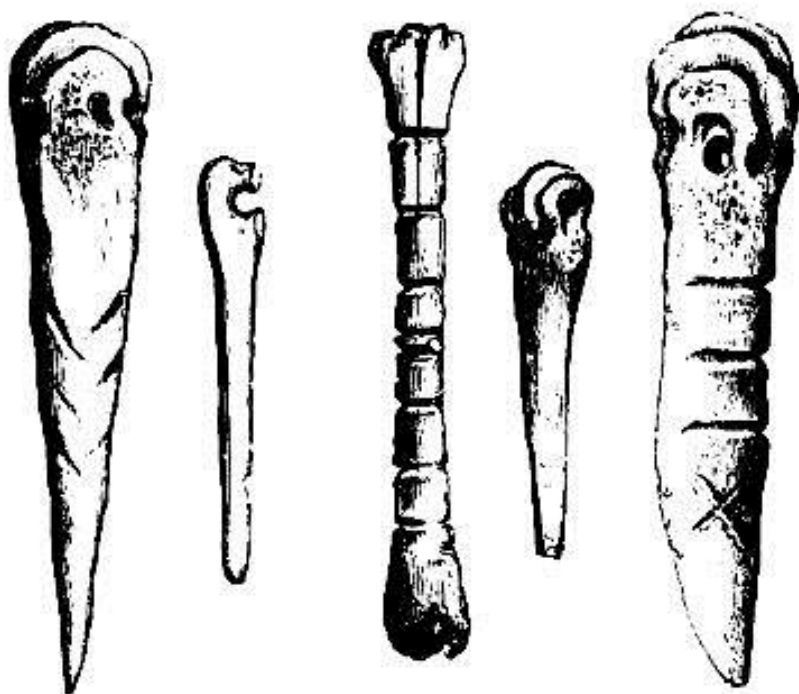

Рис. 47. Британские костяные орудия.

Изолированный на маленьких островных мирах Тихого океана, человек снова и снова оказывается в условиях, которые, по-видимому, предполагают почти абсолютную нехватку материалов, с которыми может работать его конструктивная способность. Обширный архипелаг, расположенный между Обществом, островами Гамбье и Маркизскими островами, состоит исключительно из коралловых островов. Тамашние туземные искусства в основном носят низший характер, хотя их небольшие каноэ приводятся в движение с большой скоростью с помощью весла искусной формы с изогнутой лопастью. Но всякое представление о грубости в их искусстве сменяется удивлением и восхищением при обнаружении ограниченных материалов, имеющих в распоряжении рабочих. Из какао-пальмы делают маты и ткачество, а из стеблей касситы и волокон какао-ореха плетут веревки. Более тонкую веревку делают из человеческих волос, а кости черепов и более крупных видов рыб служат единственным материалом для рыболовных крючков и копий. На островах нет природных продуктов тверже ракушек или кораллов; и, соответственно, из них изготавливаются местные орудия труда. Таким образом, здесь мы видим, чего разум способен достичь в развитии остроумных искусств, несмотря на недостаток почти всего, что кажется необходимым для первых попыток к созидательному мастерству. По сравнению с такими неадекватными средствами кремень,

камень, рог и кость каменного периода Европы кажутся немногим менее обильными, чем контраст ее более поздних металлургических богатств с ресурсами той примитивной эпохи.

Хотя уроженцы Антильских островов обладали некоторыми природными преимуществами перед обитателями вулканических и коралловых островов Тихого океана, все же обилие крупных и легко обрабатываемых раковин позволяло применять их для многих полезных целей; и соответственно, когда испанцы впервые посетили их, крупные морские раковины, которыми изобилуют соседние моря, составляли важный источник сырья для их орудий труда и мануфактурных изделий. Огромные размеры и легкость изготовления широко распространенных раковин *pyrulae*, *turbinella*, *strombi* и других действительно привели к аналогичному применению их среди нецивилизованных рас, где бы они ни были в изобилии. Из них карибы делали ножи, копья и гарпуны, а также личные украшения, в то время как сам моллюск разыскивался и ценился как пища. На Барбадосе стромбус гигас до сих пор является любимым лакомством, а на острове было раскопано множество орудий труда, изготовленных из его раковин. Прилагаемые иллюстрации (рис. 48) отобраны из образцов, иллюстрирующих примитивные ремесла Антильских островов, представленных мне доктором Бовеллом. Они были выкопаны вместе с другими реликвиями на острове Барбадос, где следы крови коренных карибов сохранялись до самого недавнего времени и отмечали часть цветного населения. Коллекция Christy включает в себя различные образцы топоров, предположительно карибской работы, из Порто-Рико, Сент-Хуана и Сент-Томаса. Они обработаны из зеленого камня, крапчатого нефрита, зеленой яшмы и твердого светло-зеленого сланца, в основном в форме клина. Но наиболее характерным образцом местного искусства является топор из кораллового камня длиной 7 с половиной дюймов, полуцилиндрический и сужающийся к обоим концам, который был найден в пещере Куэветас, в двадцати милях от Пуэрто-дель-Принсипи, Куба.

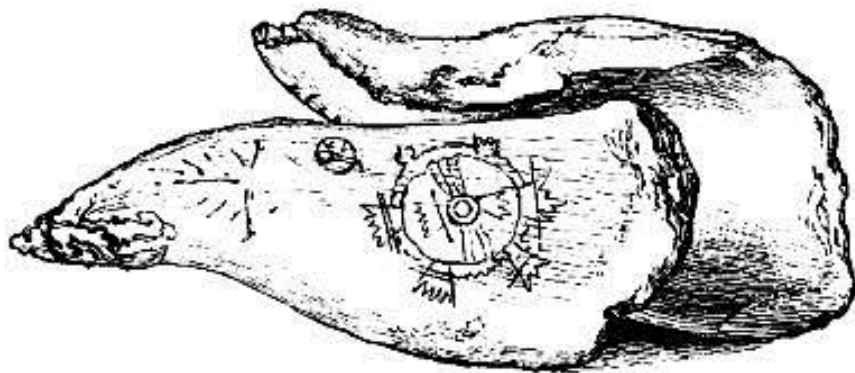

Рис. 48.Карибские ножи для изготовления раковин.

Карибские аборигены Антильских островов представляют собой поразительный пример того, что на самом деле означают более активные проявления моральной деградации среди дикого народа. По сравнению с кроткими, пассивными индейцами, которых испанцы встретили на первых островах, посещенных европейскими исследователями, карибы были жестокой расой каннибалов, столь же ненавистной по всем своим наиболее характерным чертам, как новозеландцы или фиджийцы. И все же время доказало, даже при очень неблагоприятных

обстоятельствах, что свирепость и агрессивная жестокость карибов с Малых Антильских островов соответствовали дикой ярости древних европейских викингов-бродяг и служили доказательством энергии и выносливости, способных на непоколебимую выдержку; в то время как кроткие и дружелюбные индейцы больших Антильских островов, не обладающие, в действительности, никакими превосходящими моральными качествами, а лишь характеристиками слабой и пассивной натуры, исчезли, не оставив после себя почти никаких следов своего существования. Карибы - историческая раса Антильских островов. Их хроники, как и хроники древней Европы, черпают жизненную силу и выносливость в превратностях войны. Они показывают их как беспокойных агрессоров; и хотя они давно изгнаны со своих древних островных владений, они все еще появляются на южном материке как жители вторгающейся территории; и марши их расширяющейся границы оглашаются криками о пограничной войне, такой же жестокой и для нас не намного менее значимой, чем вендские и болгарские войны Генриха Птицелова и его немецких маркграфов почти тысячу лет назад.

В 1851 году сэр Роберт Шомбургк сообщил Британской ассоциации результаты недавних этнологических исследований в Сан-Доминго. В них наблюдательный путешественник выразил сожаление по поводу того факта, что из миллионов туземцев, населявших остров на момент его открытия, в настоящее время не существует ни одного чистокровного потомка, хотя он мог проследить в индейцах смешанной крови особые черты и другие физические характеристики индейцев, которые все еще не излечились. В отсутствие настоящего коренного населения сэр Роберт Шомбургк отмечает: “Мои исследования были ограничены тем, что история и немногочисленные и бедные памятники донесли до нас об их обычаях и манерах. Их язык живет только в названиях мест, деревьев и фруктов, но все они объединяются в утверждении, что люди, давшие эти названия, были идентичны племенам карибов и араваков из Гвианы. Экскурсия в известковые пещеры Помье, примерно в десяти лигах к западу от города Санто-Доминго, позволила мне ознакомиться с некоторыми рисунками, выполненными индейцами после прихода испанцев. Эти замечательные пещеры, которые сами по себе представляют большой интерес, расположены в районе, над которым при высадке испанцев правила прекрасная индианка Каталина в качестве касика”. В этот район их заманили известия о богатых рудниках в его горах. В 1496 году была возведена укрепленная башня, первоначально называвшаяся Сан-Аристобаль; но драгоценного металла было так много, что он содержался даже в камнях крепости, и рабочие называли ее Золотой башней. Но жизни миллионов несчастных туземцев были принесены в жертву при добыче золота из их горных жил; а затем, когда рудники были истощены, страна погрузилась в буйную тропическую пустыню, в то время как пещеры, которые раньше были посвящены религиозным обрядам, стали местами убежища от испанца и его ужасных ищеек. В одной из небольших пещер до сих пор сохранилась чрезвычайно интересная серия символических рисунков, которые индейцы нанесли на ее белые и гладкие стены. Недалеко от входа во вторую пещеру сэр Р. Шомбургк обнаружил вырезанные на скале украшения более долговечного характера, и о них он замечает: “Они относятся к более отдаленному периоду и демонстрируют гораздо больше мастерства и терпения, чем простые фигурки, нарисованные углем на стенах пещеры близ Помье. Фигуры, высеченные из камня и обработанные без использования железных инструментов, указывают если не на цивилизацию, то на быстрое понимание и неиссякаемое терпение, чтобы придать этим твердым веществам желаемые формы”. Изучив инструменты и утварь, которыми до сих пор пользуются в Гвиане, сэр Роберт усомнился в том, что это работа карибов; но он признал,

что их находят только там, где у нас есть достоверные свидетельства их присутствия; и он недооценил мастерство и терпение, проявленные многими местными мастерами, одинаково плохо снабженными инструментами.

Внимание путешественника привлекли другие реликвии местного искусства и истории, и он с особым интересом остановился на мощеном гранитном кольце диаметром более 2200 футов, в центре которого находилась грубо вырезанная из гранита человеческая фигура. Он расположен в окрестностях Сан-Хуан-де-Магуана, в Сан-Доминго, который на момент своего первого открытия представлял собой отдельное королевство, управляемое касиком Каонабо, самым свирепым и могущественным из карибских вождей, и непримиримым врагом европейских захватчиков. В наши дни он называется “Эль-Серкадо-де-лос-Индиос”, но сэр Роберт Шомбургк усомнился в том, что это работа жителей острова, когда его впервые посетили испанцы, и приписал его, наряду с фигурками, которые он исследовал, вырезанными на скалах во внутренних районах Гвианы, и скульптурными изображениями Сан-Доминго, людям, намного превосходящим по интеллекту тех, с кем Колумб встречался на Эспаньоле. По его мнению, они пришли из северной части Мексики, прилегающей к древнему району Уастекас, и были завоеваны и истреблены пришедшими им на смену карибами, прежде чем европейские колонисты, в свою очередь, вытеснили их.

Бродячие карибы запасались топорами и дубинками из нефрита, зеленого камня и других наиболее ценных материалов материка; но они обращались с легко обрабатываемыми раковинами соседних морей почти так же, как туземцы коралловых островов Тихого океана, которым неизвестен какой-либо более твердый материал. Но, отмечая разнообразное применение раковин Карибского моря аборигенами архипелага, большой интерес представляют свидетельства древней торговли этими продуктами Флоридского залива, которая велась среди широко разбросанных племен Северной Америки задолго до ее открытия Колумбом.

Многочисленные свидетельства доказывают, что к крупным морским раковинам относились с суеверным почтением как более цивилизованные народы земель вокруг Мексиканского залива, так и другие, жившие даже так далеко на севере, за берегами великих Канадских озер. В последнем случае нетрудно объяснить происхождение такого чувства у племен, знакомых только с маленькими местными пресноводными раковинами. Но в одной из необычных сцен миграции на древних мексиканских картинах, скопированной из коллекции Мендосы, ^[53] в Бодлианской библиотеке в Оксфорде местный житель, босой, одетый в короткую пятнистую тунику, доходящую до бедер, держит в правой руке копье с зубцами на лезвии, можно предположить, с наконечниками из обсидиана, и в его левой руке большая двустворчатая раковина. Река, которую он пересекает, обозначена зеленоватой полосой, пересекающей рисунок наискось, и его след, как показывают альтернативные следы, ранее пересекал тот же ручей. По этому следу за ним следуют другие фигуры, почти так же одетые, но в сандалиях, с копьями и большими веерами; в то время как вторая группа приближается к реке по другой тропе и в направлении, противоположном тому, в котором несли снаряды. Другие детали этого любопытного фрагмента изобразительной истории интерпретируются менее легко. Алтарь или храм, по-видимому, изображен на одном берегу ручья; а ярко раскрашенная круглая фигура на другом, возможно, является воплощенным символом какой-нибудь ахейской земли или Священной Элиды Нового Света. Но какой бы ни была интерпретация древней иероглифической росписи, ее общее соответствие другим изображениям миграции

несомненно; и стоит отметить, что в некоторых отношениях наиболее заметной из всех фигур является та, которая изображена переходящей вброд ручей с большим тропическим двустворчатым моллюском в руке.

Полученные таким образом доказательства важности, придаваемой крупным морским раковинам Мексиканского залива среди наиболее цивилизованных американских народов, обосновавшихся на его берегах, заслуживают внимания в связи с открытием тех же морских продуктов среди реликвий, относящихся к индейским племенам, находящимся на расстоянии более трех тысяч миль от естественной среды обитания моллюсков и отделенных сотнями миль от ближайшего морского побережья.

Рис. 49.—Идол Теннесси.

Проследивая их северный маршрут через долины Миссисипи и Огайо, эти раковины были найдены в древних захоронениях Теннесси, Кентукки и Индианы, а также на севере, в районах Великих озер. Доктор Джерард Троост в сообщении Американскому этнологическому обществу,^[54] описывает интересную серию могильных останков, обнаруженных в Теннесси. Черепа характеризовались замечательным искусственным сжатием, как в примере,

приведенном доктором Мортонем (фото 55, *Crania Americana*), а могилы изобиловали реликвиями, “ларами, безделушками и посудой, все очень грубой конструкции, и все сделано из какого-то натурального продукта, без металла”. Изучив их, доктор Троост пришел к выводу, что раса, к которой они принадлежали, происходила из какой-то тропической страны. Среди их каменных орудий изобиловал обсидиан. Многочисленные бусины были изготовлены из тропических морских раковин рода *marginella*, отшлифованных таким образом, чтобы на обратной стороне была сделана перфорация, с помощью которой их можно было нанизывать вместе для личного украшения. Простые бусины изготавливались из колумелл стромбуса гигаса; и было обнаружено, что такие колумеллы были обработаны до одинаковой толщины, с перфорацией в центре и на всех стадиях изготовления, как у усовершенствованных бусин и звеньев из высоко ценимого вампума. Аналогичные скопления ракушечных бус в больших курганах долины Огайо упоминаются в следующей главе; но другая реликвия имеет дополнительную ценность, поскольку она проливает свет не только на раннее местное искусство, но и на древние нравы и способы мышления. Доктор Троост описывает и изображает различных грубо изваянных идолов, на основании некоторых из которых он предположил существование фаллических ритуалов у древних идолопоклонников Теннесси. Большинство идолов были каменными, но тот, что изображен здесь (рис. 49), был вылеплен из глины и толченых раковин и закален в огне. Он представляет собой обнаженную человеческую фигуру, стоящую на коленях со сложенными впереди руками; и когда его нашли, он все еще занимал в качестве примитивной ниши или святилища большую тропическую раковину (*Cassis flammea*), из которой были удалены внутренние завитки и колумелла, за исключением небольшой части у основания, срезанной плашмя, чтобы образовать пьедестал. Особое применение этого примера тропических кассидов придает ему особый интерес, поскольку оно явно связано с религиозными обрядами древней расы, с помощью которой добыча южных морей перевозилась вглубь страны и использовалась для украшения.

Открытие подобных реликвий к северу от Великих озер в еще большей степени рассчитано на то, чтобы возбудить интерес; и действительно, когда о них впервые стало известно, они породили экстравагантные этнологические теории, основанные на предположении об их восточноиндийском происхождении.^[55] Но хотя они не предоставили никаких доказательств таких далеких странствий со старого Востока, они проливают значительный свет на древние миграции коренных народов Америки и иллюстрируют масштабы движения, осуществлявшегося между севером и югом в эпохи, предшествовавшие вытеснению краснокожих европейцами. Две большие тропические раковины, оба экземпляра *Purula perversa*, были представлены Канадскому институту в Торонто: не как образцы местной тропической раковины, а как индейские реликвии, относящиеся к великой северной цепи пресноводных озер. Первый был обнаружен при вскрытии могильного холма в Ноттавасаге, в заливе Джорджиан, вместе с горжетом, сделанным из такого же вида ракушки; второй был привезен с Рыбачьих островов, недалеко от мыса Херд, на озере Гурон. Тринадцать других образцов из Джорджиан-Бей находятся в Музее Университета Лавала; и еще многие попали в поле моего зрения, приобретенные в могильных холмах и погребальных хранилищах в разных частях Западной Канады. Недавно, летом 1874 года, на озере Медад, в графстве Вентворт, был случайно открыт большой склеп тионтононов, или петунов, в пределах которого были найдены свидетельства обширных захоронений, многочисленные глиняные и каменные трубки необычной работы, раковины и каменные орудия труда, а также несколько таких же тропических раковин, как целых, так и по частям, большинство из которых сейчас находятся во

владении мистера Б. Э. Чарлтона из Гамильтона, Онтарио. Подобные оссуарии неоднократно открывались в стране гуронов, между озером Симко и заливом Джорджиан. В одной яме, примерно в семи милях от Пенетангишена, были найдены три большие раковины, а также двадцать шесть медных чайников, трубка, медный браслет, множество бус из раковин и множество других реликвий. Самая крупная из раковин, образец *Pygula spirata*, весила три фунта с четвертью и достигала четырнадцати дюймов в длину; но от нее, как и от другой крупной раковины, был отрезан кусок, вероятно, для изготовления какого-то украшения поменьше. На другом кладбище в том же районе, среди медных наконечников стрел, браслетов и ушных украшений, трубок из камня и глины, фарфоровых бус, красных трубчатых камней и т. Д., На дне ямы лежали шестнадцать таких же ценных тропических двустворчатых моллюсков, расположенных группами по три-четыре особи. Из таких раковин делали священный вампум, официальные горжетки и другие особые украшения; и внешний вид некоторых из них, найденных в северных захоронениях, наводит на мысль, что они, возможно, передавались из поколения в поколение как великие лекарства, прежде чем их окончательно отложили вместе с другими редкими и дорогими подношениями в честь умерших.

Привлекательность, которую предлагают такие продукты тропических морей, ни в коем случае не ограничивается искушенными вкусами американских индейцев. В Индии, Китае и Сиаме пирум и другие большие и красивые раковины Индийского океана не менее высоко ценятся туземцами не только как легко обрабатываемый материал для орудий труда и личных украшений, но в некоторых случаях и как сосуды, используемые в их самых священных обрядах. Синестральная разновидность, встречающаяся на побережьях Транкебара и Цейлона, используется китайцами исключительно для таких целей. Перевернутые раковины вида *Turbinella* пользуются таким же почитанием в Китае, где за них назначают большие цены; и часто они любопытно украшены искусной резьбой, как показано на нескольких прекрасных образцах в Британском музее. Они хранятся в пагодах и используются священниками не только в особых случаях для врачевания больных; из одного из них сделан сосуд для хранения освященного масла, которым помазывают императора при его коронации.

Подобные аналогии в выборе материалов и предметов, выделенных для священных обрядов разных народов, представляют большой интерес в связи с характеристиками, общими для человека во все века и в самых отдаленных регионах. Но когда они встречаются в искусстве и обычаях того же континента, они с большей вероятностью указывают на заимствованные обычаи и часто помогают этнологу проследить следы мигрирующих народов к их прежним домам. Но использование раковин в качестве личных украшений было прослежено, наряду с другими свидетельствами древности человека, почти до того, что кажется первобытным рассветом. В пещерах южной Франции и Италии, наряду с костями мамонта и северного оленя и слоновой костью, а также в могильных отложениях Ориньяка, лежали ожерелья или браслеты из раковин *Littorina littorea*, все еще в изобилии встречающихся на берегах Атлантики, наряду с перфорированными раковинами периода миоцена, очевидно, собранными в ископаемом состоянии для использования в личных украшениях. Точно так же в более позднюю, но все еще доисторическую эпоху в мегалитической гробнице, обнаруженной в 1838 году под кромхем Нок-Марайде в Феникс-парке, Дублин, были обнаружены два мужских скелета, под черепами которых лежало несколько видов обыкновенной *Nerita littoralis*, продырявленных, очевидно, для того, чтобы их нанизывали друг на друга в качестве шейных украшений. Декоративная костяная булавка с резными набалдашниками на обоих концах и грубый кремневый нож составляли единственное содержимое этой примитивной гробницы, сооруженной с таким трудом.

Другие британские археологи и курганы обнаружили аналогичные реликвии в виде ожерелья и браслета из раковин, сделанных из раковин устриц, моллюсков и ракушек, содержимое которых служило важным источником пищи. Ибо не только в древних кухонных навозах северной Европы, но и вперемешку с более древними пещерными отложениями, как, например, в пещере Кента, лежали кучи раковин таких съедобных моллюсков, отбросов со стола древних пещерных людей, которые свидетельствуют об одном ресурсе, от которого зависело их существование. В Америке тоже были свои древние кучи раковин и отбросов, как, например, в Кэннонс-Пойнт, остров Сент-Саймонс, Джорджия, где обширная насыпь из раковин устриц и мидий, перемешанных тут и там с медиолой или спиралью, а также с кремневыми наконечниками стрел, каменными топорами и фрагментами керамики, занимает площадь не менее десяти акров. Но они в изобилии встречаются на всех морских островах Южных Штатов и во многих случаях представляют собой правильные могильные холмы или пирамиды из ракушек. Одна из таких необычных пирамид на острове Столлингс, на реке Саванна, более чем в двухстах милях от ее устья, представляет собой эллиптическую насыпь длиной почти в триста футов, которая, наряду с человеческими скелетами, содержит кости крупной рыбы, оленя, и других диких животных, а также осколки керамики, наконечники стрел, топоры, кремневые ножи и обугленное дерево. На островах и вдоль побережья Джорджии и Флориды неисчерпаемые запасы устриц, раковин и моллюсков обеспечивали изобилие пищи. Вокруг индейских деревень раковины скапливались в кучах мусора, и даже сейчас иногда можно увидеть круглую впадину на том месте, где когда-то стояла туземная хижина. Благодаря мягкому климату, изобилию дичи и местных фруктов, в дополнение к неисчерпаемым морским трофеям, южные индейцы не испытывали особого соблазна кочевать; а многочисленные насыпи ракушек и пирамиды из камней служат доказательством того, что они заселили многие местности оседло. Большая чаша для питья, сделанная из морской раковины, была одним из особых атрибутов индейского касика; и такие чашки часто находят рядом с погребенным скелетом.

Кучи пресноводных раковин также имеются в большом количестве; и профессор Джеффрис Уайман сделал их в Восточной Флориде предметом интересной статьи в журнале *American Naturalist*. Такие памятники стоянок аборигенов являются историческими свидетельствами привычек и обычаев древних туземных племен. Пресноводные мидии, которые составляли важный продукт питания, а также давали жемчуг, который они ценили для украшения, в основном входили в состав содержимого куч. Среди них “многочисленные фрагменты керамики, каменные топоры, долота, дробилки, шила, ступки, грузила для сетей, наконечники стрел и копий, кремневые ножи, бусы из ракушек, украшения из мыльного камня, трубки и кости оленей, буйволов, аллигаторов, черепах, енотов и других животных”.^[56] Многие кости были расколоты, подобно тем, что найдены в древних курганах и пещерах Европы, с целью извлечения костного мозга; и наряду с подобными свидетельствами кулинарного искусства находятся груды обломков кремня и камня, со сломанными или незаконченными топорами, наконечниками копий и стрел и другими следами мастерской индийского мастера по изготовлению инструментов. Таким образом, мы во всех отношениях распознаем, несмотря на разнообразие рас, климата и других внешних обстоятельств, множество мельчайших аналогий между людьми палеолита и неолита Европы и людьми более поздних веков нового света в регионах, удаленных от его особых центров местной цивилизации.

Но также удобная форма и красота различных морских раковин привели к их использованию не только в качестве замены кремня и камня других местностей или неизвестной бронзы и железа более поздних эпох, но даже драгоценных металлов в качестве средства общепризнанной

валюты, и это со времен неизвестной древности, как в старом, так и в новом свете. Из таких заменителей металлической валюты наиболее известна кипрская монета. Раковины каури, используемые в качестве валюты, добываются на побережье Конго, а также на Филиппинских и Мальдивских островах. Из последних, действительно, они до сих пор составляют главную статью экспорта. В какое отдаленное время или на какой ранней стадии рудиментарной цивилизации была введена эта единственная репрезентативная денежная единица в виде металлической монеты, возможно, бесполезно выяснять; но обширная территория, на которой она долгое время была известна, доказывает ее большую древность. Филиппинские острова частично образуют восточную границу Южной части Тихого океана, а Мальдивы лежат у Малабарского побережья в Индийском океане; но их раковины обращаются в качестве валюты не только в Южной Азии, но и далеко на Африканском континенте.

Этой денежной единице каури в Азии и Африке соответствует американская иокуа, или денталиум, раковина, встречающаяся главным образом у входа в пролив Де Фука и используемая как в качестве украшения, так и в качестве денег. Чинуки и другие индейцы Северного побережья Тихого океана носят длинные нити из раковин иокуа в качестве ожерелий и бахромы на своих одеждах. За ними закреплена определенная ценность, возрастающая пропорционально их размеру, который варьируется примерно от полутора дюймов до более двух дюймов в длину. Вот что написал мне мистер Пол Кейн: “Посредством этих раковин ведется большая торговля между всеми племенами в окрестностях острова Ванкувер. Сорок раковин стандартного размера, достигающих сажени в длину, равны по стоимости бобровой шкуре; но если удастся найти раковины, настолько превышающие обычный стандарт, что тридцати девяти раковин хватит на сажень, это будет стоить две бобровые шкуры и так далее, увеличивая стоимость одной бобровой шкуры за каждую раковину меньше первого числа”.

Но как в Новом Свете есть описания и иллюстрации местных искусств и обычаев, полные интереса для изучающего первобытного человека, так и первый взгляд на западное полушарие показал, что его аборигены уже знакомы с этим отличительным признаком разума - искусством добывания огня, древнейшей из всех практических наук и незаменимой предшественницей любого высшего искусства цивилизации.

[44] Древние каменные орудия Великобритании, рис. 405, стр. 460.

[45] Подробное обсуждение этой темы в общих чертах смотрите в видео “Правша”, Канадский журнал, N.S., vol. xiii. с. 193.

[46] Журнал. Этнол. Soc., N. S., том ii. стр. 419.

[47] Атенеум, 5 апреля 1873г.

[48] Аляска и ее ресурсы, стр. 237.

[49] Découverte d'un Squelette humain de l'époque Paléolithique dans les cavernes des Baoussé

Roussé, par Emile Rivière, p. 31.

- [50] Reliquiæ Aquitanicæ. VII. Отчет доктора Прунер-Бея о человеческих костях, найденных в кроманьонской пещере в Дордони.
- [51] Аквитанские реликвии. М. Луи Лартет, стр. 70.
- [52] Для получения более подробного отчета см. на веб-сайте Proc. Soc. Antiq. Шотландец., том vi. стр. 376.
- [53] "Мексиканские древности" лорда Кингсборо, том i, лист 68.
- [54] Труды Американского этнологического общества, том i. стр. 355-365.
- [55] Исследование происхождения древностей Америки, стр. 162.
- [56] Древности южных индейцев, стр. 200.

ГЛАВА V. ОГОНЬ.

ЖИВОТНОЕ, ИСПОЛЬЗУЮЩЕЕ ОГОНЬ-ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОГНЯ ЭСКИМОСАМИ—
ОГНЕПОКЛОННИЧЕСТВО—СПОСОБЫ ДОБЫВАНИЯ ОГНЯ-АВСТРАЛИЙСКИЙ ОГОНЬ—МИФ—
ЛЮДИ ЭПОХИ МАМОНТА-ОЧАГИ ПЕЩЕРНЫХ ЛЮДЕЙ—ТИХООКЕАНСКИЙ КОРЕНЬ СЛОВА,
ОБОЗНАЧАЮЩЕГО ОГОНЬ—ВЕЛИКИЙ ЦИКЛ АЦТЕКОВ-РАЗЖИГАНИЕ СВЯЩЕННОГО ОГНЯ—
ПЕРУАНСКИЕ СОЛНЦЕПОКЛОННИКИ-ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ БЕЛОЙ СОБАКИ—СВЯЩЕННЫЕ
КОСТРЫ СТРОИТЕЛЕЙ КУРГАНОВ—ИНДЕЙСКОЕ РАЗВЕДЕНИЕ ОГНЯ—СВЯТОСТЬ ОГНЯ-
ОГНЕННАЯ ЗЕМЛЯ.

Ни одно событие, связанное с открытием Америки, не является более впечатляющим, чем свидетельство, которое впервые убедило Колумба в том, что его исследование таинственного западного океана не было напрасным. Солнце скрылось за волнами, пока его взгляд блуждал по горизонту в поисках долгожданной земли, как вдруг вдалеке замерцал свет, который раз за разом появлялся перед глазами Педро Гутьерреса и других, кого он призвал подтвердить свое видение, а затем тьма и сомнения возобновили свое господство. Но Колумбу все было ясно. Эти мерцающие отблески не только открыли ему определенные признаки долгожданной земли; они не менее ясно сказали ему, что эта земля населена человеком.

Есть нечто необычайно важное в древнегреческом мифе, который представляет титанического сына Япета, похищающего огонь Зевса, чтобы он мог даровать человечеству власть над грубыми элементами природы. Человек особым образом использует огонь. Стихия, которая становится в его руках силой, управляющей всеми остальными и предоставляющей их в его

распоряжение, является объектом ужаса для низших животных, как среди арктических снегов, так и в тени ночного лагеря в тропиках. Более того, его использование настолько универсально, что позволяет считать его одним из примитивных инстинктов человека, и настолько присуще ему самому, что его можно с полным основанием назвать животным, использующим огонь. Тем не менее, его предполагаемое незнание огня в первобытные эпохи использовалось в качестве аргумента в подтверждение идеи о том, что первой средой обитания человека, должно быть, был климат, при котором его обнаженное тело не испытывало дискомфорта от смены времен года и где фрукты были найдены в достаточном изобилии, чтобы удовлетворить его потребности без необходимости искусственной подготовки.^[57]

Однако именно в климатах, где палящее солнце выступает в качестве животворящей силы, как в старом, так и в новом свете, культ огня и ритуалы, связанные с его использованием, получили наиболее полное развитие. Более того, заметно, что в холодных зонах огонь используется в меньшей степени, чем в зонах с умеренным климатом, в качестве прямого источника тепла. Эскимос в своей снежной хижине счел бы, что огонь приносит только дискомфорт. Даже при приспособлении животной пищи к его употреблению кулинария менее необходима, чем в других широтах; и огонь он больше ценит в течение своего короткого лета как защиту от мириад вредных насекомых, которых затем согревает, пробуждая к жизни, чем как средство противодействия суровой полярной зиме. Его тепло зависит от его меховой одежды, и еще больше от выделяющего тепло жира, который составляет столь значительную часть его пищи. И все же лампа, обычно сделанная из камня, с фитилем из мха, и каменный чайник играют важную роль среди орудий труда и кулинарных приспособлений эскимосской хижины. От них он зависит в получении воды из растаявшего снега, в оттаивании и сушке своей одежды и в приготовлении пищи; и без света лампы жизнь в помещении долгой непрерывной полярной ночью протекала бы как в живой могиле. У эскимосов обычно есть кусочки железного колчедана и кварца. Они служат им в качестве кремня и стали, которыми они поджигают пучок сухого мха, растертый в руке. Но они также знакомы с более трудоемким процессом добывания огня с помощью трения, который широко используется по всей Америке.

На противоположной оконечности Континента лежит Огненная Земля, уроженцы которой подвергаются еще большим лишениям, и наблюдательные путешественники считают их одной из самых деградировавших диких рас. Тем не менее, жители Огненного огня проявляют значительную изобретательность в изготовлении своих рыболовных снастей, пращей, луков и стрел с каменными наконечниками, каменных ножей и дротиков с костяным заострением. Используемый ими костяной гарпун с зазубринами только с одной стороны (рис. 33) напоминает уже упоминавшиеся образцы, найденные в Дордони и других пещерах эпохи, когда мамонт и охотники на него сосуществовали на юге Франции. М. Лекок де Буабодро предполагает, что отклонение сформированного таким образом гарпуна служит эквивалентом преломления рыбы в воде, и таким образом рыбак безошибочно попадает в цель. Если это так, то это гениальное применение плодов опыта, направленное на устранение трудности, общей для современного жителя Огненной Земли и троплодита послеледниковых времен.

Каное жителей Огненного огня грубо сконструированы из коры, сшитой вместе подготовленными сухожилиями. Внизу устроен глиняный очаг, в котором они обычно разводят огонь. Они тоже узнали ценность железного колчедана и с его помощью легко добывают искру, необходимую для поджигания приготовленного ими трута из сухого мха или гриба. Капитан Уэдделл утверждает, что он достал трутницу в присутствии группы огнеземельцев, чтобы

выяснить, как они добывают огонь, и вскоре обнаружил, что его сталь была украдена. Это, однако, он исправил, и после того, как отправил преступника в его каноэ с угрозами наказания, он узнал, что они добывают огонь, труща железный колчедан и кремнистый камень друг о друга, улавливая искры в сухом веществе, напоминающем мох.^[58]

Предполагается, что древнее использование пирита для добывания огня отражено в его этимологии (πῦρ). М-р Джон Эванс указал, что нижние слои того же английского мела, в которых изобилует кремнь, изобилуют пиритом; и он высказывает предположение, что использование конкреции пирита в качестве камня-молотка в процессе изготовления кремневых орудий, возможно, привело к открытию этого метода добывания огня. Но если это так, то это открытие далекой древности, поскольку подобные конкреции были найдены как во французских, так и в бельгийских пещерах, связанные с костями ископаемых млекопитающих и обработанными кремнями эпохи палеолита. Они также встречаются в швейцарских озерных жилищах, таких как Робенхаузен, наряду с неолитическими орудиями труда.

Но пирит не всегда доступен; и эскимосы, жители Огненной Земли и австралийцы также практикуют более обычный и, вероятно, более древний метод добывания огня трением. Этот процесс у таитян и жителей островов Южных морей осуществляется на редкость безыскусным способом трения одного куска дерева о другой; хотя говорят, что при совершенно сухом дереве они добывают огонь таким образом за две-три минуты. Австралийское добывание огня производится почти таким же образом; но американские индейцы усовершенствовали этот процесс, используя лук и дрель. У ирокезов и других племен дрель была снабжена каменным завитком, или маховиком, для придания ей инерции; и при быстром вращении с помощью лука и тетивы, когда острое упирается в кусок сухого дерева, окруженный мхом или щебнем, за несколько секунд образуются искры, и трут воспламеняется.

Таким образом, искусство добывания огня широко используется среди диких народов, даже в самом деградировавшем состоянии: например, среди жителей Огненного огня, чье жалкое состояние и отталкивающая внешность и привычки заставили путешественников описывать их как едва ли людей. Они действительно во всех отношениях уступают эскимосам. Тем не менее, их орудия труда и оружие демонстрируют замечательную изобретательность и мастерство, а происхождение названия их пустынного региона связано с многочисленными кострами, которые видели первые испанские первооткрыватели, путешествовавшие по его берегам.

Аборигены Австралии в равной степени соперничают с жителями Огненного огня в физической и интеллектуальной деградации; но, подобно им, также достигли или увековечили открытие, которое лежит в самой основе любой возможной цивилизации. Согласно несущественному отчету, предоставленному коренным австралийцем об их первом приобретении fire: “Давным—давно маленький бандикут^[59] был единственным владельцем марки fire, которой он дорожил с величайшей ревностью. Он был настолько эгоистичен в использовании своей добычи, что упрямо отказывался делиться ею с другими животными. Поэтому они провели общий совет, на котором было решено, что огонь должен быть добыт у бандикутов либо силой, либо стратегией. Ястребу и голубю было поручено выполнить это решение; и после тщетных попыток убедить владельца костра поделиться его благами со своими соседями, голубь, улучив, как ему показалось, неосторожный момент, бросился за призом. Бандикут увидел, что дело дошло до кризиса, и в отчаянии бросил огонь в реку, чтобы там погасить его навсегда. Но, к счастью для чернокожего человека, остроглазый ястреб парил поблизости и, увидев, что огонь падает в

воду, взмахом крыла перебросил головню далеко за ручей, в высокую сухую траву противоположного берега, которая немедленно вспыхнула, и пламя распространилось по всей местности. Затем черный человек почувствовал огонь и сказал, что это хорошо”.^[60]

Открытие искусства добывания огня, прообразом которого является этот грубый миф, тесно связано в сознании австралийских аборигенов с их особыми представлениями о человеке. Согласно мифологии племени бурунг, населяющего страну Малли, на озере Тайрилл, им предшествовала на земле раса Нуррумбунгуттий, или старых духов, обладавших знанием огня; но они были перенесены на небеса еще до появления черного человека. Один из них, по имени Война, или Ворон, — австралийский Прометей, — теперь называется звездой Канопус; и именно он первым вернул огонь на землю и передал его черным людям.^[61]

Примечательно, что в то время как маори Новой Зеландии используют одно и то же слово "ахи" для обозначения огня, которое с небольшими изменениями используется на широко разделенных островных группах Тихого океана, разные австралийские племена используют для него разные названия, такие как дарлу в заливе Мортон, коюнг на озере Маккуорри и кауби в Батерсте. В камилараи долины Веллингтон это называется коян; в то время как в вирадурее, на котором говорят примерно в 200 милях от озера Маккуорри, это вин. Такое разнообразие названий для общего приобретения доказывает, что огонь не является недавним изобретением, полученным из одного источника дикими племенами этого странного южного континента.

Среди всех замечательных свидетельств, недавно обнаруженных относительно древности и грубых искусств первобытного человека, до сих пор не появилось ничего, указывающего на состояние, более низкое, чем у дикарей Огненной Земли или Австралии; хотя многое склоняется к противоположному выводу. Сходные по физическому развитию и искусству троглодиты пещер Дордони, несомненно, намного опережали их обоих; и все же они были современниками мамонта, сибирского носорога, пещерного льва и медведя, гигантского ирландского лося, северного оленя и ископаемой лошади Центральной Европы - людей периода, отделенного от нашего времени эпохами, продолжительность которых не может быть измерена никакими стандартами исторической хронологии. Едва ли можно было сомневаться в том, что такие люди были способны овладеть искусством добывания огня. Можно даже усомниться в том, что они могли бы существовать в условиях жизни, характерных для той послеледниковой эпохи, без использования огня. Но на этот счет нам не остается строить догадки.

Поначалу предполагалось, что содержимое пещеры Ориньяк в департаменте Верхняя Гаронна, у подножия Пиренеев, представляет собой исключительно интересный пример погребальной культуры, существовавшей одновременно с ископаемыми млекопитающими дрейфа; и сопровождалось не только орудиями труда и личными украшениями, сделанными из их костей и бивней, а также другими изделиями из кремня; но и пеплом от погребальных костров и остатками поминального пира, которые составляли часть последнего обряда по умершим. К сожалению, доказательства, которые, казалось, указывали на то, что останки вымерших млекопитающих и останки захороненных мертвецов были современниками, подверглись некоторой дискредитации; и важность выводов, которые, казалось, оправдывало это открытие, делает тем более необходимым, чтобы доказательство было бесспорным. Но о практике регулярного погребения мертвых, сопровождавшейся некоторыми погребальными обрядами, у людей послеледниковой эпохи свидетельствует содержимое кроманьонского склепа в

долине Везер. Пепла от погребальных костров найти невозможно, но следов использования огня предостаточно.

На полах различных пещер в этом районе, которые были богаты находками примитивного искусства, частицы древесного угля в изобилии встречаются на каждом уровне, где встречаются сломанные кости, что наводит на мысль о том, что костры использовались ежедневно и использовались скорее для приготовления пищи, чем для обогрева. Возможно, действительно, что эти пещеры были всего лишь летними жилищами дрейфующего народа послеледниковых времен; и у них, как у эскимосов и индейцев Северной Америки в целом, огонь, возможно, ценился как защита от вредных насекомых, которые, особенно в короткое лето сурового климата, делают жизнь невыносимой. Огонь - это универсальный слуга человека. Эскимосы и краснокожие индейцы отгоняют комаров, тетеревиных мух и песчаных мух с помощью "мази", сделанной из дыма травы и хвороста; в то время как готтентот или бушмен разжигает свой ночной костер в тропиках как самую эффективную защиту от хищных зверей. Повсюду и во все эпохи огонь выступает как один из наиболее характерных признаков разумного человека; и когда мы изучаем те его следы, которые вновь появляются перед нами в произведениях искусства и потухших кострах пещерных жилищ Мустье и Мадлен или в неолитических, если не более ранних, катакомбах Ориньяка, мы видим безошибочные свидетельства человеческого интеллекта; и мы вновь соглашаемся с решением Колумба, что ночной факел дикаря Гуанахана был неоспоримым доказательством того, что неизвестный мир, лежавший перед ним, был неизвестным миром, который лежал перед ним. был местом обитания человека.

Можно усомниться, существовал ли человек где-либо без знания огня. С его помощью были достигнуты некоторые из его первых побед над природой. С его помощью диапазон его деятельности больше не ограничен широтами, где в любое время года изобилуют спонтанные плоды земли. Использование огня лежит в основе всех промышленных искусств. Дружелюбные дикари, найденные Колумбом на первом открытом острове Нового Света, были вооружены деревянными копьями, закаленными на конце с помощью этих приспособлений. Наиболее цивилизованные из народов, покоренных Кортесом и Писарро, научились с помощью тех же средств плавить руды Анд и изготавливать из их металлических сплавов инструменты для добычи и обтесывания скал, для создания статуй богов Анауака, а также дворцов и храмов перуанских детей солнца. Без огня несовершенные орудия каменного периода были бы совершенно неадекватны потребностям человека. С его помощью он валит высокие деревья, против которых его каменный топор без посторонней помощи был бы бессилён. Она играет не менее важную роль в изготовлении бревенчатого каноэ дикаря, чем в приведении в движение чудесного парохода, благодаря которому великие озера и реки Нового Света превратились в магистрали переселяющихся народов.

Общее корневое слово, обозначающее огонь, служит для объединения многочисленных разрозненных островных рас великих тихоокеанских архипелагов через их общение с малайскими путешественниками. И все же, хотя малайское слово "апи" может быть принято за источник многих разнообразных форм островного термина, обозначающего огонь, папуасы, а не малайцы, демонстрируют этнические особенности, преобладающие по всей Полинезии и характерные для маори Новой Зеландии; и отчетливые корни во многих словарях промежуточных островов доказывают независимое знание огня. Витиан богат терминами, обозначающими свет, тепло, сияние, разжигание, горение, кипение и т.д. Аундре, сиять или

гореть, становится оундревой, разжигать, и вакаундре, заставляя гореть. От яме, языка, происходит, по знакомой аналогии, яме-ни-мбука, пламя огня. Илгату, огонь, порождает группу слов, включая илгилайсо, древесный уголь, и илгилайсонгава, горячие угли. Лива, вспышка молнии, дает лави, приносящий огонь, лово, печь, родную печь; и напоминает об одном знакомом источнике знаний об огне: асса, солнце; атуа, божество, вероятно, бог солнца; асу, дым и т.д., На диалекте ротума наводят на мысль о другой ассоциации идей, общих для Старого и Нового Света.

Огнепоклонство гебиров - это всего лишь деградированная форма того почтения к видимой божественности, с которым человек поклоняется богу дня и преклоняется перед небесным воинством. Соответственно, у цивилизованных народов Нового Света особая святость была связана со знакомым служением огню. В конце великого цикла ацтеков, когда в конце пятьдесят второго года календарь был скорректирован на истинное солнечное время, проводился высокий религиозный праздник, накануне которого они разбивали на куски своих домашних богов, крушили мебель и тушили все костры. При реконструкции ритуального календаря вставленные дни считались несуществующими и не посвящались никаким богам, из-за чего они считались неудачными. В конце этого унылого периода поста и покаяния, в течение которого ни один очаг не дымил и по всей стране нельзя было есть горячую пищу, была совершена церемония зажжения нового огня. После захода солнца жрецы великого храма отправились на соседнюю гору, и там в полночь вновь зажгли священное пламя, которое должно было зажечь национальные костры для следующего цикла. Процесс, с помощью которого он был получен путем вращения одного куска сухого дерева в дупле другого, неоднократно проиллюстрирован на мексиканских картинах работы лорда Кингсборо. Но, верный кровавым обрядам национальной веры, на этом священном празднике на груди человеческой жертвы разжигался огонь, из которого сразу же после этого вырывалось тлеющее сердце и бросалось в качестве кровавого приношения богам. Период от угасания до повторного возгорания священного пламени был периодом большого напряжения. С суеверным чувством, поразительно соответствующим обычаям и представлениям северных индейцев, женщины оставались запертыми в своих домах с закрытыми лицами, полагая, что если они станут свидетелями церемонии, то немедленно превратятся в зверей. Тем временем мужчины собрались на террасных крышах и в ужасном ожидании вглядывались в темноту. Пламя на вершинах великого теокаллиса, освещавшее город в любое другое время года, погасло; и если жрецам не удавалось разжечь его снова, считалось, что ночь будет вечной и миру придет конец. Но смутно, сквозь темноту, было видно, как на далекой вершине горы мерцает искра, и оттуда ее быстро отнесли к храму, к которому верующие обратились с новой надеждой. Когда священное пламя снова вспыхнуло на высоком алтаре и было передано остальным теокаллисам, крики триумфа вознеслись вместе с ним к небу. Последовали праздники, радостные шествия и жертвоприношения в храмах, которые продолжались в течение тринадцати дней и были посвящены национальному юбилею возрожденного пламени, прообразу возрожденного мира.^[62] Длительный интервал, прошедший между этим завершающим обрядом великого цикла, сам по себе был достаточным, чтобы придать ему впечатляющую святость в глазах верующих ацтеков. Тот, кто был свидетелем этого в юности, увидел это только еще раз, когда жизнь подходила к концу; в то время как действительно немногие из всех, кто радовался обновленному дару огня, могли ожидать, что снова увидят этот странно значимый обряд. По сравнению с ежегодным чудом греческой церкви в склепе Гроба Господня, с которым он имеет

некоторое сходство, великий праздник ацтеков был полон значимости и торжественного величия, хотя и обагрен кровью их отвратительных жертвоприношений.

Перуанские солнцепоклонники сохраняли гармонию между своими повторяющимися празднествами и истинным солнечным временем с помощью более грубого процесса приспособления, чем тот, который был изобретен замечательными познаниями ацтекских жрецов в астрономии. Тем не менее, у них тоже был свой светский фестиваль Райми, проводимый ежегодно в период летнего солнцестояния. В течение трех предыдущих дней царил всеобщий пост, огонь на великом алтаре солнца погас, и во всех жилищах страны не разжигался очаг. С приближением рассвета четвертого дня Инка, окруженный своей знатью, съехавшейся со всех концов страны, чтобы присоединиться к торжественному празднованию, собрался на большой площади столицы, чтобы поприветствовать восходящее солнце. Храм национального божества подставил свой восточный портал первым лучам солнца, украшенный его золотым изображением, густо усыпанным драгоценными камнями; и когда первые утренние лучи отразились от этой эмблемы бога солнца, триумфальные песни смешались с ликующими криками его почитателей. Затем, после различных обрядов поклонения, были сделаны приготовления к повторному разжиганию священного огня. Но у перуанцев это делалось с помощью процесса, намного превосходящего тот, который применяли ацтекские жрецы. Солнечные лучи, собранные в фокус вогнутым зеркалом из полированного металла, воспламеняли кучу высушенного хлопка, а ламу приносили во всеожжение солнцу. Только в случае, если небо было затянуто тучами, жрецы прибегали к трению для повторного разжигания алтаря; но сокрытие своего лица богом дня считалось не менее зловещим, чем угасание священного огня, охранять который в течение всего года стало обязанностью дев солнца. Резня стад лам солнца стала всеобщим пиршеством; и, хотя бога умиловивляли приношениями фруктов и цветов, по-видимому, были редкие случаи, когда принесение в жертву человека — прекрасной девушки или ребенка — придавало этой изящной годовщине большее сходство с ужасающими обрядами поклонения ацтеков.

Среди северных индейских племен можно различить слабые следы ежегодного праздника огня. При жертвоприношении белой собаки, новогоднем празднике ирокезов, процедура длилась более шести дней; и таковы были обязательства, налагаемые его обрядами на всех, что, если кто-либо из членов семьи умирал в течение этого периода, тело предавалось забвению, а родственники участвовали в играх, а также в религиозных церемониях. Главным событием первого дня было удушение белой собаки, предназначенной для жертвоприношения. На второй день два хранителя веры посетили каждый дом и совершили знаменательную церемонию перемешивания золы в очаге, сопровождаемую вознесением благодарности Великому Духу. Утром пятого дня огонь торжественно разжигался трением; и белую собаку процессией несли на носилках из коры, пока проводящие церемонию вожаки не останавливались лицом к восходящему солнцу, после чего ее клали на пылающие дрова и сжигали во время обращения, которое включало особую благодарность солнцу за то, что оно взглянуло на землю своим благодетельным оком.^[63]

Возможно, между различными описанными таким образом обрядами нет никакой прослеживаемой связи, поскольку было бы легко найти им параллели у древних и современных народов. Они относились к религиозной практике халдеев, к обрядам Ваала и другим ранним формам идолопоклонства. Сабаизм действительно является наиболее естественной формой ложного поклонения, заявляющей о себе многими видимыми признаками божественного

влияния и силы для необразованного человека; и легко предполагает ассоциацию огня с солнцем как его источником. “Будьте внимательны к себе, - говорит законодатель Израиля племенам в пустыне, - ибо вы не видели ничего подобного в тот день, когда Господь говорил с вами на Хориве из среды огня; чтобы вы не подняли глаза ваши к небу и, увидев солнце, и луну, и звезды, даже все воинство небесное, не были вынуждены поклониться им”. Это поклонение солнцу, хотя и связанное с древними обрядами азиатских народов, не является, следовательно, обязательным доказательством восточного происхождения ни того, ни другого. вера народов Нового Света. Но в тех услугах, которые она там оказала, у нас есть, по крайней мере, наводящие на размышления намеки на связи, которые связывают воедино ее собственные древние и современные племена. Возможно, они также смогут дать ключ к интерпретации некоторых малоизвестных скульптур, все еще сохранившихся на местах угасшей туземной цивилизации Америки, и обрядов, некогда практиковавшихся среди священных оград и на курганах-алтарях, которые придают такой особый интерес речным террасам долины Миссисипи.

Среди замечательных сооружений строителей курганов, рассмотренных в следующей главе, их исследователей поразили особенности определенного класса курганов, воздвигнутых на наиболее возвышенных вершинах отдаленных холмов. Относительно них “не может быть никаких сомнений в том, что древние люди выбирали видные и возвышенные места для разведения больших костров, которые поддерживались в течение длительного времени или возобновлялись через частые промежутки времени. По-видимому, они были построены в основном на горах камней, которые были расколоты и иногда частично остеклены. Во всех случаях на них видны следы сильной и продолжительной жары.”^[64] Предполагалось, что такие признаки обозначают древние сигнальные станции, приспособленные к телеграфной системе, все еще используемой среди местных племен, для поднятия столбов дыма в качестве предупреждения о приближении врагов. Но это “тушение огня”, как его называют индейцы северо-запада в качестве сигнала, теперь осуществляется простым процессом поджигания короткохвостой травы буйвола, и представляет собой небольшую аналогию со следами сильных пожаров на древних холмах-насыпях, где количество опаленного материала часто покрывает большое пространство глубиной в несколько футов.

Возможно, большее значение имеет использование того же метода добывания огня в наши дни среди индейцев северо-запада, что мы видим на рисунках древних ацтеков; в то время как солнцепоклонники южного континента изобрели совершенно иной метод, соответствующий тому, с помощью которого римляне разжигали священный огонь. М-р Пол Кейн так описывает процесс, применявшийся чинуками на реке Колумбия: “Огонь добывается с помощью плоского куска сухого кедра, в котором вырезается небольшое углубление с каналом для подачи разожженного древесного угля. поверх; на него садится индеец, чтобы удерживать его неподвижно, в то время как он быстро вращает круглую палку из того же дерева между ладонями, вдавливая острие в углубление. Через очень короткое время искры начинают падать через канал на тонко истертую кедровую кору, помещенную под ним, которая вскоре воспламеняется. В этом есть большая сноровка, но те, кто к этому привык, разожгут огонь за очень короткое время. Мужчины обычно носят эти палки с собой, так как после того, как ими один раз воспользовались, огонь разгорается быстрее”.^[65] Я был свидетелем того, как этот процесс успешно применялся при самых неблагоприятных обстоятельствах, однажды, когда мы разбивали лагерь с гидами племени Чиппева на озере Бейс в Западной Канаде. Мы сняли свои палатки и спустились вниз по реке, когда начался сильный дождь, который продолжался весь

день. Нам пришлось пройти несколько долгих переходов, каждый из которых включал разгрузку и перенос через них наших каноэ и багажа; и в один из таких случаев, оказавшись наедине с моим проводником-индейцем у подножия волока, где мы неизбежно должны были задержаться на значительное время, я словами и знаками предложил ему, нельзя ли разжечь костер. Дождь лил потоками, с деревьев капало, а трава и опавшие листья напоминали намокшую губку. Но Кинес принялся за работу на индейский манер, выловил сосновый сучок, какие часто встречаются в канадских лесах, где само дерево сгнило, и сердцевины его самых старых ветвей остались похожими на железные штыри. Закрепив это и кусок наполовину сгоревшего дерева из-под остатков старого походного костра, он затем содрал кору с подветренной стороны березы и, собрав кучу сухой внутренней коры, тонкой, как бумага, он аккуратно уложил ее под прикрытием сосновой коры, а поверх всего этого положил кучку щепок, вырубленных его топором из середины соснового бревна. Когда все было готово, он растер горсть бересты до состояния пакли и, положив ее на обугленное дерево, заставил твердый кончик соснового сучка вращаться в дереве с помощью веревки, в то время как его согнутое положение, прижимание другого конца к груди защищало его от дождя. За удивительно короткое время он раздул трут в пламя, поднес его к подготовленной им куче, и, подкладывая щепки и сухие ветки, мы смогли пригласить наших товарищей к пылающему костру, разожженному при обстоятельствах, которые европейскому дровосеку показались бы невозможными даже с помощью кремня и стали.

Знание этого простого процесса, каким бы приобретенным оно ни было, составляет, возможно, древнейшую из всех человеческих традиций, относящихся к искусству жизни. Способ добывания огня, почти эквивалентный способу добывания кремня и стали, уже упоминался в обиходе как у огнеземельцев, так и у эскимосов; но последние также прибегают к процессу трения, и с небольшими вариациями в применении принципа это, по-видимому, признанный индейский способ добывания огня. Среди всех индейских племен огонь не только пользовался определенной суеверной святостью, но и с недоверием относился к новым методам, применяемым европейцами для его добывания. Когда в 1811 году Элксатова, пророк племени вабаш, — брат Текумсе, воина племени шауни, — призывал свое племя противостоять смертоносным посягательствам белого человека, он завершил одно из своих красноречивых предостережений восклицанием: “Выбросьте свое огненное оружие и разбудите спящее пламя, как это делали ваши отцы до вас; сбросьте свои кованные одеяния и наденьте шкуры, добытые для себя по их обычаю, если хотите избежать гнева Великого Духа”. Недостатка среди многих индейцев нет. убежденность в том, что Ишкодайваубо, или огненная жидкость, является злокачественной формой того же таинственного элемента; злое лекарство, созданное для их уничтожения белым Маниту.

Таким образом, по всему западному полушарию можно проследить различные методы вызова к жизни чудесного элемента, столь своеобразно присущего человеку. Однако даже в них очевидны общие отношения весьма всеобъемлющего характера; в то время как перуанец, обладающий солнечным зеркалом, стоит в равной степени особняком от грубого индейца и культурного уроженца мексиканского плоскогорья; и далеко к югу от обоих, огнеземец находит в природных продуктах своего негостеприимного климата средство добывания огня, аналогичное тому, которое пророк шауни учил свой народ считать одним из неосвященных обычаев белых. Все они одинаково демонстрируют, что человек, даже на самой примитивной стадии, владеет одним и тем же секретом и использует для многих полезных и даже незаменимых целей то, чему

никакое другое животное нельзя научить пользоваться или на что оно едва ли может даже смотреть без страха.

- [57] Флуреус, О долголетию человека, стр. 127.
- [58] Путешествие Уэдделла к Южному полюсу в 1822-24 годах, стр. 167.
- [59] Маленькое остроносое животное, мало чем отличающееся от Морской свинки.
- [60] Канадский журнал, N.S., том i. стр. 509.
- [61] Пер. Philosoph. Институт, Виктория, том i.
- [62] Клавиджеро, том ii. стр. 84.
- [63] Лига ирокезов, стр. 207-221.
- [64] Древние памятники долины Миссисипи, стр. 183.
- [65] Странствия художника среди индейцев Северной Америки, стр. 188.

ГЛАВА VI. КАНОЭ.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ—ИНСТИНКТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНСТРУМЕНТОВ—
РУДИМЕНТАРНАЯ СТАДИЯ ИСКУССТВА—ПРИМИТИВНЫЕ РЕЧНЫЕ СУДА—КАНОЭ ГУАНАХАНЕ-
ОКЕАНСКАЯ НАВИГАЦИЯ—ИЗГОТОВЛЕНИЕ АФРИКАНСКИХ КАНОЭ—КАНОЭ ИЗ ОРЕГОНСКОГО
КЕДРА—КОРЕННЫЕ КИТОБОИ ТИХОГО ОКЕАНА-ДОИСТОРИЧЕСКИЕ СТРОИТЕЛИ ЛОДОК—
КАНОЭ МАВАИ—ПОЛИНЕЗИЙСКИЙ АРХИПЕЛАГ—TERRA AUSTRALIS INCOGNITA—ФЛОТИЛИИ
ТИХОГО ОКЕАНА На КАНОЭ—ПРИМИТИВНАЯ НАВИГАЦИЯ—ПЕРЕНОСНЫЕ ЛОДКИ—КОРАКЛ И
КАЙАК-ПЕРУАНСКАЯ БАЛЬСА—ОКЕАНСКИЕ МОРЕПЛАВАТЕЛИ.

Открытия огня и его применения даже для таких простых целей искусства, как закалка
деревянного копья или выдалбливание отверстий в каноэ из моноксилоса, достаточно, чтобы
проиллюстрировать характеристики человека не только как мыслящего существа, но и как
использующего орудия труда, или, как определил его Франклин, животного, делающего орудия

труда. В то время как, однако, врожденный инстинкт, по-видимому, побуждает его дополнять свою беспомощность такими средствами, механическая наука, промышленность и изящные искусства - все это прогрессивные разработки, которые его интеллект накладывает на этот инстинкт использования инструментов. И на протяжении всех бесчисленных эпох, открывающихся геологу, со все новыми видами сменяющей друг друга жизни; со зверями, птицами, ракообразными, насекомыми и зоофитами, наделенными замечательными конструктивными инстинктами, и увековечивающими памятники архитектуры и скульптуры, из которых только микроскоп способен раскрыть изысканную красоту и бесконечное разнообразие рисунков: и все же использование инструментов настолько тщательно является исключительным атрибутом человека, что обнаружение единственного кремня искусственной формы в наносах или пещерной брекчии считается достаточным доказательством того, что там побывал человек. Кремневый инструмент или оружие лежит рядом с костями, свидетельствующими о видах, родственных пронизательному слону, или о хищниках, родственных собаке, с их удивительными инстинктами, граничащими с разумом, и предусмотрительностью опыта; и все же ни одному теоретику не приходит в голову гипотеза, что какой-нибудь более мудрый Элефас примигениус, опередивший свой век, изобрел кремневое копье, с помощью которого можно более эффективно противостоять агрессии гигантских хищников, останки которых в изобилии встречаются в окостенелых пещерах.

Но если человек был создан с инстинктом использования инструментов и со способностями, способными развить его во все механические достижения, которые вызывают такое удивление и восхищение в наши дни, он также был создан с необходимостью в этом. “Наследие наготы, которому не позавидует ни одно животное, является не более памятником невинности, которая когда-то была нашей, чем предзнаменованием трудов, которым она вынуждает нас подвергаться. Обладая интеллектом ангелов и телами дождевых червей, мы обладаем силой побеждать и потребностью делать это. Половина промышленных искусств - результат того, что мы родились без одежды; другая половина - того, что мы родились без инструментов”.^[66]

С растущими потребностями людей по мере того, как они собирались в сообщества, развивались новые искусства; и требования каждой новой потребности вызвали появление средств для ее удовлетворения. Множились мастера по изготовлению изделий из меди и железа, и места, где располагались первые города земли, были украшены храмами, дворцами, мраморными скульптурами и искусно выполненными святилищами. Но всякий раз, когда сообщества распадались и рассеивались, элементы приобретенной цивилизации неизбежно оставались позади. Все, кроме самых необходимых искусств, исчезает в процессе миграции; и хотя странники могли бы в конце концов найти дом в “стране, камни которой железные, а из холмов ты можешь добывать медь”, ни одно искусство не утрачивается мигрирующими племенами так быстро, как искусство металлургии. Владение накопленной мудростью и опытом последующих поколений должно быть частичным и ненадежным среди неграмотных людей, зависящих от традиции в отношении всех знаний, за исключением тех, которые практически передаются в процессе повседневного опыта. Действительно, лишь немногие из всех странников, переехавших из старых центров европейской цивилизации в дебри Нового Света, привозят с собой хоть малейшие познания в науке или практике металлургии. Каждый химик-аналитик знает, что такое получать пирит вместо серебра и охру вместо железа или золота. Даже сейчас мастерство американских рудокопов приходится импортировать, а добычки меди на озере Верхнее в основном происходят из Корнуолла, Норвегия, или шахтерских районов Германии.

При всех наших многочисленных искусственных потребностях, которые так быстро удовлетворяются даже в самой отдаленной колонии, мы не сразу осознаем, сколь многим мы обязаны чудесным приспособлениям современной цивилизации и ее разделению труда. Голландец перевез через Атлантику даже свои кирпичи, на которые основал свой Новый Амстердам на берегах Гудзона; а английский колонист, обладающий достаточной предприимчивостью, чтобы добывать медь и железо в озере Верхнее, все еще ищет рынок сбыта для руды в Англии и импортирует оттуда как инженеров, так и железо, с помощью которых строит мосты своего Святого Лаврентия. Имея перед нами такие факты, относящиеся даже к систематической колонизации высокоразвитой и предприимчивой торговой нации, легко понять, в каком состоянии должны были находиться первобытные скитальцы земли. Все их промышленные искусства должны были начаться заново; и таким образом, мы видим, что неметаллургическое состояние примитивной общественной жизни, которое обозначается как каменный период, не обязательно является самым ранним периодом развития человечества, но лишь рудиментарным состоянием, к которому человек вернулся и может вернуться снова в неизбежном ухудшении эпохи миграции.

Свидетельства различного рода все еще указывают на колыбель человеческой семьи у западных границ Центральной Азии и вдали от ее берегов: вероятно, в той части страны, которая простирается между верховьями Инда и Тигра. Самая ранняя история человека, которой мы располагаем, представляет собой послепотопных странников, отправившихся на восток и в конце концов обосновавшихся на равнине, которая долгое время после этого оставалась одним из главных исторических центров. Но развитое там искусство принадлежало исключительно жителям далеких внутренних районов; и по сей день грубые ремесла на Тигре и Евфрате свидетельствуют о полном отсутствии морского инстинкта или навыков навигации. Величайшие усилия их судостроителей сводятся лишь к тому, чтобы соорудить временный плот, на котором они сами и их нехитрый груз смогут в безопасности плыть вниз по течению великой реки. Подобные плоты до сих пор используются египтянами, они сделаны из глиняных кувшинов, связанных вместе прутьями и веревками и покрытых камышом. Как и соответствующие речные суда по Евфрату, их направляют вниз по Нилу, чтобы никогда не возвращаться; ибо по прибытии в Каир плоты разбирают, а кувшины продают на базарах. Таково было зачаточное состояние мореплавания в этом огромном азиатском улье народов, где человек в основном веками жил вдали от моря. Но оттуда странники были рассеяны по лицу всей земли. Таким образом, примитивные речные суда рано развились в морские; а океаническая миграция придала новый характер странствиям первобытных кочевников. С тех пор, соответственно, эти инстинктивные тенденции стали характеризовать определенные ветви человеческой семьи как лидеров морской предприимчивости, которые можно проследить на самых разных ступенях общественного развития: как у финикийцев, норманнов, малайцев и полинезийцев; в то время как другие племена и нации, такие как кельты и фиджийцы, хотя и живут на побережье, не испытывают желаний путешествовать по лону океана.

Острова Центральноамериканского архипелага были первыми, кто вознаградил прозорливость Колумба, когда он взял курс на запад в поисках древнего Востока. Соответственно, искусство их простых туземцев привлекло его внимание; и хотя он нашел среди них личные украшения из золота, достаточные, чтобы пробудить алчную жажду испанцев к этому роковому сокровищу Нового Света, все же практически они были невежественны в металлургическом искусстве и не имели того стимула к изобретательному трудолюбию, который требования одежды вызывают в менее благоприятных краях. Уроженцы Гуанаханы, или Сан-Сальвадора, были дружелюбными и

кроткими дикарями в простоте, если не в невинности, наготы. Их единственным оружием были деревянные копья, закаленные в огне, заостренные зубами или рыбьей костью, или снабженные лезвием, сделанным либо из универсального кремня, либо, что чаще, из крупных тропических раковин, которыми изобилуют моря Вест-Индии. Они научились экономно использовать местное хлопковое растение, но их главная механическая изобретательность была израсходована на легкие лодки, которым они дали теперь универсальное название каноэ. Они были сделаны из ствола цельного дерева, выдолбленного огнем с помощью примитивных кремневых тесел или ракушек, и были различных размеров, от крошечной коры, способной выдержать только ее единственного владельца, до галеры, укомплектованной сорока или пятьюдесятью гребцами, которые быстро передвигали ее по воде своими веслами и набивали ее бесценной местной тыквой, которая снабжала всю домашнюю утварь и делала их равнодушными к гончарному искусству.

Каноэ представляет особый интерес и ценность в археологии Нового Света. С нашими чудесными пароходами, с помощью которых мы пересекли Атлантику, мы склонны терять веру в способность нецивилизованного человека преодолевать такие препятствия, как разделяющие океаны, которые так долго скрывали Америку от древнего мира. Но барк, на котором Колумб впервые пересек Атлантику, был способен противостоять океанским ужасам ничуть не лучше, чем военно-морские силы Средиземноморья тысячу лет назад; а примитивные каноэ американского архипелага гораздо больше напоминали "Пинту" или "Нинью" с их латинскими парусами, чем самые маленькие из наших современных океанских судов.

По всему полинезийскому архипелагу фрагменты иностранных словарей являются главными следами той океанической миграции, благодаря которой только потомки общей расы могли заселить эти отдаленные морские острова. Узнаваемость некоторых малайских и полинезийских слов в языке отдаленного острова Мадагаскар является одной из ярких иллюстраций того, что подразумевают такие навязчивые лингвистические элементы. Таким образом, мы можем проследить, как первобытные путешественники на своих прау, или небольших малайских судах, бороздили океан протяженностью в три тысячи миль; и понять, что даже таким способом океанский тракт был открыт для серых отцов мира в самые отдаленные доисторические времена.

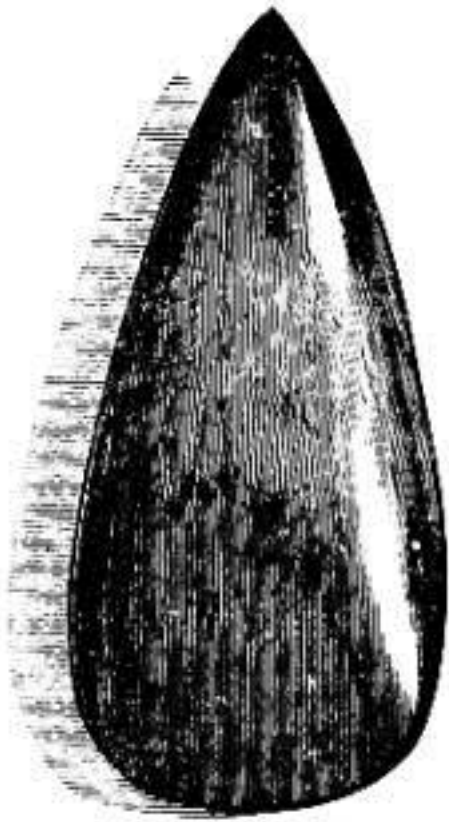

Рис. 50. Каменный топор Клайда.

С этой точки зрения американское каноэ - это тип развитого инстинкта, чреватого для нас множеством наводящих на размышления мыслей; и следы первобытного искусства кораблестроителя чудесным образом накапливаются, как только к ним привлекается внимание. На берегах Клайда путешественник из Нового Света с особым интересом смотрит на растущие конструкции этих огромных пароходов, которые превратили океан, оказавшийся таким непреодолимым препятствием для людей пятнадцатого века, в легкую дорогу торговли и удовольствий для нас. Грохот кузнечного горна, лязг кузнечного молота, прерывистое свечение печей и все новые приспособления железного судостроения рассказывают о современной эре пара; но, тем временем, под этими самыми верфями судостроителей покоятся памятники древних флотов Клайда, на которых мы возвращаемся вверх по течению человеческой истории, далеко в доисторические времена. Самое раннее зарегистрированное обнаружение каноэ Клайда произошло в 1780 году на глубине двадцати пяти футов под поверхностью, в месте, известном под метким названием "Крофт Святого Еноха". Он был вытесан из цельного дуба, и внутри него, рядом с носом, лежал прекрасно отделанный каменный топор, или кельт, представленный здесь (рис. 50), несомненно, одно из простых орудий, с помощью которых был придан вид этому примитивному кораблю Клайда. С тех пор было обнаружено по меньшей мере шестнадцать других каноэ; некоторые из них погребены на много футов под площадками, занятыми самыми древними сооружениями города Глазго. Трудно применить какой-либо удовлетворительный критерий, с помощью которого можно было бы оценить время, прошедшее с тех пор, как этот примитивный флот курсировал в отдаленном от материка устье реки, которое тогда занимало территорию, через которую Клайд проложил свое более позднее русло; но то,

что изменения в геологических, не менее технологических аспектах указывают на значительно длительный промежуток времени, не подлежит сомнению. И все же первобытный человек, как в Африке, так и в Новом Свете, все еще практикует грубую изобретательность в том же искусстве кораблестроения, которым занимались аллофилы с Клайда на той далекой заре.

Судно, на котором капитан Спик исследовал озеро Танганьика, представляло собой длинное узкое каноэ, выдолбленное из ствола цельного дерева. “Эти суда, ” говорит он, “ в основном построены из крупных бревен, произрастающих в районе Угубха, на западной стороне озера. Дикари валят их, обрубают ветви и концы до необходимой длины, а затем, покрыв верхнюю поверхность мокрой грязью, пока дерево лежит на земле, они поджигают и тлеют изнутри, пока не остается ничего, кроме кожуха, который они заканчивают обрезкой с помощью грубо сделанных топориков ”.

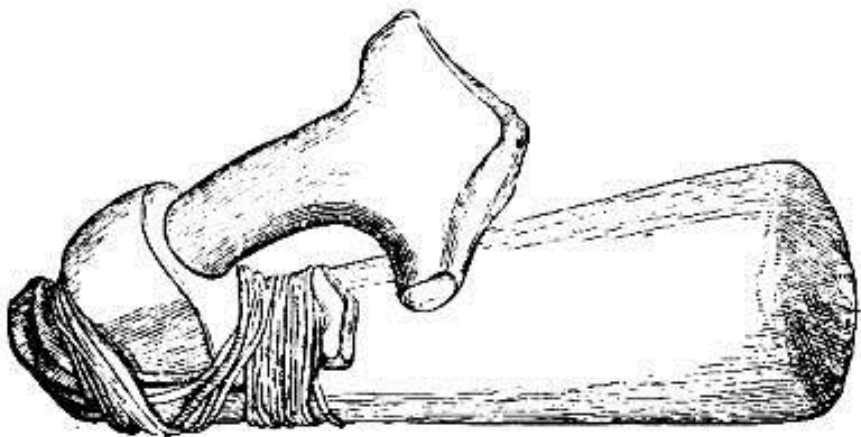

Рис. 51. Каменное тесло Clalam.

Островитяне Южного океана, уроженцы многих частей Африканского континента и строители каноэ Нового Света - все они используют огонь в дополнение к своим несовершенным орудиям труда. Каменный топор каноэ "Крофт Святого Еноха" изготовлен из тщательно отполированного темно-зеленого камня. Его размеры составляют пять с половиной дюймов в длину и три с половиной в ширину; неполированная полоса вокруг центра указывает на то, где он был прикреплен к рукоятке, оставляя оба конца незакрепленными, как это часто бывает с каменными топориками американских индейцев и полинезийцев. Но прилагаемая гравюра на дереве (рис. 51), сделанная с гравюры, привезенной мистером Полом Кейном из пролива Де Фука, демонстрирует более хитроумный способ обработки каменным теслом. Такие орудия используются индейцами клалам для постройки из стволов кедров больших и богато украшенных каноэ, в которых они бесстрашно встречают опасности Тихого океана. Некоторые из их каноэ, сделанные из цельного дерева, достигают более пятидесяти футов в длину и способны вместить тридцать человек экипажа. У них есть выступы из стороны в сторону толщиной около трех дюймов, а их планшири изгибаются наружу, чтобы отбрасывать волны. Нос и корма изящно изгибаются, иногда достигая высоты пяти футов, и украшены гротескными фигурами людей и животных. Индейская команда становится на колени по двое вдоль дна и быстро приводит каноэ в движение веслами длиной от четырех до пяти футов, в то время как лучник и рулевой сидят, каждый со своим веслом, на обоих концах, и, экипированные таким образом, эти дикари отваживаются на своей легкой барке бороздить самые бурные моря. Одним из их самых желанных трофеев является кит, жир которого употребляется в пищу вместе

с сушеной рыбой и ценится ими не менее высоко, чем эскимосами. Со времени вторжения европейских поселений на их территорию их добыча значительно сократилась, и лишь немногие киты приближаются к побережью; но, когда предоставляется возможность, индейцы с энтузиазмом охотятся, и процесс, с помощью которого добывается их добыча, представляет собой интересную иллюстрацию местной изобретательности и отваги. Когда в море замечают кита, которого уносит ветром, они бросаются к своим каноэ и отталкиваются, вооружившись несколькими большими мешками из тюленьей кожи, наполненными воздухом, каждый из которых прикреплен шнуром к зазубренному наконечнику копья, в гнездо которого вделана ручка длиной пять или шесть футов. Поравнявшись с китом, в него вбивают зазубренные головки и вынимают ручки; до тех пор, пока кит, который больше не может тонуть из-за плавучести подушек безопасности, не будет отправлен на буксир к берегу. Именно в результате такого процесса кит мог оказаться выброшенным на берег у подножия Данмята во времена, когда древний океан омывал подножие холмов Очил, и старый шотландский китобой наслаждался добычей, подобной той, что сейчас вознаграждает предприимчивость дикарей Северного побережья Тихого океана.

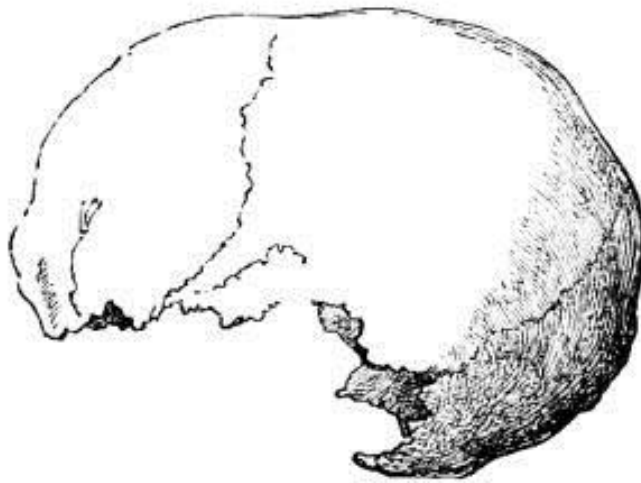

Рис. 52. Череп Грейнджмута.

Таким образом, видно, в какой степени примитивного каноэ могло быть достаточно для дальних океанских экспедиций. Старые мореплаватели Клайда были, вероятно, ничуть не менее бесстрашны, чем коренные китобои побережья Орегона; и им приходилось сталкиваться с опасностями, полностью равными любым из тех, которым подвергаются путешественники по Тихому океану, когда бы они ни плыли по озерам и островным протокам к его устью или отваживались выйти за его пределы, чтобы противостоять штормам и течениям Ирландского моря. "Клайд" снабдил нас необычайно богатым запасом иллюстраций примитивного корабельного плотничества; но здесь заслуживают внимания и сведения о другой шотландской местности. Карс Фолкерк тесно связан с некоторыми очень запоминающимися событиями шотландской истории. Его пересекают вал и цепь фортов, возведенных Лоллиусом Урбиком, римским пропретором Антонина Пия в начале второго века, и он богат памятниками о многих более поздних событиях. Но под ним лежат гораздо более старые записи. В 1726 году внезапный подъем уровня реки Каррон подорвал часть ее берегов и выставил на обозрение каноэ необычайно больших размеров, тщательно вырезанное из цельного дуба и лежащее на глубине пятнадцати футов под последовательными слоями глины, ракушек, мха, песка и гравия.

Статистические отчеты фиксируют обнаружение в окрестностях Фолкерка другой древней лодки, погребенной на глубине тридцати футов под поверхностью, в том же контейнере, из которого были эксгумированы останки мамонта при раскопках канала Юнион в 1821 году. Эти следы первобытного человеческого искусства уже упоминались в Доисторических летописях Шотландии, но дальнейшее открытие в той же местности вызывает к ним новый интерес. Вскоре после публикации этой работы, во время визита в Фолкерк, доктор Г. Гамильтон показал мне человеческий череп, который сразу привлек мое внимание своим явным соответствием брахицефальному черепу из древних британских захоронений. Он изображен здесь, на рис. 52, по тщательному рисунку, выполненному позднее. Лицевые кости и все основание отсутствуют, но сохранилось достаточно, чтобы показать, что они хорошо развиты, в соответствии с типом черепа из ранних шотландских курганов. Но что придает ему особый интерес, так это то, что он был найден на том же наносном участке, что и древние каноэ и ископаемые кости *Elephas primigenius*, на глубине двадцати футов под поверхностью, в слое ракушек и гравия, при раскопках в районе большого шлюза Грейнджмут на канале Юнион 29 июня 1843 года. Погребенный на такой глубине в обломках речной долины, он может рассматриваться как летопись людей того периода, когда долины Форт и Каррон были судоходными рукавами моря; и, возможно, даже относится к эпохе, когда их берега были заселены расой рыбаков, современников китобоев Данмита и Блэр-Драммонда Мосса, а также бескислотных лодочников Клайда.

На многих островах Южного океана лодки представляют собой простые деревянные каноэ, заостренные с обоих концов и приводимые в движение веслом; но лодки истинных полинезийцев более сложны и изобретательны. Они часто бывают двойными, с приподнятой платформой или квартердеком; и неизменно снабжены выносной опорой, предметом, по-видимому, малайского происхождения. Последнее действительно считается настолько важным для безопасного мореплавания, что наиболее примечательной чертой, признанной таитянами, когда суда капитана Кука впервые открыли им чудеса европейской цивилизации, было отсутствие незаменимого аутригера. Во всей мифологии океанической Полинезии Маваи, хранитель земли и открыватель тайн будущего, играет заметную роль. В одном из своих пророчеств Маваи предсказал, что со временем из океана выйдет невиданный прежде корабль, каноэ без выносных опор. Но для таитянца океанское каноэ без выносной опоры было настолько невозможной вещью, что они высмеяли своего пророка до презрения: после чего Маваи запустил в воду свое деревянное блюдо, которое плавало без выносной опоры, и с тех пор таитяне искали странное чудо - каноэ без выносной опоры. Корабль Кука считался исполнением предсказания Маваи, и до сих пор английские суда часто называют каноэ Маваи. Мифическое пророчество на самом деле кажется одной из тех смутных традиций общения предков с другими членами человеческой семьи, которые у ацтеков привели к вере в то, что корабли Кортеса вернулись от источника восходящего солнца с Кецалькоатлем, божественным наставником их предков в искусстве цивилизации.

Население великого Полинезийского архипелага обладает многими в высшей степени интересными и наводящими на размышления особенностями, тесно связанными с вопросом океанической миграции. Территория собственно Полинезии простирается от небольших островов к западу от Пелевина до острова Пасхи, а также от Марианских и Сандвичевых островов до Новой Зеландии на юге. На Тонгатабу и острове Пасхи, а также в микронезийских Рота, Тиниане, Уалане и по всей Каролинской группе остатки массивных каменных зданий, происхождение или использование которых совершенно неизвестно местным жителям,

обнаруживают следы исчезнувшей цивилизации и дают некоторый возможный ключ к странным этнологическим явлениям океанического архипелага. Профессор Дана, который в качестве геолога Исследовательской экспедиции Соединенных Штатов имел широкие возможности для наблюдений, пришел к выводу, что огромная территория в Тихом океане на протяжении веков постепенно опускалась; и что многочисленные острова в лагунах отмечают места, где когда-то были высочайшие пики гор, которые, наконец, были затоплены. Г-н Хейл, филолог той же экспедиции, собрал достаточно данных от европейца, который некоторое время проживал на острове Бонабе, в Каролинском архипелаге, и из его собственных наблюдений, чтобы убедиться, что замечательные каменные сооружения, как Уалан, так и Бонабе, были построены в конце XIX века. возведенные в то время, когда площадки, на которых они стоят, находились на другом уровне, чем тот, который они занимают сейчас. "В настоящее время они действительно находятся в воде; то, что когда-то было тропинками, теперь стало проходами для каноэ, и когда стены разрушены, вода попадает внутрь ограждения".

Такая идея кажется проблеском далеко идущих истин относительно неписаной истории этого недавно исследованного Южного океана. Когда Колумб открыл острова Нового Света, он обнаружил, что они расположены плотными группами, и вскоре достиг материковой части большого континента, который лежал в непосредственной близости от своих островных спутников. Но с "Колумбом Южного океана" все было совсем по-другому. Незнакомая Антарктика, а также австралийский континент лежали там же, ожидая новых первооткрывателей; но далеко за пределами их берегов тихоокеанские и Южные группы островов усеивали широкое пространство океана, подобно звездам, которые теряются в безднах ночи. Мы с удивлением читаем о путешествиях и открытиях Байрона, Уоллиса, Картерета и Кука, а также более поздних исследователей Южной части Тихого океана, столь же странных, как и те, которые были вознаграждены открытиями о Западном океане в последние годы пятнадцатого века. Когда капитан Кук достиг мыса, возвращаясь из своей второй экспедиции в 1774 году, он проплыл не менее двадцати тысяч лье по неизвестным морям с тех пор, как покинул ту же точку двадцать месяцев назад. Его великим заданием были поиски Terra Australis Incognita, континента, который, как предполагалось, должен был существовать в Южном океане в качестве противовеса суше, занимающей столь большую часть северного полушария; но вместо этого путешественники днями и неделями плыли по бескрайним морям, время от времени случайно прибывая на какой-нибудь маленький остров, отрезанный от всего остального мира, но населенный людьми. И, как отмечали более поздние путешественники, когда мы снова плывем к безграничному горизонту, после очередного долгого перерыва, за который пройдено много сотен миль, появляется еще одно островное пятнышко; и не только оно обитаемо, но и сходство языка, мифологии и примитивная изобретательность местных искусств - все это подтверждает общность происхождения. Идея, предложенная проницательному натуралисту, теперь очень хорошо знакома научному уму. Тихий океан - это преимущественно область оседания, где уже не только орудия из ракушек и камня, но, вероятно, резьба, скульптуры и даже архитектурные сооружения погребены под коралловой брекчией современной меловой формации, которой, возможно, суждено озадачить интеллектуальные исследования отдаленного будущего, когда северное полушарие снова станет областью оседания; а острова Тихого океана составят вершины горных цепей на австралийской земле грядущего времени.

Здесь нас не должно вводить в заблуждение, как и в нашей оценке возможных путешественников по Атлантике, неуместное презрение, с которым европейец склонен

оценивать способности примитивных островных мореплавателей. В Ваникоро местное каноэ представляет собой всего лишь грубо сколоченный ствол дерева, достаточно рифленый, чтобы в нем могла поместиться нога; однако к нему островитянин прикрепляет выносную опору, расстилает циновку для паруса и смело пускается в океан, хотя мало кто из европейцев решился бы плавать на таком судне по самому тихому озеру. Доктор Пикеринг, иллюстрируя идеи о миграции по океану, которые он сформировал на основе подробных наблюдений за широко разбросанными и очень разнообразными ветвями человеческой семьи, замечает: “Из судов аборигенов Тихого океана только два вида приспособлены для длительных морских путешествий: суда Японии и большие двухместные каноэ групп Общества и Тонга. Во времена, предшествовавшие импульсу, данному цивилизованной Европе благородным предприятием Колумба, полинезийцы привыкли совершать морские путешествия почти такой же продолжительности, подвергаясь таким же опасностям и на судах гораздо более низкой конструкции. Каким бы невероятным это ни казалось многим, доказательств этому достаточно. Известно, что народ тонга поддерживает контакты с Вавао, Самоа, островами Фиджи, Ротума и Новыми Гебридами. Но есть документ, опубликованный до того, как в этих морях появились китобои и торговые суда, который свидетельствует о более обширном знакомстве аборигенов с островами Тихого океана. Я ссылаюсь на карту, полученную Форстером и Куком от уроженца островов Общества, на которой, как было показано, указаны не только Маркизские острова и острова к югу и востоку от Таити, но и Самоа, Фиджи и даже более отдаленные группы. Опять же, что касается принципов навигации, то полинезийцы, по-видимому, обладают лучшими знаниями в этом вопросе, чем принято считать, как показывают недавние открытия на Гавайских островах. Было обнаружено, что один из гавайских мысов носит название места отправления на Таити: каноэ, по рассказам туземцев, появились благодаря миссионерам, которые в прежние времена отправлялись в путь в определенное время года и направлялись по определенной звезде”.

Но если оставить в стороне такие проблески океанической миграции, то есть еще один аспект, в котором проявляется изобретательность примитивных строителей лодок Нового Света, что само по себе в высшей степени характерно; а также заслуживает внимания благодаря некоторым элементам сравнения с первобытной изобретательностью древнего мира. На островах Американского архипелага и у южных племен, где изобилуют большие и свободно судоходные реки, туземные каноэ изготавливались различных размеров, но неизменно из выдолбленного ствола дерева, которому придавали требуемую форму. Таков, по-видимому, обычный тип примитивного морского ремесла; но там, где препятствия мешают его выполнению, самые грубые расы изобретают средства для устранения трудностей. Калифорнийское каноэ - это просто поплавки, сделанный из тростника в форме привязанного гамака; в то время как каноэ с островов Навигатор в Тихом океане, названные так Лаперузом, их первым первооткрывателем, из—за изящной формы и превосходной работы их каноэ, сделаны из кусков дерева, сшитых вместе с помощью приподнятого края. В этом искусный плотник руководствуется скорее полезностью или вкусом, чем необходимостью, поскольку острова Мореплавателя плодородны и густонаселенны и до вершин своих высоких холмов покрыты пышными лесами и обильно разросшимися фруктовыми деревьями.

Но на обширной территории северного континента Америки, простирающейся от залива Святого Лаврентия до Тихого океана, иное стечение обстоятельств способствовало развитию местной изобретательности в искусстве строительства лодок. В самой реке Святого Лаврентия и на протяжении всех ее основных притоков судоходству постоянно препятствуют водопады или

пороги, которые представляют собой непреодолимое препятствие для обычного судоходства. Аналогичным образом, местность вдоль северного и южного берегов озера Онтарио, долина реки Оттава, простирающаяся к заливу Джорджиан и озеру Верхнее, и большая часть маршрута между ним и Скалистыми горами представляют собой цепь озер или прерванное речное судоходство. Следовательно, все основные маршруты путешествий состоят из озерных и речных линий, объединенных “волоками”, или перевалочными пунктами, по которым каноэ и все его содержимое должны переносить местные лодочники, или путешественники, как называют французских канадцев и метисов из числа торговцев и Компании Гудзонова залива. Для такого способа передвижения деревянное каноэ было бы практически непрактичным; и соответственно, вероятно, за много веков до того, как путешественники европейского происхождения научились управлять такими каноэ, коренные индейцы изобрели для себя легкую и изящную лодку из коры *Betula papyracea*, или каноэ-березы, которая растет в большом изобилии и там, где почва хорошая, часто достигает семидесяти футов в высоту.

Переносные лодки были известны древним племенам Британских островов. В отчете мистера Ширли о владениях Фарни в Ольстере описывается любопытный пример переносной лодки, сделанной из ствола дуба размером двенадцать футов в длину и три фута в ширину, выдолбленной и снабженной ручками на обоих концах, очевидно, для удобства транспортировки из одного озера в другое. Этот район изобилует небольшими озерами, которые древние ирландские вожди часто выбирали в качестве избранных убежищ для строительства своих пещер или других изолированных укреплений, недоступных для внезапного нападения противника. Но более близкую аналогию можно проследить между индийским каноэ из бересты и лодкой древних бриттов, описанной Юлием Цезарем как плетеный каркас, покрытый шкурами. Такой же вид каноэ и в наши дни используется на озерах во внутренних районах Ньюфаундленда, где монтаньяры с побережья Лабрадора часто проводят лето. Их березовые каноэ тщательно закреплены для обратного путешествия на материк, а оленья шкура, натянутая на плетеный каркас, обеспечивает все необходимое для плавания по внутренним водам. Но истинным аналогом британского судна является эскимосский каяк, который состоит из легкого каркаса, обтянутого кожей; и поскольку он надевается сверху и обертывается вокруг тела его обитателя, это позволяет мореплавателям-амфибиям, обитающим как в Северной части Тихого океана, так и в Гренландских морях, преодолевать штормовой океан, в котором не смогла бы выжить ни одна открытая лодка.

Карфагенянин Гамилькон, согласно Фесту Авиену, был свидетелем того, как древние бритты “бороздили океан в новой лодке; ибо, как ни странно, они строили свои суда из соединенных вместе шкур и часто плавали по морю в кожаной шкуре”. Более четырех столетий спустя Цезарь обнаружил то же самое бурное море, по которому плавали южные бритты на своих лодках. Когда в шестом веке в “Житиях ирландских святых” мы вновь находим некоторое представление о морском искусстве, именно в тех же самых лодках — иногда сделанных из одной шкуры, а в других случаях, таких как океанский каррач Святого Колумбы, из нескольких шкур, сшитых вместе, — евангелисты с Ионой пересекли Ирландское море, посетили Оркнейские и Шетландские острова и даже, как есть основания полагать, предшествовали северянам в открытии Исландии. Старый шотландский историк Белленден, писавший в шестнадцатом веке, спрашивает: “Что может быть более великим изобретением, чем сделать лодку из бычьего хвоста, связанную только из палочек? Эта лодка называется “керрок”, на ней они ловят рыбу и иногда переплывают большие реки. Это примитивное судно даже сейчас можно встретить в устьях рек Уэльса и в различных частях ирландского побережья: аналог эскимосского каяка,

или байдара, с помощью которого жители алеутских островов бороздят океан, разделяющий Азию и Америку. Доктор Пикеринг замечает, столкнувшись с последним к северу от пролива Де Фука: “Из—за его легкости, элегантности и способности становиться непроницаемым как для воздуха, так и для воды, я не мог не восхищаться его совершенной приспособленностью к целям навигации; ибо казалось, что он почти позволяет человеку занять место среди настоящих обитателей морских глубин. Очевидно, что такие суда приспособлены для плавания в открытом море и, насколько позволяет отсутствие парусов, для пересечения значительных океанских просторов”.

Любопытный факт, заслуживающий внимания, заключается в том, что на всем американском континенте, который, по-видимому, настолько зависел от морской колонизации в плане заселения человеком, использование парусов как средства передвижения судов по воде, по-видимому, было почти неизвестно. Прескотт, описывая необычные подвесные мосты, сделанные из прочных волокон магуи, с помощью которых перуанцы перебрасывали широкие овраги своих горных рек, добавляет: “Более широкие и спокойные воды пересекались на бальзасах, разновидности плота, все еще широко используемого туземцами, к которому были прикреплены паруса, являющиеся единственным примером этого более совершенного вида навигации у американских индейцев”.^[67] Это утверждение историка слишком всеобъемлюще; ибо, хотя перуанцы были по сути земледельческим и неженственным народом, использование парусов в их каботажной торговле составляет одно из их заметных преимуществ перед другими нациями Нового Света. На это обращает особое внимание случай, зафиксированный во время второй экспедиции по открытию Перу, подготовительной к его завоеванию. Бартоломью Руис, лоцман экспедиции, задержавшись на побережье, недалеко от залива Сент-Мэтью, вышел в океан, когда его внезапно удивил вид судна в этом странном, безмолвном море, похожего на каравеллу значительных размеров, с широким парусом, расправленным по ветру. “Старый мореплаватель был немало озадачен этим явлением, поскольку был уверен, что ни одно европейское судно не могло быть до него в этих широтах; и ни один еще не открытый индейский народ, даже цивилизованная Мексика, не был знаком с использованием парусов в навигации”. Когда он подошел ближе, оказалось, что это местная бальза, сделанная из огромных бревен легкого пористого дерева, а над ними возвышался настил из тростника. Две мачты поддерживали большой квадратный хлопчатобумажный парус, а подвижный киль и руль позволяли лодочнику управлять кораблем. На борту Руиз обнаружил украшения, выполненные с большим мастерством, из серебра и золота, вазы и зеркала из полированного серебра, необычные ткани, как хлопчатобумажные, так и шерстяные, и пару весов, сделанных для взвешивания драгоценных металлов. Здесь были первые несомненные свидетельства существования того странного очага цивилизации коренных американцев среди высоких долин Южных Анд, который он искал. Команда “Бальсы” состояла как из мужчин, так и из женщин, которые везли с собой провизию для своего путешествия и прибыли из перуанского порта, расположенного несколькими градусами южнее. Подобно старым путешественникам по Средиземному морю, перуанские лоцманы имели обыкновение робко красться вдоль берега; но испанцы столкнулись с ними в открытом Тихом океане, куда никогда не заходил ни один европейский корабль. Подхваченная внезапным штормом, их барка могла быть отнесена далеко к островам, усеивающим Южный океан, и здесь был зародыш расы островитян, для которых через несколько поколений память об их перуанских предках сохранилась бы только в виде какой-нибудь мифической легенды, вроде Манко Капака у их собственных инков или маваи с полинезийского архипелага.

[66] Что такое технология? вступительная лекция. Джордж Уилсон, доктор медицинских наук, региональный профессор технологии Эдинбургского университета.

[67] Завоевание Перу, том i. В. i. i. ч. ii.

ГЛАВА VII. Инструменты.

ЧЕЛОВЕК—РЕМЕСЛЕННИК—ЗАКОН РАЗУМА—КОРЕННЫЕ РАСЫ—СПОСОБНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА К ДЕГРАДАЦИИ—ЧТО ТАКОЕ КАМЕННЫЙ ПЕРИОД?—МАТЕРИАЛЫ ПЕРВОБЫТНОГО ИСКУССТВА—ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ РАС—ПРИЗНАКИ ДРЕВНЕЙ ТОРГОВЛИ—ИНДЕЙЦЫ ШОШОНЫ—ТЕХАССКИЕ ОРУДИЯ ТРУДА—СПОСОБЫ ОБРАБОТКИ РУКОЯТИ—ГНЕЗДА ДЛЯ ОЛЕНЬИХ РОГОВ—КАМЕННЫЕ НОЖИ—БЛИНЧИКИ АЛЯСКИ—МЕТАЛЛЫ КАМЕННОГО ПЕРИОДА—ИСКУССТВО ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА—МАЛАЙСКОЕ ВЛИЯНИЕ—ФИДЖИЙСКОЕ КОНСТРУКТИВНОЕ МАСТЕРСТВО—ФИДЖИЙСКАЯ КЕРАМИКА—МЕДЛЕННОЕ СОЗРЕВАНИЕ РАС—МЕЧ С КРЕМНЕВЫМ ЛЕЗВИЕМ—ЛИГА ПЯТИ НАЦИЙ—ПРЕОБЛАДАНИЕ ИРОКЕЗОВ —РАБОТА С ОБСИДИАНОМ И КРЕМНЕМ—ГОНДУРАССКИЕ КРЕМНЕВЫЕ ОРУДИЯ—ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛА—СТОЛКНОВЕНИЕ РАС—СУДЬБА НИЗШИХ РАС.

Как вид океанической миграции, каноэ занимает видное место среди примитивных искусств человека. В нем мы видим зачатки торговли, морского предпринимательства и многого другого, что необходимо для любого прогресса цивилизации. Но примитивный корабль предполагает наличие орудий труда; и, как мы видели, вероятно, своим самым ранним созданием он был обязан полезному использованию огня. Разумный замысел заключался в реализации целей разума с помощью процессов, которые даже на самой зачаточной стадии раскрывают характеристики нового порядка жизни, по сравнению с которым муравей, паук и пчела, рожденные с помощью инструментов, кажутся всего лишь хитроумными самодействующими машинами, каждая из которых создана для совершенного выполнения своего маленького элемента всеобъемлющего плана творения.

Как промышленные ремесленники, существа, стоящие так далеко ниже нас по шкале организации, часто, кажется, ставят под сомнение наше самое совершенное мастерство; и все же, не имея никаких других инструментов, кроме глаза и руки, но руководствуясь тем разумным разумом, который отличает человека от животных, мы видим, что даже как ремесленник он обладает характеристиками, которых совершенно нет у низших животных. Труд для них не строго навязанная необходимость, а неизбежный процесс, имеющий только одну возможную форму проявления; доставляющий при его выполнении наивысшее наслаждение, на которое способен рабочий; и в его результатах, уводящих наши мысли от мудрого, безошибочного, но необученного работника к Тому, чьей работой это является, и чьей мудрости и мастерства мастерство, не в меньшей степени, чем сам рабочий, является непосредственным проявлением. С человеком все не так. Способности рабочего - это божественный дар, но работа

принадлежит ему самому, и слишком часто некоторые из ее самых хитроумных приемов и результатов выдают что угодно, только не божественное происхождение.

Если наш мир не является последней стадией бытия, а ему на смену придут "новые небеса и новая земля", то поистине чудесны откровения, которые еще предстоит раскрыть постисторическим слоям. Но даже их едва ли будет достаточно, чтобы раскрыть наиболее поразительные характеристики существа, на которое экономия природы воздействует так, как никогда раньше не воздействовала на живые существа; в котором все внешние влияния подчинены внутреннему миру мысли, с помощью которого он способен заглядывать в прошлое, предвидеть будущее, заглядывать внутрь себя и быть законом для самого себя. Его природа заключает в себе возможности самого широкого мыслимого разнообразия, ибо он больше не является законом инстинкта, а разума: следовательно, закон, который несет с собой сознательную свободу, а также сознательную ответственность.

Но важный и, казалось бы, противоречивый элемент возникает из способности человека к нравственному развитию, которой некоторые этнологи не придают должного значения. Наводящая на размышления мысль Агассиса относительно определенных реальных или предполагаемых аналогий между географическим распределением видов *simiae*, и особенно человекообразных обезьян, и определенными низшими типами человека, послужила ядром разработанной Глиддоном таблицы обезьян по коренным расам Земли, иллюстрирующей географическое распределение обезьян по отношению к определенным типам людей. Несмотря на тот самый обезьяноподобный процесс, которому подверглись некоторые иллюстрации низших человеческих типов в этой графической хорографии, соответствия не таковы, чтобы убедить большинство умов. Но, допуская, в качестве предполагаемого доведения до абсурда, происхождение всех разнообразных видов обезьян от одной пары, м-р Глиддон таким образом подводит итог своим заключительным наблюдениям: "Я предлагаю, следовательно, чтобы пара самцов и самок "вида" *Cynocephalus Hamadryas* отныне признавалась антропоидными аналогами Ноя, Сима, Хама и Иафета; и что именно от этих двух особей, благодаря трансплантации, а также совместному действию пищи и климата, произошли пятьдесят четыре обезьяны, представленные на нашей таблице". возник. Тем не менее, достаточно странно, что при таких обстоятельствах этот 'первобытный органический тип' обезьяны настолько улучшился в Гвинее и на Малайе, что превратился в горилл и шимпанзе, орангов и гиббонов; тогда как, напротив, потомки 'Адама и Евы' в тех же самых местностях фактически деградировали до самых деградированных и низменных форм человечества". В действительности, однако, что бы ни говорили о возможности такого обезьяньего развития, возможная деградация человека является неизбежным атрибутом рационального, морально свободного человека: способного к благороднейшим устремлениям и поразительному интеллектуальному прогрессу, но также обладающего способностью к моральной деградации, которая присуща ему одному. Эта черта ничуть не меньше, чем другие, отличает человека от всех тех других живых существ, которые могут казаться в некоторых отношениях одаренными способностями, сходными с его собственными.

Человек, как ремесленник, использующий орудия труда, по-видимому, имеет соперника в лице бобра, рубящего древесину, носящего глину и строящего плотину; в лице паука, плетущего свою паутину, более совершенную, чем любая сеть рыболова-человека; и даже в лице белки с ее предусмотрительными запасами на зиму или обезьяны, использующей кокосовые орехи и другие скорлупки в качестве снарядов. Но в таких искусственных приспособлениях нет ничего

устаревшего, ничего изобретательного, ничего прогрессивного; тогда как ребенок, рожденный в среде наиболее высокоразвитой цивилизации, — сын Уатта, Стивенсона, Брюнеля, — если бы его воспитывали с младенчества до зрелости без каких-либо знаний механики или промышленного искусства, начал бы заново с рудиментарных инстинктов животного, использующего орудия труда, и применил бы свою изобретательность, возможно, не без некоторых следов наследственного механического гения, к примитивным материалам - кремню, камню, рогу или раковине.

Человек во всем зависит от своих учителей; и когда моральный и интеллектуальный упадок возвращает его к бездушному состоянию нецивилизованного кочевника, он возвращается к ресурсам своего инфантильного разума и первичных инстинктов и достигает той точки, с которой первобытному колонисту приходилось начинать все заново во всех странах и прокладывая себе путь наверх, через каменный, бронзовый и железный периоды, к полному сотрудничеству цивилизованного сообщества, бережно хранящего опыт прошлого и создающего для себя новое и более высокое будущее.

Подразделения археолога, обозначенные Каменным периодом, бронзовым периодом и железным периодом, были подвергнуты некоторой дискредитации, отчасти из-за того, что в качестве общей системы их следует рассматривать только как гипотезу, предполагаемую как включающую факты не менее бесспорного и универсального применения, чем периоды геолога. Частично также их непринятие происходит из-за преднамеренных ошибок тех, кто их оспаривает, и из-за недооценки неизбежных характеристик, присущих переходным периодам, которые в основном попадают под наблюдение европейских археологов. Что касается американских индейцев, то Новый Свет все еще находится на первой переходной стадии: каменном периоде, весьма частично затронутым внедрением оружия и орудий чужеземного производства; и едва ли среди многочисленных племен Северной Америки можно найти какие-либо следы освоения туземной металлургии. Следовательно, таково, по-видимому, положение вещей, сравнение которого со следами соответствующей стадии в ранние века Британии может оказаться полезным для прояснения предмета от большой путаницы.

Особые характеристики местной цивилизации, которые ранние испанские авантюристы обнаружили уже существующими в Мексике и Центральной Америке, будут рассмотрены позднее; но не подлежит сомнению, что во всей лесной зоне краснокожих индейцев металлургические искусства были неизвестны, поскольку они все еще существуют среди индейцев Северо-запада после общения с европейцами, продолжавшегося более трех с половиной столетий. Медь, действительно, ковалась среди них, но она использовалась без какого-либо применения огня и как то, что, возможно, наиболее подходяще обозначало простой ковкий камень. В Британии, как я уже отмечал, “обработка золота, возможно, предшествовала бронзовому веку, а на самом деле относилась к каменному периоду. Если бы можно было найти металл, который можно было бы обрабатывать без плавки или формования, его использование было бы идеально совместимо с простыми искусствами каменного периода. Массы самородного золота, такие, какие часто встречаются как в Старом, так и в Новом Свете, особенно пригодны для аналогичного применения камнерезами; и некоторые образцы шотландских золотых личных украшений полностью соответствуют вероятным результатам такого упреждающего использования металлов”.^[68] Идея, возникшая таким образом при изучении некоторых из самых безыскусственных образцов работы первобытных британских ювелиров, была полностью подтверждена наблюдением за способом использования

самородной меди и следами ее прежней обработки у американских индейцев. Даже сейчас их высочайшие достижения в металлургическом искусстве простираются только на обтачивание железных обручей, которыми снабжают их торговцы пушниной из Гудзонова залива, в ножи, наконечники стрел и тому подобные заменители старых орудий, отколотых из кремня или отшлифованных из битого камня. Представятся дальнейшие возможности проиллюстрировать этот предмет, который представляет большой интерес для этнолога, поскольку он проливает свет на скорость продвижения варварского народа к цивилизации; или, скорее, на способность человека на определенной неразвитой стадии наблюдать самые замечательные произведения полезных искусств, не проявляя никакого желания овладеть ими.

Спустя столетия, посвященные выяснению римских останков и присвоению римским мастерам многого из того, что более строгая классификация теперь присваивает совершенно другим мастерам, открытие оружия и орудий из камня, ракушек или кости почти в каждой четверти земного шара, наконец, вызвало живой интерес среди археологов Европы. Сделанные, как эти примитивные реликвии, из наиболее легко обрабатываемых материалов и благодаря тому, что можно назвать конструктивными инстинктами, а не приобретенному мастерству их грубых мастеров, они принадлежат к одному состоянию человека в связи с прогрессом цивилизации, хотя и относятся ко многим периодам мировой истории и к широко разделенным территориям. Однако в одном отношении эти реликвии обладают особой ценностью для этнолога. Материалы, использованные при их изготовлении, чаще всего сами по себе свидетельствуют об их географическом происхождении, а в некоторых из них также о своей эпохе. Периоды, к которым относятся многочисленные европейские реликвии, часто можно определить, как и периоды более древних слоев, по сопутствующим вложенным или погребенным окаменелостям. Кости *Bos primigenius* были найдены с зазубринами от каменного копья аборигенов Северной Европы и выкопаны даже в местах обычных британских захоронений. Аналогично, изделия *Megasceros Hibernicus*, по-видимому, восходят к периоду древней ирландской колонизации, когда кремневые ножи и каменные топоры доказывали простоту местного искусства; хотя даже тогда они послужили материалом для изготовления одного из самых ранних музыкальных инструментов. Однако другие свидетельства показывают, что тот же самый гигантский ирландский олень был современником шерстистого носорога, мамонта и ископаемых хищников пещер. *Bos longifrons*, несомненно, ведет свое происхождение от не менее древних предков; но от его диких стад коренные бритты получили свой домашний скот, и его самые последние реликвии относятся к эпохе более поздней, чем римские времена. Украшенные бивни дикого кабана, кости бурого медведя, зубы и черепа бобра, резьба по слоновой кости моржа, коньки, сделанные из плюсневых костей благородного оленя и небольшой местной лошади, а также многочисленные родственные реликвии палеонтологии эпохи заселения Британских островов человеком - все это позволяет приблизительно датировать образцы его древнего искусства, которые они сопровождают.

Таким образом, в течение исторического периода, как и в предыдущие геологические эпохи, ход времени регистрируется вымиранием рас. Пришествие человека быстро ознаменовалось исчезновением многочисленных групп древней жизни, относящихся к той переходной эпохе, с которой начинается археология; хотя самые последние открытия произведений искусства, наряду с ископаемыми млекопитающими, обнаруженными дрейфом, подтверждают новыми и поразительными свидетельствами тот факт, что человек вступил на эту земную стадию не как высший в совершенно новом порядке творения и принадлежащий к эпохе, отделенной какой-то сокрушительной катастрофой от всех предыдущих периодов органической жизни: но как

последний и лучший из отряда одушевленных существ, линия которых уходит корнями в тени неизмеримого прошлого.

Находки британских курганов, наряду с более редкими случайными отложениями, показывают, что кельтский британец вторгся к более древним аллофильским обитателям; в то время как присутствие римлянина зафиксировано для нас исчезновением древней фауны, а также целых британских племен. То, чего частично достигли римляне, завершили саксы, датчане и норманны: вытеснили бриттов повсюду, кроме крепостей Уэльса; и постепенно истребили всех животных, кроме тех, которые либо совместимы с развитием социальной утонченности, либо достойны защиты как средство служения человеческим удовольствиям. И как это было в Старом Море, так это и в Новом. Прогресс европейских колонистов включает в себя не только истребление в равной степени диких животных и лесов, служивших их убежищами, но и не менее неизбежное исчезновение аборигенов, которые сделали их своей добычей. Таким образом, могильный холм краснокожего индейца и реликвии его незамысловатого искусства становятся памятниками исчезнувшего порядка вещей, не менее четко очерченными, чем окаменелости, обнаруженные в дрейфе после третичного периода.

Но в то время как остатки вымерших видов, таким образом, служат для определения периодов, в которые завершались определенные эпохи, следы живой или вымершей фауны не менее ценны, поскольку фиксируют географическое происхождение древних колонистов, среди реликвий которых они найдены: точно так же, как слоны, верблюды, обезьяны и павианы на обелиске Нимрода или соответствующие скульптуры на стенах Мемфиса или Луксора указывают на страны, откуда привозили дань или уводили пленников, чтобы возвеличить их ассирийских или египетских завоевателей. Среди реликвий, которые помогают установить географические центры древних искусств, источники ранней торговли или места зарождения мигрирующих рас, можно отметить олово и янтарь Древнего Мира и медь Нового Света. Точно так же мексиканский обсидиан, глинистый сланец Колумбии, излюбленный красный трубочный камень, или катлинит, из Куто-де-прери, а также пирули и раковины Флоридского залива указывают на различные источники древней торговли или бартера и пути миграции, простиравшиеся более чем на двадцать градусов широты. Предметы, выполненные из любимых материалов, привезенных из таких отдаленных источников, были найдены вперемешку с реликвиями древних племен на островах и на северных берегах великих канадских озер, вдоль южного склона того же водоема, откуда Лось и Аббитиббе вливают свои воды в замерзшее море Гудзонова залива.

Обозначение любой примитивной стадии промышленного искусства Каменным периодом означает, как уже было достаточно указано, состояние, при котором при отсутствии металлов и незнании простейших зачатков металлургии человек вынужден находить материалы для изготовления своих орудий труда и удовлетворения своих механических потребностей в более обычных предметах, которые природа предоставляет в пределах его досягаемости.

Нельзя представить себе ничего более безыскусственного, чем некоторые каменные орудия, все еще используемые дикими племенами Америки. И все же стоит отметить, что самые грубые попытки изготовления орудий труда предпринимаются не среди лишений арктической зимы, а в южных широтах, с климатом, который предоставляет обильные ресурсы дикому человеку. В отчете Геологической службы Соединенных Штатов за 1872 год, охватывающем Монтану, Айдахо, Вайоминг и Юту, профессор Джозеф Лейди приводит интересный отчет о

многочисленных предметах искусства, грубых, как все, найденные в наносах, встреченных им во время обследования бассейна Бриджерс у подножия гор Унитас на юге Вайоминга. “В некоторых местах каменные орудия так многочисленны и в то же время так грубо сконструированы, что постоянно возникают сомнения, когда считать их естественными или случайными, а когда искусственными”.^[69] Но с ними сочетаются орудия труда высочайшего качества. Шошоны, населяющие этот регион, знают о них не больше, чем указано в их вере в то, что они были даром Божиим их предкам. Но многие из них острые и свежие на вид, как будто их недавно вырезали из исходного блока; и хотя другие изношены и разложились на поверхности, профессор Лейди не предполагает более чем “многовековой давности” для старейших из них. Ибо, действительно, он обнаружил, что индейцы шошоны использовали каменное орудие столь простого свойства, что он говорит: “Если бы я не наблюдал его в действии и не заметил среди материалов холмов, или горизонтальных слоев затвердевших глин и песчаника, я бы счел это случайным появлением. Он состоит из тонкого сегмента кварцитового валуна, изготовленного путем сильного удара по камню. Он называется тешоа и используется в качестве скребка при выделке буйволиных шкур”. Впоследствии он обнаружил точно такое же орудие труда вместе с несколькими продырявленными бивнями лося в древней индейской могиле.

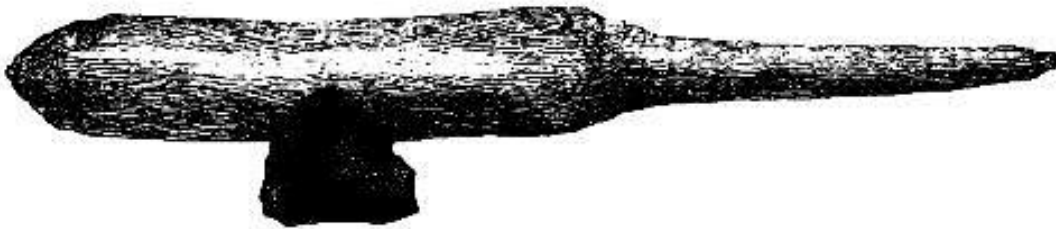

Рис. 53. Техасский каменный топор с рукоятью.

Среди изделий арктических ремесленников нет таких грубых орудий труда. Потребности эскимосов в одежде и охоте порождают систематические привычки к трудолюбию и зрелое мастерство. Замысловатые украшения их одежды из кожи и меха, резьба по слоновой кости и костяные орудия труда, изобретательность, с которой они изготавливают игрушки для своих детей, - все это доказывает, насколько основательно эстетическое, а также промышленное искусство развиваются под влиянием стимулов, создаваемых потребностями человека. На рис. 53 показан топор, или боевая дубинка, добытая у индейцев Рио-Фрио в Техасе. Клинок представляет собой кусок трахита, настолько грубо отколотый, что вряд ли мог бы привлечь внимание как подвергшийся какой-либо искусственной обработке, если бы не похожая на дубинку рукоятка, в которую он вставлен. Я в долгу перед мистером Эвансом за использование гравюры на дереве. Он описывает рукоятку как сделанную из какого-то местного дерева, которому, очевидно, придали форму с помощью каменных инструментов. Среди самых ранних обнаружений дрейфовых или пещерных отложений не было обнаружено ничего более грубого. Другим техасским орудием из коллекции Смитсоновского института в Вашингтоне является кремневый клинок грубой формы, который, как показано в натуральную величину на рис. 54, очень напоминает знакомый класс овальных орудий речного промысла. Действительно, любопытно отметить непреднамеренное соответствие между орудиями труда рас, одинаково

разделенных временем и пространством. Несколько образцов каменных кельтов или топориков, прикрепленных к рукояткам, были найдены в британских и ирландских болотах, а также в затопленных озерных жилищах Швейцарии.

Рис. 54.—Техасское кремневое орудие. (1/1).

На всех одинаково изображена деревянная рукоятка, проколота так, чтобы можно было вставить каменное лезвие, которое, должно быть, было закреплено веревкой или ремешком, туго обмотанным вокруг нее, в соответствии с модой, все еще практикуемой в Америке и на островах Тихого океана. Но, несмотря на эту вязь, клиновидная форма топора, должно быть, имела тенденцию расщеплять рукоятку и, таким образом, ослаблять ее захват. Опыт древних озерных жителей побудил их противодействовать этому, вставив каменное лезвие в гнездо из оленьего рога, конец которого обычно вырезается в виде квадратного шипа, предназначенного для установки в углубление в рукояти. Это, должно быть, достигло желаемой цели, поскольку примеры таких гнезд в виде оленьих рогов широко распространены на местах озерных поселений. Во время последнего визита профессора Агассиса в свой родной швейцарский кантон и в деревенский приходской дом в Кратце, где прошли его ранние годы, он приобрел на озере Невшатель ценную коллекцию каменных орудий, а также керамику и другие иллюстрации искусства и привычек жителей озера, о которых уже упоминалось. Некоторые из них особенно интересны как примеры способа изготовления орудий из кремня.

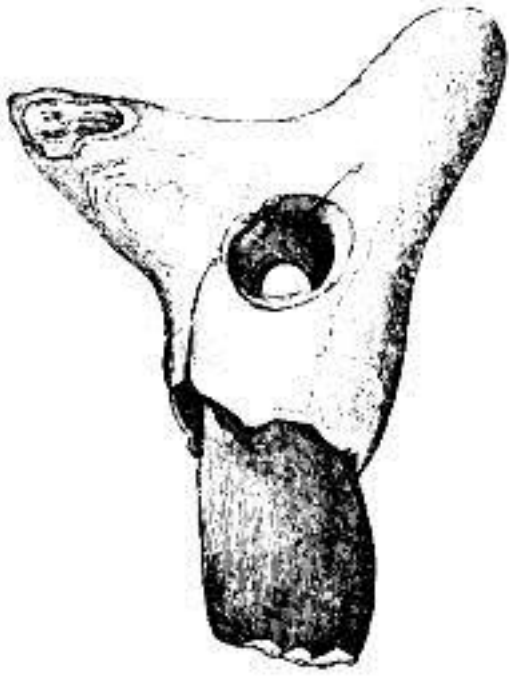

Рис. 55.—Стамеска и гнездо для рога оленя, кратко.

На рис. 55 показано отверстие в виде рога оленя со вставленным в него долотом из зеленого камня. Открытая часть лезвия имеет длину почти два дюйма. Должно быть, он был закреплен в древке прочным цементом, подобным тому, который некоторые жители Тихоокеанских островов используют в наши дни, прикрепляя наконечники своих топоров к костяным и деревянным рукояткам. В некоторых случаях оставляли зубец от оленьего рога, чтобы получилась рукоятка молотка или топора. Редкий пример этого вида описан доктором Клементом среди многочисленных разновидностей, извлеченных из разных местностей на озере Невшатель. Рог оленя также иногда превращали в грозное оружие, сохраняя надбровный рог в качестве наступательного оружия и отсоединяя остальные, чтобы оставить только основную часть рога в качестве рукояти. Рис. 56, также с озера Невшатель, можно описать как каменный нож. Лезвие из полированного змеевика имеет длину 3 с половиной дюйма в открытой части и все еще надежно закреплено в роговой рукояти. В коллекции мистера Дж. Х. Блейка из Бостона находятся кремневые орудия, найденные в древней перуанской гробнице в заливе Чакота, прикрепленные к рукояткам прочным зеленым цементом.

Рис. 56.—Каменный нож, лаконичный.

Примечательно отметить, как редко прибегали к простому процессу протыкания лезвия для установки рукояти, даже там, где рабочие имели привычку протыкать как костяные, так и каменные орудия для других целей. Несомненно, отчасти это было связано с хрупкостью большей части материала, из которого они изготавливались; но даже после того, как первобытный металлург овладел искусством легирования и литья бронзы, по-видимому, прошло много времени, прежде чем он научился приделывать рукоятку к своему топору или молотку путем прокалывания лезвия или головки молотка. Некоторые из наиболее распространенных способов крепления топора к деревянной или костяной рукояти, используемых островитянами Тихого океана, показаны на группе орудий из коллекции шотландских антикваров, рис. 57. Они очень похожи на другие, описанные г-ном Уильямом Х. Даллом как относящиеся к тлинкетам, прибрежному племени Аляски, недалеко к югу от Берингова пролива.^[70] Но инструменты и оружие из камня, а также из самородной меди уже становятся редкостью среди племен Северного побережья Тихого океана из-за завоза железа торговцами из России и Гудзонова залива. До этого изменения жители Аляски знали металл только в виде самородной меди холодной обработки, как и все коренные племена к северу от Мексиканского залива. Такое признание некоторых удобных применений, для которых ковкие самородные металлы могли быть применены в качестве заменителей камня, едва ли можно рассматривать даже как начальный шаг в переходе к первому настоящему металлургическому периоду. Нельзя считать, что это было введено до тех пор, пока местный медник не осознал чудесных превращений, которые может произвести огонь, и не научился, по крайней мере, плавить чистый металл и отливать оружие и орудия труда, которые ему требовались; если не закалять его сплавами, а также добывать и плавить незнакомые руды. Этой стадии дикие племена Нового Света не достигли даже сейчас, после общения с европейцами в течение более

чем трех с половиной столетий. Там, напротив, индейцы, которые первоначально владели только оружием, орудиями труда и личными украшениями из кости, ракушек, кремня и камня или, самое большее, из самородной меди, грубо откованной по форме, все еще встречаются после более чем трехсотлетнего периода европейской колонизации и торговли, без малейших приобретенных знаний о работе с металлами. У них действительно есть многочисленные металлические орудия труда и оружие, которые, как свои величайшие сокровища, они щедро раздают любимым или почитаемым умершим; но такие следы металлургии не являются доказательством приобретенного местного искусства. Медные котелки из древних могил гуронов в заливе Джорджиан или носилки для чавычи на реке Колумбия были привезены не из медных районов озера Верхнего, а из Франции, Лондона или Ливерпуля вместе с четками, ножами, топориками и другими предметами обмена, с помощью которых торговцы мехом до сих пор ведут торговлю с индейскими охотниками. В лучшем случае это доказывает только то, что раса, все еще находящаяся в каменном периоде и обладающая не большим мастерством, чем требуется для обтачивания железного обруча в наконечники копий или стрел, вступила в контакт с цивилизованным народом, знакомым с металлургией и многими приобретенными искусствами, которые, возможно, наиболее точно символизируют мушкет и винтовка.

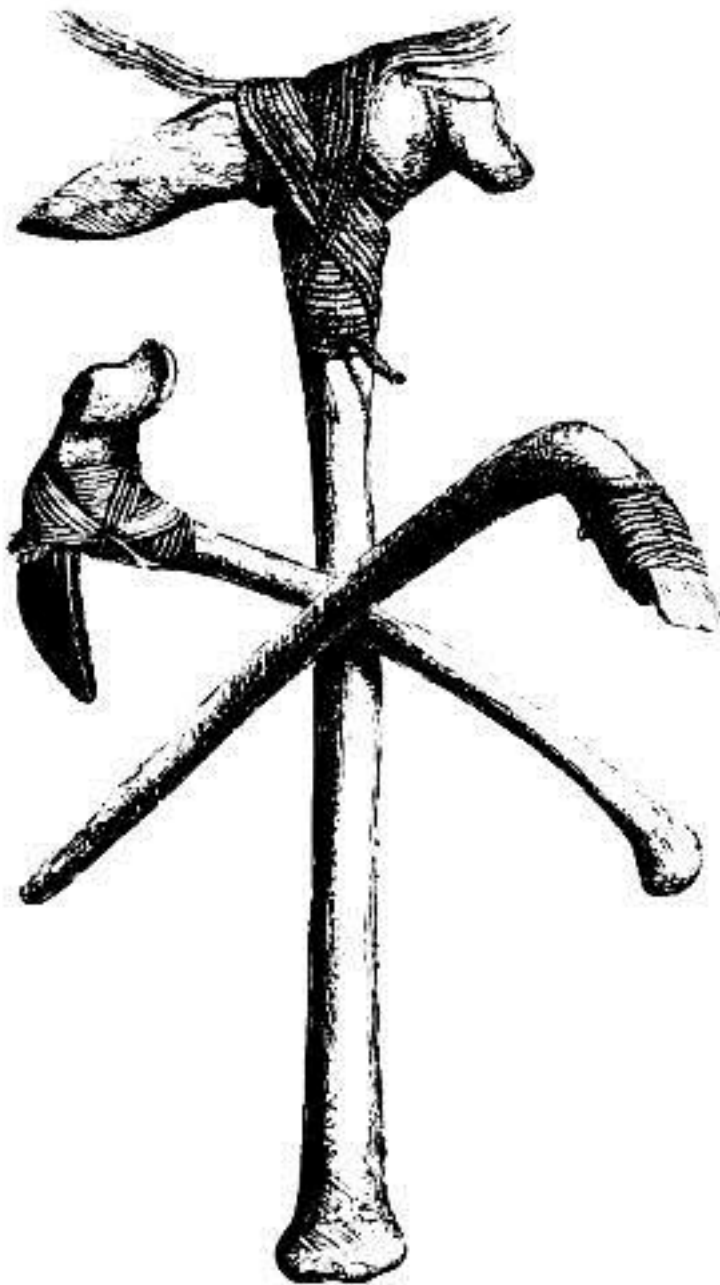

Рис. 57. Каменные орудия из Южной части Тихого океана.

Такое же разнообразие изобретательской силы и художественного мастерства заметно и у индейцев Северной Америки, о чем уже говорилось при сравнении искусств других нецивилизованных рас. В одних преобладает конструктивное мастерство, в то время как другие проявляют своеобразную склонность к подражательному искусству. Способность к подражанию, присущая варварским и цивилизованным нациям Нового Света, особенно достойна упоминания; она снова будет рассмотрена при упоминании об изготовлении трубок, столь любопытно типичном для американского искусства. Но тем временем столь же поучительную иллюстрацию того, что можно таким образом обозначить как эстетические и конструктивные инстинкты, можно почерпнуть у разнообразно одаренных островитян Южной

части Тихого океана. На крайней западной границе Полинезийского архипелага лежат острова Фиджи, населенные народом, примечательным среди жителей островов Тихого океана как физическими, так и интеллектуальными особенностями. Физиономия фиджийцев описывается как представляющая общие характеристики унижения по сравнению с физиономией истинного полинезийца, а все пропорции и контуры их фигуры заметно уступают таковым у Дружелюбных и мореплавателей островитян. Это тем более примечательно для людей, живущих среди изобилия и наслаждающихся необычным разнообразием отборных продуктов питания. Однако их свирепые и вероломные привычки, а также отвратительные обычаи каннибализма и систематического отцеубийства с сопутствующими преступлениями, неизбежными при таких социальных условиях, превратили Фиджийские острова, которые, кажется, самой природой созданы для того, чтобы быть обителью счастья, в одну из самых жалких сцен моральной деградации. Тем не менее именно на этой странной группе островов искусство Южной части Тихого океана получило свое наивысшее развитие.

Папуасы, или негрильо, по-видимому, являются истинно изобретательной расой, у которой фиджийцы, несомненно родственные им по крови, приобрели, разработали и значительно усовершенствовали многие области применения искусства и навыков. Папуасы Новой Каледонии, хотя и превосходят по физическим характеристикам других островитян типа негрильо, представляют некоторые любопытные аналогии с австралийцами, особенно в их способе захоронения. Рис. 58 - пример их изобретательности в приспособлении простого каменного долота к рукоятке, чтобы оно служило теслом для лодочных плотников. Но изобретательный Негрильо совершенно необщителен и склонен к изоляции, а фиджийцы проявляют столь же сильное нежелание покидать свой родной остров. Следовательно, потребовалось вмешательство мигрирующей или агрессивной расы для распространения приобретенных ими знаний и умений; и это обеспечили малайцы, которые находятся в контакте со многими народами и имеют склонность к кочеваниям, настоящие дети моря. “Естественно, - говорит доктор Пикеринг, - что они самые дружелюбные представители человечества, они свободны от расовых антипатий, любят новизну, склонны скорее следовать, чем руководить, и во всех отношениях кажутся подходящими для того, чтобы стать средством общения между различными ветвями человеческой семьи”. Обнаружена такая впечатляющая раса посредников, что проливает любопытный свет на распространение знаний и примитивных искусств по широко разбросанным островным группам Южной части Тихого океана, где, как говорят, почти каждое полинезийское искусство можно отчетливо проследить до островов Фиджи, в то время как сам фиджиец так не любит странствовать.

Рис.58.Каменное тесло, Новая Каледония.

М-р Уоллес в обзоре рас Малайского архипелага останавливается на заметных физических, интеллектуальных и моральных различиях между папуасами и малайцами. Центральной родиной папуасов является Новая Гвинея и некоторые прилегающие острова; но те же этнические особенности прослеживаются и на островах к востоку от Новой Гвинеи, вплоть до Фиджи. “Папуас, ” замечает мистер Уоллес, - испытывает большее чувство к искусству, чем малаец. Он украшает свое каноэ, свой дом и почти всю домашнюю утварь искусной резьбой - обычай, который редко встречается у племен малайской расы”. В привязанностях и моральных чувствах, напротив, папуасы уступают малайцам, которые мягки и пассивны во всех своих социальных отношениях. Но это справедливо объясняется их вялым, апатичным характером; в то время как энергия нецивилизованных папуасов проявляется в безудержном проявлении всех эмоций и страстей, даже среди женщин и детей, и в жестоких столкновениях, неизбежных в социальной жизни этой дикой расы. Среди таких людей лучшие и наихудшие качества часто странным образом переплетаются. Жители островов Фиджи с большой ловкостью пользуются луком и метают дротик; но их своеобразным и отличительным оружием является короткая метательная дубинка, которую все обычно носят заткнутой за пояс, символическое национальное орудие убийства. Однако многие исторические аналогии опровергают ошибку предположения, что моральная деградация, даже когда она проявляется в отцеубийстве, каннибализме, систематическом предательстве и убийствах, обязательно несовместима с таким интеллектуальным развитием, которое отличает фиджийцев от малайцев или других жителей островов Тихого океана. Из всех аборигенов Тихого океана свирепый новозеландец оказался наиболее способным к цивилизации; более того, установлено, что он обладает традиционной поэзией и мифическими легендами в высшей степени поразительного и своеобразного характера. И если отвлечься от все еще неразвитых рас мира, нам стоит только изучить деяния, совершенные язычниками-саксами, гуннами или более поздними датчанами и скандинавами, чтобы увидеть, в каких отвратительных аспектах может проявляться энергия грубого народа, который, тем не менее, способен стать лидерами цивилизации Европы. Судя по монашеским хроникам, ни один каннибал с Фиджи не мог превзойти ни по жестокости, ни по уродливости внешности венгра или северянина, от которых, как утверждают, произошли самые

гордые представители европейской знати. Хронисты Германии, Франции и Италии подробно описывают дикую ярость гуннов; и литургия Галликанской церкви девятого века хранит воспоминание о разрушительных действиях язычников-норманнов в молитве, добавленной к ее литании: *A furore Normannorum libera nos*.

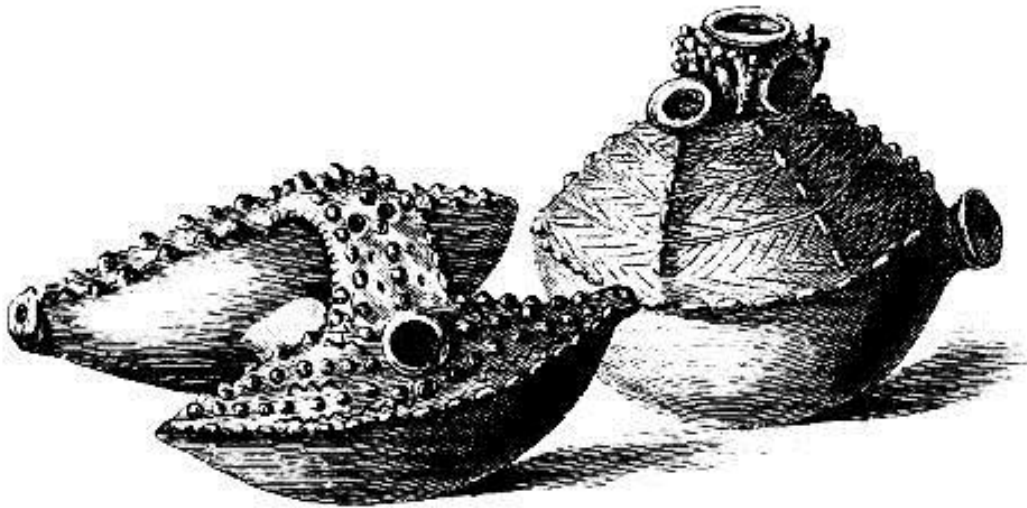

Рис. 59. Фиджийская керамика.

Следовательно, очевидно, что дикие пороки фиджийцев вполне совместимы со значительным мастерством в тех искусствах, которые присущи их примитивному и островному состоянию. Их музыкальные инструменты превосходят инструменты полинезийцев и включают в себя свирель и другие, неизвестные на островах за пределами их ареала. Их керамика также отличается большим разнообразием форм и включает образцы сосудов, объединенных в группы, что представляет собой любопытное соответствие аналогичным произведениям перуанского искусства. Их рыболовные сети и лески отличаются аккуратностью и искусством изготовления, и они в значительной степени связаны с выращиванием. “Действительно,” замечает этнолог экспедиции Соединенных Штатов, подводя итог характеристикам фиджийцев, - вскоре мы начали понимать, что этот народ владел почти всеми видами искусства, известными полинезийцам, и многими другими помимо них. Высокое качество изготовления было неожиданным, поскольку до недавнего времени, да и сейчас, по большей части, все выполнялось без использования железа. В коллекции орудий труда и изделий, привезенных домой Экспедицией, наблюдатель различит в фиджийском отделении нечто вроде школы искусств для других тихоокеанских островов”. На рис. 59 показаны два характерных образца их керамики, отобранных из коллекции Смитсоновского института в Вашингтоне. Они очень хорошо обжигаются и покрываются яркой глазурью. Одна из них иллюстрирует класс двойных сосудов, наводящих на определенные аналогии со знакомым стилем перуанской керамики; и преобладающие характеристики всей коллекции подтверждают превосходство, приписываемое фиджийскому мастеру. В такой странно одаренной дикой расе мы видим деградацию, которой подвержена человеческая природа; и в то же время распознаем зародыши конструктивных и художественных способностей, способных развиваться во многие удивительные проявления, если однажды подвергнуться таким влияниям, как те, которые превратили безжалостного пирата северных морей в утонченного норманна, рыцарского крестоносца и трубадура с богатым воображением.

Коренные народы Америки не лишены энергии и выдающихся художественных способностей; и прогресс, достигнутый мексиканцами и перуанцами, а также народами Центральной Америки, доказал их способность к прогрессу в искусстве цивилизации. Но судьба, которая повсюду постигала краснокожих индейцев, когда они вступали в непосредственный контакт с европейскими поселенцами, показывает, насколько невозможно внезапно перебросить мост через пропасть, отделяющую младенчество наций от зрелости, подобной той, которой достигли грубые саксы и норманны благодаря многовековому обучению. Ацтеки во времена мексиканского завоевания, вероятно, были не более грубыми, чем первые англо-саксонские колонисты. Они, безусловно, были не более жестокими, чем норманны восьмого века. Но они намного опередили северные племена, от которых, согласно ацтекским традициям, вели свое происхождение.

Среди варварских рас северного континента племена конфедерации ирокезов, хотя и едва поднявшиеся над стадией охотников, представляют собой предмет изучения, имеющий особую ценность в отношении этнологии Нового Света. В великой долине Святого Лаврентия, в период первых контактов европейцев с ее коренными племенами, мы находим эту конфедерацию индейских народов в самом примитивном состоянии в том, что касается всех знаний о прогрессивных искусствах; но полную энергии, получающую удовольствие от военной предприимчивости и в избытке наделенную качествами, необходимыми для осуществления постоянных завоеваний цивилизованного, но невоинственного народа. Примитивные искусства ирокезов также не помешали развитию среди них зародышей цивилизации. Систематически практиковалось земледелие; и их знаменитая лига, мудро созданная и сохранявшаяся нерушимой на протяжении самых разнообразных периодов их истории, свидетельствует о том, что народ многими путями продвигался к зарождению самозародившейся цивилизации, когда вторжение европейцев резко остановило ее прогресс и привело их в соприкосновение с элементами иностранного прогресса, чреватого для них лишь источниками деградации и окончательного разрушения.

Историк ирокезов,^[71] при описании их простых искусств и изготовлений отмечает, что в западных курганах были найдены ряды наконечников стрел или кремневых лезвий, лежащих бок о бок, подобно зубам, ряд длиной около двух футов. “Это навело на мысль, что они были вставлены в раму и закреплены ремешками, таким образом, получилось нечто вроде меча”.^[72] В этом описании мы не можем не узнать махуауитль, или местный меч Мексики и Юкатана. В большом каноэ с вооруженной командой, впервые встреченном у берегов этой страны, Эррера сообщает нам, что у индейцев были “мечи, сделанные из дерева, с желобом в передней части, в котором находились кремни с острыми краями, прочно закрепленные чем-то вроде битума и нитей”. У мексиканцев этот зубчатый клинок был вооружен ицли, или обсидианом, способным проходить по лезвию, как бритва; и разрушительная сила этого грозного оружия часто упоминается ранними испанцами. Среди руин Каба на Юкатане внимание Стивенса привлék выступающий угол огромной скульптурной плиты, барельефы на которой представляют собой вертикальную фигуру с пышным плюмажем из перьев, ниспадающим до пят; в то время как другая фигура стоит перед ним на коленях, держа в руках то же самое оружие с кремневыми или обсидиановыми лезвиями, выступающими из деревянного гнезда. Идея, которую он предлагает, не обязательно совпадает с той, которую предполагал Стивенс: скульпторами и архитекторами великих руин Центральной Америки и Юкатана были те же люди, которых испанцы обнаружили там при высадке. Скульптура может быть значительно более древней. На его нижнем отделении находится ряд иероглифов; а умоляющая поза вооруженной фигуры

скорее наводит на мысль о победе над каким-нибудь варварским вождем мексиканских или более северных племен, наиболее типичной характеристикой которого было кремневое лезвие меча. Тем не менее, представляет особый интерес простая цепочка свидетельств, подтверждающая традиции ацтеков о первоначальном переселении и покорении древней цивилизованной расы анауак северными воинами: она шаг за шагом ведет нас от таких примитивных искусств, как искусство ирокезов, и реликвий других варварских племен в западных могильных курганах, к мексиканской арматуре эпохи завоевания и художественным записям письменных архитекторов Юкатана.

История ирокезов и их простых искусств с особой точностью иллюстрирует неписанные хроники Нового Света. В своем грубом состоянии они достигли замечательной гражданской и военной организации и приобрели более обширное и устойчивое влияние, чем любая нация индейского происхождения, за исключением цивилизованных мексиканцев и перуанцев. Их собственные традиции указывали на эпоху, когда они мигрировали с северных берегов реки Святого Лаврентия в регион к югу и востоку от озера Онтарио, где они проживали на протяжении всего периода своей подлинной истории; хотя два члена лиги, сенека и онеондага, утверждали, что являются автохтонами, происходящими из почвы этой территории ирокезов. Лига включала в себя онейду, онеондагу, кайюгу, сенеку и могавков, все они были объединены в строго федеральный союз; и в него были приняты тускарора после их изгнания из Северной Каролины в 1715 году. Утверждение об общем происхождении, выдвинутое народом, занимающим территорию так далеко на юге, проливает интересный свет на миграции индейских племен. Это подтверждается характером их языка и получило практическое признание при выделении части территории Онейды для их оккупации. В семнадцатом веке ирокезы были самой многочисленной агрессивной народностью континента к северу от Мексики. В самом начале того столетия капитан Джон Смит, основатель Виргинии, встретил их каноэ в верхней части Чесапикского залива, которые везли их группу на территорию конфедерации Поухэттан. Шауни, саскуэханноки, нантикоки, миами, делавары и минси были один за другим низведены ими до положения зависимых племен. Даже индейцы Канарса или Лонг-Айленда не находили от них защиты в своей опоясанной морем родине за Гудзоном; и их власть ощущалась от Святого Лаврентия до Теннесси и от Атлантики до Миссисипи.

Как долго до открытия европейцами этого обширного региона он находился под оккупацией тех, кто называл себя его автохтонами, мы ничего не знаем, кроме их собственных традиций миграции. Но поскольку искусство является каким-либо свидетельством национального прогресса, оно находилось тогда в зачаточном состоянии. Регион, который они занимали, не давал никаких преимуществ для начала медной или бронзовой эры, подобных тем, которые давали своим древним владельцам озеро Верхнее или Южные Анды. Об обработке металлов они ничего не знали и лишь дополняли свои примитивные орудия труда, сделанные из камня, кремня, рога, кости и дерева, путем обмена с европейскими пришельцами. Тем не менее, на протяжении почти двух столетий индейцы Пяти наций, как их называли до присоединения тускарора, представляли собой прочный и несломленный фронт перед посягательствами голландских, французских и британских колонистов. Но их враждебность была сосредоточена в противостоянии французской нации; и поскольку соперничающие колонии Франции и Англии долгое время были почти равны, историк ирокезов не без основания утверждает, что окончательным крахом своих великолепных планов колонизации Северной Америки Франция обязана их бескомпромиссному антагонизму.

У мексиканцев искусство настоящего каменного периода было доведено до высочайшего совершенства наряду с развитием искусств бронзового века. На северной границе Мексики, у истоков Великой Барауки, находится Серро-де-Навахас, "Холм ножей", где до завоевания добывали обсидиан для производственных целей: подобно кремню и роговому камню в карьерах Флинт-Ридж в Кентукки и Огайо. Образцы искусно обработанного обсидиана и кремня, а также полированные орудия труда и украшения из камня, выполненные мексиканскими мастерами, соперничают с лучшими образцами, найденными среди реликвий европейского периода неолита. Коллекция Christy особенно богата предметами этого класса. Наконечник стрелы в форме пламени, отточенный с высочайшим искусством, очевидно, выполнен как демонстрация гранильного мастерства. Другое прекрасное лезвие для копья, изготовленное из полупалесцирующего халцедона, который встречается в виде конкреций в трахитовых лавах Мексики, имеет длину восемь дюймов и, как предполагается, служило государственной алебардой, поскольку оно слишком тонкое для настоящего боя. Но очевидно, что более тонкий материал, чем обычно, часто побуждал обработчика кремня или обсидиана к необычной демонстрации своего искусства. В различных частных коллекциях Кентукки, Огайо и Пенсильвании я видел отборные образцы наконечников копий и стрел и другие предметы, сделанные из яшмы, молочного кварца и горного хрусталя; некоторым из них приданы фантастические или чисто декоративные формы.

Государственный боевой топор из коллекции Christy, изготовленный из зеленого кварцевого авантюрина, имеет длину 11 дюймов. Это толстый клин, верхняя часть которого вырезана в виде головы мексиканского идола или короля, а на лезвии очерчены гербы. Нефрит, зеленый серпентин, серый гранит, агат и обсидиан разных цветов были обработаны в различных формах для украшения или использования с тщательностью, часто обусловленной привлекательным характером материала, и с мастерством, которое больше не известно местным мексиканским мастерам.

Рис. 60. Гондурасский зазубренный инструмент.

На южном континенте также сохранились примеры мастерства в изготовлении кремневых и каменных орудий, в некоторых случаях как единственные памятники исчезнувших рас; а следы искусства диких племен в первобытном состоянии чисто каменного периода лежат повсюду за пределами замечательных центров перуанской цивилизации. Три такие реликвии из Гондурасского залива заслуживают особого внимания из-за их необычайно больших размеров и своеобразных форм. Они были найдены вместе с другими орудиями труда примерно в 1794 году в пещере на расстоянии двух-трех миль от берега. Одна из них сейчас хранится в Британском музее, а другие неоднократно выставлялись на заседаниях Археологического института. Прилагаемые иллюстрации лучше всего передадут представление об их своеобразных формах. Один из них (рис. 60) представляет собой зазубренное оружие, заостренное с обоих концов и имеющее длину шестнадцать с половиной дюймов. Другой (рис. 61), в форме полумесяца с выступающими концами, наибольшей длиной 17 дюймов, возможно,

служил парадным оружием, подобно государственному партизану или алебарде более поздних времен. Третий, несовершенный, показан на рис. 62. В целом это образцы кремневых орудий необычно больших размеров, отколотых с необычайной регулярностью и мастерством. Хорошо выполненная терракотовая голова воина, полученная примерно в тот же период, если не вместе с этими орудиями труда, была представлена Обществу антикваров Шотландии в 1798 году и изображена на следующей странице. Необычные размеры этих гондурасских орудий привлекли особое внимание при первом изготовлении; но это перестает вызывать удивление, когда становится видно, что куски кремня или рогового камня, подходящие для самых крупных из них, легко достать во всех обширных регионах Северной Америки, например, в Огайо и Кентукки. К северу от Огайо, где этот материал встречается редко, кремневые орудия труда и оружие в основном небольшого размера. Более крупные орудия сделаны из камня; и среди ирокезов, гуронов, чиппева и других племен на берегах великих озер медь озера Верхнего, по-видимому, была признана и использовалась как более подходящий материал для изготовления больших топоров и наконечников копий.

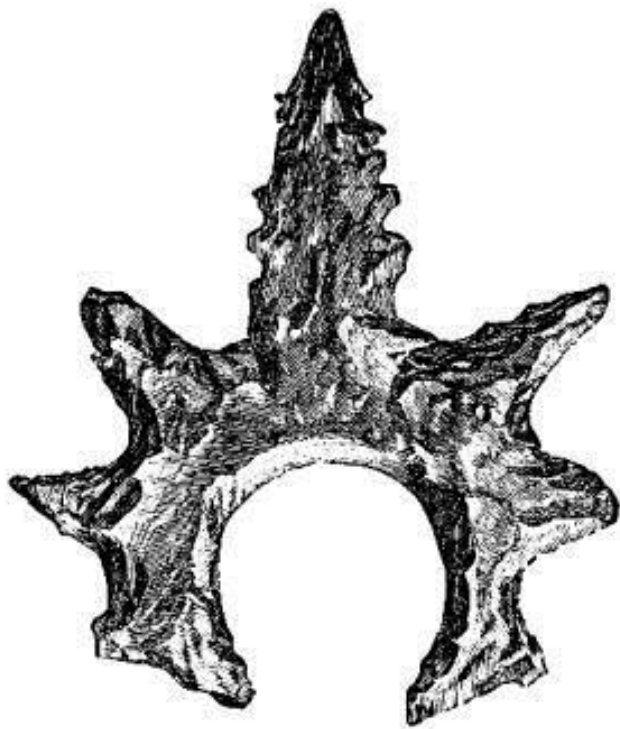

Рис. 61.— Государственная алебарда Гондураса.

Рис. 62.—Гондурасское орудие труда.

В этом отношении мы видим, что сами лишения этих индейских племен заставляют обратить их внимание на ресурсы медного региона, которые могли бы у такого энергичного народа, каким показали себя ирокезы, в конце концов привести к такому мастерству в металлургическом искусстве, какого достигли народы Мексики и Перу. Но их энергия была направлена в совершенно иные русла самим появлением рас, уже знакомых со всеми высшими достижениями цивилизации; и что бы со временем ни развилось из конфедерации ирокезов, родственной местной цивилизации, которая уже пустила корни за пределами их южных завоеваний, у них было мало надежд на триумф любого из европейских агрессоров, между которыми они так долго поддерживали равновесие. В соперничестве французских и английских колонистов островная раса оказалась победительницей; и когда позже Англия и ее американские колонии вступили в столкновение, нации Лиги заняли разные стороны, и Ходеносауни^[73] окончательно перестала быть идеальным местом сбора объединенного народа. Они шли своим предначертанным курсом; и теперь жалкие разрозненные остатки некогда знаменитой индийской федерации служат лишь иллюстрацией того, насколько несовместимы элементы высокой цивилизации с самой энергичной и прогрессивной энергией народа, достигающего зрелости только на первой стадии прогресса наций. Им не хватало качеств, которые защищают низшую расу от вымирания при соприкосновении с давно развитой цивилизацией. Пассивные и от природы покорные расы, такие как малайцы или негры, выживают при вторжении доминирующей расы и защищены своей покорностью, как естественные рабы незваных гостей. Но энергичный народ, который находит свое главное занятие в войне и охоте, не может быть подвергнут полезному рабству. Они отделены от своих соперников слишком большой пропастью, чтобы претендовать на какое-либо равенство в правах цивилизации. Единственная альтернатива, которая у них остается, - это изгнать незваного гостя или быть уничтоженными им, как медведь и волк. Периоды камня, бронзы и Железа не являются обязательными этапами в развитии человеческой расы; но весь опыт доказывает, что, когда такие экстремальные социальные условия внезапно вступают в контакт, что удачно символизируют периоды камня и железа, наблюдается тенденция к деградации и окончательному вымиранию менее развитой расы.

[68] Доисторические анналы Шотландии, 2-е изд. том i. стр. 331.

[69] Геологическая служба США, 1872, стр. 652.

[70] Аляска и ее ресурсы, стр. 418.

[71] Льюис Х. Морган: Лига хо-де-но-сау-ни, или ирокезов.

[72] См. сноску 71.

[73] Хо-де-но-сау-ни, или Люди Длинного Дома, обозначающие многочисленное собрание в Совете Конфедерации.

ГЛАВА VIII. МЕТАЛЛЫ.

РАССВЕТ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ЭРЫ—ПЕРВОБЫТНАЯ ОБРАБОТКА МЕДИ-МЕДНЫЙ РЕГИОН
ОЗЕРА ВЕРХНЕЕ—ИЗОБРАЖЕННЫЕ СКАЛЫ—ЖЕЛЕЗНАЯ ГОРА ДЖЕКСОНА—ШАХТА КЛИФФ—
МЕДНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ—ДРЕВНИЕ ШАХТЕРСКИЕ ТРАНШЕИ—БОЛЬШОЙ ОБЪЕМ РАБОТ—
РУДНИКИ АЙЛ—РОЙЯЛ—ИХ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ ВОЗРАСТ—ДРЕВНИЕ ОРУДИЯ ДОБЫЧИ—
КАМЕННЫЕ КУВАЛДЫ И ТОПОРЫ—РЕЛИКВИИ ДОБЫЧИ ОНТОНАГОНА—МЕСТА МЕДНЫХ
МАНУФАКТУР—САМОРОДНАЯ МЕДЬ И СЕРЕБРО—МЕДНЫЕ ОРУДИЯ БРОКВИЛЛА—УТРАЧЕННОЕ
МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО—ХИМИЧЕСКИЕ АНАЛИЗЫ—МЕСТНАЯ ТЕРРАКОТА-ДРЕВНИЕ
БРИТАНСКИЕ ГОРНОРУДНЫЕ ОРУДИЯ —РАСА МЕДНЫХ РУДНИКОВ-СУЕВЕРИЯ ЧИППЕВА—
САМЫЕ РАННИЕ УВЕДОМЛЕНИЯ О МЕДНОМ РЕГИОНЕ—МАССА МЕДИ НА ОНТОНАГОНЕ—
ДРЕВНЕЕ МЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ—МЕСТНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТАЛЛОВ—СОСТОЯНИЕ
КУРГАНОВ—СТРОИТЕЛИ—МИНЕРАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ-ДРЕВНОСТЬ МЕДНЫХ РАЗРАБОТОК—
ЗАБРОШЕННОСТЬ ШАХТ.

Тот же самый рациональный инстинкт, который побуждал человека к его первым попыткам изготовления инструментов, руководил им и в разборчивом выборе материалов; и к этому можно отнести открытие металлов и последовавшие за ним первые шаги в металлургии и искусстве. Бронзовый век Европы получил свое название из-за преобладания реликвий, свидетельствующих о периоде, который, хотя и является древним по сравнению с определенной историей, относится к сравнительно поздней эпохе, характеризующейся многими следами художественного мастерства и мастерства в сложных процессах плавки руд и легирования металлов. Но рассвет металлургической эры в Новом Свете отмечен фазами, которые черпают свой отличительный характер из двух широко разделенных регионов; и из которых одна представляет собой важное звено в истории человеческого прогресса, в лучшем случае лишь частично обозначенное в открытиях европейской археологии.

Необразованному человеку, снабженному только каменными орудиями труда, были особенно доступны возможности, предоставляемые великими медными районами озера Верхнее для первого шага в познании металлургии. Леса, отбрасывавшие тени вдоль берегов этого большого озера, были прибежищем оленей, бобров, медведей и других излюбленных объектов охоты; реки и озеро изобиловали рыбой; и грубому охотнику приходилось изготавливать оружие и орудия труда из тех материалов, которые природа предоставляла в его распоряжение. Истертый водой камень с пляжа, терпеливо отшлифованный до острия, послужил ему топором и томагавком, с помощью которых с помощью огня он мог сравнять с землей лесных великанов или отделить от них материалы для своего каноэ и весла, копья, дубинки или лука со стрелами. Из костей оленя делали наконечники для его копья или делали рыболовные крючки, а из сланца или кремня делали наконечник для стрелы по образцу, повторяющемуся с небольшими вариациями во всех странах и в каждую первобытную эпоху. Но помимо таких материалов, встречающихся повсеместно, первобытные обитатели берегов озера Верхнее обнаружили там камень, обладавший некоторыми весьма своеобразными свойствами. Его можно было не только отковать до края без риска перелома, но и придать ему податливую форму, из которой можно было выковывать множество новых и удобных форм. Это была медь, найденная в связи с

траппейскими породами того региона, в неисчерпаемых количествах, в чистом металлическом состоянии. В других богатых полезными ископаемыми регионах, таких как Корнуолл и Девон, основным источником этого металла являются руды, которые требуют как труда, так и навыков, чтобы использовать их в экономических целях. Но в жилах медного региона озера Верхнее самородный металл встречается огромными массами, весом в сотни тонн; и свободные блоки различных размеров были найдены на берегу озера или отдельно лежали на поверхности в достаточных количествах, чтобы удовлетворить все потребности охотника-кочевника. Соответственно, он превращал их в резцы и топоры, нарукавники и личные украшения различного рода без использования тигля; и, действительно, не признавая никакого точного различия между медью, которую он механически отделял от массы, и неподатливым камнем или кремнем, из которого он привык делать наконечники для своих копий и стрел. Это подтверждается филологическими данными. Корнем названий железа и меди в языке чиппева является тот же абстрактный термин вахбик, используемый только в составных словах. Таким образом, *rewahbik* - железо; *ozahwahbik* - медь: букв. желтый камень; *метабик* - на голой скале; *угедахбик* - на вершине скалы; *кишкахбиках* - это пропасть; и т.д.

Самые ранние упоминания о Британии относятся исключительно к полуострову Корнуолл и соседним островам, куда в незапамятные времена направлялись средиземноморские флоты, а торговцы из Галлии отправлялись в поисках ее металлических богатств. Минеральные регионы Нового Света содержат некоторые соответствующие записи о его давно забытом прошлом; и некоторое представление об их нынешнем состоянии необходимо для подготовки ума к восприятию изменений, произведенных временем в местностях, которые сейчас снова спасаются от дикой природы. Обширное внутреннее море, составляющее резервуар цепи озер, воды которых омывают Ниагарский водопад и находят свой путь по реке Святого Лаврентия к океану, было до сих пор настолько частично освоено пионерами современной цивилизации, что общий вид его берегов лишь немногим отличается от того, что они представляли взору его первых европейских исследователей в семнадцатом веке; или, более того, его индейским путешественникам до того, как испанцы впервые достигли берегов Багамских островов и открыли Европе ворота Запада. С его обширными водами, занимающими площадь в тридцать две тысячи квадратных миль, потребовался бы более длительный период пребывания в регионах, которыми он окружен, и множество средств для их исследования, чтобы удовлетворить любопытство научного исследователя. Но даже краткий визит раскрывает многое интересное, что служит одновременно иллюстрацией и контрастом с тем, что попадает в поле зрения наблюдателя в других местах.

Выслеживая свидетельства древнего заселения берегов озера Верхнее, я неоднократно совершал поездки вдоль его берегов на сотни миль на каноэ и неделями разбивал лагерь в некоторых из его наименее доступных диких местностей. Убедительность свидетельств оценивается медленно, даже при тщательном личном наблюдении; но некоторое описание древнего медного региона может помочь читателю оценить, сколько времени прошло с тех пор, как его лесные поляны и скалистые мысы были оживлены присутствием трудолюбивых рудокопов. Памятники непрерывающегося действия Времени действительно относятся к периодам, задолго до самого раннего появления человека, и представляют определенные озерные явления в масштабах, постижимых только теми, кто плавал по лону этих пресноводных морей с таким же безграничным горизонтом, как в середине Атлантики; и кто испытал на себе жестокость внезапных штормов, которым они подвержены. Но в то время как те же широкие океанические просторы и буйство их штормовых настроений характеризуют Онтарио, Эри,

Гурон и Мичиган, только на озере Верхнее путешественник становится свидетелем величия и дикой суровости пейзажей, соответствующих его предвзятым представлениям о таких внутренних морях. Вдоль его северных и западных берегов отвесные скалы и скалистые мысы хмурятся в диком величии среди нетронутых лесных пустошей, которые простираются до замерзших районов вокруг Гудзонова залива, в то время как более пологие береговые линии его южных берегов отличаются некоторыми из самых необычных очертаний, приданных его скалистым стенам действием волн. Среди подобных скальных образований нет более примечательных особенностей, чем те, которые представлены частью обширной гряды утесов из песчаника, которые зубчатыми и живописными массивами выступают с южного берега вскоре после прохождения Гранд-Сейбл; и которым новый интерес придало переплетение алгонкинских легенд этой местности с "Индийской песней о Гайавате" Лонгфелло.

Изображенные скалы расположены между медными регионами и древним волоком, который недавно был заменен каналом, открывающим судоходство для крупнейших судов от озера Гурон до озера Верхнее. Они расположены в центре длинной впадины, которая тянется от полуострова Кьюино на восток до Уайт-Фиш-Пойнт и образует побережье, наиболее удаленное от северных берегов озера. Здесь скалы на протяжении бесчисленных веков подвергались воздействию волн под действием северных ветров; в то время как одновременные потрясения, продолжавшиеся, вероятно, в течение обширных периодов времени, внесли немалый вклад в процессы, в результате которых были созданы их поразительные формы. Помимо них, "вояджер" снова прибывает к скалистым утесам в окрестностях Маркетта, названным так в честь миссионера-иезуита, который впервые достиг верховьев Миссисипи два столетия назад, в 1673 году. За это время произошли важные изменения. Сокровища полезных ископаемых, о которых древние рудокопы и не мечтали, теперь вознаграждают трудолюбие тех, кто вытеснил индейцев. Железный период с его полностью развитой цивилизацией вторгается на эти лесные тропы; и когда я впервые посетил Маркетт в 1855 году, на отвесных скалах траппе, образующих пристань, истертых и поцарапанных ледниковыми процессами давно ушедшей эпохи, были сложены богатые продукты "Железной горы Джексона", которая возвышается своими смелыми очертаниями на расстоянии двенадцати миль от берега. Непосредственно к северу от этой точки мыс Преск-Айл в некоторых отношениях представляет собой разительный контраст с Изображенными Скалами; хотя, подобно им, также изрезан и выдолблен в отдельные массы и пронизан разрушенными волнами пещерами более старых уровней берега и озера. Здесь изъеденный водой песчаник и магматические породы залегают друг на друга в живописном беспорядке: так сказать, символ перехода между эпохами меди и железа. Ибо именно на Преск-Айл кристаллические сланцы с их перемешивающимися массами трапповых и кварцевых пород, богато пропитанных зеркальным и магнитным оксидом железа, переходят в гранитные и песчаниковые породы, которые располагаются между железосодержащими образованиями и медьсодержащими ловушками Кьюино-Пойнт. За ним далеко вдается в озеро богатый медью регион полуострова Кьюино, пересеченный в юго-западном направлении великолепными утесами траппейских пород, обращенными своими перпендикулярными сторонами на юго-восток и покрытыми даже среди скалистых обломков древними лесными деревьями. В этой магматической породе обнаружены медные жилы, которые в последние годы придали округу Мичиган такую большую коммерческую ценность; и там я не только был свидетелем обширных горных работ, но и исследовал свидетельства труда древних шахтеров, которые доказывают длительную практику местного металлургического искусства в какой-то отдаленный период.

При приземлении в Игл-Ривер, одном из пунктов отгрузки медной руды, на западной стороне полуострова Кьюино, путь пролегает через густой лес, в некоторых местах над дорогой из грубого вельвета, а в других пересекает неровную открытую поверхность медьсодержащего карьера. Через некоторое время она петляет по ущелью, покрытому огромными массами траппов и осыпающихся обломков, среди которых соснам, черному дубу и другим твердым породам удалось найти достаточную почву, чтобы пустить корни и достичь своих полных размеров; а за утесами, на ровном дне по другую сторону траппового хребта, находится шахтное поселение Клифф, одно из самых важных из всех горных работ, действующих в этом регионе. Здесь я спустился по перпендикулярной шахте с помощью лестниц на глубину шестидесяти морских саженей и исследовал различные уровни, проходя в некоторых случаях буквально по туннелям, проделанным в цельной меди. Само изобилие металла действительно иногда оказывается препятствием для его прибыльной обработки из-за труда, неизбежно затрачиваемого на выдалбливание массы из цельного куска, позволяющего извлекать ее на поверхность и транспортировать по таким участкам, которые были описаны, к берегу озера. Пол уровня был посыпан медной стружкой, поскольку исключительная пластичность самородной меди исключает применение других усилий, кроме ручного труда, для отделения ее от исходной массы. Я видел также прекрасные образцы серебра в матрице из кристаллического кварца, добытого на этом руднике; и утверждается, что медь в округе содержит в среднем около 3,10% серебра. Это, безусловно, самое богатое полезными ископаемыми месторождение, которое когда-либо разрабатывалось. За один год на руднике Клифф было добыто более тысячи шестисот тонн меди, и одна масса, по оценкам, весила восемьдесят тонн. Его минеральные богатства были известны древним рудокопам; но мастерство и техника современнорудокопа дают ему доступ к жилам, совершенно недоступным первобытному металлургу, который не знал более твердого материала для своих инструментов, чем самородная порода и пластичный металл, который он искал.

На руднике Клифф сохранилось несколько любопытных образцов древних медных орудий труда, найденных в его окрестностях, но именно к западу от полуострова Кьюино видны наиболее обширные следы деятельности местных шахтеров. Меденосная ловушка, пересекающая озеро Кьюино, прослеживается далее в юго-западном направлении, пока не пересекает реку Онтонэгон примерно в двенадцати милях от ее устья, на высоте более трехсот футов над озером. В этой местности края медных жил выходят наружу в разных местах, обнажая металл неправильной формы на значительной территории страны, многие из которых были частично обработаны древними рудокопами. Здесь, по соседству с шахтой Миннесота, сохранились обширные следы траншей и других горных работ, которые доказывают, что они, должно быть, велись в течение длительного периода. Эти раскопки частично засыпаны и настолько заросли за долгий промежуток времени между их первыми раскопками и наблюдением недавними исследователями, что они едва привлекают внимание. Тем не менее было обнаружено несколько траншей глубиной от восемнадцати до тридцати футов; и в одной из них обнаружилась отделившаяся масса самородной меди весом более шести тонн, покоившаяся на искусственной подставке из черного дуба, частично сохранившейся благодаря погружению в воду, которой она была заполнена. Различные орудия труда и инструменты из того же металла также лежали в заброшенной траншее, где эта огромная масса была отделена от своей основы и водружена на дубовую раму, готовясь к ее удалению целиком. Судя по всему, его подняли примерно на пять футов, а затем бросили, как это ни странно, поскольку даже медные инструменты были найдены среди скопившейся земли, которой он был заново засыпан.

Твердая масса имела десять футов в длину, три фута в ширину и почти два фута в толщину; каждый выступающий элемент был удален, так что открытая поверхность осталась идеально гладкой, возможно, другими, более грубыми рабочими, работавшими позже, после того, как первые исследователи покинули шахтную траншею.

Горные работы, продолжавшиеся более четверти века, многое сделали для того, чтобы стереть следы древних работ, поскольку современные горняки с нетерпением следят за каждым их признаком, поскольку это наиболее многообещающий ключ к богатым металлоносным месторождениям. Но ближе к концу 1874 года мистер Дэвис, старый опытный рудокоп с озера Верхнее, извлек из другой древней траншеи в том же районе твердую массу почти чистой меди в форме сердца весом от двух до трех тонн. Он лежал на глубине семнадцати футов от поверхности, как тогда, когда древние шахтеры первоначально извлекли его из своего ложа. Рядом с ним лежало несколько кусков поменьше, весом от одной унции до семнадцати фунтов, очевидно, отломанных от большой массы первыми рабочими шахты. Многочисленные каменные кувалды и молотки весом от десяти до тридцати фунтов также были разбросаны по нижним обломкам, которыми была засыпана траншея. Но отсутствие каких-либо медных инструментов, по-видимому, указывало на окончательное заброшение рудника по какой-то неизвестной причине в то самое время, когда его ресурсы были наиболее доступны.

Впервые внимание на такие следы древних горных работ обратил агент Миннесотской горнодобывающей компании в 1847 году. Следуя указаниям на непрерывное углубление в почве, он, наконец, добрался до пещеры, где обнаружил, что несколько дикобразов устроили себе жилища для гибридизации; но, обнаружив признаки искусственных раскопок, он приступил к расчистке скопившегося грунта и не только обнажил медную жилу, но и нашел в мусоре многочисленные каменные кувалды и молотки древних рабочих. Последующие наблюдения выявили раскопки большой протяженности, часто глубиной от двадцати пяти до тридцати футов, разбросанные на площади в несколько миль. Мусор, вывезенный из них, складывается рядом в кучи; в то время как траншеи постепенно засыпаются почвой и гниющими растительными остатками, собранными за долгие столетия с момента их заброшения; и в целом лесные гиганты выросли, засохли и пришли в упадок. Мистер Нэпп, агент Миннесотской компании, насчитал 395 кольцеобразных колец на дереве болиголова, которое росло на одном из земляных холмов, выброшенных из древней шахты. М-р Фостер также отмечает огромные размеры и возраст соснового пня, который, должно быть, вырос и погиб с тех пор, как работы были заброшены; а м-р Уиттлси не только ссылается на живые деревья возрастом свыше трехсот лет, которые сейчас цветут в заброшенных траншеях; но он добавляет: “на том же месте находятся сгнившие стволы предыдущего поколения или поколений деревьев, достигших зрелости и упавших от старости”. Заброшенные шахты обнаружены во множестве мест, простирающихся более чем на сотню миль вдоль южного берега озера; и вновь появляются за его пределами в ходе обширных раскопок на острове Рояль. Сэр Уильям Логан сообщает о других наблюдениях, сделанных им на вершине хребта в Меймансе, на северном берегу, где старые раскопки окружены обломками жильовидного камня и каменными кувалдами, грубо отформованными из естественных валунов. Обширная территория, на которой, таким образом, были обнаружены подобные произведения, свидетельства длительной работы над ними и еще более длительного забвения - все это в совокупности наводит на мысль об их отдаленной древности.

На реке Онтонегон я встретился с капитаном Пеком, поселенцем, чье долгое пребывание в этой стране предоставило ему множество возможностей отметить свидетельства ее древнего заселения. Неоднократные открытия привели его к выводу о глубокой древности работ; и он особо упомянул об одном обнаружении древних горных работ близ развилки реки Онтонегон, где на глубине свыше двадцати пяти футов были найдены каменные кувалды и другие инструменты, соприкасавшиеся с медной жилой; в почве над ними лежал ствол большого кедра, а над всем этим рос болиголов, корни которого полностью простирались над упавшим кедром, в накопившейся почве, которой была заполнена траншея, и это указывает на рост не менее трех столетий. Но погребенный кедр, который при благоприятных обстоятельствах гораздо долговечнее дуба, представляет собой другую и более длительную последовательность столетий, последовавшую за тем затяжным периодом, в течение которого заброшенная траншея медленно заполнялась накоплениями, накопленными за многие зимы. В ходе других раскопок над древним полом образовался слой глины глубиной в фут. На нем лежал скелет оленя, который споткнулся и погиб там; а поверх него на глубину девятнадцати футов скопились глина, листья, песок и гравий. Подобные указания нередки не только на полуострове Кьюино, а также к западу и югу от Онтонегона; но и на острове Ройял заброшенные шахты обнаруживают еще более убедительные свидетельства своей глубокой древности. Геологи Соединенных Штатов отмечают: “Мистер Э. Г. Шоу указал нам на аналогичные свидетельства добычи полезных ископаемых на острове Ройял, которые можно проследить в длину на расстоянии мили. Открыв один из таких шурфов, который был засыпан, он обнаружил, что шахта была выработана в твердой породе на глубину девяти футов, причем стены были идеально гладкими. На дне он обнаружил жилу самородной меди толщиной восемнадцать дюймов, в том числе лист чистой меди, лежавший у подножия стены.” Каменные молотки и клинья в большом изобилии лежали на дне траншей, но никаких металлических орудий найдено не было: возможно, доказательство того, что рудники Айл-Ройял продолжали разрабатываться после того, как их рабочие были спешно вынуждены покинуть рудники на материке. Мистер Шоу пришел к выводу, исходя из внешнего вида стеновых пород, множества каменных орудий и извлеченного материала, что работа по выемке породы, должно быть, выполнялась исключительно с помощью каменных орудий. Такие инструменты, возможно, с помощью огня. Но внешний вид жилы и протяженность выработок свидетельствовали не только о большом и длительном труде, но и об использовании других инструментов, помимо каменных. Скопившийся растительный материал заполнил раскопки до уровня окружающей поверхности, и над ними простирался лес с той же пышностью, что и на естественной почве. В этом бесплодном и скалистом регионе засыпка траншей растительной почвой, должно быть, была делом многих столетий; так что весь вид заброшенных шахт Айл-Рояля подтверждает приписываемую им древность.

То, что кажется глазу путешественника гигантами первобытного леса, на самом деле является зарослями сравнительно нового времени, последовавшими за эпохой, когда берега озера Верхнее звенели отзвуками промышленного труда. Двух или трех столетий, по-видимому, совершенно недостаточно, чтобы обеспечить необходимое время для наиболее частичного накопления почвы и разложившихся растительных остатков, которыми были заполнены старые шахтерские траншеи. Последующие четыре столетия бесспорно зафиксированы недавними обитателями леса, независимо от каких-либо следов предыдущих поколений древесных растений; и, таким образом, в раскопках и орудиях труда в медных регионах озера Верхнее мы видим памятники металлургической промышленности, существовавшие задолго до тех последних лет пятнадцатого века, когда минеральные богатства Нового Света пробудили в

испанцах жажду золота. Следует предположить неопределенный, но значительный промежуток времени между заброшенностью этих древних сооружений и самым ранним появлением леса; и таким образом, мы отбрасываемся, самое позднее, в столетия, соответствующие средневековой эпохе Европы, к периоду, к которому можно отнести эти исключительно интересные следы утраченной американской цивилизации.

Благодаря заполнению заброшенных шахтных траншей водой найдены не только медные и каменные орудия труда шахтеров, но также сохранились образцы деревянных инструментов и деревянных каркасов, в нескольких случаях в замечательном совершенстве; и они представляют собой интересное дополнительное свидетельство характера их промышленного искусства.

Рис. 63.—Шахтерские лопаты.

Из деревянных орудий труда наиболее заметными являются лопаты, с помощью которых копали почву. Прилагаемая гравюра на дереве изображает два из них, стертых с одной стороны, как и в большинстве найденных образцов, как будто их использовали для соскабливания, а не для рытья почвы. Мистер Уиттлси приводит рисунок одного из них длиной три с половиной фута, найденного среди сыпучих материалов, выброшенных при обширной выемке породы на склоне холма примерно в четырех милях к юго-востоку от Игл-Харбор. Часть деревянной чаши, используемой для сбора воды, и желобки из кедровой коры были также найдены в тех же обломках, над которыми росла береза около двух футов в диаметре, нижние корни которой едва доставали сквозь древний мусор до глубины, на которой лежали эти реликвии. М-р Фостер описывает другую деревянную чашу, найденную на глубине десяти футов при расчистке каких-то древних выработок, открытых работником Лесного рудника; и которая, судя по отколовшимся кускам камня и гравия, застрявшим в ее ободе, должно быть, использовалась для сбора воды. Подобные орудия встречались и в других выработках, но они быстро разрушаются при контакте с воздухом. Все они, по-видимому, были сделаны из белого кедра. Нерушимая природа этого дерева, когда оно хранится под водой или во влажной почве, в изобилии иллюстрируется опытом поселенцев, которые, пытаясь расчистить и возделывать кедровое болото, обнаруживают, что мертвые стволы, извлеченные неповрежденными после столетий погружения, покоятся над еще более старыми кедровыми лесами, на вид незатронутыми влияниями, которые возвращают дубу и сосне растительный вид лесной почвы.

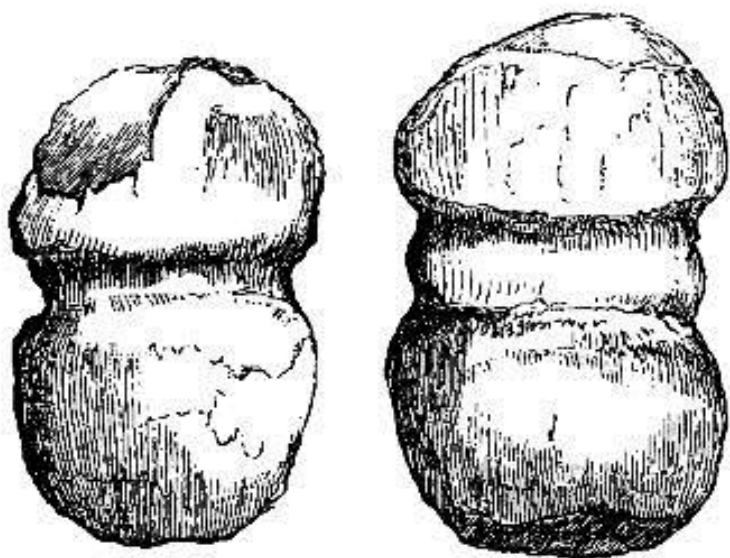

Рис. 64.—Каменные кувалды шахтеров.

Упомянутые открытия, по-видимому, достаточно ясно указывают на процесс разработки древних рудников. Почва была удалена с помощью деревянных лопат, несомненно, с помощью медных инструментов для дробления твердой земли и глины: остатки древесного угля, во многих случаях встречающиеся на поверхности скалы, показывают, что огонь был важным средством для преодоления сцепления между медью и ее матрицей. До появления пороха огонь повсеместно использовался при выемке горных пород; и там, где топлива предостаточно, как в старых рудничных районах Европы Гарц и Альтенберг, даже сейчас оказывается, что оно столь же экономично разрушает кремнистые породы. Затем использовались каменные молотки или кувалды для разрушения металлоносной породы. Они были найдены в огромном количестве на разных участках добычи полезных ископаемых. Мистер Кнапп добыл в одном населенном пункте более десяти тележек; и мне показали колодец в Онтонегоне, построенный почти полностью из каменных молотков, добытых в древних выработках в непосредственной близости. Многие из них представляют собой просто изъеденные водой валуны из зеленого камня или порфира, грубо обтесанные в центре, чтобы можно было предположить, что они надежно защищены стеной вокруг себя. Но другие имеют хорошую отделку, с одинарным или двойным пазом для крепления рукояти, с помощью которой ими пользовались. Они весят от десяти до сорока фунтов, но многие сломаны, а некоторые из виденных мной образцов были изношены и расколоты от частого использования.

Степень, в которой шахтеры поддерживали сотрудничество с помощью имеющихся в их распоряжении несовершенных средств, проиллюстрирована предметами, найденными при исследовании одной из их траншей на холме к югу от рудников Коппер-Фоллс. При извлечении скоплений из раскопок были найдены каменные топоры большого размера, сделанные из зеленого камня и имеющие форму рукоятей, а также несколько больших круглых масс из зеленого камня, которые, по-видимому, использовались для тарана. “В них были просверлены круглые отверстия глубиной в несколько дюймов, которые, по-видимому, предназначались для деревянных пробок, к которым можно было прикрепить ручки, чтобы несколько человек могли размахивать ими с достаточной силой, чтобы разбить камень и выступающие массы меди.

Некоторые из них были сломаны, а на некоторых выступающих концах скалы виднелись следы ударов, нанесенных указанным здесь способом ”.^[74]

Но трудолюбивые рудокопы в полной мере оценили практическую полезность металла, который они искали; и не следует предполагать, что они так усердно добывали медь, хотя сами пользовались только каменными и деревянными инструментами. Были обнаружены медные топоры, зазубрины, стамески и долбила, а также ножи и наконечники копий самых разнообразных форм, все они были выкованы из чистой меди с помощью молотка, без плавки, сплава или использования огня. В Онтонегоне у меня была возможность ознакомиться с интересной коллекцией шахтерских реликвий, найденных несколькими месяцами ранее. Они состояли из медных инструментов с твердыми треугольными лезвиями, похожими на штыки, одно из которых было четырнадцать дюймов, а остальные - около двенадцати дюймов в длину; стамески и двух медных долот необычной формы длиной около четырнадцати дюймов и шириной два дюйма, точное назначение которых было бы трудно определить. Все они были обнаружены погребенными в глинистом слое на берегу реки Онтонегон, примерно в миле выше ее устья, в процессе выравнивания его для строительства кирпичного поля. Над глиной располагался наносной слой песка толщиной в два фута, и в нем, а также над останками древних медников, достигла полной зрелости сосна. Его гигантские корни, по оценке тех, кто был свидетелем их удаления, росли более двух столетий, в то время как нынешний обычный уровень реки таков, что потребовался бы подъем на сорок футов, чтобы образовался слой песка, под которым они лежали.

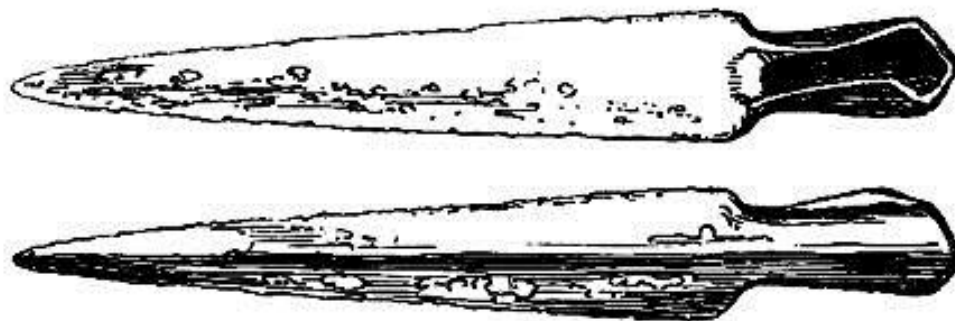

Рис. 65. Медный инструмент Ontonagon.

Опытный шахтер-практик, который одним из первых возобновил некоторые древние работы на шахте в Миннесоте, узнал в медных долбежках орудия, приспособленные для получения необычных следов от инструментов, которые тогда возбудили его любопытство.

Прилагается изображение своеобразного типа медных инструментов, зарисованное с одного из найденных в Онтонегоне. Гнездо, образованное плоской выковкой нижней части с последующим частичным переворачиванием ее с каждой стороны, соответствует некоторым примитивным формам бронзовых орудий, найденных в Британии и на севере Европы; но последние отлиты из металла и доказывают мастерство в металлургии, намного превосходящее старых мастеров-металлистов Онтонегона.

Другое и в некоторых отношениях более интересное открытие было сделано в точке, расположенной недалеко от Кьюино-Пойнт, в богатом железоделательном районе Маркетт, в том месте, которое, по-видимому, было древним руслом реки Карп. Примерно в десяти футах

выше нынешнего уровня ее русла были найдены различные орудия труда из меди. Большие деревья росли и над этим месторождением, и свидетельства древности казались не менее очевидными, чем в Онтонегоне. Среди реликвий были ножи, наконечники копий и стрел, некоторые из которых были украшены серебром. Один из ножей, сделанный вместе с рукоятью из цельного куска меди, имел в общей сложности около семи дюймов в длину, из которых лезвие составляло почти две трети, и имел овальную форму. Он был украшен прикрепленными к нему кусочками серебра и инкрустирован полосой из того же металла от острия до рукояти. Были также найдены многочисленные фрагменты и медная стружка, некоторые из которых, как предполагалось, могли быть вырезаны только тонким острым инструментом; и всего этого было достаточно, чтобы указать, даже более заметно, чем в Онтонегоне, что в древние времена в районах озера Верхнее не только добывали самородную медь, но и создавали мануфактуры вдоль его берегов и на берегах судоходных рек. Признание серебра как отдельного металла современной расой индейцев подтверждается особым термином "шунья", которым оно обозначается в Чиппева; в то время как золото известно только как озахвах-шунья, или желтое серебро.

Рис. 66.

Медный кинжал Броквилла.

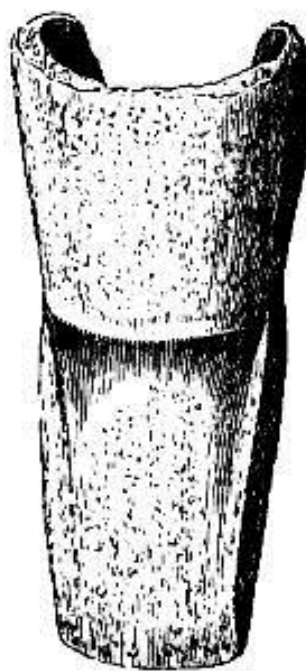

Рис. 67.

Раздолбай.

В 1856 году доктор Томас Рейнольдс из Броквилля выставил Канадскому институту коллекцию меди и других реликвий, обнаруженных в этом районе при необычных обстоятельствах и представляющих особый интерес из-за удаленности этого места от озера Верхнее. Они включали зубило или выемку необычной формы длиной шесть дюймов (рис. 67), грубый наконечник копья длиной семь дюймов (рис. 68) и два маленьких кинжала или ножа, один из которых показан на рис. 66, все выкованные с помощью молотка из самородной меди, которая никогда не подвергалась обжигу, о чем свидетельствует серебро, оставшееся в виде отдельных кристаллов в меди. Они были найдены в начале порогов Ле-Галопс на реке Святого Лаврентия,

примерно в пятнадцати футах под поверхностью, вместе с двадцатью скелетами, расположенными в круглом пространстве ногами к центру. Доктор Рейнольдс замечает о них: “Некоторые скелеты были гигантских размеров. Нижняя челюсть одного из них достаточно велика, чтобы окружать соответствующую кость взрослого человека нашего нынешнего поколения. Состояние костей служило неоспоримым доказательством их большой древности. Черепа были настолько полностью измельчены до своих землистых составляющих, что стали чрезвычайно хрупкими и распадались на куски, когда их вынимали и подвергали воздействию атмосферы. Металлические останки, однако, из более прочного материала, а также несколько каменных долот и зазубрин и несколько кремневых наконечников для стрел, все остаются в своем первоначальном состоянии; и представляют собой свидетельства того же грубого искусства, которым, как мы знаем, до сих пор занимаются аборигены дальнего Запада ”. Обсудив возможность их европейского происхождения, доктор Рейнольдс добавляет: “Существует также любопытный факт, который, по-видимому, подтверждают эти реликвии, что индейцы владели искусством закалки меди, чтобы придать ей такую же остроту, как у железа или стали. Это древнее индийское искусство ныне полностью утрачено”.

Ссылка, сделанная таким образом, на популярную теорию о каком-то утраченном искусстве закалки самородной меди, давала возможность проверить ее применительно к реликвиям Броквилла. Соответственно, они были представлены моему коллеге, профессору Генри Крофту из Университетского колледжа в Торонто, со следующими результатами: Целью экспериментов было установить, идентичен ли металл, из которого изготовлены орудия труда, самородной меди из рудников озера Верхнее; или же он был подвергнут какому-либо производственному процессу или смешан с каким-либо другим веществом, с помощью которого можно было бы повысить его твердость. Тщательное изучение позволило сделать следующие выводы: — Не было обнаружено заметной разницы между твердостью орудий труда и твердостью металлической меди из озера Верхнее. Нож или маленький кинжал был очищен, насколько это было возможно, от зеленого налета, и его удельный вес был установлен равным 8·66. Было обнаружено, что фрагмент, отломанный от конца широкого плоского орудия, описанного как “медный нож в натуральную величину”, после освобождения от покрытия имел удельный вес 8·58. Во время очистки этого фрагмента на его поверхности стало видно несколько блестящих белых пятнышек, которые, судя по их цвету и блеску, были серебристыми. Структура металла также была сильно слоистой, как будто инструмент был доведен до своей нынешней формы путем выковывания цельной массы меди, которая либо раскололась, либо изначально была сформирована из нескольких частей. Эти пластины, конечно, содержали воздух, а металл был покрыт ржавчиной, отсюда и удельный вес. Процесс, с помощью которого плоский кусок меди накладывается внахлест и с помощью молотка превращается в грубый наконечник копья, показан на прилагаемой иллюстрации. Кусок очень твердой меди из озера Верхнее, примерно того же веса, что и осколок, был взвешен в воде, и его плотность составила 8·92. Удельный вес абсолютно чистой меди варьируется от 8·78 до 8·96 в зависимости от большей или меньшей степени агрегатирования, которую она получила в процессе производства. Фрагмент был полностью растворен азотной кислотой; и раствор, испытанный на наличие серебра соляной кислотой, дал едва заметную непрозрачность, указывающую на присутствие чрезвычайно незначительных следов серебра. Медь была отделена сернистоводородной кислотой, остаточная жидкость была протестирована на наличие других металлов. Был обнаружен очень незначительный след железа. Самородная медь из озера Верхнее была протестирована таким же образом, и было обнаружено, что она не содержит следов серебра, но

содержит незначительные примеси железа. Из этого следует, что орудия труда состоят из почти чистой меди, ничем в материальном отношении не отличающейся от самородной меди озера Верхнее.

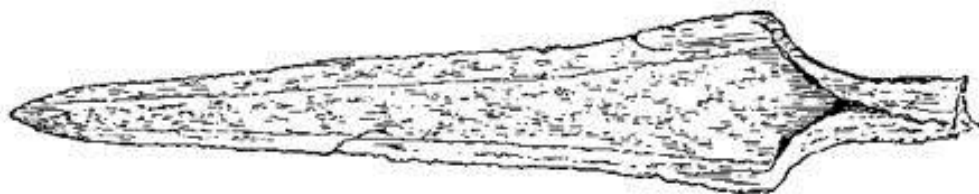

Рис. 68. Медное копье Броквилла.

Таким образом, очевидно, что в случае с реликвиями Броквилла теория об утраченном искусстве закалки меди была простым отражением распространенной ошибочной теории; и нет никаких оснований ожидать иного результата в других случаях, когда проверяется та же теория.

Совсем недавно хорошо обработанный кинжал из ковanej меди длиной девять дюймов и медная выемка поменьше были обнаружены плугом: первый - в Бернхэмпторпе, а второй - в Чингуакуси, в Онтарио; и время от времени подобных находок достаточно, чтобы показать древнее распространение самородной меди по всему региону великих озер. В своем отчете об открытии реликвий Броквилла доктор Рейнольдс предполагает, что они принадлежат к нынешней индейской расе. Свидетельства античных захоронений, однако, несомненны; и другие доказательства предполагают иное происхождение. М-р Сквайер, которым они были описаны ранее, отмечает в Приложении к своей книге "Памятники аборигенов штата Нью-Йорк":^[75] "Некоторые орудия, полностью соответствующие этим, были найдены на острове Ройял и в других местах на озере Верхнее и вокруг него". Но помимо медных орудий труда, в том же хранилище лежала миниатюрная терракотовая маска особой работы, наводящая скорее на мысль о связи с искусством строителей курганов. Мистер Скуайер изобразил ее по неправильному рисунку, который указывает на более точное воспроизведение черт индейца, чем это оправдывает оригинал. Она выгравирована здесь в размере оригинала с фотографической копии и, как будет видно, представляет собой грубую маску, которая ни в коем случае не является редкостью среди маленьких терракотовых изделий Мексики и Центральной Америки. Это смешение следов определенного художественного мастерства с искусством первобытного металлурга полностью соответствует обнаружениям древних курганов на Миссисипи; и, действительно, согласуется с другими частичными проявлениями искусства в несовершенной развитой цивилизации.

Рис. 69.—Терракотовая маска.

Рассматривая грубые каменные кувалды рудокопов Онтонэгона, я был поражен их сходством с некоторыми из тех, которые я видел, добытыми на древних медных рудниках Северного Уэльса. В сообщении, направленном в Британский археологический институт уважаемым Дж. Уильям Оуэн Стэнли в 1850 году рассказал о древней шахте, пробитой на медных рудниках Лландидно, Карнарвоншир. Здесь были найдены горные орудия, состоящие из бронзовых долот или кирков, а также несколько грубо обработанных каменных кувалд различных размеров, весом примерно от 2 до 40 фунтов. Их внешний вид наводил на мысль, что их использовали для дробления или отделения руды от породы; а характер как бронзовых, так и каменных орудий, по-видимому, указывает на период, предшествовавший римской оккупации Британии. Утверждается, что эти примитивные кувалды похожи на истертые водой камни, найденные на морском пляже в Пен-Мор. Г-н Стэнли также описывает другие, аналогичным образом соответствующие тем, что были найдены на берегах озера Верхнее, которые были обнаружены в древних выработках в Англси. Следовательно, если бы мы были склонны делать обобщения на основе подобных аналогий, к чему были склонны изобретательные исследователи утраченной истории Нового Света, мы могли бы проследить в этой переписке подтверждение предполагаемой колонизации Америки в двенадцатом веке Мадоком, сыном Оуэна Гвиннеда, короля Северного Уэльса. Но сходство между примитивными валлийскими и американскими горными орудиями может рассматриваться только как свидетельство

соответствующих операций человеческого разума, когда они были поставлены в сходные условия, и с использованием тех же ограниченных средств, что во многих отношениях иллюстрируется искусством каменного периода, будь то самого древнего или современного. Такие соответствия также нельзя рассматривать как совершенно случайные. Они подтверждают идею об определенных врожденных и инстинктивных проявлениях человеческой изобретательности, которые всегда присутствуют и готовы быть задействованными для достижения сходных целей теми же ограниченными средствами.

Из этого обзора свидетельств о давно заброшенных горных разработках на берегах и островах озера Верхнее не подлежит сомнению, что в них мы видим следы несовершенной, но в высшей степени интересной местной цивилизации, относящейся к многовековой истории, предшествовавшей открытию Америки в пятнадцатом веке. Естественно возникает вопрос: кем были созданы эти древние рудники? Было ли это предками нынешних индейских племен Северной Америки или отдельной и давно вытесненной расой? Мнение американских писателей было склонно к единству и всеобъемлющей изоляции рас и искусств Нового Света. Следовательно, теории как Мортонна, так и Скулкрафта, хотя и основаны на различных предположениях, благоприятствуют идее о том, что зачатки всего, что наиболее заметно даже в цивилизации Центральной Америки, можно найти в местных искусствах, а также в манерах и обычаях лесных племен. Но ни традиции, ни искусство индейцев северных озер не обеспечивают сколько-нибудь удовлетворительного звена, связывающего их с Добытчиками меди или Строителями курганов. О Лунсфуте, старом вожде племени чиппева с озера Верхнее, делается невероятное заявление, что он мог проследить свою родословную по имени как наследственный вождь своего племени на протяжении более четырехсот лет. По просьбе мистера Уиттлси образованный метис, его собственный племянник, расспросил его о древних медных рудниках, и его ответ был по существу следующим: “Давным—давно индейцы жили гораздо лучше, чем сейчас. У них были медные топоры, наконечники стрел и копий, а также каменные топоры. Пока сюда не пришли французы и не взорвали порохом скалы, у нас не было преданий о разработке медных рудников. Наши предки строили большие каноэ и переплывали озеро на остров Рояль, где они нашли больше меди, чем где-либо еще. О каменных молотках, которые сейчас находят в старых раскопках, мы ничего не знаем. Раньше индейцы были гораздо многочисленнее и счастливее. У них не было таких войн и смут, как сейчас.” В Ла-Пойнте на озере Верхнее мне посчастливилось встретиться с Бешеки, или Буффало, суровым представителем древнего племени чиппева. Он сохранил все дикие индейские представления, хотя и привык к частому общению с белыми людьми; хвастался снятыми скальпами и придерживался своего языческого вероучения как единственной религии для индейцев, чему бы Великий Дух ни научил белого человека. Его внук, образованный полукровка, выступал в роли переводчика, и его ответ на подобные вопросы был воплощен в следующем поучительном заявлении индийской философии: “Белый человек думает, что он выше индейца, но это не так. Краснокожий индеец был создан Великим Духом, который создал леса и дичь, и ему не нужны уроки жизни от белого человека. Если тот же самый Великий Дух создал белого человека, он создал его с другой природой. Пусть он действует в соответствии со своей природой; так лучше для него; но для нас это нехорошо. У нас было красное железо до того, как белые люди принесли к нам черное железо; но если когда-либо такие работы, как вы описываете, производились на берегах этого озера до того, как сюда пришли белые люди, то Великий Дух, должно быть, когда-то уже создал людей с природой, отличной от природы его краснокожих

детей, таких, какая есть у вас, белых людей. Что касается нас, то мы живем так, как всегда жили наши предки”.

Ла-Пуэнт, или Чакамегон, где проходила эта беседа, посетил отец-иезуит Клод Аллоуэз в 1666 году, и он описывает его как прекрасную бухту, берега которой были заняты чиппева в таком количестве, что одних только их воинов насчитывалось восемьсот. В “Дневнике своих путешествий” он так описывает минеральные ресурсы, которыми сейчас больше всего славится этот регион: “Дикари почитают озеро как божество и приносят ему жертвы из-за его огромных размеров, ибо оно имеет двести лиг в длину и восемьдесят в ширину; а также из-за обилия рыбы, которую оно поставляет им вместо дичи, которой мало в его окрестностях. Они часто находят в озере куски меди весом от десяти до двадцати фунтов. Я видел много таких предметов в руках дикарей; и так как они суеверны, то считают их божествами или дарами, которые боги, обитающие под его водами, даровали им, чтобы способствовать их благополучию. Поэтому они хранят такие кусочки меди завернутыми вместе со своими самыми ценными вещами. У одних они сохранялись более пятидесяти лет, а другие носили их в своих семьях с незапамятных времен, лелея как домашних богов. Некоторое время недалеко от берега была видна большая скала, полностью сделанная из меди, вершина которой возвышалась над водой, что давало возможность проходящим отрезать от нее куски. Но когда я проходил в той местности, ничего не было видно. Я полагаю, что штормы, которые здесь очень часты и столь же сильны, как в океане, занесли скалу песком. Наши индейцы хотели убедить меня, что это исчезнувшее божество, но по какой причине, они не сказали”.^[76]

Таково самое раннее известие, которое мы имеем об индийских представлениях относительно самородной меди. Это согласуется со всей более поздней информацией по тому же предмету и противоречит любой традиции о том, что их предки были рабочими заброшенных медных рудников. Секретность, проистекающая из суеверий, связанных с минеральными богатствами великого озера, по-видимому, создавала препятствия на пути исследователей. Отец Даблон рассказывает удивительную историю, которую ему сообщили, о четырех индейцах, которые в старые времена, до прихода французов, заблудились в тумане и в конце концов высадились на Миссипикватонге. Считалось, что это плавучий остров, таинственным образом изменяющий свое местоположение и виды. Путешественники готовили еду по индийскому обычаю, нагревая камни и бросая их в ведро из бересты, наполненное водой. Камни оказались кусками меди, которые они унесли с собой; но едва они отплыли от берега, как послышался громкий и сердитый голос, который один из них приписал Миссибизи, духу вод, восклицавшему: “Что это за воры, которые уносят колыбели и игрушки моих детей?” Один из индейцев умер сразу от страха, двое других вскоре после этого, в то время как четвертый прожил достаточно долго, чтобы добраться домой и рассказать о случившемся, прежде чем он тоже умер: без сомнения, он был отравлен медью, используемой при приготовлении пищи. С тех пор индейцы держали свой курс подальше от места, где находился остров с привидениями. В той же связи отец Даблон рассказывает, что недалеко от реки Онтонгон, или Нантонагон, как он ее называет, есть обрыв, с которого часто выпадают массы меди. Один из них, подаренный ему, весил сто фунтов; а куски весом в двадцать или тридцать фунтов, по его словам, часто встречаются скво, когда они копают ямы для своего зерна. Местность, прославленная первыми французскими миссионерами своими следами минеральных богатств, подобным образом упоминается первым английским исследователем Александром Генри: смелым авантюристом, посетившим остров Макино у входа в озеро Мичиган незадолго до Парижского мирного договора в 1763 году и одним из немногих, кто избежал вероломной резни, учиненной индейцами над белыми в

Старом форте Макино. В своих путешествиях и приключениях по Канаде и индейским территориям он упоминает о своем посещении реки Онтонегон в 1765 году и добавляет: “Я обнаружил, что эта река примечательна главным образом обилием чистой меди, которая находится на ее берегах и в окрестностях. Медь представлялась взору в массах различного веса. Индейцы показали мне одну из них весом в двадцать фунтов. Они использовали этот металл для изготовления ложек и браслетов для себя. В том идеальном состоянии, в котором они его нашли, ему ничего не требовалось, кроме придания формы”.^[77] В следующем году Генри снова посетил тот же регион. “По пути, ” говорит он, “ я во второй раз разбил лагерь в устье Онтонегона и теперь воспользовался возможностью пройти десять миль вверх по реке с индейскими проводниками. Предметом, на который я направился с особой настойчивостью и к которому меня привели, было нечто медное, весившее, по моим оценкам, не менее пяти тонн. Он был настолько чистым и податливым, что с помощью топора я смог отрезать кусок весом в сотню фунтов ”. Эта масса самородной меди, которая более ста лет назад привлекала предприимчивых европейских исследователей, с тех пор приобрела значительную известность как одно из самых заметных стимулов для добычи полезных ископаемых, планируемых в Онтонегоне и прилегающих районах. Сейчас он сохранился в Вашингтоне и, как полагают, является тем самым, о котором Шарлевуа упоминает как о жертвенной плите, пользующейся особым почитанием у индейцев; и на которой, согласно их повествованию, была принесена в жертву молодая девушка. Отец-иезуит не получил к нему доступа, поскольку индейцы верили, что если его увидит белый человек, то их земли отойдут от них. Эти различные заметки интересны тем, что показывают, до какой степени нынешняя раса индейцев привыкла пользоваться минеральными богатствами медных регионов. Иллюстрации подобного рода можно было бы множить, но все они почти одинаковы: изображают индейца, собирающего случайные массы или отрубавшего куски от открытых медных жил, в полном соответствии с простым искусством его первого каменного периода; но не дают никаких оснований приписывать ему какие-либо традиционные памятники связи с расой, которая когда-то копала траншеи и обнажила минеральные сокровища великого медного региона.

Свидетельства, указывающие на большой промежуток времени, прошедший с тех пор, как рудокопы озера Верхнее покинули его берега, находят подтверждение в следах длительного движения, которое вели последующие обитатели их опустевшей территории. Минеральные богатства, которые все еще находились в пределах досягаемости непромышленного охотника за лесами, выросшими и покрывавшими заброшенные сооружения, в промежутке между их заброшенностью и повторным занятием, давали ему ценный материал для обмена. Верховья Миссисипи находятся в пределах легкой досягаемости индейского отряда, перевозящего легкие каноэ из бересты по промежуточным волокам; и, будучи спущенными на воду в ее широких водах, перед ними простирается весь континент до двадцати градусов широты. Через озеро Гурон и Оттаву в реку Святого Лаврентия, а также через озера Гурон, Эри и Онтарио в Гудзон были подконтрольны другие обширные районы обмена коренными жителями. Изделия, сделанные из коричневого трубчатого камня в верховьях Миссисипи, красного трубчатого камня в Куто-де-Прери к западу от Сент-Питерса и меди с озера Верхнее, составляли богатство, которое мог предложить старый север. Взамен одним из наиболее ценных предметов обмена, по-видимому, были большие тропические раковины Флоридского залива и морей Вест-Индии, из которых изготавливались бусы из вампума, подвески, горжеты и всевозможные личные украшения.

Медь добывается в ее естественном виде еще дальше на север; и Маккензи в своем Втором путешествии упоминает, что она широко используется племенами на границах Северного Ледовитого моря, которые изготавливают из нее наконечники для копий и стрел, а также значительное разнообразие личных украшений. Мистер Генри обнаружил, что кристино с озера Винипагон носили браслеты и другие украшения из меди; и большинство ранних исследователей описывают медные орудия труда и личные украшения у широко разбросанных индейских племен Нового Света. Но во всех случаях они, по-видимому, были грубо обработаны молотком и редко смешивались с более распространенным оружием и орудиями труда из камня народа, чье единственное знание металлургии заключалось в сборе или приобретении по обмену самородной меди, — точно так же, как они добывали красный или коричневый камень для труб, — и придании массе какой-либо простой полезной формы. Серебро, добываемое подобным образом, не было для них чем-то необычным; а трубки, инкрустированные как серебром, так и свинцом, отнюдь не редкость. Но только когда мы обращаемся к местам зарождения местной цивилизации в Мексике, Центральной Америке и Перу, где было развито металлургическое искусство, мы обнаруживаем свидетельства использования тигля и печи и обнаруживаем, что медь заменена более полезным сплавом — бронзой.

Но, занимая промежуточное положение между медными районами озера Верхнее и древними местами обитания индейской цивилизации на юге, Миссисипи и ее большие притоки осушают страну, примечательную памятниками давно забытого прошлого, не менее интересными и загадочными, чем заброшенные шахты Кьюино и Онтонегон, или Айл-Ройял. Эти грандиозные земляные сооружения приписываются вымершей расе, удобно известной под названием Строителей Курганов. Тщательное изучение их структуры и содержимого доказывает, что эти строители были народом, среди которого медь была в частом употреблении, но и у них она обрабатывалась только молотком. Неоценимая услуга огня при восстановлении и плавке руд, формовании металлов и придании им большей полезности с помощью сплавов правильной формы была неизвестна; и исследование и анализ их инструментов холодной обработки, по-видимому, доказывают, что источником их меди были рудники озера Верхнее. Но хотя древний Строитель курганов, таким образом, обладал немногим более высокими знаниями в области металлургии, чем индийский охотник, в других отношениях он проявил способность к обширным и комбинированным операциям, памятники которых увековечивают его монументальное мастерство и упорное трудолюбие при проведении гигантских земляных работ, от которых произошло его имя. Из них мы узнаем, что в незаписанной истории Америки был период, когда долины Миссисипи и ее притоков были заселены многочисленным оседлым населением. Схожие по физическому строению — насколько позволяют весьма несовершенные свидетельства — и в некоторых своих искусствах, эти строители курганов были близки к расам Центральной и Южной Америки и отличались от краснокожих индейцев, занимавших их опустевшие места. Судя по всему, они не были далеко продвинуты в цивилизации. По сравнению с народами Мексики или Центральной Америки, когда испанцы впервые увидели их, их социальное и интеллектуальное развитие, вероятно, было рудиментарным. Но они продвинулись дальше той стадии, на которой народ может продолжать оставаться непрогрессивным. Были сделаны первые шаги цивилизации; и разница между ними и цивилизованными мексиканцами менее разительна, чем контраст, который представляют свидетельства их оседлости и доказательства широкого сотрудничества при проведении их многочисленных земляных работ по сравнению со всем, что относится к племенам, населявшим исключительно американские леса и прерии в течение столетий после Колумба.

Строители курганов значительно больше опережали индейских охотников, чем цивилизованных мексиканцев. Они приобрели привычку к совместному труду; были оседлыми жителями определенных территорий; и многочисленные украшения и орудия труда из меди, обнаруженные в их памятниках и гробницах, доказывают, что они были знакомы с минеральными ресурсами северных озерных регионов либо благодаря личному предпринимательству, либо благодаря системе обмена. Какие вероятности указывают на связь между строителями курганов и древними рудокопами, будет обсуждаться в более поздней главе, наряду с другими смежными вопросами; но именно такой расе с ее несовершенным механическим мастерством, частично развитым искусством и склонностью к непрерывным комбинированным работам можно априори приписать такие горные работы, которые все еще можно проследить на берегах озера Верхнее, затененных вековой порослью леса. Курганы, возведенные древней расой, подобным же образом заросли свидетельствами их долгого заброшенности; и состояние, в котором недавние путешественники обнаружили разрушенные города Центральной Америки, может служить примером того, во что превратились бы даже Нью-Йорк, Вашингтон и Филадельфия, во что превратились бы Торонто, Монреаль и Квебек через несколько столетий, если бы их бросили, подобно заброшенным городам Чиченица или Ушмаль, ради неугасимой роскоши американских лесов.

Скопления растительной плесени, погребенные леса старших поколений и живые деревья, чьи корни вплетены в заброшенные орудия труда рудокопов, - все указывает на то, что прошло много веков с тех пор, как их работы были заброшены. Изменения, произошедшие в руслах рек и на террасах в долинах Огайо, предполагают еще более длительный промежуток времени после строительства огромных земляных сооружений, которыми изобилует этот регион. Но к какому бы периоду ни относили разработку древних медных рудников озера Верхнее, вид, который предстает перед некоторыми из них, когда они вновь открываются в последние годы, наводит на мысль об особых обстоятельствах, сопровождавших их заброшенность. Непостижимо, что огромная масса меди, обнаруженная на руднике в Миннесоте, покоящаяся на своей дубовой подставке под вековыми накоплениями, была заброшена только потому, что рабочие, преодолевшие величайшие трудности при ее извлечении, были сбиты с толку на последующих этапах своих работ и довольствовались тем, что откололи любой доступный выступающий участок. Хорошо откованных медных долот, которые лежали рядом с ним и неоднократно находились на работах, было достаточно, чтобы с помощью каменных молотков они могли разрезать его на переносные куски. Если, действительно, древние рудокопы были неспособны сделать со своей массой меди в шахте больше, чем отломить несколько выступов, то для какого дальнейшего использования они могли бы использовать ее при транспортировке на поверхность? Он весил более шести тонн и имел размеры десять футов в длину и три фута в ширину. Наибольшая глубина траншеи составляла двадцать шесть футов, в то время как насыпь находилась всего в восемнадцати футах от поверхности; и, по оценке опытного инженера, который впервые увидел ее, она поднялась на пять футов с тех пор, как была установлена на дубовой раме. Раскопки на глубине двадцати шести футов, извлеченный медный блок и каркас, подготовленный для подъема твердой массы на поверхность, - все это неизменно указывает на одних и тех же рабочих. Но простое выделение нескольких доступных выступающих фрагментов - слишком неубедительное и бессильное завершение работы, проводимой до сих пор в столь разных масштабах. Это скорее указывает на те результаты, которые последовали бы в наши дни, если бы индейцы Северо-запада вытеснили современных миннесотских рудокопов и

завладели сокровищами полезных ископаемых, которые они так же мало способны, как и прежде, использовать для чего-либо, кроме самых простых целей.

Соответственно, такие свидетельства, хотя и служат доказательством существования в какой-то отдаленный период населения шахтеров в медных районах озера Верхнего, по-видимому, также указывают на то, что их труды внезапно прекратились. То ли из-за какой-то опустошительной эпидемии, подобной той, что почти истребила коренное население Новой Англии непосредственно перед высадкой Отцов-пилигримов; то ли из-за начала войны; то ли, что кажется не менее вероятным, из-за вторжения в регион полезных ископаемых варварской расы, не знающей ни о каком искусстве древних строителей курганов на Миссисипи и рудокопов озера Верхнего: несомненно то, что работы были заброшены, оставив добытый металл, кропотливо выкованные молотки и хитроумные медные инструменты в том виде, в каком они могли быть оставлены, когда тени гор исчезли. вечер сообщил своим давно забытым хозяевам, что дневные труды подошли к концу, но закотормыи они так и не вернулись. Также и в течение столетий, прошедших с тех пор, как лес вернул себе заброшенные траншеи, нет никаких следов, указывающих на то, что коренное население снова пыталось воспользоваться своими минеральными сокровищами, помимо изготовления тех разрозненных фрагментов, которые лежали на поверхности.

[74] Памятники аборигенов Сквайера штата Нью-Йорк. Приложение, стр. 184.

[75] Материалы Смитсоновского института, том ii. стр. 14, 176.

[76] Отношения супругов, том iii. 1666 и 1667.

[77] "Путешествия и приключения Генри", Нью-Йорк, 1809, стр. 194.

ГЛАВА IX. СПЛАВЫ.

БРОНЗОВЫЙ ВЕК—ПРОМЕЖУТОЧНЫЙ МЕДНЫЙ ВЕК—ЕВРОПЕЙСКИЕ МЕДНЫЕ ОРУДИЯ—САМОРОДНОЕ СЕРЕБРО И МЕДЬ—ОЛОВО И МЕДНЫЕ РУДЫ—КАССИТЕРИДЫ—ДРЕВНИЕ ИСТОЧНИКИ ОЛОВА—ИСКУССТВО ЮКАТАНА—СПЛАВЛЕННЫЕ МЕДНЫЕ ЛЕЗВИЯ ТОПОРОВ—БРОНЗОВОЕ СЕРЕБРО—ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ ДОБЫЧИ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ—ПЕРУАНСКИЕ БРОНЗЫ—ПРИМИТИВНЫЕ ГОРНОРУДНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ—МЕСТНЫЕ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ—МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ СОКРОВИЩА ИНКОВ—СЛЕДЫ БОЛЕЕ ДРЕВНЕЙ РАСЫ—ИСТОРИЯ ПЕРУ—ТОЛЬТЕКИ И МЕКСИКАНЦЫ—КОРРЕКТИРОВКА КАЛЕНДАРЯ—ЭКСЦЕССЫ ВАРВАРОВ—РАБОТА МЕСТНЫХ ЮВЕЛИРОВ—ЗОЛОТЫЕ РЕЛИКВИИ ПАНАМЫ—МЕКСИКАНСКАЯ МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ ВАЛЮТА—ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ—ДРЕВНИЕ ЕВРОПЕЙСКИЕ

БРОНЗЫ—ИСПЫТАНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ—ДРЕВНЯЯ АМЕРИКАНСКАЯ БРОНЗА—МЕСТНЫЙ МЕТАЛЛУРГ.

Бронзовый век в археологической истории европейской цивилизации символизирует переходную стадию очень частичного развития и несовершенства материалов и искусств, через которую прошел Старый Свет в своем продвижении к зрелости истинных исторических времен; но Бронзовый период Нового Света является высшей стадией его саморазвивающейся цивилизации, предшествующей вторжению европейских искусств. Рассматриваем ли мы бронзовые орудия из Британии и Севера Европы как сопутствующие вторжению новых рас или только как доказательства открытия или внедрения нового искусства, несущего в себе множество цивилизующих и возвышающих тенденций, они составляют важный элемент первобытной этнологии. Какое-то время они обязательно совпадают со многими памятниками и произведениями искусства, относящимися по характеру к каменному периоду; точно так же, как каменные орудия труда и оружие, все еще производимые индейцами и эскимосами, являются современниками многих изделий иностранной металлургии, но, тем не менее, являются продолжением процессов, разработанных в период, когда металлургическое искусство было совершенно неизвестно. Свидетельства того, что бронзовый период в Британии последовал за более простым и грубым периодом каменного, таковы, что едва ли допускают оспаривание, независимо от априорной вероятности в пользу такого порядка наследования. Однако напрашивается вопрос, не нашла ли металлургия свое естественное начало здесь, как и везде, в легкой обработке первозданной меди и не вставила ли таким образом медный век между каменным периодом Европы и ее настоящим бронзовым периодом. По этому поводу доктор Лэтем замечает в своей книге “Этнология Британских островов”: “Медь - это металл, реликтов которого в его чистом виде в Англии не найдено. Сначала камень и кость; затем бронза или медь и олово в сочетании; но не только медь. Я не могу преодолеть этот перерыв; не могу представить металлургическую промышленность, начинающуюся с использования сплавов”. Однако было бы ошибкой утверждать, что никаких реликвий из нелегированной британской меди найдено не было. До недавнего времени этому различию не уделялось особого внимания. Почти все более ранние авторы, упоминающие металлическое оружие и инструменты древней Мексики и Центральной Америки, применяли термин “медь” к смешанному металлу, из которого они были изготовлены; в то время как среди европейских антикваров соответствующие реликвии Старого Света не менее неизменно обозначаются бронзой, хотя во многих случаях таким образом принимается как должное то, что может определить только анализ. Ошибочно, однако, то, что более поздняя номенклатура археологических периодов имела тенденцию к усилению: отчасти из-за недооценки важности аргумента в пользу первого использования металлов в состоянии, соответствующем самым примитивным искусствам, и открытия научных процессов на более поздних стадиях.

Металлургия Нового Света представляет особый интерес тем, что здесь четко определены все более ранние стадии: получение чистого самородного металла, обрабатываемого молотком без помощи огня; расплавленная и формованная медь; легированная бронза; а затем плавка, пайка, гравировка и другие процессы, являющиеся результатом накопления опыта и зрелого мастерства. Но также были отмечены примеры британских орудий труда из чистой меди. А. Филлипс, о металлах и сплавах, известных древним,^[78] приведены результаты анализа тридцати семи древних бронз. Среди них три меча, один из Темзы, остальные из Ирландии; наконечник копья, два кельтских и два топорика: все типы, хорошо известные среди оружия “бронзового периода”. Однако из восьми предметов, отобранных таким образом в качестве примеров

“бронзового” оружия, одно, наконечник копья, при анализе оказалось изготовленным из нечистой, но нелегированной меди. Его состав указан как медь, 99-71; сера, ·28. В 1822 году сэръ Дэвид Брюстер описал большой боевой топор из чистой меди, найденный на глубине двадцати футов в болоте Рато близ Эдинбурга при обстоятельствах, едва ли менее примечательных, чем некоторые находки произведений искусства в дрейфе. Рабочие прорыли девять футов мха и семь футов песка, прежде чем добрались до твердой черной глины; и на глубине четырех футов в глине был найден топор. Автор соответственно замечает: “Он, должно быть, отложился вместе с голубой глиной до образования перекрывающего слоя песка и, должно быть, существовал до операций по разведению, в результате которых был сформирован этот слой. Это мнение о его древности убедительно подтверждается особенностью его формы и характером его композиции”.^[79] В 1850 году мой брат, доктор Джордж Уилсон, провел для меня серию анализов древних британских бронз, и из семи образцов, отобранных для эксперимента, один шотландский топорик, грубо отлитый, по-видимому, из песка, был из почти чистой меди.^[80] Из восьми образцов металлических орудий, отобранных для меня мистером Томасом Юбанком из Нью-Йорка в качестве образцов перуанской бронзы; при анализе оказалось, что четыре из них изготовлены из нелегированной меди. Богатые коллекции Королевской ирландской академии представляют интересное подтверждение этой идеи о переходной эпохе меди. Доктор Уайльд отмечает в своем Каталоге древностей: “При тщательном изучении было обнаружено, что тридцать самых грубых и, по-видимому, самых древних кельтов сделаны из красной, почти нелегированной меди”. В дополнение к ним здесь также есть два боевых топора, лезвие меча, труба, несколько фибул и несколько инструментов грубой формы, все из меди; и теперь, когда внимание было направлено на предмет, несомненно, появятся новые образцы того же класса.

Однако есть очень важное различие между минеральными ресурсами медных регионов Великобритании и Северной Америки. Медь, как мы видели, встречается в трапповых породах Кьюино и Онтонэгона массой во много тонн; отдельные блоки различных размеров разбросаны по поверхностному слою почвы или обнажены вдоль берега озера, готовые к использованию без каких-либо подготовительных навыков или малейших познаний в металлургии. Природа в своих собственных огромных тиглях провела металлические руды через все подготовительные стадии и оставила их там, чтобы человек придавал им такие формы, какие подсказывали его удобство или простейшие желания. Самородное серебро подверглось подобной обработке и часто встречается как совершенно чистый металл, который, даже будучи вкрапленным в массу меди, все еще находится в виде отдельных кристаллов, совершенно свободных от сплава с ней. Но ни олово, ни цинк не встречаются во всем северном регионе, чтобы подсказать местным металлургам о производстве этого ценного сплава, который неразрывно связан с цивилизацией европейского бронзового века. В Британии все совсем по-другому. Олово и медь лежат вместе, готовые к сплавлению, но оба находятся в состоянии нечистых руд, что требует развития металлургии, прежде чем их можно будет использовать в хозяйственных целях. Олово получают в Корнуолле почти исключительно из его перекиси; а медь встречается там в основном в сочетании с серой и железом, образуя двойную сернистость, которую обычно называют медным пиритом или желтой медной рудой. Процесс плавки, которому он должен быть подвергнут, является трудоемким и сложным; и если мы готовы поверить в то, что цивилизация британского бронзового периода возникла сама по себе, раннее открытие и использование сплавов очень незначительно влияет на этот вопрос.

Древний американский рудокop с озера Верхнее так и не научился подвергать свое богатство меди действию огня и переносить ее из тигля в форму для формования. Такой процесс не

требовался там, где он содержался в неисчерпаемых количествах в чистом металлическом состоянии. Если бы среди таких легкодоступных металлических ресурсов обнаружилось, что он использовал инструменты из бронзы или латуни, доставлял олово или цинк из других регионов в свои печи и кропотливо превращал все это в предпочтительную замену более простому металлу, который был готов для его использования, было бы действительно трудно представить себе такую начальную стадию в его металлургической промышленности. Но Британия не представляет аналогии с этим в своем развитии металлургического искусства. Олово, один из наименее распространенных металлов, встречается там в наибольшем изобилии и легкодоступно не как чистый металл, а как руда, которая легко восстанавливается древесным углем и умеренной степенью нагревания до этого состояния. Это было металлическое богатство, за которым Британию искали древние торговцы Массилии и средиземноморские флоты; и поэтому мы можем предположить, что на нем ее первобытные металлурги впервые испробовали свое нехитрое искусство. Но рядом с ней и даже в естественном сочетании с ней, как в оловянном колчедане и двойной сернистости, находится медь, также находящаяся в состоянии руды и требующая применения мастерства металлурга, прежде чем ее можно будет использовать. Мы знаем, что на самой заре истории олово экспортировалось из Британии. Медь также, по-видимому, ковали с очень ранних времен в Северном Уэльсе, а также в Корнуолле. Оба металла встречались редко и в небольших количествах в самородном состоянии, но этого, возможно, было достаточно, чтобы предположить следующий шаг - получение их в больших количествах из руд. Искать в каком-то неизвестном иностранном источнике происхождение металлургического искусства, имевшего там все необходимые элементы для его возникновения, кажется совершенно бессмысленным; и если когда-то местный металлург научился выплавлять оловянные и медные руды и поэтому был вынужден подвергать их подготовительным процессам обжига, то следующий этап в прогрессивной металлургии - использование сплавов - был простым. Далее, можно было бы предположить, что с открытием ценных результатов, получаемых при смешивании олова с медью, немногие орудия из чистой меди — за исключением тех, которые уже были помещены среди погребальных приношений, — по большей части будут возвращены в плавильный котел и воспроизведены в более совершенном и пригодном для использования состоянии бронзового сплава. Однако представляется более вероятным предположение, что если в Британии и был медный период, или эпоха нелегированных металлов, то он был непродолжительным.

Касситерон, или олово, прославившее Британские острова среди финикийских и греческих мореплавателей задолго до того, как римские легионы отважились пересечь узкие моря, добывалось, как уже отмечалось, на том же юго-западном полуострове, где до сих пор выплавляют медь. Название Касситериды, или Оловянные острова, данное Корнуоллу и прилегающим островам, по-видимому, подразумевает, что олово было основным предметом экспорта и доставлялось в Средиземноморье, где смешивалось с медью Вадии-Магара и других азиатских рудников для получения египетской, финикийской и ассирийской бронзы. Таким образом, олово, самый легкий из всех металлов, поддающийся требуемой обработке, сначала потребовало мастерства британского металлурга; и это мастерство, близость медной руды в тех же минеральных районах, неизбежно предполагает все последующие процессы плавки, плавления и сплавления.

Практическая ценность сплава меди и олова была хорошо известна как финикийцам, так и египтянам. Олово встречается в значительном изобилии и в чистейшем виде на полуострове Малакка, и оттуда, вероятно, оно было впервые привезено, чтобы придать новый импульс

ранней восточной цивилизации. Британия является его следующим и наиболее обильным источником; и с тех пор, как Америка была принята в мировое содружество наций, Чили и Мексика стали известны как продуктивные источники того же полезного металла. Но минеральные богатства Мексики и Перу были известны народам Нового Света задолго до того, как они стали использоваться для европейской торговли; и близости металлов, наиболее подходящих для первых стадий человеческого прогресса, соответствующих в некоторой степени тому, с которым связана древняя металлургия Британии, можно приписать любопытные фазы местной и чисто аборигенной цивилизации, которые открылись удивленному взору первых европейских авантюристов, последовавших по стопам Колумба. Какие бы сомнения ни возникали относительно местного происхождения британской металлургии и произведений искусства европейского бронзового периода, поскольку их наиболее характерные иллюстрации сохранились в смешанном металле, бронзе, а не в чистой меди: для каких-либо подобных сомнений относительно примитивной металлургии Нового Света нет места. На американском континенте, по-видимому, были два совершенно независимых центра самозарождающегося металлургического искусства: его значительно затянувшийся, но слабо прогрессирующий медный период; и помимо этого, и частично, по крайней мере, одновременно с ним, отдельный бронзовый период с его отчетливыми центрами более развитой цивилизации и лучше регулируемой металлургической промышленностью, в которых ценность металлических сплавов была практически понята.

Великий медный регион Северной Америки расположен вдоль берегов озера Верхнее и на его более крупных островах между 46-й и 48-й параллелями северной широты; и оттуда его металлические сокровища путем примитивного коммерческого обмена распространялись по всем обширным регионам, омываемым Миссисипи и ее притоками, включая также Атлантические штаты и берега великих озер. Но к югу и западу от этой области распространения, Рио-Гранде и ее притоки, вместе с Рио-Колорадо, впадают в страну, измененную очень разнообразными климатическими условиями и имеющую совершенно особый центр металлургического богатства и цивилизационного влияния. В этом центральном регионе двух континентов Америки, а также независимо друг от друга в тропическом Перу местная цивилизация значительно продвинулась вперед, прежде чем была остановлена и уничтожена агрессией иностранных захватчиков. Были открыты особые преимущества, вытекающие из близости различных металлов, и металлургия превратилась в практическое искусство настоящего американского бронзового века.

Когда Колумб во время своего четвертого путешествия высадился на одном из островов Гуанаха, прежде чем отправиться на соседний материк Гондурас, его посетило большое торговое каноэ, размеры и груз которого в равной степени привлекли его внимание. Он был восьми футов в ширину и по размерам напоминал галеру, хотя и был сделан из ствола цельного дерева. В центре приподнятый тент прикрывал хижину, в которой сидел касик со своими женами и детьми; двадцать пять гребцов быстро несли ее по воде. Считается, что барка прибыла из провинции Юкатан, находившейся тогда примерно в сорока лигах отсюда, по морю, буйство штормов которого пугало самых отважных испанских моряков. Он был загружен большим разнообразием промышленных изделий и природных продуктов соседнего континента; и среди них Эррара выделяет “маленькие медные топоры, маленькие колокольчики и тарелки, тигли для плавки меди и т.д.”. Вот, наконец, истинный ответ на ту пророческую веру, которая поддерживала великого первооткрывателя, когда, вглядываясь сквозь темноту, Новый Мир открылся его взору в мерцающем свете факела, который поведал

ему о невиданной земле, населенной человеком. Это было свидетельством разумной службы огня. Что ж, действительно, могло быть лучше для Колумба, если бы он послушался голоса, который таким образом направлял его путь. Все, что сопровождало путешественников, свидетельствовало о цивилизации. Они были одеты в хлопчатобумажные накидки. Их хлеб был сделан из индийской кукурузы, и из нее же они варили напиток, напоминающий пиво. Они сообщили Колумбу, что только что прибыли из богатой, густонаселенной и трудолюбивой страны, расположенной к западу, и убедили его держаться этого направления. Но его мысли были сосредоточены на открытии воображаемого пролива, который должен был привести его прямо в индийские моря, и Кортесу предстояло открыть необычные очаги местной цивилизации в Мексике и Центральной Америке.

Когда, наконец, достигли материка, стало очевидным изобилие и широкое применение металлов; и по мере того, как дальнейшие открытия знакомили испанцев с богатыми и цивилизованными странами Юкатана, Мексики и Перу, они все больше и больше поражались местным металлическим богатствам. Когда испанцы впервые вошли в провинцию Таспан, они приняли блестящие медные или бронзовые топоры туземцев за золотые и были очень огорчены, накопив их в значительном количестве, чтобы обнаружить допущенную ими ошибку. Берналь Диас рассказывает, что “у каждого индейца, помимо золотых украшений, был медный топор, очень хорошо отполированный, с рукоятью причудливой резьбы, словно служивший в равной степени украшением, как и для поля битвы. Сначала мы подумали, что эти топоры сделаны из золота более низкого качества; поэтому мы начали брать их взамен и в течение двух дней собрали более шестисот, чему мы радовались не меньше, пока не знали об их реальной стоимости, чем индейцы нашим стеклянным бусам”.

Древние мексиканские рисунки показывают, что дань, причитающаяся некоторым провинциям мексиканской империи, выплачивалась медными клиньями; и Дюпэ описывает и приводит примеры залежи двухсот семидесяти шести наконечников топоров, отлитых из легированной меди, которые, как он замечает, “пользуются большим спросом у серебряных дел мастеров из-за их прекрасного сплава”. Формы их, так же как долот и других бронзовых инструментов, просты и не указывают на большую изобретательность в приспособлении отлитого металла к более совершенным требованиям ремесленника или бойца. Способы обтачивания лезвия топора, проиллюстрированные мексиканскими картинками, почти все соответствуют тому же грубому описанию, которое используется современным дикарем для приделки рукояти к своему топору из кремня или камня; и, действительно, все характеристики металлургической и художественной изобретательности Мексики и Перу наводят на мысль о незрелом развитии; хотя, судя по природе перуанских институтов, цивилизация последней, как и китайская, возможно, существовала давно, с небольшими и прерывистыми проявлениями прогресса. Действительно, во многих отношениях это был переходный бронзовый период Нового Света, в котором не только искусство более древнего каменного периода было весьма частично изменено металлургическими влияниями, но и в котором меч, или махуахуитль, сделанный из дерева, с лезвиями из обсидиана, вставленными по краю, кремневый или обсидиановый наконечник стрелы, каменный топорик и другое оружие все еще были в обычном употреблении наряду с металлическим.

Однако такие следы примитивных искусств сопровождаются замечательными свидетельствами прогресса в некоторых направлениях. Гумбольдт отмечает в своих “Жизнях Кордильер” удивительную ловкость, проявленную перуанцами при обработке самых твердых камней; и,

сославшись на наблюдения других путешественников, он добавляет: “Я предположил, что у перуанцев были инструменты из меди, которая при смешивании с определенной долей олова приобретает большую твердость. Эта гипотеза была подтверждена открытием древнего перуанского резца, найденного в Вилькабамбе, недалеко от Куско, на серебряном руднике, разрабатывавшемся во времена инков. Этот ценный инструмент, дружбой с которым я обязан падре Нарциссу Гилбару, имеет длину четыре и семь десятых дюйма и ширину четыре пятых дюйма. Металл, из которого он состоит, был проанализирован месье Вокленом, который обнаружил в нем 0,94% меди и 0,06% олова”. К сожалению, состав мексиканской и перуанской бронзы до сих пор привлекал так мало внимания, что невозможно получить множество точных отчетов об анализах или раздобыть образцы для проведения химических тестов. Гиббон из Монетного двора Соединенных Штатов оказал мне любезность анализом другого зубила или лома, привезенного из окрестностей Куско его сыном, лейтенантом Ларднером Гиббоном, который был одним из участников экспедиции на Амазонку. Благодаря любезным услугам мистера Томаса Юбанка из Американского этнологического общества я также получил, в дополнение к результатам, определенным им самим, восемь образцов таких перуанских орудий, хотя оказалось, что только часть из них изготовлена из металлических сплавов. Они были подвергнуты тщательному анализу моим коллегой, профессором Генри Крофтом, и результаты, относящиеся к бронзе, приведены на следующей странице. Мистер Сквайер в Приложении к своей книге “Памятники аборигенам штата Нью-Йорк” выгравировал найденное орудие труда с использованием различных перуанских ножей и стамески, изображающее личность мумии, взятой мистером Дж. Х. Блейком из Бостона с древнего кладбища близ Арики. При анализе оказалось, что в нем содержится около четырех процентов олова. Совсем недавно я осмотрел ценную коллекцию древностей, привезенную мистером Блейком из Перу, включая различные бронзовые орудия труда; и он порадовал меня следующими результатами: “Много лет назад я провел серию анализов бронзовых инструментов, ножей, долот, мотыг и т.д., Которые я нашел на древних кладбищах Перу в связи с забальзамированными телами. Мне не удалось найти свои записи, сделанные в то время; но я знаю, что они состояли только из меди и олова, и что доля последнего варьировалась от двух до четырех процентов. Получив ваше последнее письмо, я провел анализ маленького ножа, найденного мной вместе со многими другими предметами при теле мужчины на древнем кладбище близ Арики, на юге Перу. Рукоять из того же металла, что и лезвие, расположена под прямым углом к нему и соединена посередине. Конец выполнен в виде головы ламы. Анализ показал, что состав: медь 97 · 87 мм; олово 2 · 13 мм”. Доктор К. Т. Джексон передал другой анализ “чилийского бронзового инструмента, вероятно, лома” Бостонскому обществу естественной истории. Он содержал 7 · 615 частей олова и описан им как бронза, хорошо приспособленная для таких инструментов, которые должны были быть закалены молотком.^[81] Общие результаты указывают на диапазон изменения содержания сплава олова от 2 · 130 до 7 · 615 %.; что, насколько можно сделать какой-либо общий вывод из столь небольшого числа примеров, показывает более неопределенную и частично развитую металлургию, чем показывает анализ примитивных европейских бронз.

Таковы все свидетельства, которые я смог получить относительно состава перуанских сплавов и обозначенного ими прогресса в научной металлургии. Это согласуется с другими свидетельствами их добычи полезных ископаемых. Во время недавнего визита в Перу мистер Джеймс Дуглас раздобыл для меня набор примитивных каменных орудий для добычи полезных ископаемых, извлеченных из древней шахты, обнаруженной при разработке рудника

Брилладор в провинции Кокимбо, Чили. Они состоят из гранитной кувалды длиной восемь дюймов с канавкой, проделанной вокруг центра и на более толстом конце; одной из диоритовых, также с канавкой примерно на одной трети от более толстого конца; конического гранитного молотка; и другого орудия из диорита, по-видимому, предназначенного для дробления медной руды. По бокам у него сделаны углубления для пальцев; когда его нашли, он был покрыт с одного конца зеленым оксидом меди, как будто его использовали при измельчении руды. Рядом с шахтой находятся древние могилы, обозначенные кругами из камней, внутри которых расположены скелеты в сидячей позе, сопровождаемые коническими костями и грубой керамикой. К таким рудничным орудиям, без сомнения, добавлялись другие металлические; но поскольку они иллюстрируют прогресс древних рудокопов Чили, свидетельства полностью согласуются с другими представлениями, сложившимися о перуанцах как о народе, который сам открыл для себя зачатки цивилизации, но который пока лишь частично достиг какого-либо мастерства в тех искусствах, которые были развиты в Европе в последние столетия. Это согласуется с описанием некоторых металлургических процессов, все еще практикуемых в Перу, предоставленным доктором Чуди. “Кордильеры в окрестностях Яули, ” замечает он, - чрезвычайно богаты свинцовой рудой, содержащей серебро. В радиусе нескольких миль было проложено более восьмисот шахт, но они не были признаны достаточно продуктивными, чтобы стимулировать обширные горные работы. Трудности, препятствующие добыче полезных ископаемых в этих краях, вызваны главным образом дороговизной рабочей силы и нехваткой топлива. Поскольку дров совершенно не хватает, единственное топливо, которое можно получить, - это высушенный навоз овец, лам и уанако. Это топливо называется *такия*. Он дает очень живое и интенсивное пламя, и большинство владельцев шахт предпочитают его углю. Процесс выплавки, практикуемый индейцами, хотя и чрезвычайно груб и несовершенен, приспособлен к местным условиям. Все европейские попытки усовершенствовать систему выплавки в этих районах либо полностью провалились, либо по своим результатам оказались менее эффективными, чем простой индийский метод. Более того, индийские печи могут быть легко возведены поблизости от рудников, а когда металла не очень много, от печей можно отказаться без каких-либо больших жертв. По цене одной европейской печи индейцы могут построить более дюжины, в каждой из которых, несмотря на нехватку топлива, можно выплавить значительно большее количество металла, чем в одной европейской конструкции”. В деревне Яули, недалеко от упомянутых рудников, расположенной на высоте 13 100 футов над уровнем моря, собралось от двенадцати до четырнадцати тысяч индейцев, занятых в основном добычей полезных ископаемых по обычаю, переданному им из поколения в поколение до Завоевания. Их процессы соответствуют несовершенным результатам, полученным при анализе самородных сплавов; а также другим доказательствам того, что перуанцы также привыкли перерабатывать самородную медь в инструменты и личные украшения общего пользования, почти таким же образом, как древние металлурги долины Огайо.

Контраст, который представляет собой цивилизация Мексики и Перу по сравнению с высшими искусствами, присущими любому из племен Северной Америки, вполне рассчитан на то, чтобы вызвать восхищение. Но восхищение испанских завоевателей их драгоценностями и золотом, легкое верие священников-миссионеров в их стремлении возвеличить великолепное язычество, которое они свергли, и патриотическое преувеличение более поздних хронистов местного происхождения - все это имело тенденцию преувеличивать картину благодетельного деспотизма инков Перу или более жестокого, но не менее великолепного правления

мексиканских касиков. С добровольной доверчивостью испанские историки увековечили то, что рассказывали перуанцы гарсиласо и мексиканцы икстлильшочитль, адаптируя местную историю и традиции к европейским представлениям. Религиозные, политические и социальные аналогии с европейскими идеями и институтами, соответственно, поражают современного исследователя удивлением и восхищением; и одаренный автор "Завоеваний Мексики и Перу" не всегда достаточно четко различал пылкие романы, порожденные союзом между варварским величием грубого туземного деспотизма и связанными с ним идеями европейских институтов. Металлические сокровища инков Перу, вероятно, не преувеличены; и если это так, то драгоценные металлы, которыми были украшены их дворцы и храмы, в любой европейской столице свидетельствовали бы о богатстве, достаточном для использования торговых флотов Венеции, Голландии или Англии в мировой торговле. Но в Перу это было простым свидетельством изобилия драгоценных металлов в стране, где они были столь же незначительными представителями коммерческой валюты, как и перья коракенке, которые предназначались исключительно для украшения членов королевской семьи.

Перуанцы занимали значительную часть морского побережья, но ни одно коммерческое предприятие не соблазняло их запускать свои военно-морские силы в Тихий океан, за исключением самых частичных каботажных перевозок. Огромная масса людей терпеливо трудилась над тем, чтобы производить из своего разнообразного тропического климата и плодородной почвы сельскохозяйственную продукцию, от которой зависело все сообщество; в этом, а также в огромных сооружениях, возведенных терпеливо покорными людьми по воле своих абсолютных правителей, напоминали великие восточные деспотии в их самых ранних и наименее распущенных формах. Их собственные традиции восходят к рассвету их правления не далее чем к двенадцатому веку; и характеристики их несовершенной и неравномерно развитой цивилизации подтверждают вывод о том, что в этом отношении они не отступили от неизменной тенденции исторических мифов и традиций преувеличивать возраст страны. Перуанцы утверждают, что обширные руины, все еще существующие на берегах озера Титикака, существовали до прихода инков. Но предания неграмотного народа о событиях любого рода, датируемых четырьмя или пятью веками назад, можно придавать незначительное значение. Авторитет Беды не имеет большого значения по сравнению с джутовой или англосаксонской колонизацией менее чем за три столетия до него; и современный житель Новой Англии, располагающий документами и пергаменами, а также обилием печатных исторических источников, подкрепляющих его традицию, не может решить, была ли знаменитая Ньюпортская круглая башня построена скандинавским викингом XI века или новоанглийским мельником XVII века. "Ни один отчет, - говорит Прескотт, - не приписывает династии инков более тринадцати принцев до Завоевания. Но это число в целом слишком мало, чтобы растянуться на четыреста лет, и, по любым вероятным подсчетам, оно не перенесло бы основания монархии дальше чем на два с половиной столетия — древность, которая сама по себе не невероятна и которая, можно заметить, не более чем на полвека предшествует предполагаемому основанию столицы Мексики". Гумбольдт в своих "Днях Кордильер" указывает границы озера Титикака, округа Кальяо и высокогорных равнин Тиауанако как на театр древней американской цивилизации; а Прескотт, принимая во внимание явно недавнее происхождение инков, предполагает, что им предшествовала в Перу другая цивилизованная раса, которую, в соответствии с местными традициями, он вывел из той же колыбели южноамериканских искусств. Однако помимо этого, он не пытается проникнуть в это незаписанное прошлое. Кто был этот народ и откуда он пришел, может стать заманчивой темой для исследования для спекулятивного этнолога; но это

страна тьмы, лежащая за пределами области истории. Тот же туман, который окутывает происхождение инков, продолжает окутывать их последующие летописи; и настолько несовершенными были записи, которыми пользовались перуанцы, и настолько запутанными и противоречивыми были их предания, что историк не находит твердой опоры, на которую можно было бы опереться, вплоть до столетия после испанского завоевания.

В действительности лишь очень малую часть того, что называется перуанской историей до этого завоевания, можно рассматривать как что угодно, только не исторический роман; а преувеличенные концепции относительно полноты и последовательного развития как перуанской, так и мексиканской цивилизации основаны на старой аксиоме, которая так часто вводила в заблуждение археологов, например, Геркулема.

Однако, рассматриваемый без преувеличения, прогресс в механическом мастерстве и художественной изобретательности, достигнутый обеими полумодернизированными американскими нациями, весьма примечателен; и, кажется, он находит свою ближайшую аналогию среди современных китайцев и японцев. Маленькие зеркала из полированной бронзы, которые сейчас используются в Японии, в точности воспроизводят некоторые из тех, что были найдены в королевских гробницах Перу. В этих гробницах инков, а также в их королевских и других хранилищах сокровищ было обнаружено множество образцов любопытного и сложного металлургического мастерства: браслеты, ошейники и другие личные украшения из золота, вазы из того же богатого драгоценного металла, а также из серебра; зеркала из полированного серебра и бронзы, а также из обсидиана; полированные маски, кольца и кубки из того же неподатливого материала; тонко отрегулированные серебряные весы; колокольчики как из серебра, так и из бронзы; и многочисленные обычные изделия из меди или из более полезного сплава меди и олова, из которых изготавливались их инструменты. в основном сделано.

Но в то время, как на южных плато Анд развивалось искусство цивилизации, на соответствующих плато северного континента был основан другой очаг цивилизации коренных американцев, и ацтеки строили империю, еще более удивительную, чем империя инков. Место последнего является одним из самых замечательных из всех мест, посвященных таким воспоминаниям. На высоком плоскогорье, лежащем между Мексиканским заливом и Тихим океаном, на высоте почти семь тысяч пятьсот футов, раскинулась Мексиканская долина, окруженная своими валами из порфировых пород, подобно огромной крепости, созданной природой для охраны младенчества американской цивилизации. Здесь была сцена героической эпохи искусства тольтеков, где были заложены основы всего последующего прогресса, а архитектура достигла своих первых триумфов в Новом Свете в храмах и башнях Тулы, разрушенные остатки которых привлекли внимание испанцев во время Завоевания. Но история толтеков и их разрушенных зданий находится на границе романтики и басни, как история друидов-строителей Карнака и Эйвбери. Им, согласно традиции и тем историческим свидетельствам, которые доступны, наследовали их предшественники - ацтеки или мексиканцы, наряду с ацолуанами, или тецкуканами, как их позже стали называть по названию их столицы Тецкоко. Мистер Эдвард Б. Тайлор описывает древнюю арку, которая все еще стоит там. Это косой мост с двадцатифутовым пролетом, построенный из каменных плит, установленных по краям в виде крыши, опирающейся на два контрфорса; и представляет собой остроумное приближение к настоящей арке.^[82] На противоположных берегах одного и того же мексиканского озера, крупнейшего из пяти внутренних водоемов, разнообразивших

поверхность этой огромной плоскогорной долины, стояли Тецкоко и Мехико, столицы двух важнейших штатов, в пределах которых развивалась исконная цивилизация североамериканского континента. Считается, что от древних толтеков вторгшиеся тецкуканцы унаследовали зародыши того прогресса, который лучше всего известен нам в связи с настоящим государством ацтеков или Мексики. Легенды о золотом веке и героических расах Анауака существуют в изобилии и были воплощены в наименее экстравагантных формах патриотическим рвением Икстильшочитля, прямого потомка королевского рода Тецкоко. Но считается, что настоящие мексиканцы недавнего происхождения, а основание Мексики относят к 1326 году н.э. Среди особых свидетельств их цивилизации - их календарь. Опираясь на результаты туземной науки, обитатели Мексиканского нагорья произвели приведение гражданского времени в соответствие с солнечным, настолько близкое к правильному, что, когда испанцы высадились на их побережье, их собственное летоисчисление, согласно нереформированному юлианскому календарю, было ошибочным почти на одиннадцать дней по сравнению с летоисчислением варварского народа, цивилизацию которого они так быстро стерли. Но отмеченная таким образом разница представляла в европейском календаре накопленную ошибку более чем на шестнадцать столетий; так что приближение мексиканских вычислений к истинному солнечному времени, вероятно, является лишь доказательством недавней корректировки их календаря; и таким образом, подтверждает вероятность основания мексиканской столицы в течение двух столетий после ее свержения. Но основатели Теночтитлана, как называлась новая столица, были энергичным, предприимчивым и свирепым народом. Более позднее название Мексики произошло от имени ацтекского бога войны Мекситли, благосклонность которого к своим приверженцам позволила им создать могущественное государство путем завоеваний, обогатиться за счет добычи и заменить грубые постройки основателей своего города основательными и богато украшенными зданиями из камня.

Какой бы мрак мягкого отцовского абсолютизма ни окутывал наши представления о доисторических хрониках Перу, суровые реалии мексиканского суверенитета проливаются более ясным светом. Бог войны был верховным божеством ацтеков, которому поклонялись с помощью отвратительных кровавых обрядов. Их гражданский и военный кодексы, согласно рассказам их завоевателей, были такими же жестокими, как и драконий; а их религиозное поклонение представляло собой систему сурового фанатизма и отвратительной бойни, которая, казалось, превращала жестокость краснокожих индейцев в ритуальное служение, достойное только дьявола. Но помимо их отвратительного бога войны, мексиканская мифология была украшена благодетельным божеством по имени Кецалькоатль, наставлявшим ацтеков в использовании металлов, в сельском хозяйстве и в искусстве управления. Этот и подобные элементы мексиканской мифологии рассматривались как следы более мягкой веры, унаследованной от их предшественников-толтеков. Идея подтверждается многими вероятностями, а также некоторыми свидетельствами. Ранняя история норманнов, однако, в которой мы являемся свидетелями смешения богатой поэтической фантазии, в которой заложен зародыш позднейшей нормандской романтики и рыцарства, с жестокостями, относящимися к вероучению, немногим менее кровавому, чем у мексиканских воинов, показывает, что подобная теория не нужна для объяснения несоответствий религиозной

системы ацтеков. По правде говоря, свирепость полуварварского народа часто есть не что иное, как его извращенный избыток энергии; и, как уже было отмечено в отношении карибов, с ней легче справиться и обратить ее в полезное действие, чем трусливое ремесло раба. Только когда такие отвратительные обряды сознательно внедряются в обычаи народа, уже далеко вышедшего из такого полуварварского детства, как при введении инквизиции Испанией в начале ее современной истории, они оказываются совершенно пагубными; потому что нация уже миновала ту стадию прогресса, на которой она может естественным образом перерасти их.

Поэтому, какими бы отвратительными ни были человеческие жертвоприношения с их ежегодными тысячами жертв; приношения младенцев в жертву Тлалоку, их богу дождя; и отвратительные пиршества на телах приносимых в жертву жертв: - если это действительно не преувеличение испанской доверчивости и фанатизма; — тем не менее трудно согласиться с мнением талантливого историка завоевания Мексики, что “провидение благосклонно распорядилось, чтобы земля была передана другому народу, который избавил бы ее от жестоких суеверий, которые были распространены в Мексике”. с каждым днем расширялся все шире и шире, достигая размеров империи”. Правление завоевателей с их доминиканскими служителями религии не было благотворным; и его плоды в более поздние времена не оказались настолько ценными, чтобы примирить изучающего эту странную древнюю туземную цивилизацию приверженцев Кецалькоатля с ее внезапным прекращением на стадии, которая может быть сопоставлена только с более ранними веками египетского прогресса.

Мексиканцы продвинулись в металлургическом искусстве в некоторых отношениях дальше, чем перуанцы. Серебро, свинец и олово добывались на рудниках Таско и Пачука; медь добывалась в горах Сакотоллан с помощью галерей и шахт, открытых упорным трудом, где металлические жилы были проложены в твердой породе; и там, как и в медных районах озера Верхнее, следы такой древней добычи оказались лучшими ориентирами для современных исследователей руд. Искусство литья, гравировки, чеканки и резьбы по металлу - все это практиковалось с большим мастерством. Сосуды как из золота, так и из серебра были выкованы огромных размеров: говорят, таких больших, что человек не мог обхватить их руками; и обилие золота так же щедро использовалось в Мексике, как и в Перу, для великолепного украшения храмов и дворцов. Хитроумные игрушки, птицы и звери с подвижными крыльями и конечностями, рыбы с чередующейся чешуей из серебра и золота, а также личные украшения в огромном разнообразии были изготовлены мексиканскими ювелирами из драгоценных металлов с таким удивительным искусством, что испанцы признали превосходство местного мастерства над всем, чего они могли достичь. Когда Кортес впервые въехал в столицу Монтесумы в 1513 году, мексиканский правитель принял его во дворце, построенном его отцом Аксаякатлем, и повесил ему на шею украшение тончайшей местной работы. Оправленный в золото панцирь рыбы-ракообразного образовывал центр, а массивные золотые звенья завершали воротник, с которого свисали восемь украшений из того же металла, искусно выполненных в подражание ценным ракушкам.

Искусство, которым таким образом занимались на великом плато, простиралось до самых южных пределов североамериканского континента. Древние захоронения на Панамском перешейке были разграблены тысячами за последние годы из-за соблазна, который представляют для исследователей содержащиеся в них золотые реликвии. К ним относятся изображения зверей, птиц и рыб, лягушек и других объектов, имитируемых с натуры, часто с большим мастерством и изобретательностью. У одной золотой лягушки, которую я исследовал,

глаза были полыми, с овальной прорезью спереди, и внутри каждого находился отдельный золотой шарик, который, по-видимому, был отлит единым литьем. Такая вставка отделенных шариков часто встречается в керамике, а также в ювелирном деле Перешейка, и является исключительно характерной для особого этапа местного искусства. Человеческие фигуры, а также чудовищные или гротескные гибриды, выкованные из золота, с головой каймана, орла и других животных, придающих человеческую форму, также найдены в тех же могилах; но, насколько позволяют мне судить мои собственные возможности наблюдения, человеческая фигура обычно демонстрирует меньшее подражательное мастерство и исполнение по сравнению с изображениями других одушевленных предметов. Но все они в равной степени демонстрируют богатое металлургическое искусство. Пайка, как и литье, была известна древним ювелирам, и самые изысканные образцы были обработаны молотком и гравировальным инструментом. Судя по состоянию человеческих останков, найденных в этих уаках полуострова, они, вероятно, относятся к гораздо более глубокой древности, чем эпоха мексиканской цивилизации; и, поскольку они расположены на узком перешейке между двумя континентами, они предполагают вероятность общего источника происхождения перуанского и ацтекского искусства.

Но в то время как мексиканцы создавали свои хитроумные игрушки, расточали свои неисчерпаемые запасы золота и серебра на личные украшения и украшали свои общественные здания едва ли с меньшим изобилием, чем перуанцы, они до некоторой степени осознали практическую ценность золота и других металлов как удобной валюты. Посредством этого эквивалента европейских золотых и серебряных монет был облегчен обмен товарами на крупных рынках Мексики и обеспечен важный шаг в продвижении к более высокой ступени цивилизации. Эта металлическая валюта состояла из кусочков олова, вырезанных в форме буквы "Т" или оттиснутых с аналогичным иероглифом, и прозрачных игл, наполненных золотой пылью. Очевидно, их размер соответствовал единому стандарту, поскольку использование весов и гирь, с которыми были знакомы перуанцы, по-видимому, было неизвестно в Мексике.

Природа мексиканской валюты соответствует знаниям и опыту народа, среди которого металлургическое искусство зародилось сравнительно недавно. Легко плавящееся олово и привлекательный и доступный золотой песок давали готовые материалы для обучения гениального металлурга обращению с металлами. Медь, вероятно, впервые применялась в чистом металлическом виде, как у старых рудокопов озера Верхнее; в то время как искусство плавки, которому научил ацтек Тубал-Каин, было опробовано только на легкоплавком олове. Таким образом, можно было бы овладеть искусством плавки и формования руд и применять его для получения меди, серебра и золота, а также для получения олова. Случайность могла бы подсказать о следующем важном этапе, этапе создания металлических сплавов; но при схожих обстоятельствах перуанской и мексиканской цивилизаций, развивавшихся в регионах, изобилующих наиболее привлекательными и легко обрабатываемыми металлами, нетрудно представить независимое открытие полезного бронзового сплава. И все же по стандартному составу их бронзы, гораздо в большей степени, чем по искусной сложности их личных украшений, утвари и архитектурных украшений, можно судить о действительном прогрессе инков или ацтеков. Восторг дикаря от личных украшений предшествует даже необходимости прикрывать свою наготу, и та же склонность долгое время монополизирует всю изобретательность полуварварского народа; в то время как полезные бронзовые орудия труда воплощают в себе истинные зародыши зарождающейся цивилизации. Проверенное таким стандартом металлургическое искусство Перу свидетельствует о весьма частичном развитии.

Установлено, что сплав меди и олова, предназначенный для практического использования в производстве, обладает наиболее полезными качествами, когда состоит примерно на девяносто процентов. от меди до десяти единиц олова; и это настолько близко к этому теоретическому стандарту среди бронзовых реликвий древнего мира, что археологи Европы разделились во мнениях относительно того, следует ли им предполагать финикийское или иное общее происхождение оружия, орудий труда и личных украшений из этого металла, найденных по всему континенту; или чтосмешанный металл, получаемый из общего центра, изготавливался в различных странах Европы для изготовления предметов разнообразной формы и рисунка, которыми изобилует их почва, или хранился среди их погребальных приношений.

Но приближение к однородному сплаву - это не более чем неизбежный результат опыта с крайней хрупкостью, возникающей в результате любого неоправданного избытка олова. Случайность или естественная близость металлов или руд, поскольку они встречаются в минеральных регионах Англии, возможно, обеспечили первое раскрытие важного секрета. Но как только он был обнаружен, последующие шаги были неизбежны. Убедившись, что он может получить более твердое и полезное соединение, чем чистая медь, путем легирования ее оловом, местный металлург не преминул бы изменять пропорции последнего до тех пор, пока не получил бы достаточно близкое к лучшей бронзе состояние, соответствующее целям, для которых она была разработана. Не было необходимости в обмене опытом, чтобы привести металлургов отдаленных регионов к сходным результатам; и более тесное соответствие между пропорциональными компонентами бронзы коренных американцев и европейцев, чем до сих пор было обнаружено, не указывало бы на нечто большее, чем общие цели и неизбежный опыт, обусловленный свойствами различных сплавов, приводящий к соответствующим результатам.

Приведенной ниже таблицы анализов древних европейских бронзовых реликвий будет достаточно, чтобы показать, насколько мало оснований для предположения о каком-либо общем происхождении сплава, из которого они были изготовлены; и соответствующие доказательства пропорционального состава, выявленные при анализе бронз коренных американцев, опровергают теорию любого европейского или другого иностранного источника о металлургическом искусстве Нового Света.

АНАЛИЗ ДРЕВНИХ БРОНЗ.

Нет.			Меди.	Олова.	Свинца.	Железа.	Серебро.
1.	Котелок,	Бервикшир,	92·89	5·15	1·78		
2.	Меч,	Даддингстон,	88·51	9·30	2·30		
3.	Чайник,	Бервикшир,	88·22	5·63	5·88		
4.	Секирная голова,	Мид-Лотиан,	88·05	11·12	0·78		
5.	Котел,	Даддингстон,	84·08	7·19	8·53		
6.	Палстав,	Файфшир,	81·19	18·31	0·75		
7.	Сосуд,	Ирландия,	88·00	12·00			
8.	Клин,	”	94·00	5·09		0·01	
9.	Меч,	”	88·63	8·54	2·83		
10.	Меч,	”	83·50	5·15	8·35	3·00	

11.	Литуус,	Линкольншир,	88·00	12·00		
12.	Римская коленная чашечка,	”	86·00	14·00		
13.	Наконечник копья,	”	86·00	14·00		
14.	Ножны,	”	90·00	10·00		
15.	Акс палстав,	Камберленд,	91·00	9·00		
16.	Секирная голова,	”	88·00	12·00		
17.	Судно,	Кембриджшир,	88·00	12·00		
18.	Топорная голова,	Ирландия,	91·00	9·00		
19.	Меч,	Темза,	89·69	9·58		0·33
20.	Меч,	Ирландия,	85·62	10·02		0·44
21.	Кельт,	”	90·68	7·43	1·28	
22.	Топорище,	”	90·18	9·81		
23.	Топорище,	”	89·33	9·19		
24.	Кельт,	”	83·61	10·79	3·20	0·58
25.	Кельт,	Королевская колония, Ирландия,	85·23	13·11	1·14	
26.	Рог для питья,	” ”	79·34	10·87	9·11	
27.	Кельт,	Колорадо. Каван, ”	86·98	12·57		0·37
28.	Кельт,	”	98·74	1·09		0·08 0·06
29.	Кельт,	Колорадо Уиклоу, ”	88·30	10·92	0·10	
30.	Кельт, Колорадо.	Каван, ”	95·64	4·56	0·25	0·02
31.	Копье-руководителя,	”	86·28	12·74	0·07	0·31
32.	Копье-руководителя,	”	84·64	14·01		
33.	Косой,	Роскоммон, ”	95·85	2·78	0·12	1·32
34.	Меч-ручка,	”	87·07	8·52	3·37	
35.	Меч,	”	87·94	11·35	0·28	
36.	Кинжал,	”	90·72	8·25	0·87	
37.	Зубило,	”	91·03	8·39		
38.	Котелок,	”	88·71	9·46	1·66	0·03
39.	Меч,	Франция,	87·47	12·53		
40.	Наконечник копья,	Нортумберленд,	91·12	7·97	0·77	

№ 1-6. Доктор Джордж Уилсон.

7-8. Доктор Дж. Х. Гиббон, Монетный двор США.

- 9-10. Профессор Дэви.
- 11-18. Доктор Пирсон, философ. Пер. 1796.
- 19-24. Дж. А. Филипс, Воспоминания. Chem. Soc., iv. стр. 288.
- 25, 26. Доктор Донован, Chem. Вестник, 1850, стр. 176.
- 27-38. Мистер Дж. У. Маллет, Transactions R. I. A. vol. xxii. стр. 325.
39. Монжез, Воспоминания института.
40. Доктор Э. Макадам, Продолжайте. S. A. Scot. viii. 300.

В № 31 также содержится кобальт, ·09; в № 37 - сурьма, ·04; и в № 41 - мышьяк, ·03.

Исходя из различных результатов, которые раскрывают столь многочисленные анализы, они варьируются от 79 до 98 процентов. из меди; а также из разнообразия ингредиентов: совершенно очевидно, что невозможно проследить большей однородности, чем можно было бы ожидать в результате работы отдельных металлургов, лишь частично знакомых с химическими свойствами стандартного сплава и руководствующихся по большей части опытом, полученным в результате последовательных результатов их производства. Таким образом, очевидно, что различные потребности металлурга под контролем самого обычного практического навыка привели бы к определению наилучших пропорций для этого полезного сплава; хотя только после объединения накопленных результатов отдельных экспериментов можно было бы определить нечто большее, чем некоторое грубое приближение к наилучшему составу бронзы. Отсюда ценность аналитических данных для определения уровня цивилизации Мексики и Перу, на что указывает их металлургическое искусство. Для общих требований, предъявляемых к инструменту или военному оружию, где должна быть получена достаточная твердость без какой-либо большой вероятности разрушения, наилучшие пропорции оказались равными примерно 90 процентам. от меди до 10% олова; или с небольшой долей свинца вместо части олова: что, как показал дальнейший опыт первобытных бронзовщиков, придает режущему инструменту большую степень прочности и, следовательно, уменьшает его склонность к разрушению. Но там, где главным требованием является высокая твердость, как в некоторых инструментах для гравировки, вырезания и обработки драгоценных камней, простое увеличение содержания олова в сплаве обеспечивает требуемое качество: до тех пор, пока чрезмерная хрупкость изделия не предупредит о превышении истинного предела. В этом, я не сомневаюсь, заключается весь секрет мексиканской и перуанской металлургии, который казался таким таинственным и поэтому таким чудесным самым проникательным исследователям.

В следующей таблице представлены результаты анализа различных древних американских бронз. Какими бы немногочисленными ни были приведенные примеры, они дают определенную иллюстрацию рассматриваемого предмета и позволяют провести некоторое сравнение с уже имеющимися данными о древней бронзе Европы.

АНАЛИЗ ДРЕВНЕЙ АМЕРИКАНСКОЙ БРОНЗЫ.

Нет.	Медь.	Олово.	Железо.
1. Долото с серебряных рудников, Куско,	94·	6·	
2. Долото из Куско,	92·385	7·615	

3.	Нож из Грейва, Атакама,	97·87	2·13	
4.	Нож ” ”	96·	4·	
5.	Ломик из Чили,	92·385	7·615	
6.	Нож из Амаро,	95·664	3·965	0·371
7.	Перфорированный топор,	96·	4·	
8.	Личное украшение, Труигилла,	95·440	4·560	
9.	Бодкин из женской могилы, д.,	96·70	3·30	

№ 1. Гумбольдт.

2. Доктор Дж. Х. Гиббон.

3, 4. Дж. Х. Блейк, эсквайр.

5. Доктор Т. К. Джексон.

6, 7. Доктор Х. Крофт.

8, 9. Т. Юбанк, эсквайр.

Сравнение этой таблицы с предыдущей указывает на меньшее количество олова в американской бронзе, чем в бронзе древней Европы. Для некоторых египетских наконечников копий Гмелин дает медь 77 · 60, олово 22 · 02; а состав древнего оружия, доспехов, сосудов и монет, по-видимому, указывает на такое систематическое изменение пропорций, которое подразумевает результат опыта в адаптации сплава для конкретной поставленной цели. Было бы желательно провести гораздо большее количество аналитических исследований в качестве данных, на основе которых можно было бы сделать выводы о металлургическом мастерстве, независимо развитом цивилизацией коренных американцев; но приведенные примеры, по-видимому, показывают, что Европе не предстоит открыть утерянный секрет.

Местный металлург научился искусству сплавлять свою ковкую медь с еще более мягким оловом и получать из их химической смеси более твердый металл, чем любой другой. Но он, по-видимому, не зашел в своих наблюдениях так далеко, чтобы установить наиболее эффективные пропорции соединяемых металлов; или даже сделал какое-либо очень определенное приближение к установленному правилу, кроме как использовать с большой умеренностью легирующее олово. Он открыл, но не овладел полностью чудесной тайной, которая, как оказалось, в древнем мире лежала на пороге всех высших истин в механическом искусстве. Несомненно, он медленно, но верно продвигался по прямому пути национального возвышения; и столетия, последовавшие за завоеваниями Кортеса и Писарро, могли бы стать свидетелями в Новом Свете триумфов в развитии цивилизации, не менее удивительных, чем те, которые отличают Англию Виктории от Англии первого Тюдора. Но испанские конкистадоры резко остановили развитие местной науки и искусства; и трудно осознать убежденность в том, что Мексика или Перу получили какой-либо адекватный эквивалент за потерю, которая, таким образом, лишает нас возможности решить некоторые из наиболее интересных проблем, связанных с прогрессом человеческой расы. Несмотря на всю исключительность Китая и изоляцию Японии, до сих пор существует неизвестное количество элементов их цивилизации, происходящих из тех же источников, что и наша собственная. Но Америка пятнадцатого и шестнадцатого веков была буквально другим миром, надежно защищенным от внешних

воздействий. Тем не менее, хотя все кажется самозародившимся, мы повсюду встречаем сходство с искусствами человека в других местах и прослеживаем процессы, которыми он руководствовался, от первых побуждений рационального инстинкта до разумного развития многих более поздних ступеней разума и опыта.

[78] Воспоминания. Химическое общество, том iv. стр. 288.

[79] Эдинбургский философский журнал, том vi. стр. 357.

[80] Доисторические анналы Шотландии (2-е изд.), том i, стр. 319.

[81] Труды Б. Н. Х. С., том v., стр. 63.

[82] Анауак, стр. 153.

ГЛАВА X. СТРОИТЕЛИ КУРГАНОВ.

ЗЕМЛЯ-ПИРАМИДЫ—ПАМЯТНИКИ СТРОИТЕЛЕЙ КУРГАНОВ-МЕСТА ПРОЖИВАНИЯ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ—РАЗЛИЧНЫЕ КЛАССЫ РАБОТ—ДРЕВНИЕ КРЕПОСТИ—ПРИРОДНЫЕ ОБЪЕКТЫ—ФОРТ ХИЛЛ, ОГАЙО—КРЕПОСТИ ИРОКЕЗОВ—АНАЛОГИЧНЫЕ КРЕПОСТИ—УКРЕПЛЕННЫЕ ГРАЖДАНСКИЕ ОБЪЕКТЫ—СВЯЩЕННЫЕ ОГРАДЫ—КУРГАН НЬЮАРК ИГЛ—ГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ ЗЕМЛЯНЫЕ РАБОТЫ—ПЛАН ЗЕМЛЯНЫХ РАБОТ НЬЮАРКА, ОГАЙО—СТАНДАРТ ИЗМЕРЕНИЯ—РАЗНООБРАЗИЕ РАБОТ—ТАБЛИЧКА ЦИНЦИННАТИ—ГЕОМЕТРИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ—СЛЕДЫ ИСЧЕЗНУВШИХ ИСКУССТВ.

Отмеченный до сих пор прогресс касался главным образом инструментов рабочего. В Мексике, а еще в большей степени в Центральной Америке и Перу, они широко применялись как в скульптуре, так и в архитектуре. Но некоторые из самых необычных памятников первобытной архитектуры Нового Света сохранились в виде гигантских земляных валов, увековечивающих в своем строительстве замечательные свидетельства геометрического мастерства.

Вдоль широких уровней, осушаемых Миссисипи и ее многочисленными притоками, в изобилии встречаются следы аллофильного населения Америки; и долина Огайо в высшей степени примечательна количеством и масштабом таких работ. Река Огайо и ее притоки протекают по прекрасной холмистой плодородной местности, которая в настоящее время образует один из крупных населенных пунктов; и свидетельства современной предприимчивости и мастерства, которыми там изобилуют, придают дополнительный интерес следам, которые представляют нам доказательство того, что эта обширная территория не в первый раз спасена от первобытных лесов с их дикой фауной и еще более диким человеком.

В таком регионе, как этот, привлекающем население к широким аллювиальным террасам, возвышающимся над его плавно текущими реками юг, было естественно, что строительный инстинкт человека должен был в первую очередь проявиться на земляных работах; и что памятники должны были принимать пирамидальную форму. Большой курган в Миамисбурге, штат Огайо, имеет шестьдесят восемь футов в высоту и восемьсот пятьдесят два фута в окружности у своего основания. Более известный курган Грейв-Крик в Виргинии поднимается на высоту семидесяти футов и имеет у своего основания тысячу футов в окружности. Были отмечены другие, еще более крупные земляные сооружения, такие как усеченная пирамида в Кахокии, штат Иллинойс, которая, хотя и оставалась нетронутой, занимала площадь более двух тысяч футов в окружности и поднимала свою ровную вершину площадью в несколько акров на высоту девяноста футов. Но этот последний принадлежит к классу, отличному от могильных холмов, которые, по-видимому, не имеют себе равных среди любых известных произведений подобного рода. “Мы видели насыпи, ” замечает Флинт, американский топограф, справедливо оценивая связь этих земляных сооружений с особенностями окружающего ландшафта, “ которые потребовали бы труда тысячи человек, занятых на наших каналах, со всеми их механическими приспособлениями и усовершенствованными орудиями их труда, в течение нескольких месяцев. Мы не раз сомневались, глядя на один из этих огромных холмов, не является ли он на самом деле естественным холмом. Но они равномерно расположены по отношению к соседней стране, а их форма настолько уникальна и схожа, что ни один глаз не колеблясь отнесет их к классу искусственных эрекций ”. Исследование этих огромных земных пирамид развеяло все сомнения относительно их искусственного происхождения; и, более того, установило тот факт, что это сооружения, возведенные для увековечения памяти почитаемых умерших в совершенно забытые века, и расой, от которой они сохранили почти единственные оставшиеся следы.

Работы строителей курганов простираются на обширную территорию и включают в себя множество других сооружений, помимо сооружений погребального характера. Люди, которыми они были казнены, должно быть, находились в состоянии, сильно отличающемся от состояния лесных племен семнадцатого и восемнадцатого веков. Тем не менее, хотя они и собирались во многих излюбленных местах большими сообществами, они, возможно, были изолированы обширными лесными массивами от регионов за пределами речных систем, на которых они были расселены. Страна, лежащая вдали от крупных притоков Миссисипи, вероятно, в эпоху строителей курганов, как и в более поздние времена, была покрыта лесом; в то время как, возможно, в отдаленных регионах или за Великими озерами и Скалистыми горами скрывались прародители современных индейских племен: подобно варварам дохристианской Европы, за Рейном и Балтийским морем.

Плодородная долина Сциото, по-видимому, была одним из мест наибольшей плотности населения, на что указывают многочисленные работы, которые разнообразят ее поверхность. Соответствующие свидетельства сохраняют следы столь же многочисленного населения в долине Майами; а насыпи и земляные сооружения различного рода по всему штату Огайо насчитывают, по оценкам, от одиннадцати до двенадцати тысяч человек. Утверждается, что они едва ли менее многочисленны на Кенхава в Вирджинии, чем на Скиото и Майами, и в изобилии встречаются на Уайт-Ривер и Уобаше, а также на Кентукки, Камберленде, Теннесси и многих других притоках Огайо и Миссисипи. Работы, накопленные в таком количестве, в том числе многие огромного масштаба и замысловатого дизайна, выполненные совместным трудом больших групп рабочих, представляют собой неоспоримое свидетельство оседлости и

трудолюбия населения. За пределами этих тщательно исследованных регионов в широко удаленных друг от друга точках были обнаружены следы других древних сооружений; хотя следует проявлять осторожность при обобщении данных, полученных случайными и неопытными наблюдателями. Все примитивные земляные сооружения, будь то оборонительные сооружения, надгробные памятники или религиозные обряды, имеют определенные общие черты; и массовое сознание склонно скорее преувеличивать случайное сходство, превращая его в вынужденные аналогии и параллели, чем проводить какое-либо критическое различие. Включая, однако, все крупные земляные сооружения, существенно отличающиеся от небольших сооружений современных индейцев, они, по-видимому, простираются от верховьев Огайо к западу от озера Эри, а оттуда вдоль озера Мичиган, почти до Медных районов озера Верхнего. Примеры подобного характера были обнаружены в Висконсине, Айове и на территории Небраски; в то время как на юге их территория ограничена берегами Флоридского залива и мексиканской территорией, где они, по-видимому, постепенно теряют свой отличительный характер и переходят в большие теокаллисы с более развитой мексиканской архитектурой. Их родство действительно скорее южное, чем северное. Их едва ли можно найти, если вообще можно найти, к востоку от водораздела между Миссисипи и Атлантическим Океаном, в штатах Пенсильвания, Нью-Йорк или Вирджиния; и они были справедливо обозначены по их главному местонахождению - Древним памятникам долины Миссисипи, включая памятники ее притоков, и особенно долины Огайо. Там их местности полностью соответствуют тем, которые в первобытной истории Старого Света обнаруживают наиболее обильные следы аборигенного населения, занимавшего широкие аллювиальные террасы, или "речные днища", как их называют. К северу памятники древнего населения носят иной характер; и земляные сооружения в окрестностях Великих озер должны быть классифицированы сами по себе как указывающие на особые обычаи и обряды.

Замечательные работы, прослеживаемые таким образом на столь обширной территории североамериканского континента, допускают, что они в основном разделены на два подразделения - Ограды и Курганы, и они, опять же, охватывают множество работ, очевидно, предназначенных для самых разных целей. Под первым из этих разделов понимаются укрепления или цитадели; священные ограды, предназначенные, как предполагается, для религиозных обрядов; и многочисленные разнообразные сооружения того же класса, в целом симметричные по структуре, но возможное использование которых трудно определить. Второе подразделение охватывает настоящие курганные сооружения, включая то, что было специально отведено для жертвоприношений, захоронений, храмов и захоронений животных. Все они обладают характеристиками, присущими обширной равнинной местности; но нигде это не проявляется так поразительно, как там, где курганы, по-видимому, были намеренно возведены в качестве обсерваторий или обзорных точек, откуда можно обозревать работы, выполненные в гигантских масштабах на ровной равнине. В дополнение к поразительным особенностям, которые демонстрирует их внешний вид: везде, где они были раскопаны, обнаруживались интересные реликвии древних строителей, дополняющие множество графических иллюстраций их социального положения, а также художественного и промышленного искусства того периода, к которому они относятся.

Британские горные форты, замечательные остекленные форты Шотландии и более крупные цитадели британских аборигенов, такие как хитроумные обходные пути Уайт-Катертан, возвышающиеся над долиной Стратмор, - все они черпают свой особый характер из горных особенностей страны; в то время как расположенные на низине, в тени Охилов, сложные

земляные укрепления лагеря Ардох демонстрируют поразительно контрастирующую кастрацию римских захватчиков. Древние руты Ирландии, которые в изобилии встречаются в равнинных районах этой страны, а также на возвышенностях, где камень труднодоступен, также представляют собой в высшей степени интересные иллюстрации земляных работ, особый характер которых обусловлен особенностями их местности. Земляная дюна, или рат, как в знаменитом Рат Келтайре в Даунпатрике, занимает господствующее место, где она прочно укреплена, со значительным пространством земли, заключенным в ее надворных сооружениях. Знаменитый холм Тара в графстве Мит перестал, согласно традиции, быть главной резиденцией ирландских королей с тех пор, как его покинули во второй половине VI века, вскоре после смерти Дермота, сына Фергюса. Судя по всему, когда-то это был укрепленный город; и теперь, после опустошений, длившихся тринадцать столетий, его дюны, обходные пути и траншеи представляют множество интересных точек сравнения с более обширными земляными сооружениями долины Миссисипи. Но ни шотландский White Caterthun, ни ирландский Bath Keltair, ни даже Rath Righ из Тара-Хилл не могут сравниться с замечательной американской цитаделью Форт-Хилл, штат Огайо, или фортом Древний на реке Литтл-Майами в том же штате.

Долина Миссисипи представляет собой обширный осадочный бассейн, простирающийся от Аллеганских гор до Скалистых гор. Через это место великая река и ее многочисленные притоки прокладывали свой путь на протяжении бесчисленных веков, создавая неглубокие впадины на равнине, на которых зафиксированы последовательные эпохи изменения террас, отмечающих пустынные уровни древних каналов. Края этих плоскогорий, граничащих с долинами, изрезаны многочисленными оврагами; а места слияния многих небольших ручьев с реками образовали почти отдельные полуострова или, в некоторых случаях, участки значительной возвышенности, изолированные от первоначального плоскогорья. Многие из этих обрывистых мысов, полуостровов и изолированных холмов представляли собой все необходимые приспособления для туземных крепостей. Соответственно, они были укреплены с большим трудом и мастерством. Все пространство окружено насыпями и рвами, прочность которых варьируется в зависимости от природных ресурсов грунта. Подходы защищены траншеями и перекрывающимися стенами, более или менее многочисленными в разных фортах; иногда рядом с другими укреплениями подхода есть насыпь, но возвышающаяся над остальными сооружениями, как будто предназначенная как для внешнего обзора, так и для дополнительной обороны. В некоторых случаях стены этих ограждений каменные, но если они когда-либо и характеризовались какой-либо попыткой регулярной кладки, то все следы этого исчезли, и, по-видимому, нет особых оснований предполагать, что такие стены существенно отличались по своему характеру от земляных укреплений. Цемент не использовался, и, по всей вероятности, в них мы имеем дело только с заменой каменных насыпей земляными валами благодаря специальным местным средствам.

Одной из самых простых, но наиболее обширных из этих примитивных цитаделей является Форт-Хилл, штат Огайо. Оборонительные сооружения занимают вершину возвышенности, возвышающуюся примерно на пятьсот футов над руслом Буш-Крик, который огибает две стороны холма, недалеко от их обрывистого склона. Вдоль края этого холма была вырыта глубокая канава, и взятые из нее материалы были сложены в насыпь, возвышающуюся на шесть-пятнадцать футов над дном канавы. На всем своем протяжении стена имеет восемь тысяч двести двадцать четыре фута, или более полутора миль в длину; и огораживает площадь в сорок восемь акров, ныне покрытую гигантскими лесными деревьями. Один из них, каштан, достигал двадцати одного фута, а дуб, хотя и сильно сгнивший, имел двадцать три фута в окружности, в то

время как стволы огромных деревьев лежали вокруг на всех стадиях разложения. Таков был облик Форт-Хилла, штат Огайо, несколько лет назад, и, вероятно, он никоим образом не изменился сейчас. Доктор Хилдрет насчитал восемьсот годичных колец на дереве, которое росло на одном из холмов в Мариетте, штат Огайо; и господа Хилдрет, Сквайер и Дэвис, исходя из возраста и состояния леса, приписали его заброшенному участку древность, насчитывающую значительно больше тысячи лет. Таким образом, в своем нынешнем состоянии стены “Форт-Хилла” представляют собой руины более древней эпохи, чем самая почитаемая цитадель норманнов Англии; и мы видим так же мало от их первоначальной законченности, как в разрушающейся нормандской крепости мы можем проследить всю сложную систему бастионов, завес, дворов, башен-контрфорсов и боковых пристроек военной архитектуры двенадцатого века. В стенах, в некоторых местах на самых крутых точках холма, есть проемы, доступ к которым невозможен; и поэтому мы скорее должны предположить, что платформы могли быть спроектированы для защиты более доступных точек. Ров во многих местах был прорублен в скале из песчаника, а также в почве; и в одном месте скала была вырыта таким образом, что осталась фреска высотой около двадцати футов. Внутри ограды были сделаны большие пруды или искусственные резервуары для воды; а в южной точке, где естественная территория этой твердыни сужается до узкого и почти изолированного выступа, заканчивающегося крутым обрывом, она поднимается на высоту тридцати футов над дном рва и имеет свои собственные специальные резервуары, как если бы здесь была цитадель крепости: несомненно, первоначально укрепленная частоколом и военными сооружениями, от которых не осталось и следа до того, как древний лес заявил свои права на заброшенную крепость. Таким образом, очевидно, что здесь мы имеем дело не с временным отступлением какой-нибудь кочевой орды, а с военным проектом огромного масштаба; который, даже при всех достижениях современного инженерного искусства, потребовал бы длительных операций многочисленного отряда рабочих, а по завершении, должно быть, потребовал бы не менее многочисленного гарнизона для своей защиты. Очень разителен контраст между такими тщательно продуманными сооружениями и самыми обширными из тех, которые все еще можно проследить в Западном Нью-Йорке, происхождение которых, по-видимому, правильно приписывается ирокезам и другим племенам, которые, как известно, занимали свои места в сравнительно недавнее время.

Среди коренных индейских племен, попавших под непосредственное наблюдение европейцев, ни одно не играло более заметной роли, чем ирокезы. В период голландского открытия в начале семнадцатого века они оккупировали территорию между реками Гудзон и Дженези, которой они продолжали владеть в течение почти двух столетий, вопреки воинственным местным врагам и более грозной агрессии французских захватчиков. Их численность в период их наивысшего расцвета, примерно в середине семнадцатого века, оценивалась по-разному: от 70 000 человек, которые приписал им Ла Хонтан, до более вероятной оценки в 25 000 человек, приведенной историком их Лиги. Некоторые современные авторы нарисовали очень преувеличенные картины конфедерации ирокезов. Это был союз племен диких охотников, среди которых прослеживаются только зачатки зарождающейся цивилизации. Они действительно приобрели оседлые привычки и в некоторой степени посвятили себя сельскому хозяйству. Но при всем развитии искусства, возникшем в результате совместных действий по поддержанию своей территории в течение нескольких поколений против свирепых враждебных племен и защите обширной границы, постоянно подвергавшейся вторжениям, следы крепостей ирокезов настолько слабо описаны, что многие из них уже были стерты плугом.

Из фактов, представленных таким образом нашему рассмотрению, очевидно, что самая высокая оценка, которую мы можем дать о способности к объединению, указанная знаменитой Лигой ирокезов, не дает никаких доказательств способности к строительству и обслуживанию сооружений, подобных укреплениям строителей курганов в долине Огайо. Каким бы разительным ни был контраст, который ирокезы представляют с более эфемерными дикими племенами, остатки их земляных сооружений в некоторых отношениях представляют больший контраст с сооружениями курганов, чем последние с замысловатой архитектурой Мексики и Юкатана. Между этими двумя цитаделями действительно есть точки сходства, как и между ними и британскими горными фортами или любыми другими земляными сооружениями, возведенными на подобных участках; но помимо таких общих элементов сравнения, — одинаково интересных, но столь же мало указывающих на общность происхождения, как соответствие, прослеживаемое между кремневым и каменным оружием, использовавшимся строителями обоих, — в подобном сходстве нет ничего, что могло бы пролить свет на происхождение этих замечательных памятников Нового Света. Скорее, из-за контраста между ними мы можем рассматривать остатки оборонительных сооружений ирокезов как свидетельство значительно более развитого состояния социальной жизни и искусства оседлого населения, строившего насыпи на Миссисипи и ее притоках.

Дальнейшие доказательства оседлого характера этого древнего населения представлены другим классом оборонительных сооружений, которые, как предполагается, обозначали места расположения укрепленных городов. Одно из них, называемое “Работа Кларка”, на северной развилке Пойнт-Крик, в долине Скиото, занимает площадь в сто двадцать семь акров; и в его пределах расположены жертвенные курганы и симметричные земляные сооружения, которые, по всей вероятности, были спроектированы для религиозных или гражданских целей. Ручей был превращен в совершенно новое русло, чтобы обеспечить заверченный контур стен. “Общая длина насыпей составляет почти три мили; и тщательный расчет показывает, что, включая насыпи, для их возведения было использовано не менее трех миллионов кубических футов земли”.^[83] В кропотливо выполненных таким образом ограждениях были раскопаны многие из наиболее интересных реликвий древнего искусства, в том числе несколько свернувшихся змей из резного камня, тщательно обернутых листьями слюды и меди; керамика, фрагменты резной слоновой кости, дискообразные камни и многочисленные прекрасные скульптуры.

Очевидно, что население, способное обеспечить необходимую рабочую силу для работ столь масштабного характера, должно было быть многочисленным, а его ресурсы для содержания такой фаланги рабочих - пропорционально обильными. Гарнизоны великих цитаделей и население, нашедшее убежище в таких оборонительных сооружениях, как “Работа Кларка”, также, должно быть, были очень большими, и для их существования требовались пожертвования обширного округа. Но это согласуется только с другими доказательствами того, что строители курганов были оседлым народом. Когда мы отвлекаемся от рассмотрения отдельных крупных укреплений, венчающих изолированные высоты, и оцениваем количество и протяженность курганов, симметричных оград и различного рода сооружений, связанных с искусством поддержания мира и обрядами религиозного поклонения, которые придают столь поразительный характер долинам рек и террасам, больше невозможно сомневаться в том, что многие участки этого плодородного региона когда-то были заселены трудолюбивым оседлым населением.

Священные Ограды были отделены от военных работ Строителей Курганов по вполне очевидным причинам. Их тщательно продуманные укрепления занимают изолированные высоты, специально приспособленные для обороны, в то время как широкие речные террасы были выбраны для их религиозных работ. Там, на огромных непрерывных уровнях, они образуют группы симметричных ограждений, квадратных, круглых, эллиптических и восьмиугольных, с длинными соединяющимися аллеями, наводящими на мысль о сравнениях с британским Эйвбери или гебридским Каллернишем; с бретонским Карнаком; или даже с храмами и аллеями Сфинксов египетских Карнака и Луксора.

Преобладающее впечатление, производимое грандиозными военными земляными работами Строителей курганов, - это впечатление действий многочисленного населения, сотрудничающего под руководством и властью признанных лидеров с целью защиты больших сообществ. Тщательно продуманные укрепления, такие как "Работа Кларка" в долине Скиото или "Древний форт" на реке Литтл Майами, построены на хорошо выбранных холмах или обрывах и укреплены рвами, насыпями и сложными подходами; но линии земляных работ, подобные линиям великих шотландских горных фортов, везде приспособлены к природным особенностям местности. Со священными оградами дело обстоит совершенно иначе. Некоторые из них также действительно впечатляют внушительными масштабами своих насыпей. Впервые войдя в большой круг в Ньюарке и взглянув через его широкую траншею на высокую насыпь, затененную разросшимися деревьями, мои мысли вернулись к валу Антонина, который, подобно свидетельству, все еще свидетельствует о присутствии римских властителей мира в Северной Британии. Но после того, как я проехал несколько миль по кольцу, охватывающему замечательную группу земляных сооружений, из которых это лишь одна особенность, и убедился лично в существовании параллельных аллей, проложенных почти на две мили, и грандиозных центральных овалов, кругов и восьмиугольников, наименьший из которых имеет более полумили в окружности, всякое представление о простом совместном труде теряется при более высоком убеждении в явном мастерстве и даже науке. Углы восьмиугольника не совпадают, но стороны почти равны; и ограждение настолько приближается к идеальной фигуре, что его погрешность обнаруживается только при фактическом осмотре. Соединенный с ним параллельными насыпями длиной 350 футов, он представляет собой настоящий круг, имеющий 2880 футов в окружности; и на расстоянии почти в милю от него, но связанный с ним сложной серией земляных работ, находится упомянутое выше круглое сооружение. Его фактическая форма представляет собой эллипс, соответствующие диаметры которого составляют 1250 футов и 1150 футов соответственно; и он занимает площадь свыше 30 акров.

У входа в этот большой круг окружающая насыпь изгибается наружу с обеих сторон на расстояние 100 футов, оставляя ровный путь между рвами шириной 80 футов. Земляная насыпь, которая здесь выше, чем в любом другом месте, имеет длину около 30 футов от дна рва до вершины. Площадь ограждения настолько близка к идеальному уровню, что мистер Дж. М. Деннис, чьему глубокому знанию местности я был обязан тщательным осмотром работ, сообщил мне, что, по его наблюдениям, во время дождей прошлой весной уровень воды был одинаковым почти до края канавы. В центре этого ограждения находится земляной холм, который до сих пор называется "Орел". Мистер Сквайер говорит о нем: "Он очень напоминает некоторые курганы в форме животных в Висконсине и, вероятно, был задуман как изображение птицы с распростертыми крыльями". Его вскрыли и обнаружили, что в нем находится очаг, или "алтарь". Этот факт важен, поскольку он существенно отличает его в этом отношении от

символических курганов Висконсина и, как правило, подтверждает идею о том, что большой круг и связанные с ним группы земляных сооружений имели некоторое отношение к священным играм или другим странным религиозным обрядам, когда-то практиковавшимся в пределах их обхода. Но последовательные раскопки сильно исказили первоначальный контур кургана; и теперь, когда в целях сохранения принципа земляных работ он был превращен в ярмарочную площадку округа Лизинг, возведение грандиозной трибуны на вершине Орлиного кургана еще больше способствовало сокрытию следов его первоначальной формы.

От эллиптической ограды широкая аллея из двух непохожих частей, казалось бы, построенных независимо друг от друга, ведет к площади в двадцать акров с семью насыпями, расположенными симметрично внутри ограждающих стен, и многочисленными другими сооружениями, занимающими сотни акров своими геометрическими конфигурациями. Но, несмотря на интеллектуальный интерес, который преобладает по отношению к этим замечательным памятникам древнего народа, промышленные операции современных обитателей их мест быстро уничтожают все, кроме самых выдающихся произведений. В большом восьмиугольнике я заметил разницу почти в пять футов между высотой насыпей, все еще стоящих на неубранной земле, и теми участками, которые долгое время находились под плугом. Если бы не помощь моего разумного проводника, я обнаружил бы невозможность проследить параллельные пути; и уже многие из небольших насыпей и ограждений полностью исчезли. Автомобильные, железные дороги и канал последовательно вторглись в священные пределы и произвели за одно поколение больше изменений, чем было произведено за весь предыдущий промежуток времени с момента открытия Америки. Но прилагаемый план (рис. 70), составленный на основе съемок, выполненных в то время, когда основные земляные сооружения еще можно было проследить во всей их целостности, позволит читателю понять их характер; и если он ясно осознает масштаб, в котором построены эти геометрические фигуры, он без труда распознает их существенное отличие от эфемерных земляных сооружений, которыми отмечены места расположения индейских частоколов или могильных курганов. Хотя они представляют определенные аналогии с курганными группами и оградами как в Европе, так и в Азии, во многих других отношениях они совершенно непохожи: и иллюстрируют обряды и обычаи древнего американского народа, не имеющие аналогов среди монументальных памятников Старого Света.

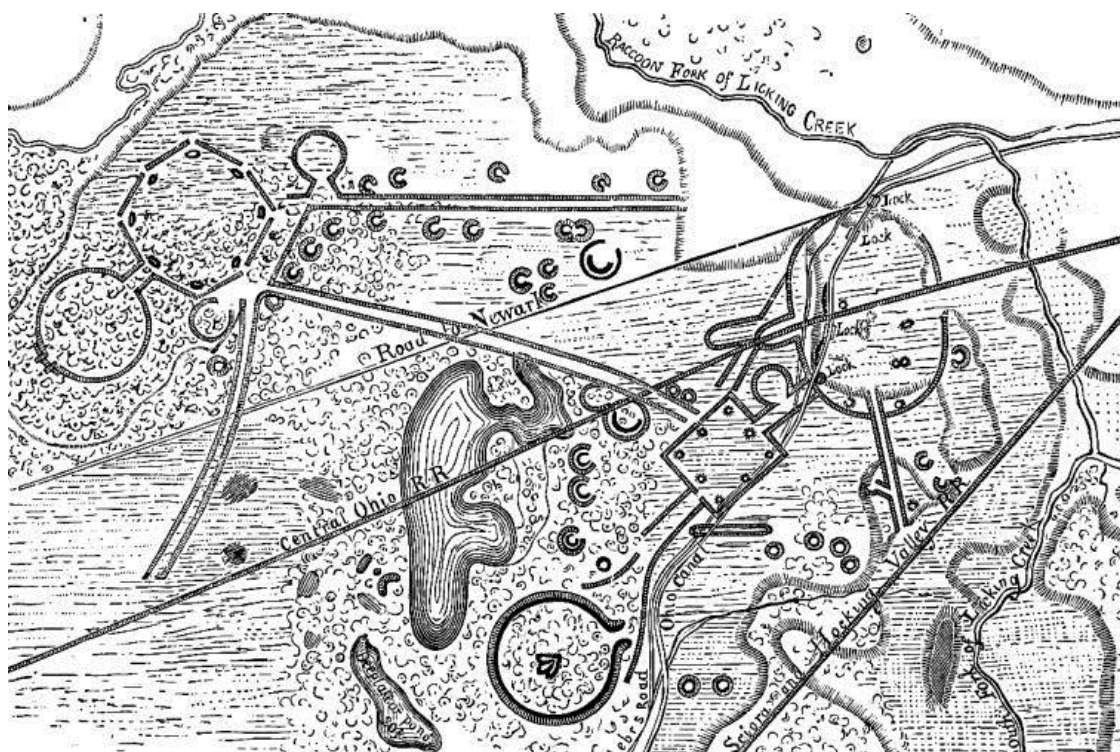

Рис. 70. Земляные работы в Ньюарке, Огайо.

Заслуживают внимания несколько поразительных совпадений деталей этих работ с другими работами того же класса. Диаметр круга, совершенная форма которого была отмечена, почти идентичен диаметру двух других, образующих части замечательных групп в долине Сциото, одна из которых находится в семидесяти милях от нас. Площадь также имеет ту же площадь, что и прямоугольное ограждение, принадлежащее "Hopeton Works", где оно примыкает к кругу диаметром 1050 футов и к аллее, проложенной между двумя параллельными набережными длиной 2400 футов, ведущей к краю берега непосредственно над речной равниной Шиото. Аналогичное совпадение в точной протяженности огороженной территории было замечено в восьмиугольнике группы, называемой High Bank Works, на той же речной террасе; и в другом, на слиянии рек Маскингем и Огайо. Авторы подробных съемок, представленных в журнале "Смитсоновский вклад в знания", в целом отмечают, что фигуры земляных сооружений долины Скиото представляют собой не только точные квадраты и идеальные круги, но и в большинстве случаев имеют соответствующие размеры; сторона каждого квадрата составляет 1080 футов, а диаметр каждого из большего и меньшего кругов составляет долю от 1700 и 800 футов. Это, по их мнению, "совпадение, которое никак не могло быть случайным и которое должно обладать каким-то значением. Это, безусловно, подтверждает существование какого-то стандарта измерения у древних людей, если не владение какими-то средствами определения углов".^[84] Не менее важно отметить, что он устанавливает порядок использования инструментов. В противном случае эталон измерения не мог бы существовать, а тем более применяться в столь широком масштабе при геометрическом строительстве; и самые простейшие инструменты, которые мы можем себе представить, представляют собой не менее достоверное свидетельство состояния интеллектуального развития, достигнутого этим древним народом, сильно отличающегося от всего, чего достигли наиболее развитые индейские племена. Более того, какими бы разнообразными ни были комбинации их отдельных групп земляных работ, отчетливо видны следы того, что их строителями руководствовались определенные планы строительства и

пропорциональный масштаб деталей. Справедливо оценивая важность таких совпадений и еще большую ценность свидетельств о построении геометрических фигур в столь крупном масштабе, авторы исследований подробно описали свой метод процедуры, чтобы “сразу же развеять весь скептицизм, который в противном случае мог бы возникнуть относительно регулярности этих работ”. Соответственно, этот важный момент основывается на наиболее удовлетворительных доказательствах;^[85] даже недостатки, наблюдаемые при построении некоторых прямоугольных фигур, не лишены своего значения как проверка того, в какой степени древние строители владели геометрией.

Очевидно, что этот замечательный класс земляных сооружений возник для каких-то совершенно иных целей, чем уже описанные крепости. Их участок неизменно находится на ровном плато, и их аллеи соединены с соседними квартирами тщательно проложенными подходами, как будто для облегчения торжественного шествия процессий. Насыпи часто небольшие; там, где есть ров, он обычно находится внутри; и вся их конструкция разительно контрастирует с оборонительными сооружениями в непосредственной близости от них. В Ньюарке они простираются по ровной террасе и вместе с прилегающими постройками охватывают территорию протяженностью в несколько миль; в то время как по обе стороны долины, образованной ручьем Ракун, военные сооружения занимают заметные возвышенности, представляющие особые естественные преимущества для обороны. Один из них, очевидно, оборонительного характера, окружает вершину высокого холма; но он также содержит небольшой круг с курганами, прикрывающими “алтари”, соответствующие описанным ниже, которые придают особый характер священным курганам. Следовательно, нет места для сомнений в том, что различные работы, на которые ссылаются, иллюстрируют то, что может быть названо гражданскими, военными и церковными структурами одного и того же народа, включая в последнем публичные игры, которые у многих древних народов составляли одну из особенностей их религиозных праздников.

Одним из важных выводов, выводимых из особенностей упомянутых здесь работ, является уровень знаний их создателей. Самому искусному инженеру наших дней было бы трудно без помощи инструментов нанести точный квадрат в масштабе некоторых из описанных, охватывающий площадь в четыре пятых мили в окружности. Круги умеренных размеров действительно могли быть построены, если только было возможно описать их радиусом; но с такими сооружениями размером в пять тысяч четыреста футов, или более мили в окружности, у древнего геометра должны были быть инструменты и средства измерения дуг: ибо кажется невозможным представить точное построение фигур в таком масштабе иначе, чем путем нахождения угла по его дуге, от станции к станции, на всем протяжении их очерчивания. Из соответствия площади и относительных пропорций столь многих правильных оград не менее очевидно, что строители курганов обладали признанным стандартом измерения; и что фигурам определенных форм и размеров придавалось какое-то особое значение, возможно астрономического происхождения.

Рис. 71.—Табличка Цинциннати.

Город Цинциннати занимает замечательное место в прекрасном холмистом бассейне реки Огайо, где в прежние времена жили те замечательные люди, о которых сейчас идет речь. Но рост современного города смел все следы их старых земляных укреплений, и никаких точных сведений об их деталях не сохранилось. Однако сохранился один мемориал, который был обнаружен в 1841 году при раскопках большого кургана в черте города. Это было предметом остроумных спекуляций и может иметь некоторое отношение к нашим нынешним исследованиям. В центре кургана, немного ниже уровня естественной поверхности, был найден сильно разложившийся скелет, рядом с которым лежали две заостренные кости длиной около семи дюймов, образованные из большеберцовой кости лося, и выгравированная табличка, показанная на прилагаемой иллюстрации (рис. 71). Он сделан из мелкозернистого песчаника и имеет размеры пять дюймов в длину, два и шесть десятых в середине и три дюйма на концах. На его гладкой поверхности изображен замысловатый рисунок, заключенный в прямоугольные промежутки таким образом, чтобы образовалось то, что некоторые считают иероглифической надписью. Но наиболее примечательной особенностью его резного устройства является серия линий, которыми разделена гладкая поверхность с каждого конца. Как можно заметить, концы камня образуют дуги окружностей разного размера. Большая дуга разделена серией линий, числом двадцать семь, на равные промежутки, и внутри нее находится еще одна серия из семи наклонных линий. Меньшая дуга на противоположном конце разделена аналогичным образом двумя рядами из двадцати пяти и восьми линий, расположенных аналогичным образом. Этой табличке не обошлось без должного внимания. Было отмечено, что он имеет “исключительное сходство с египетским картушем”. Было обнаружено, что серия линий в сумме произведений более длинных и более коротких дает приблизительное количество дней в году. Соответственно, ему было присвоено астрономическое происхождение; и было высказано предположение, что это древний календарь, фиксирующий приближение Строителей Курганов к истинной продолжительности солнечного года. М-р Скуайер, возможно, впадает в противоположную крайность, предполагая, что это не что иное, как штамп, образцы которого были найдены сделанными из глины как в Мексике, так и в курганах Миссисипи; и которые, вероятно, использовались для нанесения орнаментальных узоров на ткань или подготовленные шкуры. Такие глиняные штампы всегда выдают свое назначение прикрепленной к ним ручкой, как на соответствующих бронзовых штампах, распространенных на римских памятниках; в то

время как табличка из Цинциннати имеет толщину около полудюйма, ее невозможно удерживать или использовать в качестве штампа, и на ее незаконченной обратной стороне имеются углубления, очевидно, сделанные при заточке инструментов, которыми она была выгравирована. Но какая бы теория ни была принята относительно его первоначального назначения, ряд линий на двух его концах справедливо привлек внимание, поскольку они не являются частью устройства и вряд ли могут рассматриваться как декоративная кайма. Возможно, в них мы располагаем сведениями об определенных шкалах измерения, использовавшихся строителями курганов; и если это так, то открытие призвано придать новый интерес нашему изучению геометрических структур, которые в гораздо большей степени, чем их огромные насыпи, являются истинными характеристиками этого загадочного народа.^[86]

Очевидно, что точные цели, преследуемые при строительстве упомянутой здесь замечательной серии американских земляных сооружений, трудно определить с уверенностью. Аналогии с этими сооружениями прослеживаются в работах индейских племен, ранее населявших Каролину и Джорджию. Они привыкли возводить круглую террасу или платформу, на которой стоял их дом советов. Перед ним была четырехугольная площадка, обнесенная земляными насыпями, на которой проводились публичные игры и пытки пленников. К этому иногда добавлялась квадратная или четырехугольная терраса на противоположном конце ограды. На круглой платформе также утверждается, что священный огонь поддерживался индейцами племени крик как часть их самых почитаемых обрядов поклонения солнцу. Но даже имеющиеся на данный момент свидетельства расплывчаты и неудовлетворительны; и любые узнаваемые аналогии указывают, в лучшем случае, только на возможность того, что некоторые из индейских племен увековечивали в значительно меньших масштабах некоторые искаженные ритуалы, заимствованные у их цивилизованных предшественников. Масштаб, с которым возводились земляные сооружения южных индейцев, может сравниться с масштабами ирокезов в штате Нью-Йорк, но ни в какой степени не приближается к сооружениям строителей курганов. Что, например, мы должны сказать о ступенчатых путях, таких, как в Пайктоне, штат Огайо, где с трудом проложен переход с одной террасы на другую длиной в тысячу восемьдесят футов и наибольшей шириной в двести пятнадцать футов? Выкопанная земля была частично использована для строительства высоких насыпей по обе стороны подъема, которые теперь покрыты деревьями большого размера. Помимо этого подхода, насыпи и полуразрушенные земляные валы указывают на то, что это была лишь часть обширной серии сооружений. Но если рассматривать его отдельно, это один из самых замечательных памятников доисторических времен, которые можно найти на всем континенте, и, безусловно, он не имеет ни малейшего сходства ни по своему характеру, ни по масштабу, в котором он выполнен, ни с каким-либо известным произведением краснокожих индейцев.

[83] Древние памятники долины Миссисипи, стр. 26-29, табличка х.

[84] Древние памятники долины Миссисипи, стр. 48.

[85] Древние памятники долины Миссисипи, стр. 57.

[86] Гравюра на дереве сделана по потертости, взятой с оригинала. Мистер Уиттлси включил

эту табличку в число своих “Археологические махинации”; но результат расследования, проведенного мной во время недавнего визита в Цинциннати, устранил из моего сознания все сомнения в его подлинности.

ГЛАВА XI. МОГИЛЬНЫЕ ХОЛМЫ.

ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ—КУРГАНЫ НА ХОЛМАХ—КУРГАН СКИОТО—КУРГАН ТЕЙЛОРА—
КУРГАН ИССАКИНА—КУРГАН ЭЛЛИОТА—КУРГАН ЛОКПОРТА—МОГИЛА ЧЕРНОЙ ПТИЦЫ—
КУРГАНЫ ДОЛИНЫ СКИОТО—СИМВОЛИЧЕСКИЕ ОБРЯДЫ—ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ
ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ—КУРГАН ГРЕЙВ—КРИК—ОБЩИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ—КРЕМАЦИЯ—ЧЕРЕП
На КУРГАНЕ СКИОТО-СВЯЩЕННЫЕ ФЕСТИВАЛИ.

Когда значение военных и священных оград Строителей курганов было полностью оценено как памятники замечательному народу, целиком принадлежащему к доисторическим эпохам Нового Света, их могильные холмы приобрели новую ценность. В первом мы видим безошибочные указания на устоявшееся состояние общества, значительно опережавшее все достижения краснокожих индейцев, и на густонаселенные общины, занимавшиеся сельским хозяйством и другими промышленными видами искусства. Из последних мы можем надеяться извлечь некоторые черты этнического характера; найти в подарках умершим иллюстрации их искусств и обычаев; и уловить посредством их погребальных обрядов некоторые проблески природы той веры, которая побуждала строителей курганов к кропотливому возведению стольких священных земляных сооружений. Их огромные курганы являются для нас не просто могилами древней расы; это кладбище ранней, хотя и неполной цивилизации, откуда мы можем почерпнуть иллюстрации жизни, нравов и идей народа, над могилами которого лес так долго сохранял свое господство, что пришельцам краснокожих индейцев казалось, что они были первыми обитателями этой земли.

Курганы, дюны, возвышенности со рвами, пирамиды из камней и земляные или каменные насыпи различных видов изобилуют во многих частях Старого, так же как и Нового Света, и нигде их так много, как в некоторых районах Британских островов. Но хотя соответствующие примитивные сооружения встречаются от залива Святого Лаврентия до Панамского перешейка и за его пределами, далеко на южном континенте, тем не менее работы строителей курганов имеют свой собственный характер, совершенно своеобразный; и хотя их насчитывают тысячи, они ограничены четко определенными областями, оставляя значительную часть континента, включая все побережье Атлантического океана, без каких-либо следов их присутствия. Строители курганов не были морским народом. Все их передвижения были ограничены великими реками, по берегам которых в изобилии сохранились их древние следы, и общением по давно стертым сухопутным путям передвижения. Несмотря на зарегистрированные тщательные наблюдения за курганами и земляными сооружениями “Запада”, многое еще предстоит раскрыть; ибо, к счастью, раскопки таких земляных пирамид - работа слишком трудоемкая и дорогостоящая, чтобы соблазнить тех, кто находится под влиянием простого праздного любопытства; в то время как их содержимое, каким бы ценным оно ни было для

археолога, не дает такого стимула для алчности, который в Мексике и Перу привел к разрушению тысяч памятников исчезнувших искусств и обычаев.

Как правило, земляные и каменные сооружения, по-видимому, были построены одинаково из материалов, добытых в непосредственной близости; так что подобные различия в большинстве случаев не дают никаких указаний на разнообразие вложенных отложений. Однако особый характер, по-видимому, относится к одному классу, получившему название "Холмистые насыпи", исходя из мест, которые они занимают. По этому поводу м-р Сквайер замечает: "Ими часто увенчиваются наиболее возвышенные и командные позиции, что сразу наводит на мысль о целях, для которых использовались некоторые из курганов или пирамид из камней древних кельтов: это сигнальные посты. Нет ничего необычного в том, чтобы находить отдельно стоящие курганы среди холмов, удаленных от долин, и в уединенных местах, где поблизости нет других памятников. Охотник часто встречается их в глубине леса, когда меньше всего ожидаешь: возможно, с видом на какой-нибудь водопад или в какой-нибудь узкой долине, куда редко ступала нога человека". Подобные сооружения венчают многие высоты на западе; но, по крайней мере, некоторые из них имеют индийское происхождение; и наши знания о характеристиках и содержании сооружений более ранней расы должны быть значительно расширены, прежде чем мы сможем определить истинные и, вероятно, разнообразные цели, преследуемые при их возведении.

Но именно исследованию одного из небольших курганов мы обязаны обнаружением наиболее характерной иллюстрации физического типа древних строителей курганов. "Череп из кургана Шиото", описанный в более поздней главе, был получен из кургана, возведенного на вершине господствующей высоты, возвышающейся над долиной реки Шиото с ее многочисленными земляными укреплениями. Венчающий холм конический холм возвышается с такой регулярностью, что почти наводит на мысль, что он искусственный; а на его вершине возвышается курган, осененный деревьями первобытного леса. Здесь под слоем твердой желтой глины, непроницаемой для влаги, пластинка слюды покоилась на внутренней пирамиде из камней, сложенной в основном из крупных необработанных камней; а внутри нее в уплотненном слое углеродистого вещества находился череп с несколькими костями и несколькими раковинами пресноводных моллюсков, беспорядочно расположенными вокруг него. Таким образом, как мы увидим, это подтверждает идею о том, что кремация играла важную роль в древних погребальных обрядах.

Совсем недавно профессор О. К. Марш исследовал курган Тейлора, еще одно возвышение, примерно в двух с половиной милях к югу от Ньюарка. По-видимому, на вершине хребта было раскопано кладбище, внутри которого лежали останки по меньшей мере восьми скелетов, в основном женских и детских, прижавшихся друг к другу, и некоторые из них свидетельствовали о длительном пребывании там. Наряду с ними были найдены девять кремневых наконечников копий или стрел, шесть маленьких топориков, один из которых сделан из гематита, а остальные - из диорита или плотного зеленого камня, небольшой клин или топорик из гематита, кремневое долото, скребок, многочисленные орудия из кости и рога, включая иглы, лопаточку или инструмент для лепки, и свисток, сделанный из зуба черного медведя. Над этим склепом было захоронено несколько мертвых тел: некоторые из них, очевидно, были похоронены с особой тщательностью, другие были словно зарезаны и брошены в кучу мертвецов; в то время как масса сожженных человеческих останков не оставляла сомнений в умах исследователей, что кремация производилась непосредственно над мертвыми и до завершения обычного

погребения. Следовательно, они пришли к выводу, что погребальные обряды, вероятно, включали жертвоприношение сатти.

Прямо под вершиной холмика более сотни шариков самородной меди вперемешку с несколькими бусинками из ракушек соприкасались с частями шейных позвонков маленького ребенка, показывая, что их носили как ожерелье. Бусины из ракушек имеют длину около полудюйма и были тщательно отполированы. Медные бусины имеют только половину этой длины и выкованы молотком из самородной меди, но с таким мастерством, что в большинстве из них трудно обнаружить соединение. Только два черепа сохранились в достаточной степени, чтобы указать на их истинную форму. Оба были маленькими и демонстрировали вертикальный затылочный бугор и большой диаметр теменной кости, которые, как предполагается, принадлежали строителям Курганов, но которые характерны для многих американских черепов.

Таким образом, видно, что содержимое двух курганов сильно различается и до сих пор не дает ключа к какому-либо особому способу захоронения или погребальным церемониям. Но погребение отделенного черепа, как показано в кургане Сциото, - не единственный случай. Мистер Л. М. Осия из Цинциннати показал мне большой чашеобразный сосуд из стеатита, способный вместить около двух галлонов, обнаруженный в результате повала дерева, стоявшего на вершине холма на границе округов Линкольн и Кейси, штат Кентукки. Она была перевернута над человеческим черепом, рядом с которым лежало несколько бусин из ракушек и немного слюды. В том же кургане была найдена большая выдолбленная раковина, наполненная костяными принадлежностями, в том числе двумя большими, хорошо обработанными свистульками, несколькими молотками из оленьего рога и примерно тридцатью костяными булавами и шилами. Перфорированная медная пластина и несколько хорошо обработанных каменных и кремневых орудий дополняли содержимое кургана. К сожалению, череп был слишком сильно разложен, чтобы его можно было сохранить.

Я в долгу перед мистером У. Маршаллом Андерсоном за некоторые любопытные сведения о содержимом другого кургана, недавно открытого им в Иссакине, штат Миссисипи. Первым замечательным открытием стало обнаружение трех скелетов, расположенных вертикально, как если бы они были похоронены так, чтобы их головы находились над землей. Когда они достигли естественного уровня, куча пепла с многочисленными фрагментами костей показала, где происходила кремация. Над ним были расположены три скелета в длину, бок о бок, с сосудом для питья и широкогорлой чашей из местной керамики у изголовья каждого. Рядом с ними лежали многочисленные орудия труда, в том числе инструменты из меди, хорошо обработанные кельты из яшмы и бурого угля, а также гротескная глиняная трубка, изображающая человеческую голову с собачьими ушами и лягушачьим ртом. Но самым примечательным из всего этого было обнаружение двух перевернутых чаш в центре кургана, под каждой из которых лежал человеческий череп. Один из них мистер Андерсон описывает как “прекрасный череп, достойный грека”. Но, высохнув на солнце, они рассыпались в прах, “буквально”, как он говорит, “распадаясь у меня на глазах, пока я был занят сбором медных и каменных орудий, которые могли бы вечно ждать своего часа в целости и сохранности”.

Единственные скелеты, обнаруженные в кургане Эванса — большом кургане недалеко от Ньюарка, штат Огайо, при вскрытии которого я присутствовал, находились в таком же состоянии крайней ветхости. Среди содержимого кургана Тейлор в той же местности мне сообщили о любопытном факте: была найдена отколовшаяся четверть почти сферической

массы гематита, которая в то время привлекла меньше внимания, чем хорошо обработанный клин и топорик из того же материала. Но при последующем вскрытии курганов Эллиота и Уилсона, расположенных примерно в пяти милях друг от друга, в одной и той же долине, было обнаружено, что в каждом из них среди содержимого находится соответствующий фрагмент гематита, который, будучи помещен рядом, оказался частями одной и той же разбитой сферы или конкреции гематита, ценимой, по всей вероятности, за некую чудотворную силу. В курганах неоднократно находили метеоритные камни и кусочки гематита, которые, очевидно, пользовались особым уважением. Курган Эллиота представлял собой еще один интересный объект - трубу длиной 7 с половиной дюймов, аккуратно вырезанную из серого известняка, с чашей, выполненной в виде головы медведя. Как показано на рис. 72, он выполнен в необычном стиле.

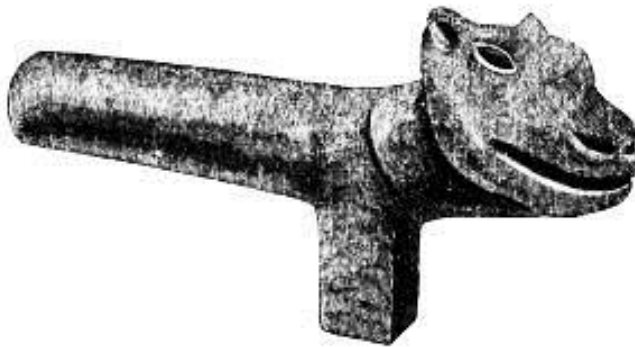

Рис. 72. Каменная труба, Эллиот—Маунд, Огайо.

Основание деревни Локпорт на окраине Ньюарка и недавнее возведение там обширного металлургического завода привели к исчезновению любопытной группы курганов в этом районе, включая усеченную пирамиду, содержимое которой, по-видимому, представляло необычайный интерес. Я исследовал в коллекции мистера У. М. Л. Меррина массивный медный браслет, пару замечательных предметов, таких как двойные тарелки, ножны, разделенные на три трубки, предположительно являющиеся колчаном, полированный топор и несколько перфорированных пластин, все из меди; перфорированный свинцовый амулет, полированное долото из диорита, многочисленные крупные бусины из ракушек и большие пластины слюды, вырезанные в форме подковы: все это было найдено у основания Локпортского кургана вместе с рядом скелетов. Впоследствии на этом месте при прокладке дороги были найдены другие представляющие интерес предметы, в том числе большой, хорошо обработанный каменный молот овальной формы с глубокой канавкой вокруг центра и кусок чистого свинца весом более четырех фунтов. Но очевидно, что в этом, как и во многих других случаях, мы должны сожалеть об уничтожении ценного памятника прошлого, не сохранив никаких адекватных записей о его раскрытии. К счастью, сейчас к этому предмету пробудился более интеллектуальный интерес; более редкие предметы старины из камня и металла высоко ценятся, и поэтому, вероятно, будут сохранены в качестве товарных изделий даже теми, кто не видит в них никакой другой ценности; и поскольку каждый курган или земляное сооружение раскрывает какую-то новую особенность, можно ожидать, что дальнейшие исследования существенно дополнят наши знания.

Более отдаленные холмистые насыпи могут обнаруживать сходные аналогии по структуре или содержанию с равнинными насыпями; и таким образом, они служат доказательством того, что население, населявшее крупные центры, было рассеяно в меньшем количестве далеко вглубь

страны от берегов рек, в отдаленных долинах и среди уединенных уголков холмов. Возможно, там, как и в более высоких долинах Анд под властью инков, пастушеский народ дополнял сельскохозяйственную промышленность центральных провинций и разделял с ними общие обряды и суеверия национальной религии.

В некоторых случаях высокое расположение холма-насыпи, возможно, определило его выбор по тому же мотиву, который иногда руководит современным индейцем при выборе места для своей могилы. Яркой иллюстрацией этого является история одного современного кургана на реке Миссури. Прошло более полувека с тех пор, как Черная Птица, знаменитый вождь племени омахау, посетил город Вашингтон, а по возвращении заболел оспой, от которой умер по дороге. Когда вождь обнаружил, что умирает, он созвал вокруг себя своих воинов и, подобно древнему Иакову, отдал приказы относительно его погребения, которые были выполнены столь же буквально. Одетый в свои самые роскошные одежды и полностью экипированный своими скальпами и перьями боевого орла, он был доставлен примерно в шестидесяти милях ниже деревни Омахау, к одному из самых высоких утесов на Миссури, который возвышается над великолепной рекой и ландшафтом. Его любимого боевого коня, прекрасного белого скакуна, привели на вершину; и там в присутствии всего народа мертвого вождя положили на спину, повернув лицом к реке, где, как он сказал, он мог видеть каноэ белых людей, пересекавших широкие воды Миссури. В руке он держал лук, щит и колчан, а также трубку и сумку с лекарствами висели у него на боку. Был припасен запас пеммикана и туго набитый кисет с табаком, чтобы поддержать его в долгом путешествии к охотничьим угодьям доброго Маниту, где души его отцов ожидали его прихода. Знахари племени применяли свои самые мистические чары, чтобы обеспечить счастливый переход в страну великих усопших; и когда все остальное было завершено, каждый воин из отряда вождя покрыл ладонь своей правой руки и поставил отпечаток на белых боках преданного боевого коня. Покончив с этим, индейцы собрали дерн и землю и обложили ими его ступни. Постепенно груда поднималась совместным трудом многих усердных рук, пока живой конь и его мертвый всадник не были похоронены вместе под памятным курганом; и высоко над гребнем высокого кургана, который покрывал орлиные перья воина, был установлен кедровый столб, чтобы путешественникам на Миссури было более ясно, где находится последнее пристанище Черной Птицы, великого вождя омахау.

Одним из самых поразительных свидетельств масштабов оккупации страны и плотности ее древнего населения является карта из "Древних памятников долины Миссисипи", на которой показан участок долины Сиото протяженностью в двенадцать миль. Квадратные, круглые и многоугольные ограждения, одиночные и группами, параллели, каналы и насыпи занимают все доступные террасы вдоль берегов реки Сиото и ее притока Пейнт-Крик. Группа курганов в округе Росс, штат Огайо, занимает третью террасу на восточной стороне долины Сиото, почти в ста футах над рекой и примерно на равном расстоянии от двух замечательных священных оград. Главный курган имеет высоту двадцать два фута; и при проникновении в его центр были обнаружены следы грубого саркофага из необтесанных бревен по слепку, который все еще оставался в утрамбованной земле. Дно саркофага было застелено циновками или деревом, единственными остатками которого были беловатые наслоения разложившихся растительных веществ; таким же образом сгнили и бревна саркофага, из-за чего на скелет обрушился слой земли. Рядом с ним лежало несколько сотен бусин, сделанных из колумелл морских раковин и бивней какого-то животного, на некоторых из них были отметины, которые, казалось, указывали на то, что они были обточены, а не вырезаны или отшлифованы вручную. Они сохранили свое положение, образовав тройной ряд, как первоначально нанизывались на шею умершего; и, за

исключением нескольких пластинок слюды, были единственными предметами, обнаруженными в могиле. Слой древесного угля площадью около десяти квадратных футов лежал прямо над саркофагом; судя по состоянию обуглившегося дерева, оно внезапно погасло из-за того, что его засыпали землей, пока он еще горел.

Подобные слои древесного угля составляют заметную особенность курганов этого класса и, по-видимому, указывают либо на то, что над носилками совершались жертвоприношения, либо на то, что совершались какие-то погребальные обряды, в которых огонь играл важную роль. На этих погребальных кострах, вероятно, было сожжено много скоропортящихся продуктов, поскольку слои древесного угля иногда перемешиваются с фрагментами костей, каменными орудиями труда и другими свидетельствами жертвоприношений и дани уважения умершему. Также очевидно, что костру разжигали и давали поыхать лишь ограниченное время, когда его пламя гасили, засыпая тлеющие угли землей; так что, хотя древесный уголь находится как под, так и над скелетом, кости огнем не тронуты. Этот обряд практиковался там, где кремация не соблюдалась, и, возможно, символизировал светильник жизни, навсегда погасший в могиле. В этих могильных холмах были найдены орудия труда, как из камня, так и из металла, но по большей части их содержимое указывает на состояние общества и образ мыслей, отличный от того, что подразумевает индийская культура захоронений. Оружие встречается редко и исключительнейшим образом. Наиболее распространенными предметами являются личные украшения, такие как браслеты, перфорированные пластины из меди, бусы из кости, ракушек или металла и аналогичные украшения, которые надевают на тело во время его погребения. Среди предметов, которые, по-видимому, были намеренно расположены вокруг умерших, чаще всего встречаются пластинки слюды. В некоторых случаях скелет был найден полностью покрытым этим материалом; а в других пластинки были вырезаны в виде правильных фигур: дисков, овалов и симметричных изгибов. Однако, как правило, почтение к умершим проявлялось иными способами, чем путем помещения в могилу дорогих подарков; найденные реликвии также не указывают на какую-либо веру, сходную с той, которая побуждает современного индейца класть рядом со своим погребенным вождем охотничье оружие для использования им в будущих охотничьих угодьях или на тропе войны. В нескольких случаях простой саркофаг был построен из камня, а не из дерева; в других случаях тело, по-видимому, было просто завернуто в кору или циновки. В некоторых Южных штатах, по-видимому, практиковались как кремация, так и захоронение урн; но по всем долинам Огайо и его притоков прослеживается почти единообразная система погребальных обрядов. Они, без сомнения, имели какое-то важное отношение к торжественным религиозным обрядам, на которые указывают другие работы того же народа; и поскольку не в могильных курганах, а в тех, что покрывают “алтари”, на которых, по-видимому, часто горели жертвенные костры древних верующих, было найдено большее количество их произведений искусства и даже их орудий труда и оружия: возможно, что там, а не у могильных холмов, они умиловляли гривы умерших и стремились с помощью жертв любви и благоговения выйти за пределы этого мира, чтобы обрести вечное блаженство. один невидимый. Другие признаки, однако, представляют аналогии с расположением гробниц и погребальных урн в древних британских курганах, которые не менее ясно указывают на вероятность человеческих жертвоприношений и самосожжения сатти на могиле великого вождя, столь близкого к представлениям о варварском ранге. Такие жестокие обряды, как мы знаем, практиковались среди мексиканцев и перуанцев в самых широких масштабах; последние приносили в жертву жен, наложниц и слуг на могиле своего умершего инки, в некоторых случаях даже тысячами.

Курган Грейв-Крик, расположенный на слиянии Грейв-Крик с рекой Огайо в штате Вирджиния, по разным данным, занимает видное место среди надгробных памятников Америки. Он занимает участок на обширной равнине в связи с работами, которые сейчас в значительной степени стерты с лица земли; но его собственные гигантские пропорции бросают эффективный вызов операциям, которые быстро стирают менее заметные свидетельства о древних обитателях этой земли. В 1838 году, когда различные обстоятельства привлекли необычно пристальное внимание к американским древностям, мистер Томлинсон, владелец земли, приказал исследовать ее за значительные средства. Шахта, затопленная сверху, и туннель, ведущий к центру, открывали взору две погребальные камеры, одну у основания, а другую тридцатью футами выше. Они были построены, как и в других случаях, из бревен, которые сгнили, и на скелеты обрушился слой грунта с камнями, уложенными непосредственно поверх них. В верхней камере был найден единственный скелет в запущенной стадии разложения, в то время как в нижней находились два скелета, один из которых, как полагали, принадлежал женщине. Рядом с ними лежало от трех до четырех тысяч бус из ракушек, множество украшений из слюды, несколько браслетов из меди и различные реликвии резьбы по камню, упомянутые наряду с произведениями искусства из других древних курганов в одной из будущих глав. Но среди них был каменный диск с надписью, который представляет собой одно из чудес американской древности. Добравшись до нижнего склепа, после извлечения его содержимого, было решено превратить его в удобную камеру для посетителей, и при этом были обнаружены еще десять скелетов, все в сидячем положении, но в слишком хрупком состоянии, чтобы их можно было сохранить. Расположение их непосредственно вокруг погребальной камеры, в самом центре кургана, исключает всякую мысль о последующем погребении и едва ли допускает какой-либо другой способ объяснения их присутствия, кроме того, который предполагают человеческие жертвоприношения как в древних, так и в современных американских погребальных церемониях.

Курган гигантских размеров из Могильного ручья Насыпь убедительно убеждает в том, что подобные сооружения, даже меньших размеров, были не сопровождением обычных захоронений, а особыми памятниками выдающимся вождям; или, иногда, это может быть, почитаемым священникам. О занятом населении, которое когда-то заполняло долины Запада, у нас нет других памятников, кроме тех, что увековечивают труд многих, чтобы дать бессмертное имя тому, кто теперь так же безымянен, как и они сами. Исследователи их работ, подробно описав монументальные курганы, отмечают: "Могила огромной массы древних людей, населявших наши долины, и безмолвные памятники их тяжелого труда видны повсюду, не были обозначены таким образом. Мы едва ли знаем, где их искать. Каждый день плуг вскрывает крошащиеся останки, но они не вызывают никаких замечаний; мимо них проходят и забывают. На опустошенных берегах наших рек иногда встречаются обширные кладбища; но им никогда не уделялось достаточного внимания, чтобы мы могли с какой-либо степенью уверенности говорить об их дате или различать, принадлежали ли они Строителям курганов или более поздней расе. Эти кладбища часто имеют такие размеры, что дают название местности, в которой они находятся. Так, на Уобаше мы слышим о "Большом костяном берегу" и "Малом костяном берегу", из которых, как представляется, река ежегодно вымывает множество человеческих скелетов, сопровождаемых многочисленными и единичными предметами искусства, среди которых особо упоминаются вазы и другие керамические сосуды замечательной и часто фантастической формы".^[87] Мне посчастливилось получить интересный образец последнего класса керамики из Big Bone Bank, представленный на следующей

странице, который особенно ценен из-за поразительной аналогии, которую он наводит на знакомые формы перуанской керамики.

Канал Огайо и Эри пересекает речную террасу долины Скиото в окрестностях Чилликоу, где древних работ строителей курганов больше, чем в любой другой области равных размеров, исследованной до сих пор. В некоторых случаях через них был прорыт канал, и едва ли можно сомневаться в том, что многие интересные следы искусства и привычек замечательных людей, некогда населявших давно опустевшую местность, должны были открыться невнимательным глазам. То тут, то там, несомненно, подбирали случайную реликвию, удивлялись ей и забывали; но не было сделано никаких записей об обстоятельствах, при которых она была найдена, и не было сделано никаких записей о самой находке. И так должно быть всегда. Пионеры цивилизации в нехоженных дебрях Запада слишком поглощены настоящим, чтобы обращать внимание на давно забытые столетия. К счастью, однако, такое положение вещей проходит, и с каждым годом становится все больше свидетельств разумного рвения в восстановлении и сохранении всего, что может пролить свет на доисторические эпохи Америки.

Содержимое кургана в долине Скиото, а также других, описанных выше, доказывает, что человеческие останки были захоронены в них спустя долгое время после того, как тело начало разлагаться; и хотя многочисленные указания указывают на то, что строители курганов широко практиковали кремацию, не исключено, что мог преобладать обычай, аналогичный возведению лесов современными индейцами и последующему захоронению костей их умерших. Периодически собираемые таким образом останки иногда помещались в общий склепик, как в склепе Тейлор-Маунд; а в других случаях сжигались с соблюдением соответствующих обрядов, и их пепел складывался вместе, образуя курганы, подобные тому, который был вскрыт на берегу Уолнат-Крик в долине Скиото. Основная часть этого, по-видимому, состояла из давно обнажившегося и сильно уплотненного пепла, перемешанного с частичками древесного угля и небольшими кусочками обгоревших костей. Под ним был небольшой холмик из очень чистой белой глины, покоящийся на первоначальной почве, без каких-либо следов воздействия огня, поверх которого были сложены обгоревшие останки в холмик высотой девять футов на сорок в основании. Обычаи североамериканских индейцев, однако, были очень разнообразны; и среди древних мексиканцев и перуанцев практиковались ингумация, кремация, захоронение урн и мумификация, сопровождавшиеся помещением в искусственные склепы и пещеры. Поэтому нас не должно удивлять, что среди древних строителей курганов мы находим исключения из любой практики, признанной наиболее распространенной среди них. Учитывая разложившееся состояние большинства костей, извлеченных из больших могильных холмов, где они были в равной степени защищены от внешнего воздуха и влаги: если обычные мертвецы были захоронены под обычным маленьким могильным холмиком, их кости, по большей части, должны были давным-давно превратиться в прах. Нельзя также упускать из виду, что чрезвычайно измельченное состояние, до которого дошло большинство скелетов в более крупных курганах, обнаруженных современными исследователями, объясняется, по крайней мере частично, обрушением на них сверхнапорной массы земли и камней, когда деревянный потолок их саркофага выдерживал вес достаточно долго только для того, чтобы сделать их менее способными противостоять его сокрушительной силе. Идеальная сохранность “черепа из кургана Скиото” была обусловлена тем, что он был замурован в древесный уголь, поверх которого была насыпана надстройка из больших камней, обмазанных прочной желтой глиной, без каких-либо ненадежных деревянных сводов. Он лежал в центре углеродистого отложения, опершись на его поверхность. Нижней челюсти не хватало, и вокруг нее теснились только

ключица, несколько шейных позвонков и несколько костей ступней. Несмотря на отсутствие каких-либо реликвий искусства, он сам по себе является одним из самых ценных предметов, найденных до сих пор в американских курганах.

Таковы некоторые из следов, которые нам удалось обнаружить в погребальных обрядах этого народа. Обсуждая выводы, на которые наводят как их открытия, так и те, которые обнаруживают жертвенные курганы, священные обходные ходы и захороненные произведения искусства, мы имеем дело с характеристиками расы, относящимися к периодам, задолго до любой письменной истории. Для нас это их единственная хроника; и все же даже из таких данных мы можем вывести некоторые черты морального и интеллектуального характера. Возможно, наиболее важным фактом для нашей настоящей цели является редкость боевого оружия среди захоронений. Это согласуется с другими признаками состояния строителей курганов. Они миновали ту грубую стадию дикой жизни, на которой война и охота являются единственными почетными занятиями человека. Их военное оружие, как и крепости, было средством защиты приобретений, которые они научились ценить более высоко. Они завоевали леса и заменили добычу охотников богатым осенним урожаем; а вместе с привычками оседлого земледельческого народа многие новые идеи заняли место диких фантазий и суеверий дикарей. Как и у всех земледельческих народов, весеннее и осеннее время года, несомненно, имело свои соответствующие праздники; и мы все еще можем в воображении оживить их священные ограды и аллеи радостной процессией, несущей благодарственное подношение в виде первых плодов или нагруженной последними золотыми сокровищами урожая.

[87] Древние памятники долины Миссисипи, стр. 171.

ГЛАВА XII. ЖЕРТВЕННЫЕ КУРГАНЫ.

АЛТАРИ В КУРГАНАХ—ОТЛОЖЕНИЯ В АЛТАРЯХ—ТУШЕНИЕ ОГНЯ В АЛТАРЯХ—ОЧАГИ В КУРГАНАХ—ГОРОД В КУРГАНАХ—ВОЕННЫЕ АЛТАРНЫЕ КУРГАНЫ—ИХ СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ—ЗНАЧЕНИЕ ИХ ОТЛОЖЕНИЙ—АНАЛОГИЧНЫЕ ИНДИЙСКИЕ ОБРЯДЫ—ПЕРЕХОДНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ.

Название жертвенных курганов было присвоено классу памятников, характерных для Нового Света и в высшей степени иллюстрирующих обряды и обычаи древней расы курганов. Из их содержания мы также извлекаем многие из наиболее интересных примеров искусства этого необычного народа. Наиболее заметными характеристиками жертвенных насыпей являются: их почти неизменное наличие внутри ограждений; их регулярное сооружение из однородных слоев гравия, земли и песка, расположенных попеременно слоями, соответствующими форме насыпи; и их покрытие симметричным очагом или алтарем из обожженной глины или камня, на которых хранятся многочисленные реликвии, во всех случаях обнаруживающие следы, более или менее обильные, воздействия огня.

Было открыто достаточное количество жертвенных курганов, чтобы оправдать принятие определенных общих выводов относительно их конструкции и целей, для которых они были спроектированы. На естественной поверхности земли, в большинстве случаев, бассейн из мелкой глины, по-видимому, был тщательно смоделирован в идеально симметричной форме, но различался по форме и еще больше по размерам. Они были найдены квадратными, круглыми, эллиптическими и в форме параллелограммов; их размеры варьируются от диаметра в два фута до пятидесяти или шестидесяти футов в длину и двенадцати или пятнадцати футов в ширину. Однако наиболее распространенные размеры составляют от пяти до восьми футов в диаметре. Глиняный сосуд, или “алтарь”, как его называли, неизменно содержит следы воздействия огня и часто сильного и продолжительного или часто повторяющегося нагрева. Более того, очевидно, что в некоторых случаях он не только часто использовался, но и после разрушения в результате многократного воздействия сильного тепла несколько раз перестраивался, прежде чем его окончательно накрыла насыпная насыпь.

В центре или чаше алтарей найдены многочисленные реликвии: искусная резьба по камню, украшения, вырезанные из слюды, медные орудия труда, диски и трубки, жемчужные бусы, раковины и серебро, а также различные другие предметы, упомянутые ниже, но все они в большей или меньшей степени пострадали от огня. В некоторых случаях резные трубы и другие изделия из камня были расколоты и прокалены высокой температурой, а медные реликвии были расплавлены, так что металл лежит расплавленными бесформенными массами в центре чаши. Также были обнаружены следы ткани, полностью обуглившейся, но все еще сохранявшей структуру двойной и скрученной нити; иглы из слоновой кости и другие предметы, разрушаемые огнем; и все это неизменно находили смешанным с большим количеством золы. Большие скопления обожженных костей, включая фрагменты человеческих костей, также лежали поверх некоторых отложений или смешивались с ними; а в других случаях масса обожженных раковин или мелкой углеродистой пыли, подобной той, что образуется при сжигании растительных веществ, заполняла всю впадину. Но хотя по нескольким следам очевидно, что отложения на алтарях включали в себя подношения предметов, которые сразу поддавались разрушительному воздействию, которому они там подвергались, а также других, способных в какой-то степени противостоять интенсивности пламени: сохранились лишь слабые следы всех, кроме наименее разрушаемых реликвий из камня или металла. В одном кургане части содержимого были сцементированы между собой похожим на туф веществом серого цвета, напоминающим печную скорлупу и обладающим большой твердостью. Но последующие анализы показали, что он частично состоял из фосфатов; а единственный фрагмент частично обожженной кости, найденный на алтаре, был надколенником человеческого скелета. Длительное и, вероятно, часто повторяющееся воздействие интенсивного нагрева довело сцементированную массу до такого состояния. Некоторое количество керамики, множество орудий труда из меди и большое количество наконечников копий, отколотых из кварца и марганцевого граната, также были сложены в очаге; но они были смешаны с большим количеством угля и золы и все были более или менее расплавлены или расколоты под сильным воздействием огня. Из одного-двух бушелей фрагментов наконечников копий и от пятидесяти до ста кварцевых наконечников стрел только четыре экземпляра были извлечены целыми. По земляным отложениям, заполнявшим одно из отделений, были разбросаны следы нескольких деревянных брусков длиной в четыре или пять футов, которые, как предположили исследователи, служили опорой для погребальной или жертвенной кучи. Они были слегка обожжены, и обугленная поверхность сохранила их слепки в твердой земле, хотя древесина полностью сгнила. Они были сложены горкой, пока

тлели, потому что земля вокруг них слегка обожглась; и таким образом, после повторяющихся и, возможно, затянувшихся жертвенных обрядов, некое грандиозное заключительное богослужение завершило религиозные мистерии; и пылающий алтарь был погашен с помощью кургана, который должен был сохранить его для наставления будущих веков.

Свидетельства того, что некоторые из алтарей использовались в течение значительного периода и неоднократно обновлялись, прежде чем их окончательно засыпали, наводят на мысль, что это не более чем очаги жилищ древних строителей курганов. Но в некоторых случаях в пределах обширных обходных путей был найден единственный алтарь-очаг. Когда они собраны в группы, их ограждения представляют собой небольшие границы, как мест, священных для религиозных обрядов, а не оборонительных насыпей с внешним рвом. Их содержимое нельзя рассматривать просто как различные отложения, подобные куче мусора в индейской хижине или содержимому оссуария современного индейца; и очевидно, что эти очаги систематически перекрывались насыпями, сооруженными с большой тщательностью, даже там, где они были лишены других следов, кроме пепла от их последних костров. Например, в одном большом кургане, сто сорок футов в длину и шестьдесят футов в наибольшую ширину, — уже упоминавшемся как тот, в котором было найдено так много кварцевых наконечников для копий и стрел, а также меди и других реликвий; — было замечено, что внутри продолговатой чаши первоначального алтаря был сооружен новый очаг меньших размеров. В него были помещены все реликвии, хранившиеся в кургане, а внешние отсеки большого бассейна были равномерно засыпаны землей, на поверхности которой виднелись следы пожара. Более тщательное изучение привело к открытию, чтобыли построены три последовательных алтаря, один над другим, в дополнение к меньшему очагу, в который были принесены последние подношения, прежде чем он был погребен под окружающей его насыпью. В других примерах было замечено, что алтари обгорели очень слабо; но везде, где это имело место, от них также не осталось никаких останков.

Наряду с доказательствами единообразия системы и назначения в этих структурах, существует также значительное разнообразие в некоторых их деталях; и может быть выбрана одна группа, поскольку по нескольким причинам она обладает особыми особенностями, представляющими интерес. На западном берегу Сциото древнее ограждение занимает ровную террасу непосредственно над рекой. По очертаниям он почти квадратный, со скругленными углами, и состоит из простой насыпи высотой от трех до четырех футов, не сопровождаемой рвом или какой-либо другой особенностью, указывающей на то, что это было место обороны. Он занимает площадь в тринадцать акров, в пределах которой находятся двадцать четыре кургана, включая уже упомянутый большой продолговатый. Все они были раскопаны и обнаружили алтари и другие останки, наводящие на мысль о местах жертвоприношений, а не о захоронениях. Следовательно, можно предположить, что здесь находилось одно из священных убежищ Строителей Курганов. Ему было дано название “Город-курган”, и результаты его исследования доказывают, что это была одна из самых замечательных сцен древнего церемониала в долине Сциото. Может показаться, что здесь воздвигли алтарь каждому богу американского пантеона; ибо не менее примечательной особенностью, наблюдаемой в отношении этого класса курганов, является то, что они не обнаруживают разнообразного скопления реликвий, подобных индейскому оссуарию или могильному холму. Напротив, жертвенные отложения, как правило, почти однородны. На одном алтаре в основном найдены скульптурные трубки числом до сотен; на другом — керамика, медные украшения, каменные орудия или галенит; на других — только скопление обожженных раковин, углеродистого пепла

или обожженных костей. Один холмик этого ограждения прикрывал очаг в форме параллелограмма предельной правильности, размером десять футов в длину и восемь в ширину, и содержал осадок мелкой золы с фрагментами керамики, из которых были извлечены и отреставрированы осколки одной прекрасной вазы. Рядом с ними также лежало несколько ракушек и жемчужных бусин. В другом продолговатом кургане алтарь представлял собой такой же идеальный квадрат, но с круглой чашей, примечательной своей глубиной и заполненной массой обожженных ракушек. Другой, хотя и небольших размеров, содержал почти двести трубок, с искусством вырезанных из красного порфиrowого камня в виде фигурок животных, птиц, рептилий и человеческих голов. В дополнение к ним были также диски, трубки и украшения из меди, жемчужные бусы и ракушки и т.д., Но все они в большей или меньшей степени пострадали от жара, который был достаточно сильным, чтобы расплавить некоторые медные реликвии. Количество предметов, найденных в этом кургане, превышает любое другое отдельное месторождение. Некоторые из них содержат иллюстрации, имеющие большое значение в отношении искусства, привычек и вероятного происхождения их создателей; и то, что они были ценными предметами, намеренно подвергнутыми воздействию разрушительной стихии, едва ли допускает сомнения. Подобное разнообразие характерно и для содержимого других курганов, как в пределах упомянутой ограды, так и в других, где были проведены тщательные исследования. Из одного, например, было взято свыше шестисот дисков из рогового камня, и было подсчитано, что все месторождение насчитывало немногим менее четырех тысяч.

Таким образом, представляется, что жертвоприношения огнем практиковались как важная и часто повторяющаяся часть священных обрядов строителей курганов; а также что приношения преследовали определенные специфические и различные цели. Курганы-алтари в основном находятся внутри того, что, по-видимому, было ограждениями, предназначенными в первую очередь, если не исключительно, для религиозных целей; но они также встречаются, как правило, в виде отдельных сооружений, внутри военных опорных пунктов: где, как можно предположить, их было достаточно для жертвоприношений, предназначенных для умиловления объектов национального культа и завоевания благосклонности их божеств, когда гарнизонам был закрыт доступ к священным ограждениям, где в основном совершались национальные религиозные обряды.

В четверти мили от “Курганного города” сооружение, несколько похожее по очертаниям, но большего размера, наводит на мысль об укрепленном месте: спроектированном не как военная цитадель, а как обнесенный стеной город, в котором, возможно, проживали те, кто совершал жертвоприношения в соседнем храме. В отличие от небольшой ограды последнего, его стены защищены внешним рвом; и если их окружать частоколом или другими военными сооружениями, они были хорошо приспособлены для обороны. Территория, огороженная таким образом, составляет двадцать восемь акров; и почти, если не точно, в центре находится священный курган, который прикрывал алтарь необычной конструкции с замечательными следами жертвенных обрядов. Он претерпевал неоднократные изменения перед своим окончательным захоронением. На алтаре было обнаружено скопление обгоревших останков, тщательно засыпанных слоем песка, поверх которого была насыпана надстройка кургана. “Осадок состоял из тонкого слоя углеродсодержащего вещества, к которому были примешаны несколько обгоревших человеческих костей, но настолько прокаленных, что распознать их было чрезвычайно трудно. Были также найдены десять хорошо сработанных медных браслетов, сложенных в две кучи, по пять в каждой, и обвивающих несколько обожженных костей,

вероятно, тех, что принадлежали рукам, на которых они были надеты. Кроме того, была найдена пара толстых пластин слюды, положенных на западный склон алтаря”.^[88]

Все исследования совпадают в доказательстве того, что алтари Строителей Курганов использовались в течение значительного периода времени и что их окончательное закапывание производилось с систематической тщательностью. В этом отношении они представляют разительный контраст с могильными холмами индейцев, самые большие и внушительные из которых представляют собой не что иное, как огромные могильные холмы или земляные пирамиды, иногда эллиптической или грушевидной формы, но в их внутренней структуре нет и следа какого-либо другого замысла, кроме насыпания над саркофагом почитаемого вождя такого кургана, который сохранил бы его имя и славу до последующих времен.

Изучение этого класса древних произведений наталкивает на множество любопытных вопросов, на которые трудно дать какой-либо удовлетворительный ответ. Представляется вероятным, что не только каждый последующий этап использования и реконструкции алтаря, но и возведение насыпного кургана имели свое собственное значение и сопровождающие его обряды. В одном из сооружений “Курганного города” после проникновения через четыре последовательных слоя песка, расположенных с интервалом чуть более фута между слоями земли, и проведения раскопок в целом на глубину девятнадцати футов был обнаружен гладкий ровный пол из слегка обожженной глины, покрытый тонким слоем песка, и на нем был равномерно расположен ряд круглых пластин слюды диаметром десять дюймов или фут, которые перекрывали друг друга, подобно рыбьей чешуе. Все месторождение не было вскрыто, но обнаружилось достаточно, чтобы привести наблюдателей к выводу, что весь слой слюды был расположен в форме полумесяца, полные размеры которого должны составлять двадцать футов от рога к рогу и пять футов в наибольшей ширине. В некоторых курганах скопилось углеродистое вещество, подобное тому, которое образовалось из пепла листьев или травы, что может свидетельствовать о изящных подношениях первых плодов земли. В других случаях скопление сотен искусно вырезанных каменных трубок на одном алтаре наводит на мысль о каком-то древнем церемониале с трубками мира или войны, в котором особый американский обычай курения табака имел особое значение и даже, возможно, свое происхождение. В других случаях нам, возможно, следует проследить в захоронении под священным курганом сотен наконечников копий и стрел, медных топоров и другого боевого оружия церемониал, увековеченный в грубой индийской символике захоронения томагавка или боевого топора. Но, рассматривая свидетельства, которые так четко отделяют гробницы от священных курганов, едва ли возможно избежать вывода, что на некоторых алтарях Строителей Курганов приносились человеческие жертвы; и что внутри их священных оград совершались обряды, не менее отвратительные, чем те, которые характеризовали поклонение, которое свирепые ацтеки, как утверждается, считали наиболее приемлемым для своих кровавых богов. У мексиканцев, если верить рассказам их испанских завоевателей, человеческие жертвоприношения составляли завершающий обряд почти каждого праздника. То, что большое преувеличение прослеживается в повествованиях хроник, отчасти признается даже восторженным историком завоевания Мексики; и очаровательный исторический роман, сотканный Прескоттом, возможно, даже более подвержен сомнению в воспроизведении грубых обвинений в каннибализме и массовой бойне в суеверных обрядах мексиканцев, чем в его великолепных изображениях их архитектурного великолепия, их храмов и дворцов, скульптурных фонтанов,

плавающих садов и всего странного сочетания мавританской роскоши с утонченностью европейской жизни и ее безоговорочной свободой женщин. .

Среди произведений любого индейского народа, известного европейцам, нет ничего, что соответствовало бы геометрическим ограждениям или алтарным насыпям долины Миссисипи. Тем не менее, в поисках доказательств их этнического сходства мы, естественно, задаемся вопросом, нельзя ли обнаружить следов их особых обрядов и обычаев в более грубых обычаях диких народов, обнаруживаемых при заселении их заброшенных мест; и некоторые из тех, что использовались различными индейскими племенами, несомненно, наводят на мысли, которые, возможно, вдохновляли древних жителей долины при строительстве и использовании их курганов для жертвоприношений. Например, один класс реликвий кургана таким образом проиллюстрирован в рассказе Хэриота об открытии Вирджинии в 1584 году. Он описывает употребление табака, который местные жители называют упувок, и значительно расширяет его лечебные свойства. Затем он добавляет: “Этот уппувок так ценится среди них, что они думают, что их боги в восторге от него, после чего иногда разводят освященные костры и бросают в них немного порошка для жертвоприношения”. Обнаружение безошибочных свидетельств того, что один из священных алтарей “Курганного города” был специально посвящен никотианским обрядам и жертвоприношениям, делает такие намеки особенно значимыми. По верованиям древних богомольцев, Великий Дух улавливал сладкий аромат в дыму священного растения; и простой предмет современной роскоши превратился в их руках в священную кадку, от которой поднимался пар с таким же подходящим умиляющим запахом, какой благоухает в ужасных пределах соборного алтаря среди таинств высоких и святых дней Церкви.

Это действительно смутное и неполное представление, которое мы получаем о древнем верующем, с его странными обрядами, его погребальным искусством и следами его умиляющих жертвоприношений. Но каким бы незначительным оно ни было, оно раскрывает положение вещей, во многих отношениях отличное от всего остального, что мы знаем о прежней истории Нового Света; и поэтому его самые несовершенные сведения представляют для нас больший интерес, чем любые открытия, относящиеся к современной Индии. Еще больше этот интерес подтверждается каждым указанием, которое, по-видимому, представляет древних строителей курганов как в некотором отношении связующее звено между грубыми племенами американских лесов и прерий и теми народами, которые первые европейцы обнаружили обосновавшимися в городах, под хорошо организованным управлением и окруженными многими средствами цивилизации, сходными с теми, с которыми они были давно знакомы у древних народов южной Азии. Необходимо обратить внимание на великие центры местного прогресса, все еще проявляющиеся в разрушенных памятниках исчезнувшего искусства в Центральной Америке и иллюстрируемые столь многими свидетельствами национального развития, достигнутого под властью ацтеков и инков, с целью понимания всего, что было по сути родным для Нового Света. Но прежде чем повернуть на юг, к этим очагам хорошо развитой местной цивилизации, остается рассмотреть еще один класс земляных сооружений весьма своеобразного характера. Были описаны минеральные районы, откуда Строители курганов черпали свои запасы меди; но между ними и густонаселенными долинами Огайо лежит обширный регион, изобилующий памятниками, не менее замечательными, чем некоторые из тех, что уже упоминались; и ценный как возможное связующее звено в разрозненных фрагментах таких древних хроник. Поскольку они находятся в географическом, а возможно, и в других отношениях непосредственно между старыми

регионами строителей курганов и Рудокопов доколумбовых веков, их нельзя не заметить ни в одном археологическом исследовании истории Нового Света.

[88] Древние памятники долины Миссисипи, стр. 157.

ГЛАВА XIII. СИМВОЛИЧЕСКИЕ КУРГАНЫ.

РЕГИОН ВИСКОНСИН—КУРГАНЫ ЖИВОТНЫХ—СИМВОЛИЧЕСКИЕ КУРГАНЫ—КУРГАН БОЛЬШОГО СЛОНА—КУРГАНЫ ОКРУГА ДЕЙД—МАСШТАБ ЗЕМЛЯНЫХ РАБОТ—ЗАКРЫТЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА—РАБОТЫ НА РЕКЕ РОК—СЕВЕРНЫЙ АЦТАЛАН—ДРЕВНИЕ ГРЯДКИ—РАВНИНЫ ВИСКОНСИНА—СВЯЩЕННАЯ НЕЙТРАЛЬНАЯ ЗЕМЛЯ—КУРГАН АЛЛИГАТОРА—ВЕЛИКИЙ ЗМЕЙ, ОГАЙО—СИМВОЛЫ ЗМЕИ—ЗЕМЛЯНЫЕ РАБОТЫ ГЛУБОКОЙ ПЕЧАТИ—НАВОДЯЩИЕ НА РАЗМЫШЛЕНИЯ ВЫВОДЫ—ДРЕВНЯЯ РАСА—КАСТА СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ—ДРЕВНОСТЬ РАСЫ—НЕПОЛНОЦЕННОСТЬ ИНДЕЙСКИХ ПЛЕМЕН.

Хорошо орошаемый регион, простирающийся на запад от озера Мичиган до Миссисипи, до недавнего времени был заселен сравнительно плотным индейским населением; и даже сейчас дает приют остаткам местных племен. Но помимо следов их эфемерных жилищ и могил, он изобилует земляными сооружениями особого характера, характерными для Нового Света. Но об этом, как и о других частично исследованных регионах запада, более ранние сообщения были расплывчатыми и противоречивыми; и только совсем недавно были точно определены характеристики его памятников. Г-н Дж. А. Лэфем, чьи раскопки и описание "Древностей Висконсина" в основном связаны с мельчайшими сведениями об этих замечательных земляных сооружениях, утверждает, что впервые описал Черепаший курган в Уокеше и другие изображения животных на той же территории еще в 1836 году. Эти заметки, однако, появлялись только в местных газетах; и впервые всеобщее внимание было обращено на них мистером Р. К. Тейлором в "Американском журнале искусств и наук" в 1838 году. Таким образом, был осознан их своеобразный характер и пробудился такой всеобщий интерес, что Американское общество антикваров было вынуждено предоставить в распоряжение мистера Лэфема средства для проведения тщательных изысканий, опубликованных с тех пор.

Появление "Курганов животных" ни в коем случае не ограничивается исключительно штатом Висконсин. Некоторые примеры заслуживают особого внимания среди разнообразных земляных работ в долинах Огайо и Скиото. Но важный факт, связанный со следами аборигенов Висконсина, заключается в том, что его курганы животных не встречаются попеременно, как в долине Огайо, с гражданскими и священными оградами, могильными холмами и оборонительными сооружениями; но в его четко определенных пределах тысячи гигантских

барельефов людей, зверей, птиц и рептилий, созданных упорным трудом на поверхности почвы, составляют его отличительную черту; и нет никаких свидетельств того, что их сооружали с какой-либо иной целью, кроме увековечения их внешних форм. Обширные равнины или слегка волнистые поверхности прерий создают особенно благоприятные условия для создания колоссальных рельефов местного художника, но не более того, что можно встретить в других местностях, где таких насыпей нет. Поэтому важно помнить, что оборонительные или военные сооружения, а также те, которые, по-видимому, предназначены для проведения жертвенных обрядов или религиозных церемоний, вряд ли можно встретить на территории, отмеченной этими необычными группами имитирующих земляных сооружений. Более того, страна хорошо приспособлена для поддержания большого населения на самых разных стадиях социального прогресса. По его слегка волнистой поверхности вялым, но прозрачным течением текут многочисленные реки и ручьи на восток и запад, чтобы впасть в озеро Мичиган или Миссисипи. Бассейны и группы озер, в которые они расширяются, обеспечивают изобилие дикого риса, который одновременно является средством пропитания для многочисленных водоплавающих птиц, а также представлял собой важный источник снабжения аборигенов, пока они владели этой территорией. Реки и озера также изобилуют превосходной рыбой; и там, где на почву не ступала нога плуга вторгшегося поселенца, многочисленные следы более древнего сельскохозяйственного труда указывают на то, что индейцы выращивали кукурузу и развили некоторые промышленные искусства оседлого народа. Индейские могильные холмы разнообразят поверхность и содержат украшения и оружие грубых кочевников, которые все еще обитают на окраинах этого западного штата. Но такие незначительные и неискусственные курганы легко отличить от замечательных сооружений более отдаленной эпохи, которые составляют археологическую характеристику региона. Здесь, действительно, как и везде, индейцы обычно выбирали древние земляные укрепления в качестве мест захоронения; и, как правило, отдавали предпочтение более крупным и заметным курганам. На некоторых из них геодезисты распознали недавние захоронения потоватоми. Но их неправильное расположение показывает, что они не имеют никакого отношения к первоначальному проекту. По своему поверхностному характеру они соответствуют небольшим могильным холмкам, насыпанным несовершенными орудиями современных индейцев; и они контрастируют во всех других отношениях с трудоемким сооружением гигантских курганов для животных.

Символические земляные сооружения на равнинах Висконсина не ограничиваются изображением животных, хотя преобладание курганов животных подсказало такое название для всего комплекса. Насыпи имеют форму крестов, полумесяцев, углов и прямых линий; а также, по-видимому, представляют собой гигантские изображения боевой дубинки, табачной трубки и других знакомых орудий труда или оружия. Некоторые кресты и другие более простые формы, вероятно, первоначально изображали животных, птиц или рыб с распростертыми крыльями или плавниками. Но в них, как и в более четко очерченных курганах животных, время стерло мельчайшие штрихи древнего скульптора и стерло указания на его значение. И все же среди наиболее хорошо сохранившихся рельефов фансу по-прежнему выделяет лося, буйвола, медведя, лису, выдру и енота. Часто встречается ящерица; также появляются черепаха и лягушка; неоднократно изображаются птицы и рыбы; и сам человек фигурирует среди древних рельефов. Из одной формы кургана, которую мистер Лэфемидентифицирует как выдру, можно привести семь примеров. Описано шестнадцать крестообразных земляных сооружений, а обычные примеры всех размеров исчисляются сотнями.

Недаром некоторые из более крупных насыпей посреди этих символических земляных сооружений были названы обсервационными насыпями и предполагались, что они были построены для того, чтобы можно было увидеть трудоемкие устройства. Обычно строитель курганов испытывает искушение придать большую видимость своему кургану, воздвигнув его на вершине холма или обрыва; но в прериях Висконсина таких естественных возвышенностей не хватает; и, следовательно, для строительства такого класса сооружений были предпочтительны самые низкие уровни. “Большой слоновий курган”, длина которого составляет 135 футов, построен в долине, плавно спускающейся к Миссисипи, в нескольких милях ниже впадения реки Висконсин. Хребты по обе стороны предлагали выбор возвышенных участков; но дно, находящееся почти на уровне Миссисипи во время половодья, было выбрано намеренно, чтобы устройство можно было обозревать с соседних высот. Фантазия подсказывает, как придать значение работам старых модельеров. В этом примере удлиненная морда, или хоботок, привела к его обозначению как “Большой слоновий курган”; и его описатель в отчете Смитсоновского института за 1872 год так уверенно полагается на его предполагаемое значение, что спрашивает: “Разве существование такого кургана не является хорошим доказательством одновременного существования мастодонта и строителей курганов?” Эта цифра, хотя и сравнительно большая, превзойдена многими. Некоторые из них действительно имеют гигантские масштабы. Один холм своеобразной, но неопределенной формы, сужающийся на протяжении пятисот семидесяти футов. На своей меньшей оконечности или хвосте он слегка изгибается на восток. На противоположной оконечности находятся большой крест и один из самых больших круглых курганов. Его устройство уже невозможно распознать; но на его сооружение было затрачено много изобретательности и еще больше труда. Другая примечательная группа в округе Дейд включает шесть четвероногих неопределенных видов, шесть параллелограммов, большой курган, круг и человеческую фигуру. Животные сгруппированы в два ряда, и кажется, что курган был возведен как обсерватория, откуда можно наблюдать за замысловатым дизайном. Проницательный английский критик усматривает в нем возможный памятник триумфу, подобному триумфу древнегреческого возникшего на национальных играх, с соответствующей заменой колесницы санями, а беговых собак - упряжкой на ипподроме. “Принимая во внимание, - говорит он, “ грубость эпохи и мастерства изготовления, непрактичность материала, а также масштаб и материю, в целом это действительно неплохое представление о собачьих упряжках современных Камчатдейлов. Предположим, что их рога были опущены из-за невозможности возведения земляных валов, которые стояли бы хорошо и пропорционально их изображали, они могли бы обозначать лося или северного оленя. Однако, какое бы животное ни было взято, возможно, будет законным выводом, что перед нами колоссальный трофей суператлантического гонщика на какой-нибудь американской скачке; почему бы не любопытный ипподром, или, правильнее сказать, цинодром, с его стартовыми ячейками (carceres), его трассой, его метой и триумфальной дорогой в город?”^[89]

Искушенному переводчику не было необходимости обращаться к отдаленной Камчатке за моделью своих собачьих упряжек, поскольку они достаточно распространены среди индейцев Северо-запада. Но общий обзор земляных сооружений Висконсина ни в какой степени не подтверждает эту интерпретацию, за исключением случаев, когда такие курганы животных могли быть монументальными памятниками и трофеями за достижения в войнах и охоте. Как таковые, они выполнены в масштабе, свидетельствующем о систематической затрате огромного количества труда; и поскольку в последнее время у некоторых нашло поддержку

мнение, что большие курганы являются просто результатом многих последовательных захоронений; и признаки регулярного наслоения некоторых из них были приведены в подтверждение этой идеи: соответствующие пропорции курганов для животных значительны. В них, по крайней мере, строители с самого начала руководствовались предвзятым замыслом; и некоторое адекватное представление о масштабах группы жителей округа Дейд будет сформировано на основе правильной оценки пропорций предполагаемого возникшего. Он изображен, как обычно на подобных курганах, с вытянутыми конечностями и непропорционально длинными руками; возможно, из-за рисунка, первоначально представлявшего какой-нибудь инструмент в каждой руке. Его длина с головы до ног составляет сто двадцать пять футов, а от кончика одной руки до кончика другой - сто сорок футов. Одна только голова представляет собой холмик двадцати пяти футов в диаметре и почти шести футов в высоту над окружающей почвой. Оценивая все в целом по этой шкале, совершенно очевидно, что группа, включающая в себя в общей сложности пятнадцать курганных фигур, должна была быть произведением огромного времени и труда и, несомненно, обязана своим возникновением какому-то мотиву или цели соответствующего масштаба, по оценке ее создателей.

Мистер Скулкрафт попытался разгадать тайну символических курганов, предположив, что они являются тотемами, или геральдическими символами, используемыми индейскими племенами и воспроизведенными таким образом при земляных работах в гигантском масштабе. Лиса, медведь, орел, черепаха или другое животное выбираются среди них в качестве знака племени или семьи. Этот обычай преобладал среди ирокезов, гуронов, алгонкинов, чероки и других народов, населявших очень обширные территории; и, соответственно, руководствуясь внешним сходством Курганов животных с такими тотемическими знаками, м-р Скулкрафт говорит: "Племя не могло оставить более стойкого следа почитаемого сахема, или заслуженной личности, чем возведение одного из этих памятников. Они явно носят похоронный характер и не имеют никакой другой цели, кроме как сохранить имена выдающихся актеров в своей истории".^[90] Но исследования, кажется, доказывают, что символические курганы Висконсина не являются захоронениями; в то время как любое соответствие, которое можно проследить между ними и тотемическими символами племен, некогда столь широко распространенных, как алгонкины, ирокезы и чероки, только увеличивает загадочность символов, созданных в этом колоссальном масштабе и ограниченных столь ограниченной территорией. Действительно, тщательный обзор настолько далек от подтверждения любой такой удобной и краткой фантазии, что мистер Лэфем заявляет в результате тщательных исследований, что, по его мнению, в истории местности прослеживаются четыре эпохи, две из которых, по крайней мере, предшествовали эпохе оккупации индейскими племенами. Период строительства курганов для животных разительно контрастирует с периодом земляных работ, описанных ранее, из-за редкости вложенных произведений искусства. Но несколько обнаруженных орудий представляют большой интерес из-за их очевидного сходства с орудиями строителей курганов. Несколько больших дисков из рогового камня, которые я видел, принадлежат к тому же типу, что и те, что в огромном количестве найдены в курганах Огайо; и мистер Альберт Х. Хой из Расина, штат Висконсин, описывает в письме ко мне обнаружение около тридцати таких же реликвий в окрестностях при обстоятельствах, наводящих на мысль о глубокой древности. Они лежали на глубине восьми футов в нетронутой почве, под тонким слоем торфа, в том, что, по-видимому, было древним руслом Рок-Ривер.

Места символических земляных сооружений Висконсина соответствуют тем, которые строители курганов использовали для своих священных оград; хотя другие их работы, и особенно самые замечательные из их курганов для животных, были построены на заметных высотах. В плодородном регионе, ограниченном великими озерами и Миссисипи, многочисленное население, возможно, долгое время жило без помех, наслаждаясь изобилием древесины, воды и легко обрабатываемой почвы. На утесах и террасах, возвышающихся над реками и озерами, по которым осуществлялось сообщение с окружающей территорией и с более отдаленными регионами, земляные сооружения расположены обширными и явно зависимыми группами. Но, в отличие от богатых мемориальных курганов долины Сциото, в них обнаруживается мало вложенных реликвий, позволяющих вести хронику истории их возведения и проливать свет на расу художников, которые кропотливо разнообразили природный ландшафт подобными приспособлениями. В нескольких случаях в них были найдены человеческие останки при обстоятельствах, которые явно не указывают на современную дату; но, подводя итог результатам своих исследований, мистер Лэфем замечает: "Насколько я имел возможность наблюдать, в курганах имитирующей формы нет оригинальных останков, за исключением нескольких разрозненных фрагментов, которые, возможно, попали туда случайно. Многие насыпи были полностью удалены, включая землю под ними на значительную глубину, в процессе разметки улиц в Милуоки; и обычно обнаруживается, что естественная поверхность не была нарушена во время возведения, но что несколько слоев плесени, глины, гравия и т.д. Находятся под сооружением непрерывно, как и на прилегающих территориях. Большое количество небольших конических курганов также лишены каких-либо останков; и если человеческие тела когда-либо были погребены под ними, то теперь они настолько полностью "обратились в прах", что от них не осталось никаких видимых следов".^[91]

Обширные работы в Ацталане, на западном притоке Рок-Ривер, представляют аналогии иного рода, чем священные и гражданские ограды строителей курганов. Считается, что они представляют собой единственную древнюю ограду, собственно так называемую, во всем регионе символических курганов; и под названием "древний город Ацталан" долгое время считались одним из чудес западного мира. Первые исследователи искали прародину ацтеков, и первый геодезист земляных работ на Рок-Ривер назвал их Ацталанами, в полной уверенности, что долгожданный город мексиканской традиции наконец найден. Это название было стимулом к доверчивости и удивлению и оказалось источником многих экстравагантных преувеличений. Кирпичные стены, все еще поддерживаемые прочными контрфорсами; подземный свод и лестница, обнаруженные в одном из его квадратных курганов; подземный проход, перекрытый каменной аркой; бастионы из цельного камня и другие элементы подобного рода: все это соответствовало предполагаемому прародине ацтеков и колыбели исконной цивилизации Америки. При тщательном рассмотрении эти удивительные черты исчезают. Однако, освобожденные от преувеличений и лжи, работы ацталана по-прежнему обладают замечательными характеристиками. Площадь в семнадцать акров на берегу Рок-Ривер с трех сторон обнесена валом с правильными "бастионами", как их называют; хотя как конструкция стен, так и местоположение ограды — поскольку она окружена возвышенностью почти со всех сторон, — исключают мысль о том, что это было место обороны. Большие квадратные курганы с террасами занимают северный и южный углы. В одном из них был найден человеческий скелет; а в других курганах встречается грубая керамика; но и то, и другое, возможно, было отложено задолго до завершения земляных работ в Ацталане. За этими исключениями, ничто еще не вознаградило тщательных и тщательно продуманных раскопок его исследователей,

стремящихся пролить свет на первоначальных строителей. В его бастионах напрасно рыли туннели; и при раскопках, сделанных в некоторых из крупнейших курганов за пределами ограды, был обнаружен только пепел, смешанный с древесным углем и фрагментами человеческих костей, без единого произведения искусства, подобного тем, которые придают такой наглядный интерес курганам долины Огайо.

Предполагая, что работы Ацталана и курганы животных в Висконсине относятся к одному и тому же периоду, мистер Лэфем относит конические курганы к более поздней эпохе. Он считает их построенными для погребальных целей и демонстрирующими, как в конструкции, так и в материалах, мастерствозначительно низшей расы строителей. Далее идут то, что современные поселенцы называют “древними грядами”, состоящими из низких, широких, параллельных грядок, как будто кукурузу сеяли сеялками. В среднем они имеют четыре фута в ширину, а глубина промежутка между ними составляет шесть дюймов. Эти проявления указывают на более совершенную систему сельскохозяйственных операций, чем все, что, как известно, практиковалось современными индейскими племенами; но, в то же время, они не менее отчетливо связаны со строительством древних курганов. Там, где это происходит на обрабатываемом участке, параллельные гребни старых культиваторов проходят по ним таким же образом, как и по любой другой неровности почвы. Таким образом, очевидно не только то, что символические земляные работы предшествовали им, но и то, что они не имели ни святости, ни какого-либо особого значения в глазах возделывающих землю. Вероятно, действительно, такие следы сельскохозяйственных операций относятся к гораздо более современному периоду.

Какие же выводы следует сделать из древних памятников, характерных для территории, лежащей непосредственно к югу от великого медного региона озера Верхнее? Они в основном носят отрицательный характер, но не лишены в этом смысле значимости. Если мы предположим, что современные народы в Висконсине и долине Огайо существовали во времена строителей Курганов, хроники той эпохи демонстрируют их нам в разительном контрасте. В одном регионе каждая удобная высота увенчана сложными укреплениями многочисленного и воинственного народа; в то время как на широких уровнях речных террас хитроумные геометрические сооружения доказывают их мастерство и интеллектуальное развитие применительно к формированию гражданских и храмовых ограждений. Их священные и могильные холмы подобным же образом демонстрируют значительное художественное мастерство и исключительное разнообразие обрядов и обычаев, требуемых при отправлении их национального культа. Обращаясь к северной части, все меняется. Вдоль речных террас мы тщетно ищем военные сооружения. В курганах нет алтарей, богатых металлургическим или миметическим мастерством их строителей; напротив, единственные следы имитационного искусства обнаруживаются во внешних формах земляных сооружений, исследование которых опровергает идею о том, что они были возведены либо над могилой, либо над алтарем, и не выявляет никакой другой цели их возведения.

Если учесть, что наряду со слюдой Аллеганских гор, раковинами Мексиканского залива и обсидианом из древнего центра американской цивилизации медь с озера Верхнее является одним из наиболее распространенных материалов, обнаруживаемых в курганах Миссисипи, возникает соблазн проследить некую тесную связь между воинственными обитателями долин Огайо и Скиото и особой расой, которая мирно трудилась на хорошо орошаемых и изобильно засеянных равнинах к югу от медного региона и строила там свои странные колоссальные

памятники подражательной архитектуры. искусство. Страна, по-видимому, особым образом приспособлена природой в качестве центральной нейтральной территории континента к востоку от Скалистых гор. С востока его охраняет озеро Мичиган, а с севера - великое внутреннее море, которое образует источник всей цепи озер и рек, простирающихся на своем протяжении в две тысячи пятьсот миль через Ниагару, острова и пороги Святого Лаврентия в Атлантику. На западе, со своими зарождающимися ручейками, берущими начало почти из того же источника, Миссисипи катится вперед в своем величественном русле, принимая в качестве своих притоков великие реки, которые одинаково берут начало на западном склоне Аллегани и на восточном склоне Скалистых гор и, наконец, теряется в Мексиканском заливе. Эта удивительная речная система и обширные ровные очертания регионов, которые она осушает, оказали заметное влияние на исчезнувшую цивилизацию Америки, а также на более позднюю жизнь индейских кочевников, сделав ее первобытные эпохи столь отличными от любого этапа истории Европы. Индейцы, торговавшие с Картье в Тадусаке, в низовьях реки Святого Лаврентия, и те, с кем Рейли встречался на побережье Каролины, добывали медь в том же северном регионе, где сходятся истоки Миссисипи и Святого Лаврентия; в то время как мир Европы между Рейном и Балтикой даже в позднеримскую эпоху оставался почти в такой же степени обособленным от мира на берегах Средиземного моря, как Америка за столетия до Колумба. Поэтому представляется вполне вероятным, что прерии штата Висконсин черпают некоторые из своих археологических характеристик из своей связи с физической географией региона между Скалистыми горами и Атлантикой, возможно, как священная нейтральная территория, примыкающая к металлургическому региону озера Верхнее, подобно знаменитому карьере по производству трубного камня в Куто-де-Прери.

Эта идея о каких-то особых отношениях, связывающих символических архитекторов Висконсина со строителями курганов в Огайо, находит подтверждение в нескольких, но замечательных курганах животных в последнем, где подтверждается их связь с религиозными обрядами древней расы. Один из примеров звериного кургана длиной более 250 футов, вероятно, предназначенного для изображения медведя, занимает террасу высокого уровня на западном берегу реки Шиото. В отличие от любого другого символического кургана Висконсина, он окружен овальной насыпью наибольшего диаметра в четыреста восемьдесят футов. С южной стороны пространство шириной около девяноста футов, нарушающее непрерывность набережной, покрыто длинной внешней насыпью, оставляющей два подъездных пути там, где она перекрывает внутренний овал. Этот курган не был вскрыт, но в процессе раскопок канала Огайо в непосредственной близости от него было обнаружено большое количество слюды, подобной той, что в таком изобилии встречается в жертвенных курганах.

Тот же канал пересекает земляные работы Ньюарка; и там, внутри другого эллиптического вала, находится Орлиный курган, длина тела которого составляет 155 футов, а расстояние между кончиками крыльев - 200 футов. Это лишь незначительная особенность замечательной группы, уже описанной, которая включает геометрические ограждения, насыпи и аллеи; но она отличается от всех остальных большим масштабом окружающих ее стен и внутреннего рва. К сожалению, он был открыт бывшим владельцем в поисках сокровищ; и никаких дальнейших сведений о его содержимом не сохранилось, за исключением того, что он закрывал очаг, похожий по характеру на алтари, уже описанные как характерные для жертвенных курганов. Этот факт, однако, иллюстрирует контраст между произведениями, имеющими такое большое внешнее сходство друг с другом, как символические курганы в долинах Миссисипи и в

Висконсине. В отсутствие всех включенных в список реликвий поклонения или погребения последние кажутся всего лишь символами обрядов, практиковавшихся южными строителями курганов.

Примерно в шести милях выше по той же долине "Аллигатор" из округа Лизинг привлекает внимание как еще одно замечательное колоссальное животное-курган. Он занимает вершину высокого холма или отрога, который выступает в долину Раун-Крик. Очертания и общий контур этого огромного кургана ящеров все еще четко очерчены, хотя сельскохозяйственные работы стерли некоторые из мельчайших следов, замеченных первыми посетителями. Средний рост составляет четыре фута, но голова, плечи и крестец частично приподняты на высоту полных шести футов. Хвост загибается в левую сторону и теперь настолько неопределенен, что сужается к острию, что точное измерение затруднительно; но общая длина "Аллигатора" может быть определена примерно в 220 футов. Раскопки, проведенные в различных местах, показали только, что фигура была вылеплена из тонкой глины на каркасе из камней значительного размера. Но когда я посетил это место, дождевой оврагом обнажил часть склона холма, показывая, что он в значительной степени состоит из рыхлых камней; так что насыпь, без сомнения, построена из материалов, добытых на месте. Приподнятое круглое сооружение, обозначенное как алтарь и покрытое камнями, которые сильно пострадали от огня, описывается прежними наблюдателями как стоящее с правой стороны и соединенное с вершиной кургана ступенчатым переходом шириной в десять футов; но следы этого элемента сейчас очень слабы.

С места, где расположен этот замечательный памятник, открывается вид на всю долину на протяжении восьми или десяти миль, и, безусловно, это самая заметная точка в пределах этой границы. Древний укрепленный холм возвышается примерно в трех четвертях мили от нас на отроге той же гряды высот; и другой укрепленный холм почти обращен к нему на противоположной стороне долины. Многочисленные насыпи занимают как вершины холмов, так и равнины в окружающих долинах; и только буйная поросль леса скрывает большую группу Ньюарк с ее геометрическими границами, параллелями и насыпями. Следовательно, можно предположить, что курган Аллигатора символизирует какой-то объект особого благоговения, воздвигнутый на одном из главных возвышенностей страны, где древние жители долины могли быть свидетелями совершения обрядов своего неизвестного культа. Очевидно, что его место было выбрано как наиболее заметная природная достопримечательность в густонаселенном районе, изобилующем военными, гражданскими и религиозными сооружениями. Однако его внушительные пропорции превосходят другие символические сооружения, построенные на высоте, удаленной от каких-либо следов древних поселений.

Великий Змей округа Адамс, штат Огайо, занимает крайнюю точку отрога в форме полумесяца, образовавшегося на слиянии двух притоков реки Огайо. Это возвышенное место было срезано в соответствии с овальным обводом на его вершине, оставив гладкую внешнюю платформу шириной в десять футов с наклоном к насыпи со всех сторон. Сразу за внутренней точкой этого овала находится голова змеи с раздутыми челюстями, как будто она пытается проглотить то, что по сравнению с его огромными размерами принято называть яйцом, хотя его длина составляет 160 футов. В соответствии с вершиной холма тело змеи изгибается назад грациозными волнами, заканчиваясь тройным витком на хвосте. Фигура четко очерчена: вырубленный из земли рельеф достигает пяти футов в высоту и тридцати футов в основании в центре тела; а вся длина, следуя его изгибам, не может быть меньше тысячи футов.

Этот уникальный памятник стоит особняком, и хотя он причислен здесь к символическим курганам животных Висконсина, у него нет аналогов среди многочисленных барельефов, выполненных на обширных прериях этого региона. Это действительно совершенно уникальное сооружение среди земляных сооружений Нового Света и не имеющее аналогов в Старом; хотя вполне естественно, что оно послужило отправной точкой для множества спекуляций относительно поклонения змеям. Среди миниатюрных скульптур Строителей Курганов встречаются повторяющиеся изображения змеи. На одном из алтарей “Города курганов” находилась труба характерной для курганов формы, с гремучей змеей, обвившейся вокруг чаши. Из другого кургана того же земляного вала было извлечено несколько скульптурных табличек, изображающих гремучую змею, изящно вырезанных из тонкого песчаника цвета корицы; и одна из них была бережно завернута в листы меди. Характер этих скульптур и обстоятельства, при которых они были обнаружены, навели исследователей на мысль, что они предназначались не для украшения, а имели некоторое отношение к суеверным обрядам. Другие змеи представлены скульпторами Курганов, но гремучая змея - их любимый вид. Недавно я исследовал в Археологическом музее Пибоди в Кембридже, Массачусетс, серию из восемнадцати круглых пластин с гравировкой, сделанных из панциря пирулы, которые были получены из курганов Брейкбилл и Лик-Крик в Восточном Теннесси. Тринадцать из них имеют одинаковое устройство в виде гремучей змеи. У мексиканцев это был символ королевской власти; и это помогает придать особый интерес замечательной табличке, изображенной здесь в том же художественном стиле, который наводит на мысль о мексиканском родстве. Это диск из мелкозернистого песчаника диаметром почти 8 с половиной дюймов и толщиной в три четверти дюйма, на котором выгравировано сложное изображение двух переплетенных гремучих змей, как показано на рис. 73. С обратной стороны по краю проходит небольшой орнамент; а трещиноватое углубление, несколько отклоненное от истинного центра, показывает, где к нему была прикреплена ручка. Он был найден в двух частях недалеко от озера Вашингтон, округ Иссакина, штат Миссисипи; и в настоящее время находится во владении мистера У. Маршалла Андерсона из Серклвилла, штат Огайо.

Рис. 73. Диск озера Вашингтон.

Описанные до сих пор имитационные курганы Висконсина выполнены рельефно; но в Индийской прерии, в нескольких милях от города Милуоки, встречаются пять рисунков, выполненных — если воспользоваться термином европейского искусства — глубокой резьбой. Вместо рельефных изображений животных процесс был обращен вспять, и контур был завершен насыпью выкопанной земли по краю. Несколько подобных примеров были отмечены в других местах; но такой процесс более подвержен стиранию с течением времени, если не возобновляться, подобно знаменитой “Белой лошади” из Беркшира, периодической “чисткой”. Меловые холмы южной Англии представляют собой особые условия для эффективной колоссальной глубокой обработки. Другой Белый конь, приписываемый саксонским победителям датчан, сопровождает группу британских земляных укреплений на Брэддон-Хилл, Уилтшир; а колоссальная человеческая фигура, вооруженная дубинкой, в Серне, в Дорсетшире, сохраняет еще более близкие аналоги тем, что разбросаны по прериям за западными берегами озера Мичиган.

Но для нашей настоящей цели сравнение этих древних земляных сооружений с другими, явно относящимися к современным индейским племенам, важнее любых аналогий между древностями двух полушарий. Одним фактом очевидного значения является огромный размах, с которым работали доисторические расы Америки, и вытекающие из этого свидетельства численности и совместного труда, настойчиво применявшегося для достижения их цели. Трудно передать какое-либо определенное представление об этом простым описанием, даже если оно сопровождается мельчайшими измерениями. Один крестообразный холм имеет длину в четыреста двадцать футов между крайними точками своих ветвей. Скопления ящериц и других животных длиной от восьмидесяти до ста пятидесяти футов встречаются обширными группами; и своим систематическим расположением они внушают уму мысль о длительном тяжелом

труде, совершаемом под контролем некоего высшего правления или стимулируемом мотивами первостепенного влияния. Индейские племена, попавшие под наблюдение, столь же разнообразны в привычках, искусстве и религиозных обрядах, как и в языке; но ни одно из них не проявило способности к сочетанию, задействованному при строительстве памятников, которые больше напоминают огромные насыпи и виадуки современной железнодорожной техники. Масштабы таких работ указывают на устоявшееся состояние общества и промышленность, выходящие далеко за рамки Конфедерации ирокезов. Во всем этом, возможно, нет ничего абсолютно несовместимого с идеей о том, что индейцы являются дегенеративными потомками такого народа, однако это не подкреплено доказательствами. Ни одно современное племя не сохранило никаких следов таких наследственных строительных привычек; и хотя индейцы, по-видимому, относятся к могильникам животных с суеверным почтением и их редко тревожат, за исключением погребальных целей, они не претендуют на то, что они - дело рук их отцов. Единственная теория их происхождения заключается в том, что они являются работой великого Маниту и были созданы им для того, чтобы показать своим краснокожим детям изобилие дичи, которая ждет их в мире духов. Эта идея является утешительной для племен, чьи охотничьи угодья были захвачены и опустошены; и она столь же философична, как и теория, серьезно выдвинутая Американской научной ассоциацией, согласно которой крестообразные и криволинейные земляные валы вперемешку с курганами животных содержат символы финикийского алфавита и представляют собой полустертые надписи, напоминающие об исследованиях великих путешественников древности.

Какие же выводы на данный момент можно сделать относительно рас Северной Америки в доколумбову эпоху? Предполагая общность искусств и определенные близкие отношения по расовому и социальному признаку среди древних людей, которые разрабатывали рудники на озере Верхнее и возводили разнообразные земляные сооружения, простирающиеся на юг до Индианы, Огайо и Кентукки, нет оснований предполагать, что они были объединены как одна нация. В то время как замечательные совпадения в строительстве, и еще больше в размерах их великих земляных сооружений, указывают на общее знание геометрической конфигурации и стандарта измерения: нет двух земляных сооружений, которые настолько полностью соответствовали бы друг другу, чтобы показать абсолютную идентичность назначения. Заметное разнообразие между усеченными пирамидальными насыпями в штатах на берегу залива, геометрическими ограждениями в Огайо и символическими земляными сооружениями в Висконсине указывают на различные обычаи различных сообществ. Плотное население, должно быть, сосредоточивалось в определенных излюбленных местах, все еще отмеченных свидетельствами совместного труда множества людей; и какое-то верховное правление, подобное правлению инков Перу, должно было регулировать операции, необходимые для выполнения работ, запланированных в столь обширных масштабах.

Можно предположить, что долины Скиото и Огайо были центрами отдельных штатов, с населением приграничных районов, живущим частично за счет продуктов охоты; но в значительной степени зависящим от сельскохозяйственной промышленности в обеспечении жизнедеятельности общин, скученных на равнинах и в долинах рек, где в изобилии находятся их памятники, и в снабжении рабочих, совместным трудом которых они были построены. Религиозный характер и использование, приписываемые одному важному классу их земляных работ, в которых наиболее ярко проявляется научное мастерство, указывают на вероятное существование жреческого ордена, игравшего важную роль в государственном устройстве как Мексики, так и Перу. Действительно, существует настолько большое несоответствие между

замечательным сочетанием науки и мастерства при выполнении земляных работ в Огайо и грубым уровнем искусства, иным образом связанного с ними, что наводит на мысль о жреческой касте, подобной индийским браминам, отличающейся по расовому признаку и превосходящей в интеллектуальных способностях большую массу людей.

О физических характеристиках строителей курганов, несмотря на разграбление многих могильных холмов, мы располагаем пока лишь весьма частичными свидетельствами. Эта часть предмета будет рассмотрена в следующей главе; и тогда будет видно, что, хотя общепринятый тип головы строителей курганов был в значительной степени основан на том самом образце, выбранном доктором Мортоном как “совершенный тип индейского телосложения” с его несомненными следами сжатия и использования подставки для колыбели, столь характерными для индейских охотников: не кажется невероятным, что систематическое исследование курганов может выявить свидетельства существования правящего класса, отличающегося физически, а также интеллектуально от основной массы общества, чьим трудом были созданы долговечные памятники их уникальной формы. обряды и обычаи были увековечены.

Но, хотя строители курганов, по сути, доисторические люди, согласно всей хронологии Нового Света, в сделанных до сих пор открытиях нет ничего, что указывало бы на их чрезвычайно отдаленную эпоху. Удивительные следы геометрического мастерства в их огромных земляных сооружениях больше, чем что-либо другое, отличают их от всех известных рас к северу от Мексики. Свидетельства древности в рудниках озера Верхнее и курганах Огайо не предполагают наличия таких огромных промежутков времени, которые ставят нас в тупик при попытке разобраться с реликвиями пещер и речных долин Европы. Повторно засыпанные траншеи на бесплодных скалах Айл-Рояля явно требуют столетий для медленного накопления достаточного количества почвы и растительного материала для пополнения раскопок. Доктор Хилдрет приписывает восемьсот лет роста дереву, срубленному на одном из курганов в Мариетте; и другие заслуживающие доверия авторитетные источники, включая г-на Дж. Сквайера и Дэвиса приводят аналогичные доказательства для меньших периодов в четыре, пять и шесть столетий. Указанного таким образом самого длительного срока было бы недостаточно для заполнения опустевших траншей Айл-Рояля. Но как бы далеко в прошлое мы ни отодвигали эпоху строителей курганов, главное изменение, которое с тех пор претерпели населенные ими регионы, - это форма их долин и возведенные там земляные валы с лесами, которые помогают нам отчасти догадаться о столетиях, прошедших с момента их исчезновения. Останки животных, найденные до сих пор в их курганах, принадлежат существующим видам оленей, медведей, волков и другой фауны, даже сейчас не полностью истребленной в Огайо; и хотя их оригинальные скульптуры доказывают, что они были знакомы с более южной и даже южноамериканской тропической фауной, до сих пор не обнаружено ничего, что связывало бы их с вымершими, а тем более с ископаемыми млекопитающими, такими как мастодонт. Скорее всего, руины работы Кларка, или Древнего форта, могут совпадать по древности с руинами английских нормандских крепостей, и даже то, что их строители, возможно, просуществовали столетия, более близкие к эпохе Колумба.

Зуни, моки, пимо и другие племена Нью-Мексико оставили любопытные свидетельства того, что люди были искусны в сельском хозяйстве, керамическом искусстве и, прежде всего, в архитектуре, превосходя все, что относится к северным индейцам или даже в некоторых отношениях к строителям курганов. Но все еще остается особый и сбивающий с толку элемент народа, столь частично цивилизованного и сравнительно грубого, но способного строить

квадраты, круги, эллипсы и другие геометрические фигуры на печатном станке, который потребовал бы мастерства многих хорошо подготовленных инженеров-строителей наших дней.

Другие характерные черты строителей курганов, особенно проявленные в их гениальных скульптурах и проиллюстрированные их миметическим искусством, еще предстоит рассмотреть. Но, по крайней мере, очевидно, что наиболее развитые среди индейских племен Северной Америки в течение своего исторического периода представляют собой фазу жизни, существенно более низкую, чем та, которая предшествовала ей. До того, как долины великих рек покрылись древними лесами, там жили народы, занимавшиеся искусствами и обрядами, которые включали в себя многие зачатки цивилизации. Их военное мастерство в обороне, их сельскохозяйственная промышленность и даже их представления об отношениях человека с некой высшей духовной силой подтверждаются свидетельствами, которые, хотя и недостаточны для какой-либо подробной хроники, раскрывают проблески неписаной истории, полной интереса даже в такой дразнящей форме. Нам еще предстоит рассмотреть другие характеристики древней расы, включая их географические и этнические связи. Но прежде чем сделать это, желательно просмотреть историю других древних американских рас, среди которых цивилизация достигла более высокого развития и о которых у нас есть исторические свидетельства, а также хроники, которыми располагает археология.

[89] Журнал. Брит. Археол. Асс. т. v. стр. 411.

[90] История индейских племен, том i, стр. 52.

[91] Древности Висконсина, стр. 80.

ГЛАВА XIV. ЦИВИЛИЗАЦИЯ КОРЕННЫХ АМЕРИКАНЦЕВ.

ТОЛЬТЕКИ—ИКСТЛИЛЬШОЧИТЛЬ—АЦТЕКИ—АМЕРИКАНСКАЯ АРХИТЕКТУРА—АЦТАЛАН—ДОЛИНА МЕКСИКИ—СТОЛИЦА МОНТЕСУМЫ—ЕЕ ИСЧЕЗНУВШЕЕ ВЕЛИКОЛЕПИЕ—МЕКСИКАНСКИЙ КАЛЕНДАРЬ—КАЛЕНДАРНЫЙ КАМЕНЬ—МЕКСИКАНСКИЕ БОЖЕСТВА—ЦИВИЛИЗАЦИЯ ТОЛЬТЕКОВ—ЭЛЕМЕНТЫ РАСЫ—СТОЛИЦА ТОЛЬТЕКОВ—ДВОРЦЫ ТЕЦКУКАН—ИХ СОВРЕМЕННЫЕ ОСТАТКИ—КЕЦАЛЬКОАТЛЬ—ПИРАМИДА ЧОЛУЛА—СВЯЩЕННЫЙ ГОРОД—ИНДЕЙЦЫ МОКИ—СВЯЩЕННЫЙ ГОРОД ПЕРУ—ПОКЛОНЕНИЕ СОЛНЦУ—АСТРОНОМИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ—СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО—ТКАНИ, СОТКАННЫЕ ЛАМОЙ—НАУКА И ИСКУССТВО—МЕСТНЫЕ ИНСТИТУТЫ—МЕТАЛЛУРГИЯ—ПРОИСХОЖДЕНИЕ МЕКСИКАНЦЕВ—СМЕШЕНИЕ РАС.

Тольтеки играют роль на начальных страницах истории Нового Света, сродни легендарным Циклопам древности. Они принадлежат к той смутной эпохе, которая не поддается никаким определенным описаниям, и дают историку и этнологу повод вспомнить их имена: подобно друидам или пиктам старого британского антиквара, или финикийцам его американского

ученика. И все же не лишено ценности таким образом обнаружить у народов Нового Света даже сказочную историю с ее возможными фрагментами правды, воплощенными в мифе. Г-н Галлатин составил подробный обзор последовательных миграций и династий Мексики, как описано в древних источниках Икстлильшочитлем, Саагуном, Вейтией, Клавиджеро, Коллекцией Мендосы, Теллурианским кодексом и Акостой.^[92] Древнейшие даты приводят кочевников-толтеков в Уэуэтлапаллан в 387 году н.э., и их династия прекращает свое существование в середине десятого века; когда их сменяют чичимеки и тецуканы, чье совместное владычество, при единодушном согласии властей, просуществовало до шестнадцатого века. Но, тем временем, те же самые авторитетные источники описывают основание Мексики или Теночтитлана, по-разному, в тринадцатом или четырнадцатом веке завоевателями-ацтеками; и заявляют, что приводят династическую хронологию могущества ацтеков. Самая ранняя дата не является слишком отдаленной для зарождения цивилизации, оставившей такие свидетельства своей более поздней зрелости; но, к сожалению, различные авторитетные источники расходятся не только по годам, но и по столетиям. Икстлильшочитль отодвигает основание Мексики более чем на столетие назад, чем любой другой авторитетный источник; и в последующей дате, которая претендует на установление избрания ее короля, Акамапичтли, расхождения между ним и другими авторитетными источниками варьируются от двух до значительно более чем двух с половиной столетий и оставляют в сознании критически настроенных исследователей впечатления столь же несущественные, как те, которые относятся к королевским династиям албанского и Сабинского Рима. Испанские хронисты и современные историки пытались собрать воедино последовательные переселения в долину Анауак и бегство мифических ацаланцев в последнюю резиденцию империи ацтеков на озере Тецкоко; но их туманная история предстает перед нами лишь в расплывчатых очертаниях, подобных легендам о затопленной Атлантиде.

Есть нечто, вызывающее сомнение относительно многого другого, гораздо более современного, когда историк завоевания Мексики прослеживает миграции и завоевания толтеков с седьмого по двенадцатый век, когда аколуюны, или тецуканы, ацтеки и другие вытеснили их в Великой Долине. Обратившись к примечаниям, столь многочисленным в тщательно разработанном повествовании Прескотта, мы обнаруживаем, что его главным или единственным авторитетом является обращенный в христианство полукровка Дон Фернандо де Альва, или Икстлильшочитль, который в начале семнадцатого века занимал должность переводчика с индийского в вице-королевстве Новой Испании. По сравнению с таким авторитетом, Беда должен быть неоспорим в деталях переселений Хенгиста и Хорсы, а Джеффри Монмутский может быть косвенно процитирован в связи с историей правления Артура.

Но ацтеки, во всяком случае, не являются мифической или сказочной расой. Завоевание их земель принадлежит к славе Карла V. Оно совпадает с тем, что Европа считает частью своей современной истории. Письма его завоевателя все еще сохранились; сплетничающие, но в то же время живописные чудеса его кампаний, приписываемые перу Берналя Диаса, солдата-завоевателя, были тщательно изучены в поисках сопоставления и дополнительных деталей; и церковные хроникеры мексиканского завоевания и колонизации - все они внесли свой вклад в материалы, из которых Прескотт соткал свой захватывающий портрет Эрнандо Кортеса и дела его великой жизни. Это изумительная историческая панорама, сверкающая великолепиям мечетей и дворцов Старой Гранады. Но ощущается растущая склонность испытать испанских хронистов на сохранившихся реликвиях того прошлого, которое они облекли для нас в нечто большее, чем восточное великолепие; и с этой целью вновь обратиться к той любопытной фазе

местной цивилизации, которая внезапно оборвалась в результате Завоевания. На Юкатане и в Центральной Америке до сих пор сохранились неоспоримые памятники эпохи расцвета местного архитектурного мастерства, на которые необходимо обратить внимание. Но, между тем, важно отметить, что предполагаемое соответствие между архитектурой Центральной Америки и той, которая, как утверждается, существовала в Мексике во времена Завоевания, составляет основу многих ошибочных аргументов о природе и масштабах цивилизации ацтеков в эпоху второго Монтесумы. Опять же, очевидные противоречия между варварскими обрядами и каннибализмом, приписываемыми ацтекам, и свидетельства их развитого искусства и высокой цивилизации послужили обильным источником теорий о толтеках и других более ранних производных от всего, что относилось к подобным проявлениям интеллекта и изобретательского гения. Поэтому важно определить действительный характер мексиканской архитектуры. Останки вымерших строителей курганов полны для нас удивления; но известное великолепие столицы Монтесумы отбрасывает их земляные работы в тень, как вещи, относящиеся к детству Америки. Однако, прежде чем принять этот вывод, необходимо проверить на основании существующих свидетельств описания мексиканского искусства и архитектуры, переданные нам хронистами шестнадцатого и семнадцатого веков.

Признается, что особый стиль присущ местной архитектуре Америки, которую американские антиквары излюбили возводить к египетскому или финикийскому источнику. Предполагалось, что разрушенные дворцы и храмы Мексики, а также Юкатана и Центральной Америки, схожие по общему характеру и способу строительства, по стилю скульптуры и иероглифическим украшениям, украшающим их стены, воспроизводят поразительные черты долины Нила. Но опытный глаз Стивенса увидел только элементы контраста вместо сравнения; и хотя Прескотт подводит итог своей истории мексиканского завоевания следующим выводом: “совпадения достаточно сильны, чтобы обосновать веру в то, что цивилизация Анауака в некоторой степени находилась под влиянием цивилизации Восточной Азии”, он добавляет, что расхождения таковы, что переносят сообщение в период настолько отдаленный, что его цивилизация во всех ее существенных чертах остается своеобразной и местной.

Не всегда легко определить характеристики некоторых из самых известных памятников мексиканского искусства. Разрушенный город Ацалан в западных прериях, наполнивший воображение яркими фантазиями о Баальбеке или Пальмире Нового Света, откуда ацтеки перенесли искусство исчезнувшей цивилизации на мексиканское плато, превратился перед взором правдивого топографа в простую группу курганов и земляных насыпей, не представляющих никаких других аналогий, кроме тех, что ставят их в один ряд с работами американских строителей курганов. Возможно, однако, что критический обзор выявит черты более поздних ацтеков Анауака, делающие такую исконную родину не полностью несовместимой с их фактическим состоянием, когда они соприкоснулись с цивилизацией Европы. По крайней мере, такова тенденция современных открытий; если, конечно, они не указывают на возможность того, что многое даже на последней фазе мексиканской цивилизации может представлять более близкие аналогии с настоящими ацталанцами висконсинских прерий, чем с воображаемым городом-прародиной ацтеков.

На полпути через континент Северная Америка, там, где он сужается к точке между Мексиканским заливом и Тихим океаном, цивилизация Нового Света, по-видимому, сошлась в конце пятнадцатого века. Здесь путешественник с атлантического побережья, пройдя мимо великолепных тропических цветов и ароматных кустарников смертоносной огненной земли,

наконец попадает в более чистую атмосферу. Ваниль, индиго и цветущие какао-рощи постепенно остаются позади. Затем исчезают сахарный тростник и банан; и он смотрит вниз, через ущелья возвышенности огненная земля темплада, на тропическую растительность, покрывающую коврами и благоухающую своими приторными, но смертоносными запахами регион, простирающийся вдоль Мексиканского залива. Еще выше находятся регионы, где пшеница и другие зерновые умеренного пояса Европы заменяют высокорослую местную кукурузу; пока, наконец, он не попадает на огненную землю Фриа: взбираясь по череде террас, представляющих все температурные зоны, он не оказывается на вершине Кордильер. За этим вулканические пики Анд возвышаются над областями вечных снегов; в то время как путешественник пересекает некогда поросшее густым лесом плоскогорье и попадает в долину Мехико: овальный бассейн около шестидесяти семи лиг в окружности, возвышающийся над смертельной малярией и изнуряющей жарой побережья, в умеренном климате, почти на высоте семи тысяч пятисот футов над уровнем моря. Здесь, окруженный солончаками озера Тецукан, стоял древний Теночтитлан, или Мексика, “Венеция ацтеков”.

В октябре 1519 года дон Диего де Ордас совершил восхождение на вулкан Попокатепетль, откуда он увидел долину Мехико с ее причудливой цепью озер; и мельком увидел широко известную столицу Монтесумы с ее белыми башнями и пирамидальными теокаллисами, отражающими солнечные лучи от своих оштукатуренных стен. Сцена, казалось, воплотила в жизнь такую романтическую мечту, как сообщает Берналь Диас из Семпоала: “Здания, - говорит он, - были недавно побелены и оштукатурены, и один из наших всадников был так поражен их великолепием на солнце, что он на полной скорости вернулся к Кортесу, чтобы сказать ему, что стены домов были из серебра!” У людей того поколения, которые были свидетелями открытий могущественных империй и Эльдorado за пределами известных границ мира, воображение было расширено до восприятия любых мыслимых чудес. Сэр Томас Мор построил свою Утопию из таких материалов; и Отелло называет свои замечательные рассказы “об антресолях обширных и пустынях праздных” “историей путешественника”.

Поэтическое воображение Колумба было одним из источников его силы, благодаря которому он с несомненной верой предвосхищал осуществление великого дела своей жизни. Но с учетом положения, в котором находился Кортес, в его интересах было придать силу ярким представлениям своих первых пионеров, а не передавать Европе более холодное повествование о зрелом опыте. Приближаясь к мексиканской столице, он восклицает в своем первом порыве энтузиазма: “Мы не могли сравнить это ни с чем, кроме зачарованных сцен, о которых мы читали в “Амадисе де Галле”, с огромными башнями и храмами и другими зданиями из известня и камня, которые, казалось, поднимались из воды”. Чтобы достичь признанного мастерства в этой волшебной сцене, он должен был не только покорить ее мексиканских владык, но и победить своих испанских врагов и привлечь на свою сторону того императора, который, формируя историю Европы в ходе одной из самых могущественных революций, мог управлять судьбами Нового Света. Читая переданные в Испанию отчеты о великолепных сокровищах дворцов Монтесумы, мы должны помнить, что сами сокровища погибли при отступлении в ночь тристе, поскольку сам город исчез во время последней осады и захвата. Сами мечты возбужденного воображения могли стать реальностью прошлого для самих рассказчиков, когда все доказательства их правдивости были отброшены.

9 ноября 1519 года Кортес совершил свой первый въезд в столицу Монтесумы и оттуда написал императору Карлу V. В письме он рассказал об индийской столице с ее дворцами и

величественными особняками, намного превосходящими по величию и красоте древнюю мавританскую столицу Кордову. Трубопроводы из цельного камня снабжали город водой и служили средствами для поддержания висячих садов, роскошных, как в древнем Вавилоне. “Есть одно место, ” говорит Кортес, “ несколько уступающее остальным, к которому примыкает прекрасный сад с простирающимися над ним балконами, поддерживаемыми мраморными колоннами, и полом, изящно инкрустированным яшмой”; и он добавляет: “В черте города дворцы касика Монтесумы настолько замечательны, что вряд ли возможно описать их красоту и протяженность. Я могу только сказать, что в Испании нет ничего равного им”. Население древней Мексики, “величайшего и благороднейшего города всего Нового Света”, как называет его Кортес, составляло, по самым скромным подсчетам ее завоевателей, до трехсот тысяч человек; а ее улицы и каналы по ночам освещались пламенем бесчисленных алтарей теокаллиса, воздвигавших свои пирамидальные вершины на улицах и площадях того, что Прескотт справедливо называет “этим городом очарования”. Обширные дамбы, защищенные разводными мостами и достаточно широкие, чтобы десять-двенадцать всадников могли ехать в ряд, вызывали восхищение испанцев мастерством и геометрической точностью, с которыми они были построены. “Большая улица, выходящая на южную дамбу, была широкой и тянулась на несколько миль почти по прямой линии через центр города. Зритель, стоящий на одном конце его, когда его взгляд скользит по широкой панораме храмов, террас и садов, мог бы ясно различить другой, с голубыми горами вдалеке, которые в прозрачной атмосфере плоскогорья, казалось, почти соприкасаются со зданиями”.^[93] Недалеко от центра города возвышалось огромное пирамидальное сооружение, посвященное богу войны ацтеков, божеству-покровителю города: второе по размеру после великой пирамиды-храма в Чолуле и занимающее площадь, на которой сейчас стоит Кафедральный собор современной Мексики. За озером Тецкоко стояла столица-соперница с таким названием, блиставшая соответствующим величием; и вся мексиканская долина предстала перед глазами завоевателей прекрасным видением, сверкающим городами и деревнями, богатыми садами и широкими озерами, заполненными каноэ процветающего и занятого населения.

Прошло три с половиной столетия с тех пор, как Кортес вступил в великолепную столицу Монтесумы; и что осталось теперь от его древнего великолепия, от чудес его дворцов, массивного величия его храмов или циклопической прочности его трубопроводов и дамб? Буквально, ни малейшего следа. Город Константина сохранил, несмотря на все разрушительные перипетии осады и ниспровержения, непреходящие памятники величия, которое принадлежало византийской столице более тысячи лет назад. Рим был разграблен готами, гуннами, ломбардцами и франками; однако сохранились памятники не только трех-четырех столетий, но и поколений до христианской эры. Даже в Иерусалиме, кажется, сохранились некоторые камни от его древних стен, лежащие один на другом. Следовательно, несмотря на повествование об опустошающем уничтожении, которое описывает нам последнюю осаду и захват Мексики, мы должны предположить, что ее здания и дамбы были по большей части более легкими и хрупкими, чем подразумевает описание ее завоевателей, или какие-то свидетельства такой обширной и прочной каменной кладки должны были сохраниться до нашего времени. И все же, если мы тщетно будем искать его архитектурные остатки, свидетельства другого рода покажут, какой на самом деле была его цивилизация. Мистер Тайлор описывает вспаханные поля вокруг него как изобилующие обсидиановыми наконечниками стрел, керамикой и глиняными фигурками, что невозможно ступить ни на одно место, где в пределах досягаемости нет реликвий старой Мексики. Он покинул Англию, полный

сомнений относительно достоверности историков конкисты; но личные наблюдения склоняют его скорее “обвинять хронистов в том, что они не обратили внимания на удивительные вещи, которые их окружали”.^[94]

Одним из заслуживающих доверия памятников этой местной цивилизации является знаменитый Календарный камень: огромный круглый блок из темного порфира, найденный в 1790 году на большой площади Мексики, который свидетельствует о прогрессе астрономической науки, совершенно замечательном для народа, среди которого цивилизация в других отношениях была развита столь слабо. У мексиканцев солнечный год состоял из 365 дней, разделенных на восемнадцать месяцев по двадцать дней в каждом, с добавлением пяти дополнительных дней к последнему. Расхождение между фактическим временем годового пути солнца по небу и их несовершенным годом регулировалось добавлением тринадцати дней в конце каждого пятидесят второго года. Согласно Гаме, который в этом вопросе расходится с Гумбольдтом, гражданский день был разделен на шестнадцать частей; и он считает, что Календарь был сконструирован в виде вертикальных солнечных часов. Мексиканские рисунки также указывают на то, что ацтеки были знакомы с причиной затмений. Но за пределами этого наши средства установления степени их астрономических познаний терпят неудачу; хотя есть доказательства того, что их запросы были ревностно направлены на более излюбленные спекуляции астрологов, которые вытеснили истинную науку на всех примитивных стадиях развития общества. Мистер Стивенс обратил внимание на

Рис. 74. Маска, Мексиканский календарный камень.

точки соответствия между центральным изображением на Календарном камне и маской с широко раскрытыми глазами и высунутым языком, выделяющейся на любопытной сцене жертвоприношения, изваянной в Каса-де-Пьедрa в Паленке. Но соответствие сводится лишь к тому, что каждый из них представляет собой гигантскую маску с высунутым языком. Камень-Календарь выгравирован здесь по слепку, привезенному домой мистером Буллоком и находящемуся сейчас в Коллекции Общества антикваров Шотландии. Статуи, выкопанные вместе с ним на месте великого теокалли в Мексике, были захоронены во дворе Университета, чтобы поместить их вне досягаемости идолопоклоннических обрядов, которые индейцы были склонны совершать в их честь. По просьбе мистера Баллока они были снова извлечены из-под земли, чтобы подтвердить получение им слепков; и он приводит этот интересный отчет о сенсации, вызванной возвращением к свету самого большого и прославленного из мексиканских божеств: “В то время, когда это было выставлено на всеобщее обозрение, двор Университета был переполнен людьми, большинство из которых выражали самый решительный гнев и презрение. Не так, однако, обстояло дело со всеми индейцами. Я внимательно разглядывал их лица. С них не сорвалось ни улыбки, ни даже слова. Кругом царили тишина и внимание. В ответ на шутку одного из студентов старый индеец заметил: ‘Это правда, что у нас есть три очень хороших испанских бога, но нам все еще могло бы быть позволено сохранить

несколько богов наших предков!’ И мне сообщили, что туземцы возложили на фигуру венки из цветов, которые незаметно пробрались туда вечером”.^[95]

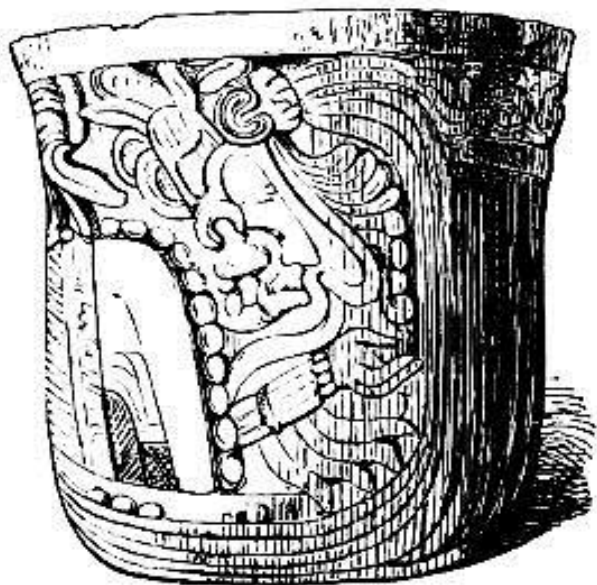

Рис. 75. Тикульская иероглифическая ваза.

Фигура, которая таким образом пробудила патриотические симпатии у потомков подданных Монтесумы, представляет собой грубого непропорционального идола, разительно контрастирующего с замысловатыми иероглифическими изображениями, пропорциональными фигурами и украшениями, которые сопровождают гротескную маску в Каса-де-Пьедра в Паленке. В последнем случае основные человеческие фигуры представляют собой замечательный профиль древней центральноамериканской расы, как показано на вазе, откопанной среди руин Тикула (рис. 75), с выдающимся носом, отступающими лбом и подбородком и выступающей нижней губой, столь существенно отличающимися от черт мексиканцев или северных индейцев. Представители расы, на которую они наступают, характеризуются разнообразным профилем, с нависающими бровями, римским носом и четко очерченным подбородком; в то время как их костюм в равной степени указывает на другое происхождение.

Но скульптура мексиканского календарного камня воплощает в себе свидетельство объема знаний и навыков, не менее интересных для нас, чем таинственные иероглифы на табличках Паленке; Гумбольдт полагал, что она безошибочно указывает на связь с древней наукой юго-восточной Азии. Мистер Стивенс напечатал любопытное изложение хронологии Юкатана, почерпнутое из местных источников доном Хуаном Пио Пересом. Исходя из соответствия их способа исчисления времени тому, который был принят мексиканцами, он предполагает, что он, вероятно, возник у них; но в то же время он отмечает, что жители Майяпана, как назывался полуостров в период испанского вторжения, разделяли время, вычисляя его почти таким же образом, как их предки тольтеки, отличаясь только особым расположением своих великих циклов. Их год начался 16 июля, с погрешностью всего в сорок восемь часов до точного дня, в который солнце возвращается в зенит на своем пути на юг, и достаточно близко для астрономов, которым приходилось проводить свои наблюдения невооруженным глазом. Таким

образом, их календарь свидетельствует о местном происхождении. Согласно Гумбольдту, мексиканский год начинался в соответствующей зимней половине года, с 9 по 28 января; но Клавиджеро относит его начало к периоду с 14 по 26 февраля.

Если мои идеи относительно заметной неполноценности терракот и скульптур мексиканцев и весьма сомнительных доказательств их архитектурных достижений верны, они, как правило, подтверждают вывод о том, что не ацтекам, а их более цивилизованным предшественникам-тольтекам следует приписывать те замечательные астрономические познания в устройстве их календаря, которые демонстрируют точность перевода гражданского времени в солнечное, которой на тот момент достигли лишь немногие из наиболее цивилизованных народов Старого Света. Но что касается коренной американской цивилизации, то не имеет большого значения, приписывается ли ей толтекское или ацтекское происхождение. В его существовании не может быть никаких сомнений; и нет больше места для сомнений в том, что у рас, которые так далеко продвинули цивилизацию, существовала способность к ее дальнейшему развитию независимо от всякой заемной помощи. Свирепые датчане и норманны, казалось, одинаково мало обещали интеллектуального прогресса в своих первых посягательствах на островную саксонскую землю. Но из таких элементов возникла раса, которая опередила испанцев в превращении земли Колумба в Новый Свет; и, предоставленная своему собственному естественному прогрессу, долина Анауак с ее смешавшимися расами могла бы стать источником интеллектуальной жизни для всего континента. Но современная Мексика вытеснила древнюю столицу Монтесуму; кафедральный собор, монастыри и церкви заняли места, принадлежавшие ацтекам теокалис; ее каналы исчезли, а знаменитые дамбы больше не омываются водами озера Тецукан. Даже те, кто лично обследовал это место, отрицают, что воды озера могли когда-либо выходить из болот вокруг современной столицы или стоять к ней гораздо ближе, чем в настоящее время.^[96] Вокруг его мифической истории, похоже, накапливаются новые сомнения. Можно предположить, что разрушенная каменная кладка его исчезнувших дворцов и храмов была полностью поглощена зданиями, которые в совокупности делают современную столицу таким поразительным объектом среди странных пейзажей ее возвышенной тропической долины. Но Мексика была не единственным городом и даже не единственной крупной столицей долины.

Пытаясь проследить историю замечательного населения, населявшего территорию Мексики, когда на нее впервые вторглись испанцы, мы узнаем из различных источников информации, на которые уже ссылались, но главным образом из авторитетных интерпретаций Икстлильшочитлем письменных изображений, которые больше не существуют; и из преданий стариков, касающихся событий, происходящих за семь или восемь, даже за двенадцать веков до их времени: что тольтеки, наступая из какого-то неизвестного региона севера, вошли на территорию Анауака, “вероятно, еще до того, как они были захвачены испанцами”. конец седьмого века.” Они, по словам их историка, уже были искусны в сельском хозяйстве и механическом искусстве, знакомы с металлургией и наделены всеми знаниями и опытом, из которых выросла цивилизация Анауака в более поздние эпохи. Говорят, что во времена Завоевания обширные руины указывали на место расположения их древней столицы Тулы, к северу от Мексиканской долины. Традиция таких разрушенных городов подтверждает выводы, сделанные на основе тех, что были недавно исследованы в регионах на юге; и все же имя тольтеков в Новой Испании является синонимом слова архитектор: мифическое обозначение темной расы, которая мельком просматривается в первых главах легендарной истории самых древних народов Европы. Но вслед за пеласгами Нового Света из неизвестных областей севера пришли чичимеки, тепанеки, аколуаны или тецуканы, мексиканские ацтеки и другие низшие

племена; так что, по мере приближения к более определенному периоду истории, мы узнаем о союзе между штатами Мексика и Тецкоко и королевством Тлакопан, при котором столица ацтеков превратилась в чудесный город храмов и дворцов, описанный Кортесом и его последователями. Но дон Фернандо де Альва заявлял, что по материнской линии происходит от имперского рода Тецкоко; и он не преминул сохранить или создать памятники славы этого имперского города лагуны. В нем насчитывалось более четырехсот величественных зданий для знати. Великолепный дворец императора Тецкукана “простирался с востока на запад на тысячу двести тридцать четыре ярда, а с севера на юг - на девятьсот семьдесят восемь. Он был окружен стеной из необожженного кирпича и цемента шириной шесть футов и высотой девять футов для одной половины окружности и высотой пятнадцать футов для другой половины. Внутри этой ограды было два двора. Внешняя часть города использовалась как большая рыночная площадь и оставалась таковой еще долгое время после Завоевания. Внутренний двор был окружен палатами совета и залами правосудия. Там также были помещения для иностранных послов; и просторный салон с выходящими в него комнатами для людей науки и поэтов, которые занимались своими исследованиями в этом убежище или собирались вместе, чтобы побеседовать под его мраморными портиками”.^[97] В таком стиле местный историк описывает славу древнего Тецкоко. Величественное здание, предназначенное для достойного размещения государей Мексики и Тлакопана, вмещало триста квартир площадью около пятидесяти квадратных ярдов. Как здесь, так и в покоях царского гарема широко использовались массивные материалы из камня и мрамора, стены которых были инкрустированы алебастром и богато окрашенной штукатуркой или увешаны великолепными гобеленами, украшенными пестрыми перьями. Примерно в двух лье от них, в Тескотцинко, находилась любимая резиденция монарха; на холме, “разбитом террасами, или висячими садами, с пролетом в пятьсот двадцать ступеней, многие из которых высечены из натурального порфира”. В саду на вершине находился резервуар с водой, питавшийся от акведука, протянувшегося через холмы и долины на несколько миль по огромным каменным контрфорсам. Посреди этой впадины возвышалась большая скала, покрытая иероглифами, обозначающими годы правления Несауалькотля и его основные достижения в каждом из них. На более низком уровне находились еще три резервуара, в каждом из которых стояла мраморная статуя женщины, символизировавшая три сословия империи. В другом резервуаре находился крылатый лев”, — но здесь современный историк начинает сомневаться и добавляет (?), прежде чем продолжить в соответствии со своими авторитетными источниками, чтобы добавить: “вырезанный из цельной скалы, несущий во рту портрет императора”.

Авторитетный автор всего этого написал в начале семнадцатого века; но его повествование получает некоторое подтверждение благодаря архитектурным остаткам, все еще видимым на холме Тескотцинко. Латроб и Баллок называют их реликвиями эпохи, гораздо более отдаленной, чем эпоха цивилизации ацтеков; а совсем недавно мистер Тайлор описывает холм Тескотцинко как террасированный, пересеченный многочисленными дорогами и лестничными пролетами, вырубленными в скале. Он соединен с другим холмом акведуком огромных размеров, построенным из блоков порфира, а его канал облицован твердой штукатуркой, все еще очень совершенной. Сохранились также бани, вырубленные в цельной скале; а на вершине холма, возвышающегося над древним городом, скульптурные блоки из камня служат доказательством того, что рассказы об архитектурном великолепии не совсем выдумки. Мистер Кристи, его спутник по путешествию, производил раскопки в соседних курганах и был вознагражден открытием нескольких прекрасных идолов из твердого камня и “бесконечного

количества керамики и мелких предметов”. Но дух испанской романтики все еще сохраняет свое влияние. Баллок в книге “Шесть месяцев в Мексике” описывает остатки королевского фонтана Тескотцинко как “красивую чашу длиной двенадцать футов и шириной восемь, с колодцем глубиной пять на четыре фута в центре”; в то время как Латроб в своих "Прогулках по Мексике" уменьшает размеры королевской ванны до "возможно, двух с половиной футов в диаметре, недостаточно больших, чтобы любой монарх крупнее Оберона мог впустить утку!"

От великой пирамиды или теокалли из Уицилопочтли в старой Мексике в настоящее время не осталось никаких следов, за исключением тех, которые, как считается, погребены под фундаментом собора, занимающего это место. Но время и судьба обошлись более мягко с едва ли менее знаменитой пирамидой в Чолуле. Говорили, что древний город с таким названием, когда Кортес впервые увидел его, включал в себя, внутри и за пределами своих стен, около сорока тысяч домов, или, согласно обычным правилам подсчета, двести тысяч жителей. Но каким бы ни было его древнее население, хотя плоды испанских завоеваний возвели его в ранг столицы республики Чолула, они оставили всего шестнадцать тысяч жителей. Тем не менее, Чолула, несомненно, был одним из самых известных городов Нового Света: священной Меккой для паломников из Анауака.

Кецалькоатль, более мягкий бог ацтекского пантеона, поклонение которому совершалось путем подношения фруктов и цветов в соответствующее время года, почитался как божественный учитель искусства мира. Его правление на земле было золотым веком Анауака, когда его жители учились у него сельскому хозяйству, металлургии и искусству управления. Но их благодетель, согласно традиции, переданной ацтекам древним народом, которого они вытеснили, навлек на себя гнев другого из богов. Направляясь оставить страну под властью ужасного Уицилопочтли, он остановился в городе Чолула; и пока он оставался там, великий теокалли был воспитан и посвящен ему в культ. Но благожелательное божество не могло оставаться в пределах досягаемости мстителя. Проведя среди них двадцать лет, обучая людей искусствам цивилизации, он двинулся дальше, пока не достиг океана; и там, сев на судно, сделанное из змеиных шкур, его последователи наблюдали за его удаляющимся барком, направлявшимся к священному острову Тлапаллан. Но среди мексиканцев продолжала жить традиция, согласно которой кора доброго божества вновь посетит их берега; и эта нежно лелеемая вера существенно способствовала успеху испанцев, когда их большекрылые корабли доставили существ из другого мира на материк Мексиканского залива. Легенда несет на себе все признаки древнего культа героя, в котором любовь к погибшему благодетелю создала для себя обожествленное воплощение его добродетелей. Однако важно отметить, что традиции ацтеков приписывали пирамиду Чолула более древней расе и эпохе, чем их собственная. Это было там, когда они вошли на плато; и искусству божественного металлурга обучались не они, а тольтеки, которых они вытеснили. Тем не менее, божество разделяло их поклонение; его изображение находилось в святилище на вершине пирамиды Чолула, когда испанцы впервые посетили священный город; и неугасимый огонь распространял свое сияние далеко в ночи, чтобы сохранить живую память о добром божестве, которое однажды вернулось и восстановило золотой век.

Нынешний вид великого теокалли частично оправдывает упоминание Прескотта о нем как о “том огромном холме, на который путешественник до сих пор смотрит с восхищением, как на самое колоссальное сооружение в Новой Испании, соперничающее по размерам и чем-то напоминающее по форме пирамидальные сооружения древнего Египта”. Если это когда-либо

была пирамида с террасами, время и стихии почти стерли следы ее первоначального очертания. Опираясь на авторитет Гумбольдта, он описывается как пирамидальный холм из камня и земли, глубоко инкрустированный чередующимися слоями кирпича и глины, который “имел форму мексиканского теокаллиса, усеченной пирамиды, обращенной своими четырьмя сторонами по сторонам света и разделенной таким же количеством террас”. Но мексиканский саман, который часто называют кирпичным, представляет собой не что иное, как массу необожженной глины или даже грязи. Следовательно, если таков предполагаемый кирпич, который чередовался с другими материалами кургана, мы можем с большей готовностью примирить кажущиеся наблюдателям противоречия. Один из последних так описывает впечатление, произведенное на него: “Прямо передо мной, когда я ехал, была масса деревьев с вечнозеленой листвой, смутно очерчивающих очертания пирамиды, которая поднималась на высоту около двухсот футов и была увенчана старой каменной церковью, увенчанной высоким шпилем. Это был самый привлекательный объект на равнине; он так напоминал невозделанную природу посреди зерновых полей. Оно утратило бы половину своей привлекательности, если бы было таким жестким и неуклюжим, каким его изображает картина”. Соответственно, мистер Р. А. Уилсон в своей книге “Мексика и ее религия” описывает его не более чем как “самый прекрасный индейский курган на этом континенте”, возвышающийся примерно на двести футов и увенчанный старой каменной церковью. Но тщательный осмотр убедил мистера Тайлора в том, что на нем все еще сохранились следы террасированного теокалли. Церковь на ее вершине, посвященная Богородице де лос Ремедиос, обслуживается священником крови Чолуланов; и каменная кладка и архитектурное мастерство, которые она демонстрирует, несомненно, в какой-то степени связаны с их отсутствием в других местах; ибо, если бы духовенство нашло теокалли облицованным подобно пирамидальным террасам Центральной Америки, с высеченными каменными ступенями и облицовкой, можно не сомневаться, что они не пошли бы дальше в поисках каменоломни для предполагаемой церкви.

К северу от Мексиканской долины древние руины притягивают взгляд путешественника вплоть до Калифорнии. На реке Рио-Колорадо и ее притоках руины большой протяженности, обследованные недавними исследовательскими партиями, описаны как построенные из крупных камней, красиво обработанные и точно выровненные. Но ничто в их архитектурном стиле не указывает на общее происхождение с руинами Мексики или Центральной Америки. Это большие и простые сооружения с массивными стенами, очевидно, построенные для обороны, и без следов орнамента, которым изобилуют руины Юкатана. Индейцы моки, предполагаемые остатки древних строителей, до сих пор возводят свои жилища из камня с большим искусством. Это мягкая и интеллигентная раса, небольшого роста, с прекрасными черными волосами; они существенно отличаются от индейцев Северо-запада. Их деревни объединены в одно общее каменное сооружение, обычно четырехугольной формы, с прочными стенами без выступов снаружи, и попасть в них можно только с помощью лестницы. Эти колонии, похожие на ульи, обычно размещаются для дальнейшей защиты на вершинах высоких плато, которые в районе Нью-Мексико отделены друг от друга широкими каньонами, которыми пересекается этот замечательный регион. Такими средствами этот изобретательный народ ищет защиты от диких племен, которыми он окружен. Поселившись таким образом на постоянной основе, хотя и подвергаясь нападениям мародеров, моки возделывают землю, выращивают кукурузу, бобы, хлопок, а в последнее время и овощи, полученные в результате общения с мексиканцами. У них также есть свои стада овец и коз, и они ткут из крашеной

шерсти разнообразные прочные и красивые платья. Но сейчас сохранился лишь небольшой остаток, занимающий семь деревень на хребте Рио-дель-Норте.^[98]

По всей Новой Калифорнии в изобилии встречаются разрушенные сооружения из камня, а иногда и из глины. Casas grandes, как их называют, по-видимому, были оборонительными сооружениями, подобными деревням Моки. Капитан Джонстон описывает один из них, названный Каса-де-Монтесума, на реке Хила, размером пятьдесят на сорок футов и высотой в несколько этажей. Действительно, стоит отметить, что, хотя мы находим по всему континенту, от Скалистых гор до Атлантического океана, едва ли какие-либо следы доколумбовой каменной архитектуры: ее следов становится все больше с каждым новым исследованием страны, которая лежит между Скалистыми горами и Тихим океаном и переходит к югу в очаги древней местной цивилизации и зрелого архитектурного мастерства.

Но Южный континент также был очагом замечательной местной цивилизации, которая, как и мексиканская, унаследовала некоторые из своих наиболее поразительных характеристик от физических особенностей страны, в которой она возникла. Особые природные преимущества Перу стали результатом расселения народа на высоких плато Анд, но в пределах тропиков, где на каждом последующем возвышении сохранялся свой климат. Те продукты, которые торговые флоты Северной Европы собирают со многих отдаленных берегов, доставлялись туда трудолюбивым населением, которое пасло свои стада на холодных гребнях сьерры; возделывало свои сады и огороды на ее более высоких плато; и собирало роскошные тропические продукты в стране, которая для них лежала, по большей части, под облаками и простиралась от нижних склонов Анд до соседних берегов Тихого океана. Характер народа и природа цивилизации этой замечательной страны представляли собой множество разительных контрастов с обычаями и институтами мексиканцев, и обычно предполагалось, что они имеют совершенно независимое происхождение.

Перу имеет свои исторические традиции не меньше, чем Мексика; и ее родной историк Гарсиласо де ла Вега, потомок по линии матери королевской линии инков, играет для них ту же роль, которую Фернандо де Алва сыграл для своих предков-тецкуанцев. Рассматриваемые таким образом, традиции расы инков раскрываются на великолепных страницах романтических романов; а институты европейского рыцарства и средневекового государственного устройства прививаются к странным обычаям индийской нации, замечательной своим собственным зрелым государством и уникальными этапами развития местной цивилизации. Сабаизм составлял важнейший элемент перуанской религиозной веры и придавал форму и колорит национальным обрядам и традициям. Манко Капак и Мама Оэлло Уако, их мифические наставники в искусстве земледелия, ткачества и прядения, были Детями Солнца; их высшие религиозные праздники определялись солнцестояниями и равноденствиями; а в Кито, священном городе, который лежал непосредственно под Экватором, внутри находился столп солнца, где его вертикальные лучи не отбрасывали тени в полдень, и они верили, что бог света восседает в полном сиянии в своем храме. Священный столб стоял в центре круга, описанного во дворе великого храма, пересеченного диаметром, проведенным с востока на запад, с помощью которого определялся период равноденствий; и как тогда, так и в дни солнцестояний, столб увешивали гирляндами и приносили в жертву божественному светилу и прародителю человечества фрукты и цветы. Титул суверенного инки был "Дитя Солнца"; и территория империи была разделена на три части, из которых одна, составляющая земли Солнца, поддерживала дорогостоящий церемониал общественного богослужения с храмами и их

многочисленными священниками и девственными весталками. Национальные традиции указывали на долину Куско как на изначальный очаг местной цивилизации. Там их мифический Манко Капак основал город с таким названием; на возвышенности вокруг него было воздвигнуто несколько колонн, которые служили для определения азимутов, а путем измерения их теней определялось точное время солнцестояний.

Помимо божественных почестей, воздаваемых солнцу, перуанцы поклонялись небесному воинству и посвящали храмы грому и молнии, а также радуге как гневным и милосердным посланникам верховного солнечного божества. Естественно, можно было бы ожидать, что нация, столь преданная астрономическим наблюдениям и поддерживающая священную касту исключительно для наблюдения за солнечными и звездными явлениями, достигла бы значительных знаний в этой области науки. Однако, по-видимому, удобства, которые их экваториальное положение предоставляло для определения нескольких необходимых периодов в их календаре, устранили стимул к дальнейшему прогрессу; и мы не только находим, что в этом отношении их превзошли муйски, занимавшие часть того же великого южного плато, которые регулировали свой календарь по системе, в значительной степени схожей с системой ацтеков; но они до последнего оставались в неведении относительно истинных причин затмений и смотрели на подобные явления с тем же суеверным и опасливым изумлением, которое поражало неискушенный разум дикарей во все века. Один историк, действительно, утверждает, что они признавали действительную продолжительность солнечного года и регулировали свою хронологию серией циклов, состоящих из десятилетий лет, столетий и декад из столетий, последний из которых составлял большой цикл или великий год солнца.^[99] Это опровергается только ссылкой на молчание более ранних авторитетов и отсутствие каких-либо свидетельств по этому вопросу; и может служить напоминанием нам, насколько неполными являются имеющиеся у нас знания об интеллектуальном развитии этого исключительно интересного народа, среди которого наука была по сути эзотерической.

Прескотт пытается объяснить весьма несовершенный характер астрономической науки Перу тем фактом, что перуанское духовенство было набрано исключительно из числа инков: привилегированного сословия знати, которое претендовало на божественное происхождение и было менее склонно добиваться исключительных прав интеллектуальной аристократии в области высшего образования. Но другие причины помогают объяснить это необычное интеллектуальное состояние нации, которая во многих других направлениях добилась замечательного прогресса в цивилизации. Сам факт, что астрономия составляла, так сказать, национальную религию, делал ее недоступной для научных спекуляций среди народа, у которого богохульство по отношению к солнцу и проклятие инков одинаково карались смертью. Препятствия на пути астрономических открытий Галилея были пустяковыми по сравнению с теми, которые, должно быть, окружали самонадеянного жреца инков, осмелившегося отрицать суточный оборот солнца вокруг земли или объяснять простым положением луны между собой и солнцем таинственные и пагубные недуги, которыми, как считалось частью национальной веры, их верховное божество было поражено во время солнечного затмения. Но была и другая причина, которая замедляла прогресс перуанцев в разумном объяснении астрономических явлений. У древних египтян мы находим деление года, определяемое изменениями течения Нила; и их год регулировался приложениями астрономической науки, тесно переплетенными с их священными и гражданскими институтами. Но явления смены времен года, которые способствовали у всех других цивилизованных народов точному наблюдению за астрономическим разделением времени и определению повторяющихся праздников в

зависимости от времени посева и сбора урожая, были почти неработоспособны, тогда как у народа, особенно преданного сельскому хозяйству, каждое время года и любая температура могли определяться простым изменением высоты солнца над экватором.

Однако перуанцев следует судить по их собственным стандартам мастерства. Манко Капак, их мифический цивилизатор, не был богом войны, подобно Мехитли свирепых ацтеков. Сельское хозяйство было особым искусством, введенным им; и земледелием они занимались на принципах, которые современная наука лишь недавно полностью разработала в Европе. Только там, во всем Новом Свете, использовался плуг; и сам инка в один из больших ежегодных праздников освящал труд земледельца, вспахивая землю золотым лемехом. Искусственное орошение осуществлялось в гигантских масштабах с помощью акведуков и туннелей огромной протяженности, руины которых до сих пор свидетельствуют об инженерном мастерстве их строителей. Свойства гуано, которые сейчас так высоко ценятся земледельцами Европы, были знакомы перуанскому фермеру; а поскольку страна инков включала в себя на различных уровнях почти все разновидности климата и производства, от какао и пальм, окаймлявших границы Тихого океана, до пастбищ для их горных стад на границе высокогорных областей с вечными снегами, систематическая череда публичных ярмарок, регулируемых, как и все остальное, верховным правительством, предоставляла широкие возможности для обмена их разнообразными товарами.

Такая страна, если бы таковая существовала, могла бы обойтись без торговли и достичь значительного прогресса без представительной валюты или средства обращения. Золото, которого было так много, служило только для варварской пышности и украшения. Серебро было доступно в таких количествах, что Писарро нашел в нем заменитель железа для подковывания лошадей своей кавалерии. Медь и олово подобным же образом изобиловали в горах; и перуанцы научились сплавлять медь как с оловом, так и с серебром для большей пользы при ее применении в полезных искусствах. Следует помнить, что Бартоломью Руис нашел на борту "бальсы", впервые встреченной им у берегов Перу, пару весов для взвешивания драгоценных металлов; а неоднократные находки хорошо отрегулированных серебряных весов в гробницах инков подтверждают свидетельства того, что они использовали весы для определения стоимости своих товаров. Таким образом, перуанцы обладали способом обмена, который для их целей превосходил валюту мексиканцев, в отсутствие каких-либо подобных средств установления точного распределения товаров, произведенных для продажи.

Прогресс в сельском хозяйстве сопровождался соответствующим развитием ресурсов скотоводческого народа. Огромные стада овец паслись на горных пастбищах Анд под присмотром местных пастухов; в то время как только перуанцы из всех рас Нового Света достигли той важной стадии в цивилизации, которая предшествует применению машин, благодаря использованию низших животных для экономии человеческого труда. Лама, выдрессированная как вьючное животное, несла свой легкий груз по крутым тропам Кордильер или по большим дорогам Перу.

Рис. 76.—Перуанская паутина.

Как мифический Манко Капак был наставником нации в сельском хозяйстве, так и божественная дочь Солнца познакомила ее с искусством ткачества и прядения. Такие традиции служат, по крайней мере, для обозначения излюбленных направлений национального вкуса и мастерства, которые проявились в изготовлении разнообразных шерстяных изделий с оригинальными узорами и предельно тонкой текстурой. Многочисленные образцы тканых тканей перуанцев были извлечены из их древних захоронений в Атакаме и других местах; хотя нельзя предположить, что в них мы имеем образцы редких и дорогих тканей, которые вызывали удивление и восхищение ранних испанцев. В условиях засушливой почвы и тропического климата великой пустыни Атакама продукты, которые считаются наиболее скоропортящимися в северных широтах, по прошествии веков находят в идеальной сохранности. Из них я имел возможность ознакомиться с коллекцией, найденной мистером Дж. Х. Блейком в древних уаках, исследованных им, и ныне хранящейся в его кабинете в Бостоне. Они включают образцы ткани, выполненной из окрашенных шерстяных ниток и сшитой в виде обычных и орнаментальных

узор. Каждое изделие соткано именно того размера, который требовался для поставленной цели, и некоторые из них являются доказательствами остроумного мастерства в искусстве ткачества. Нити состоят из двух или более скрученных вместе прядей окрашенной шерсти ламы, а замысловатые узоры сплетаются в мягкое и ажурное полотно. Прилагаемый рисунок, хотя и гротескный, является хорошим образцом сложного мастерства, достигаемого с помощью окрашенных шерстяных ниток на древнем перуанском ткацком станке. Он был найден в могиле в Атакаме вместе со многими другими реликвиями, описанными в следующей главе. М-р Блейк замечает в связи с открытиями этого класса, которые вознаградили его за исследования: “Составляя мнение о степени мастерства, продемонстрированного этими образцами в искусстве прядения и ткачества, следует иметь в виду, что использовавшиеся орудия были простейшего устройства. Единственные, которые были обнаружены, - это простые прялки; а среди изделий, найденных в могилах Атакамы, было несколько изделий из дерева и камня, которые и по сей день используются индейцами Перу. Ткачество на ткацком станке среди них не было введено. Основа закрепляется кольями, вбитыми в землю, и заполнитель вводится путем медленного прохождения его вручную по каждой нити поочередно под ней.” Однако было бы серьезной ошибкой предполагать, что мы обладаем такими реликвиями, извлеченными из обычных могил, образованных в рыхлом песке пустыни, высочайшими достижениями перуанского мастерства. Напротив, рассматривая их, как мы и должны, как прекрасные образцы обычных шерстяных тканей страны, они подтверждают вероятность того, что дорогие драпировки и великолепно сшитые одежды инки и его знати полностью оправдывали восхищение, с которым о них упоминают испанские писатели шестнадцатого века.

Замечательные образцы керамического искусства также отмечены среди изделий, приписываемых перуанцам до завоевания, превосходящих все, что было найдено на обычных кладбищах этой расы; но существующие доказательства изобретательности древних гончаров при изготовлении посуды для повседневного использования делают правдоподобными рассказы о таких редких кулинарных шедеврах, выполненных их самыми искусными мастерами для императорской службы. Точно так же мы читаем о животных и растениях, выполненных с удивительной изящностью из золота и серебра и с обильным великолепием разбросанных по покоям перуанской знати. Таких образцов работы ювелиров больше не сохранилось; но до сих пор уаки древней расы разыскивают в поисках золотых украшений, которые доказывают значительное мастерство металлурга и не оставляют места для сомнений в том, что золото и серебро были отлиты во множество искусных форм. Наука и искусство действительно достигли замечательных успехов у этого замечательного народа; хотя у них, как и у китайцев, они чаще тратились на удовлетворение жажды показухи, чем на осуществление триумфов, имеющих большую практическую ценность. Тем не менее перуанская цивилизация выработала для себя многие элементы прогресса, адаптированные к ее родной почве. Ее астрономическая наука, действительно, не выдерживает никакого сравнения с мексиканской; и вместо художественного рисункового письма мексиканцев она использовала кипу, искусственную мнемоническую систему, не намного превосходящую краснокожую индейскую вампум, с которой она имеет значительное сходство. В этом он контрастирует со зрелыми иероглифическими надписями Центральной Америки и Юкатана, которые хранят свидетельства прогресса высшей цивилизации ацтеков и инков, да и вообще всех, кроме самых цивилизованных народов древних или современных веков. Но эту высшую фазу интеллектуального развития следует приберечь для рассмотрения в ее связи с психологией всего континента.

Замечательная система национального устройства, несомненно, частично возникла из-за покладистого характера, все еще проявляемого потомками перуанского народа; и, если рассматривать ее в этой связи, она дает некоторый ключ к особым характеристикам их цивилизации. Их правление было жреческим суверенитетом, с наследственной аристократией и системой каст, по-видимому, более абсолютной, чем у египтян или индусов. Что-то от частичного и непрогрессивного развития китайцев смешалось в древних перуанцах наряду с многочисленными другими чертами сходства с этим необычным народом. В отличие от мексиканцев, мы видим во всем их государственном устройстве, искусстве и социальной жизни институты местного роста. Было бы трудно ограничить количество веков, в течение которых такой народ мог передавать из поколения в поколение медленно разгорающийся факел. Их собственные традиции, сохраненные с помощью кипу и национальных баллад, в этом плане не имеют ценности. Но их институты демонстрируют некоторые замечательные свидетельства того, что народ сохранил многие черты социального младенчества, наряду с такими зрелыми искусствами и привычками, которые могли вырасти только вместе вокруг нетронутых могил многих поколений. Подношения фруктов и цветов заняли место кровавых человеческих жертвоприношений в культе ацтеков; но обряды сутти, следы которых повсюду обнаруживаются в погребальных обычаях примитивных народов, сохранились в полной силе. Простая прочность мегалитического искусства придавала столь же примитивный характер их архитектуре, несмотря на ее применение во многих практических целях жизни; а драгоценные металлы, хотя и существовали в несравненном изобилии, сохранялись до последнего исключительно из-за их вклада в варварское великолепие. Привычки к пастушеской жизни, с помощью которых передовые народы Старого Света, по-видимому, вышли из состояния варварства, были у них изменены местом обитания стад, характерным для странного региона гор и плато, где они также довели следующий шаг в развитии человечества, земледелие, до такой степени совершенства, которая, вероятно, никогда не была превзойдена. Они продвинули металлургию на все ее стадии, вплоть до той, которая предшествовала использованию железа; и с помощью своих металлических инструментов проявили замечательное мастерство во многих механических искусствах. Большого они не сделали, потому что в своих особых местных условиях и под репрессивным влиянием мягкого деспотизма правления инков они достигли всего, что им требовалось.

Кроткие люди находили изобильное занятие в возделывании земли, не будучи угнетенными трудом, который облегчался часто повторяющимися праздниками радостной и, в некоторых отношениях, возвышающей национальной веры. Нетрудно представить себе, что такой народ продолжал следовать своим ровным путем, с едва заметным прогрессом, на протяжении всех последующих столетий с момента их открытия в Европе: если бы рука завоевателя безжалостно не разрушила структуру, воздвигнутую многими поколениями, и не погасила светильник местной цивилизации. Завоеватели шестнадцатого века выразили изумление, с которым они повсюду видели свидетельства порядка, довольства и процветания; и в то время как архитектурное великолепие столицы Монтесумы настолько полностью исчезло, что возникает сомнение в том, существовало ли оно когда-либо: путешественник по древним путям перуанской промышленности все еще видит повсюду руины не только храмов, дворцов и цитаделей, но и террасных спусков, военных дорог, дамб, акведуков и других общественных сооружений, которые поражают его прочностью конструкции и великолепием. величие их замысла. Но между этими двумя большими частями западного полушария, в удивительно изолированном регионе Центральной Америки, изобилуют следы древней цивилизации,

свидетельствующие о более высоком, если не более длительном развитии, чем любая из них. Заключительные летописи Мексики и Перу вызвали живой интерес в связи с событиями испанского завоевания и сохранили множество романтических ассоциаций, связанных с блеском их завоевателей. Но интерес, который проявляют к Центральной Америке и Юкатану, не имеет большого значения для истории. Там, под пышными лесами этого тропического региона, все еще можно изучать памятники письменности народа, скульптуры и символические надписи исчезнувшей веры, среди руин, которые, по-видимому, были оставлены разрушаться еще до того, как Кортес исследовал полуостров в своей жажде завоеваний. Их барельефы сохраняют физиономию расы, существенно отличающейся от мексиканцев; а их скульптурные иероглифы демонстрируют процесс надписи, намного опередивший изобразительное письмо ацтеков. Величина и солидность руин Перу все еще свидетельствуют о практической цели работ, выполненных там в большом масштабе и в целях более очевидной полезности, чем на центральноамериканском полуострове; а характеристики некоторых перуанских черепов наводят на поразительные аналогии со своеобразной физиономией северных барельефов, которые больше не распознаются, когда мы обращаемся к мексиканской расе.

Ничто, относящееся к северному континенту к востоку от Скалистых гор, не представляет собой аналога перуанской архитектуре, скульптуре или искусному моделированию гончарного искусства; или не предполагает сходства в языке или астрономической науке с Перу или Центральной Америкой; за исключением замечательных останков строителей курганов. Но с Мексикой дело обстоит иначе. В регионе между Скалистыми горами и Атлантикой следует искать предков, по которым по многим признакам представляется наиболее разумным проследить преобладающую мексиканскую расу эпохи Завоевания. Они были наследниками, а не зачинателями цивилизации плато. Но в то время как традиции ацтеков, по-видимому, указывают на миграцию с севера, тольтеки, которых они вытеснили, не могут быть отнесены без каких-либо материальных свидетельств к аналогичному происхождению. Среди множества различий, характерных для народов Нового Света, лесные и степные племена, ныне группирующиеся главным образом на северо-западе, являются представителями одного большого подразделения, источник которого можно искать в этом северном улье, простирающемся на запад к Берингову проливу и Алеутским островам, с возможными признаками азиатского происхождения. Но для более интеллектуальных народов, чьи древние памятники находятся к югу от Рио-Гранде-дель-Норте, наиболее вероятным источником являются южные плато Перуанских Кордильер. В медных регионах севера изобилие поставляемого металла требует слишком много усилий, чтобы стимулировать дальнейший прогресс; но южный регион при каждой смене климата поднимается под вертикальными лучами экватора; и его скалистые кручи испещрены неисчерпаемыми запасами металлических руд в таком состоянии, что шаг за шагом ведет человека от детского восприятия самородного металла как пластичного камня к зрелому интеллекту металлурга, смешивающего и сплавляющего смежные руды в наиболее удобные и полезные сплавы. Ветвь той же расы, двигавшаяся на север вдоль перешейка, может служить причиной обилия архитектурных остатков центрального полуострова, что согласуется с его этнографическими следами; в то время как за пределами этого региона, к северу, мы видим противоречивые элементы мексиканской цивилизации, слияние рас с севера и юга и смешение их разнообразных искусств и обычаев под благоприятным влиянием долины Анауак.

- [92] Труды Американского этнологического общества, том i, стр. 162.
- [93] "Завоевание Мексики" Прескотта, б. iii. ч. ix.
- [94] Анауак, стр. 147.
- [95] "Шесть месяцев Баллока в Мексике", стр. 111.
- [96] Топографический вид долины, "Новая история Мексики" Уилсона, стр. 452.
- [97] "Завоевание Мексики" Прескотта, глава vi.
- [98] Доктор Латам говорит о моки как о народе, которого "кажется, не видел ни один из ныне живущих писателей ." — Разновидности человека, стр. 394. Но приведенная выше информация, сообщенная мне профессором Ньюберри, является результатом его собственных личных наблюдений. Он показал мне также образцы их тканых платьев, продемонстрировав значительное мастерство и большой вкус в подборе их ярких цветов. В последнее время их число значительно сократилось из-за оспы.
- [99] Воспоминания Монтесино. Antiquas MS., lib. ii. cap. 7; цитируется Прескоттом.

ГЛАВА XV. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ХРОНИКИ.

УМЕНИЕ ПОДРАЖАТЬ—АРХАИЧНОЕ ЕВРОПЕЙСКОЕ ИСКУССТВО—ТРАДИЦИОННЫЙ ОРНАМЕНТ—ИМИТАЦИОННЫЙ ДИЗАЙН—АНАЛОГИИ В ОБРЯДАХ И ОБЫЧАЯХ—АЛТАРНЫЕ ЗАПИСИ—ВЫПЛАВКА РУДЫ—ЗЕМЛИ ПРЕРИЙ ВИСКОНСИНА—РАСА КУРГАНОВ—РЕЗЬБА ПО КУРГАНАМ—ПОРТРЕТЫ-СКУЛЬПТУРЫ—АМЕРИКАНСКАЯ ИКОНОГРАФИЯ—ВЫВОДЫ—НЕИНДЕЙСКИЙ ТИП-ДРУГИЕ ПРИМЕРЫ—АНТИЧНОЕ ИКОНОГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО—СВОЕОБРАЗНЫЙ НАВЫК ПОДРАЖАНИЯ—ИЗОБРАЖЕННЫЕ ЖИВОТНЫЕ—ОБШИРНЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ СВЯЗИ—ЗНАНИЕ ТРОПИЧЕСКОЙ ФАУНЫ—ВЫВОДЫ—ТУКАН И ЛАМАНТИН—СЛЕДЫ МИГРАЦИИ—ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ УКАЗАНИЯ—АНАЛОГИЧНЫЕ СКУЛЬПТУРЫ—ПЕРУАНСКОЕ МАСТЕРСТВО ПОДРАЖАНИЯ—СТУПКИ ДЛЯ РЕЗЬБЫ ПО КАМНЮ — РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБРЯДЫ НИКОТИАНЦЕВ—ИНДЕЙСКИЕ ЛЕГЕНДЫ—КРАСНАЯ ТРУБКА—КАМЕНОЛОМНЯ- ПРЫГАЮЩАЯ СКАЛА—ТРАДИЦИИ МАНДАНОВ—ЛЕГЕНДА СИУ О ТРУБКЕ МИРА—УВОЛЕННОЕ РАСТЕНИЕ КОКА—КОЛА—ЛЕГЕНДА КНИСТЕНО О ПОТОПЕ—УКАЗАНИЯ НА ПРЕЖНИЕ МИГРАЦИИ—ЛЮБИМЫЙ МАТЕРИАЛ—ПВАГУНЕКА—ОБЫЧАИ ШИМПСИАНЦЕВ—ИСКУССТВО ШИМПСИАНЦЕВ—РЕЗЬБА ПО ДЕРЕВУ БАБИН—НОЖКА МЕДИЦИНСКОЙ ТРУБКИ—ИНДЕЙСКИЕ ИСКУПИТЕЛЬНЫЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ—НИКОТИАНСКИЕ ОБРЯДЫ ГАДАНИЯ.

При изучении сложных скульптур центральноамериканской архитектуры одной из первых ее особенностей, бросающихся в глаза, является преобладание изображений природных объектов, как в декоративных деталях, так и в символике иероглифических табличек. Человеческая форма, голова, сердце, череп, рука и нога, наряду со знакомыми объектами живой и неживой природы, обеспечивали самые готовые архитектурные решения и наиболее наводящие на размышления знаки атрибутов и идей. В подражании, присущем такому стилю искусства, можно проследить сходство с произведениями многих частично цивилизованных народов как древней, так и современной эпохи. Но при рассмотрении примитивного искусства Нового Света, независимо от того, относится ли оно к вымершим народам, таким как строители курганов в Огайо и архитекторы Юкатана, или к индейским племенам, все еще занимающим свои старые охотничьи угодья, критически настроенный наблюдатель вряд ли сможет упустить из виду многие своеобразные проявления мастерства подражания. Хотя это ни в коем случае нельзя рассматривать как исключительное отличие американских рас, это характеристика, по которой они представляют разительный контраст с примитивными расами Европы. Многие орудия труда и личные украшения дохристианской эпохи европейского искусства, обозначенной как "Бронзовый период", чрезвычайно изящны по форме, а некоторые из них сильно орнаментированы, но редко встречаются следы подражательного дизайна. Точно так же, хотя своеобразная форма одного примитивного класса золотых украшений, найденных на Британских островах, подсказала название, происходящее от чашечки цветка, на которую в какой-то степени похожи чашечки его колец, это просто причудливая аналогия; ибо ни на одном примере нет ни малейшего следа орнамента, рассчитанного на то, чтобы предположить, что такое сходство присутствовало в сознании древнего ювелира. Там, где на формах, похожих на цветы, нанесены резные орнаменты, это те же шевроны или узоры из сеledочных костей и соленого теста, которые встречаются на самой грубой глиняной посуде, как в Северной Европе, так и в Америке, хотя и выполненные более тонкой золотой обработкой с большим изяществом и вкусом.

Соответствие между формами и орнаментом самых грубых видов керамики Старого и Нового Света кажется, на первый взгляд, замечательным; но оно проистекает из нехудожественной простоты, неотделимой от всего инфантильного искусства. Орнамент - это всего лишь усовершенствование несчастных случаев при изготовлении. Первые украшения аборигенов-гончаров Европы и Америки, по-видимому, были непреднамеренным результатом скрученных шнуров, обмотанных вокруг глины, чтобы сохранить ее форму до того, как она затвердеет на огне. Более сложные узоры создавались с помощью плетеных или вязаных шнуров или имитировались более грубым способом с помощью острия костяного копья или туловища. Но только в аллофильских искусствах Европы такие произвольные узоры увековечиваются с улучшением вкуса и мастерства. Европейская ваза и погребальная урна становятся более изящными по контуру и более изящными по материалу и конструкции, когда они дополняют красивое оружие и личные украшения, выполненные из бронзы. Но не делается никаких попыток имитировать лист или цветок, птицу, зверя или какой-либо простой природный объект; и когда в бронзовых изделиях позднего железного периода наконец появляются имитационные формы, это в основном узоры в виде змей и драконов, заимствованные, по-видимому, кельтскими и тевтонскими скитальцами с дикими фантазиями их мифологии из восточной колыбели их рождения.

Это отсутствие каких бы то ни было следов имитации в формах и украшениях архаического искусства северной Европы любопытно и заслуживает внимания, поскольку уже

упоминавшиеся замечательные следы, относящиеся к его палеотехнической эпохе, доказывают, что это ни в коем случае не является неизменной характеристикой первобытного искусства. В простейших формах древнего оружия, орудий труда и керамики целью была простая полезность. У грубого дикаря, будь то из Европы или Америки, не было ни времени, ни мыслей, чтобы заниматься декоративным искусством. Его эстетические способности еще не начали влиять на его конструктивные инстинкты. Искусство было порождением необходимости и заимствовало свои первые украшения из источников, откуда оно получило свои удобные, но произвольные формы. Но в тот момент, когда мы выходим за пределы этой утилитарной стадии, контраст между произведениями европейского и американского искусства чрезвычайно разителен; и их ценность для этнолога и археолога становится огромной благодаря пониманию, которое они дают аспектам ментального выражения и интеллектуальным фазам социальной жизни неисторических поколений. Полезные искусства британской аллофилы развивались до тех пор, пока не вытеснили декоративно-прикладное искусство. Но орнамент был изобретательным, а не имитационным; он был произвольным, условным и необычайно стойким по стилю. Это отразилось на всех его внешних проявлениях мысли; и каким бы ни было его религиозное поклонение, мы тщетно ищем доказательства идолопоклонства среди бесчисленных реликвий, которые были обнаружены в предполагаемых друидических обителях или в более древних кромлехах и курганах Британских островов.^[100] Совершенно противоположные характеристики бросаются в глаза в тот момент, когда мы обращаемся к примитивным искусствам Нового Света. Там признаки имитационного дизайна встречаются нам на каждом шагу. Грубые племена Северо-запада, хотя и живут в простейших условиях дикой жизни, не только копируют знакомые животные и растительные формы, которыми они окружены, но и с гениальным мастерством изображают новые предметы европейского искусства, представленные их вниманию. Даже их плетение из травы и гусиных перьев приобретает живописный аспект; а керамика не только украшена узорами, полученными из цветов и других природных объектов, но и более сложные образцы, иногда выполненные в форме животных. В еще большей степени это относится к трубкам, маскам, личным украшениям и, прежде всего, к наконечникам трубок, как у Строителей Курганов, так и у ныне живущих рас. И это не ограничивается такими миниатюрными произведениями искусства. Та же способность к подражанию вновь проявляется в великих земляных сооружениях Висконсина и Огайо, где художник создал изображения природных объектов в колоссальном масштабе.

Хроники, записанные с помощью таких средств, бесценны. Стены руин Центральной Америки покрыты безмолвными иероглифами, а дорогие фолианты "Мексиканских древностей" лорда Кингсборо предоставили в распоряжение ученых обоих полушарий сомнительную идеографию местных историков. Но художественные изображения, сохранившиеся в барельефах и статуях Паленке или в характерной скульптуре в виде трубки из курганов Огайо, столь же значительны и просты для интерпретации, как и изображения на рамезианских табличках из Аббосим-Була в Нубии, которые демонстрируют существование в эпоху Рамзеса семитской и эфиопской рас, этническое разнообразие которых столь же четко определено, как и сейчас.

Среди характеристик древних и современных народов, различимых в особых обрядах и обычаях или раскрывающихся в их искусстве, есть такие, которые указывают на широко распространенные наследственные влияния и, таким образом, дают ключ к отдаленному расовому родству. Практика обрезания, например, которая преобладает как в Азии, так и в Африке, везде, где прослеживается влияние семитских народов, поразительно иллюстрирует ценность таких показателей. Другой древний обычай, систематическое искривление черепа,

был общим для народов обоих полушарий, и свидетельства древней скульптуры подтверждают, что он использовался в период расцвета архитектурного искусства в Центральной Америке. Индийский военный трофей в виде скальпа и его своеобразный аналог - трубка мира - также широко используются в Новом Свете; хотя первое, по-видимому, было столь же распространено среди древних азиатских народов. Геродот упоминает скальпирование как один из наиболее характерных военных обычаев скифов и подвешивание скальпов-трофеев к уздечке воина. Отсюда *ποσκιθίζειν* Еврипида, цитируемого Роулинсоном, когда он отмечает сходство таких древних обычаев с обычаями краснокожих индейцев. Это соответствие достойно внимания в связи с другими, упомянутыми впоследствии, как, возможно, свидетельствующее о чем-то большем, чем просто американский аналог египетских и восточных скоплений трофеев убитых — черепов, рук, ушей или даже крайней плоти, — неоднократно упоминаемых в Священных Писаниях Ветхого Завета и с мельчайшими подробностями запечатленных на картинах Египта и скульптурах Нимруда и Хорсабада. Но никакие подобные аналогии не проливают свет на необычное использование трубки мира. Этнические отношения, на которые он указывает, принадлежат исключительно Новому Свету, где он, по-видимому, увековечивает значительную символику, унаследованную от исчезнувшей местной цивилизации. Как таковая, она достойна изучения американским этнологом, как наиболее любопытная из многих практик, связанных с использованием странного никотинового стимулятора. Трубка, по-видимому, ассоциировалась с торжественными религиозными обрядами и гражданскими церемониями, как в древности, так и в наше время. Он играл видную роль в культе древних строителей курганов; и до сих пор сохраняет свое место среди атрибутов вдохновенного знахаря или священника и самых священных верительных грамот посла или военачальника.

Орудия, предназначенные для употребления табака или других наркотических трав, занимают видное место среди произведений искусства, основными хранилищами которых являются жертвенные курганы. В соответствии с почти повсеместным обычаем варварских и полудицилизованных народов, Строители Курганов посвящали своим умершим все, что было самым ценным при жизни или считалось ценным для какого-нибудь талисмана. Следовательно, курганы Миссисипи и древние гробницы Мексики и Перу обнаруживают те же свидетельства прошлого, которые Уилкинсон извлек из египетских катакомб, а Деннис - из гробниц Этрурии. Но в дополнение к этому замечательные религиозные обряды американских строителей курганов сохранили не только их алтари, но и возложенные на них подношения. Тленная одежда умерших неизбежно исчезла; и от инструментов или утвари из дерева или других горючих материалов тщетно ожидать следов, если даже металл расплавился, а камень был обожжен в пламени жертвенных костров; но изделия из меди и камня, искусственная посуда и даже из ракушек, слоновой кости избежали разрушительного пламени и выдержали действие времени. Такими стойкими письменами разборчиво выбиты надписи на алтарях строителей курганов. Давайте попробуем перевести их записи на язык современной мысли.

Что эти реликвии говорят о металлургии, мы уже видели. Строители курганов были знакомы с некоторыми металлами. У них в ходу были как серебро, так и свинец Айовы и Висконсина. Орудия труда и личные украшения из меди в изобилии лежат на их алтарях; а механическое сочетание серебра с самородной медью, из которой они сделаны, указывает на то, что они получали свои запасы из озера Верхнее, где только до сих пор металлы были найдены в виде уникальной механико-химической комбинации кристаллов серебра в медной матрице. Их жертвенные костры в некоторых случаях сплавляли металлические подношения на алтарях в массу расплавленного металла, так что строители курганов преподнесли им этот важнейший

урок металлургии. Г-н Ф. С. Перкинс из Берлингтона, штат Висконсин, чья коллекция орудий из самородной меди насчитывает более шестидесяти образцов, пришел к выводу, что некоторые из орудий из древних курганов были отлиты в формы; и г-н Дж. У. Фостер соглашается с мнением, что строители курганов научились плавить руду.^[101] Это все еще требует дополнительных доказательств. В Цинциннати я увидел в коллекции мистера Кленея отборный образец медного топора, найденный на берегах Хог-Крик, притока Большого Майами. Он имеет пятнадцать дюймов в длину и весит 5 фунтов 5½ унции; но, несмотря на правильные пропорции и отделку с необычной тщательностью, это полностью работа молотка. Только в одном случае, с топором из кургана Локпорт, я видел указания, которые, по-видимому, указывают на процесс отливки. Но образцы случайно расплавленной меди встречаются неоднократно; и мистер Джас. Б. Скиннер из Цинциннати показал мне расплавленную массу чистого серебра весом 4 фунта, найденную лежащей на куче древесного угля при прорубании насыпи, окружающей большой курган в Мариетте. Не требовалось ничего, кроме практической проницательности, с которой объяснялись подобные несчастные случаи, чтобы подвести Строителей Курганов на шаг дальше этого, к использованию тигля и формы. Поэтому меня не удивило бы, если бы я обнаружил частичные следы использования того и другого. Их умение подражать и способность к лепке уже научили их пользоваться формой при работе с глиной. Но у них были, в лучшем случае, очень рудиментарные познания в металлургии; они, по-видимому, не приобрели по бартеру или иным способом никаких образцов легированных металлов и только механически соединяли свою медь с серебром. Гематит, хотя и ценился ими, использовался просто как камень. Они были знакомы с серебром и изготавливали из него множество личных украшений. Сернистый свинец также был им известен; его использовали как для использования, так и для украшения.

Таким образом, на данный момент представляется, что строители курганов разделяли металлургические богатства великого медного региона. Соответственно, нам напоминают, что обширные холмистые прерии Висконсина с их замечательными символическими земляными сооружениями лежат непосредственно между берегами озера Верхнее и регионом, занятым строителями курганов. Памятники последнего изобилуют образцами искусства их строителей и окружены разнообразными доказательствами оседлости, гражданскими и религиозными сооружениями, а также постоянными оборонительными военными сооружениями. Напротив, во всем Висконсине символические курганы стоят особняком, и до сих пор, за несколькими редкими исключениями, в них не было обнаружено никаких реликвий. Ни земляные сооружения, приспособленные для религиозных обрядов, ни военная оборона не свидетельствуют о том, что этот регион был населен многочисленным населением, поскольку его многочисленные природные преимущества позволяли его поддерживать. Отсюда вытекает предположение, что минеральная страна на южных берегах Великого озера была признанным источником снабжения всего населения к северу от Мексиканского залива; и что различные племена по всему обширному бассейну Миссисипи и ее притоков имели обыкновение посылать туда рабочие группы, как в общий для всех регион. Такая идея согласуется с дальнейшей гипотезой о том, что символические курганы Висконсина могут быть памятниками священных обрядов или залогами нейтралитета между народами различных притоков великой реки, поскольку они ежегодно встречались на этой границе общего металлического склада. Очевидно, что строители курганов были в высшей степени религиозными людьми. Их суеверные обряды были частым явлением и сопровождались дорогостоящими жертвоприношениями; в то время как в многочисленных символических курганах Висконсина

жертвой является только труд, а внешняя форма сохраняет единственную идею, к которой стремились их строители.

Пока что эта теория о священной нейтральной земле и регионе с распространенными минералами носит предположительный характер. Тем не менее, она включает в себя определенные факты, которые следует иметь в виду для сравнения с другими различного рода. В некогда густонаселенных регионах Огайо и Иллинойса, где изобилуют работы строителей курганов, долины рек были заселены изобретательным и трудолюбивым сельскохозяйственным населением, которое, если и не было агрессивным и воинственным, то использовало свои конструктивные навыки на обширных работах по военной обороне. Откуда бы ни исходила опасность, которую они должны были таким образом осознать и остерегаться, нет никаких следов ее локализации в регионе, лежащем непосредственно к югу от озера Верхнее, через которое лежал их путь в великую страну меди. Более вероятно, что наступательные и оборонительные войны велись между племенами или государствами Расы маундов, поселившимися на разных притоках одной и той же великой водной системы. Но растущая цивилизация народов долины Миссисипи также подвергалась агрессии варварских племен Северо-запада; ибо, если строители курганов отличались по культуре и расе от прародителей современных краснокожих индейцев, некоторые из их искусств и обычаев позволяют предположить, что последние не были им неизвестны.

Итак, пока что мы связываем расу курганов с берегами озера Верхнее и, таким образом, прослеживаем их связь с регионами Севера. Но предметы, созданные благодаря их художественному мастерству, не менее определенно свидетельствуют об их знакомстве с животными южных и даже тропических широт; а материалы, используемые при их изготовлении, включают слюду с Аллеганских гор, мексиканский обсидиан, а также нефрит и порфир, добываемые, вероятно, в том же регионе или из других, расположенных еще южнее. Такие факты предостерегают нас от любых поспешно построенных гипотез о миграциях народа, которому были частично известны ресурсы столь многих непохожих друг на друга регионов. Мы видим в них, однако, доказательства обширной торговли; и можем предположить, как по крайней мере чрезвычайно вероятное, существование широко распространенных связей между этой особой расой. Из использования терминов, специально применяемых к современной торговле, не следует делать вывод, что они предназначены для обозначения владения валютой и биржами, банковскими учреждениями или производственными корпорациями. Но, не смешивая следы рудиментарной цивилизации с характеристиками ее зрелого развития, есть доказательства, достаточные для обоснования вывода о том, что строители курганов обменивали медь с озера Верхнее на предметы необходимости и роскоши, привезенные из отдаленных регионов континента. Такой обмен мог осуществляться многими промежуточными агентствами, а не каким-либо прямым трафиком. Но речная система Миссисипи предоставила более поздним лесным племенам возможности для обмена при гораздо менее благоприятных обстоятельствах; и такая систематическая торговля среди изобретательного и оседлого народа, возможно, внесла существенный вклад в прогресс цивилизации в густонаселенных долинах Огайо.

Рядом с резьбой по камню, найденной в курганах, они включают предметы, представляющие особый интерес, некоторые из которых, по крайней мере, полностью заслуживают обозначения произведений искусства. В самом деле, по сравнению со скульптурами из порфира и великим Календарным камнем в Мексике; сложными фасадами и террасами с колоннами в Ушмале,

Зайи и Кабахе; и колоссальными статуями, барельефами и иероглифами в Копане и Паленке: искусство строителей курганов, которые тратили свои величайшие усилия на украшение трубки или изваяние чаши для курения, может показаться достаточно незначительным. Но воображение склонно поражаться простым размерам, и ему необходимо напомнить о превосходстве греческой медали или римского драгоценного камня по сравнению с колоссальным величием египетского Мемнона. Архитектура и скульптура Центральной Америки сохранили для нас высочайшие интеллектуальные достижения Нового Света и вдохновлены историческим значением, которое невозможно переоценить. Тем не менее, примеры миниатюрных произведений искусства долины Огайо допускают сравнение с ними по некоторым существенным элементам художественного мастерства. Действительно, если не считать значения иероглифов, которыми высечены колоссальные статуи Копана, их можно поставить в один ряд с чудовищными творениями индуистского искусства; в то время как некоторые предметы, взятые с алтарей “Города курганов”, представляют собой образцы имитационного дизайна и портретной скульптуры, полные характера и индивидуальности.

Простота, разнообразие и мельчайшая выразительность многих миниатюрных скульптур из курганов, тонкость исполнения и мастерство подражания делают их просто интересными объектами. Но прежде всего по всем параметрам, имеющим ценность для выяснения истории или характеристик их работников, это человеческие головы, которые, если учесть точность изготовления многих миниатюрных скульптур животных, едва ли можно сомневаться, увековечивают точные изображения древних людей, которыми они были выполнены. Столь же достоверные портреты умбрийцев, пеласгов или других мифических народов Европы были бы бесценны для этнолога. Это решило бы некоторые из самых запутанных проблем его науки лучше, чем все малопонятные изыскания, к которым привело коренное население Греции и Италии. Американские этнологи, соответственно, не преминули использовать такие иконографические свидетельства в еще большей степени, чем позволяет законная индукция, в поддержку своего любимого аргумента в пользу коренного единства всех древних и современных рас Нового Света.

С помощью таких художественных реликвий мы можем определить физические характеристики Строителей Курганов и известных им современных племен или наций. Мы также узнаем характер фауны, родной и чужеродной для занимаемого ими региона, с которым они были знакомы. У меня была возможность внимательно осмотреть ценную коллекцию курганных скульптур, находящуюся во владении доктора Э. Х. Дэвиса из Нью-Йорка.^[102] В некоторых случаях, возможно, их художественные достоинства были переоценены. Тем не менее, мельчайшая точность, с которой были скопированы многие объекты естественной истории, замечательна; и подтверждает, что следует полагаться на этнический портрет, увековеченный в изображениях человеческой головы.

Рис. 77.—Портретная курганная труба.

Из этих бесценных образцов древнеамериканской иконографии один (рис. 77) привлек особое внимание не только как самая красивая голова в серии, но и из-за предполагаемого соответствия типу современного североамериканского индейца. Мастерство изготовления этой головы описывается ее первооткрывателями как “непревзойденное среди любых образцов древнего американского искусства, которые попадали в поле зрения авторов, не исключая лучшие произведения Мексики и Перу”.^[103] На хорошо выполненной иллюстрации, которая сопровождает эти замечания, безошибочно представлены черты краснокожего индейца; это также не обошло стороной и то, что автору было уделено большое внимание. М-р Фрэнсис Пульски, ученый венгр, так комментирует это в своих иконографических исследованиях человеческих рас и их искусства: “Наиболее характерная, можно сказать, художественно красивая голова, выполненная этими неизвестными строителями курганов, откопанная и опубликованная Сквайером, так точно передает характерные индейские черты и с таким скульптурным совершенством, что мы не можем не восхищаться их художественным мастерством. Это доказывает три вещи: 1-е, что эти строители курганов были американскими индейцами по типу; 2-е, что время (доколумбийская эпоха, но в остальном неизвестно) не изменило тип этой туземной группы рас; и 3-е, что строители курганов, вероятно, не были знакомы ни с кем, кроме них самих”.^[104] Таковы радикальные выводы, сделанные на основании единственного примера курганной скульптуры: или, скорее, на основании ее изображения в книге мессера Дж. Книга Сквайера и Дэвиса; ибо после тщательного изучения оригинала мне кажется, что его этнические особенности в основном связаны с карандашом рисовальщика, который, без сомнения, незаслуженно, придал своему рисунку гораздо больше типичных индийских черт, чем прослеживается в оригинале. Из этого инжира. 77 и 78 являются более точными копиями; и из них видно, что нос, вместо изображенной на нем заметной римской дуги, совершенно прямой, не слишком выступающий и не расширенный.

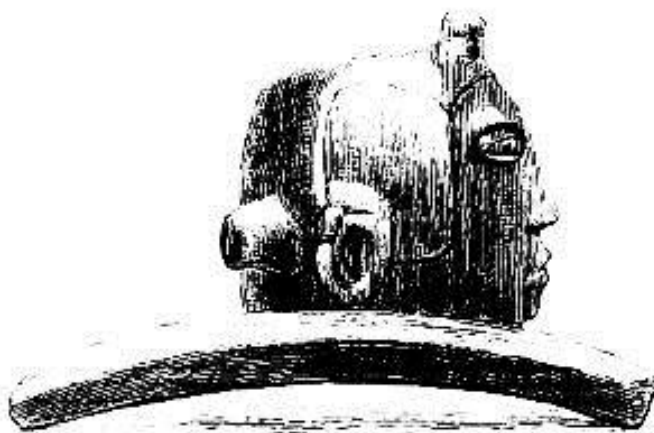

Рис. 78.—Портретная курганная труба.

Рот, хотя и выпуклый, маленький; губы тонкие; вместо характерной для истинного индейца массивной верхнечелюстной области подбородок и верхняя губа короткие; а нижняя челюсть, без какой-либо заметной ширины между мышцелками, маленькая и постепенно сужается к подбородку. Возможно, именно из-за этой малости нижней части головы и лица предполагалось, что оно изображает женщину. Но на такую идею не наводят никакие заметные особенности ни в чертах лица, ни в головном уборе. Скулы, хотя и высокие, ни в коем случае не так заметны, как на оригинальной гравюре. Действительно, выступ почти полностью спереди, создавая округлую щеку непосредственно под глазом. Я сомневаюсь, что какой-нибудь компетентный наблюдатель, не знающий истории этой реликвии, приписал бы ее индийскому типу.

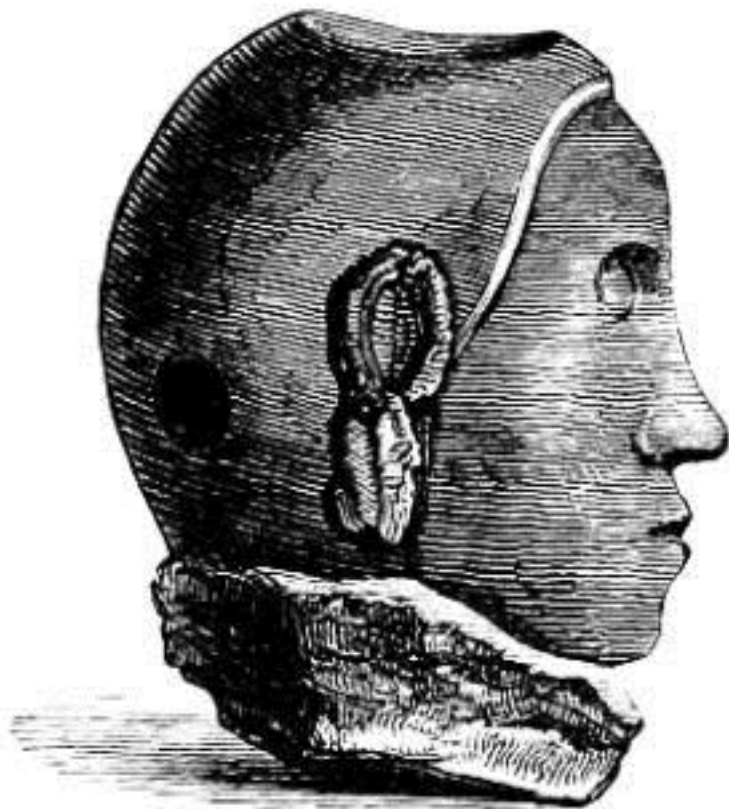

Рис. 79.—Портретная курганная труба.

Таким образом, очевидно, что выводы, сделанные на основе представления единственного примера курганной скульптуры, основаны на неточных предположениях. Но даже если предположить, что голова воспроизводит черты современного индейца, это никоим образом не доказало бы трех предположений, выведенных из ее открытия; поскольку это не единственный образец скульптурного портрета, обнаруженный в курганах, и мы тщетно ищем в других примерах те черты индийской физиономии, которые в первую очередь привлекли бы внимание моделиста-имитатора или скульптора. Выступающий и расширенный нос, выступающие скулы, массивная челюсть и большой рот могут быть отнесены к наиболее заметным характеристикам; но все или почти все это отсутствует в большинстве других скульптурных голов или масок. Их характер можно увидеть в выгравированной здесь голове (рис. 79), полученной из того же богатого хранилища, открытого в "Городе курганов". Она вырезана из плотного желтоватого камня. Нос находится почти на одной линии со лбом, за исключением кончика, который выступает вперед, что, безусловно, никоим образом не характерно для индийских черт лица; и хотя губы выступают, они тонкие, а рот маленький. Уши у обоих большие, а у последнего продырявлены четырьмя маленькими отверстиями по верхним краям. В этом случае, исходя из тонкости черт, с большей вероятностью, чем в предыдущем примере, можно предположить, что он был разработан по женской модели. Другой заголовок,^[105] выполненный из того же материала, сильно изменен огнем. Он не был, как в предыдущих примерах, сконструирован для головки трубы, а отломан от законченной человеческой фигуры или другого более крупного изделия резьбы. Она намного уступает произведению искусства и действительно приближается к гротеску или карикатуре. Тем не менее, оно обладает значительным характером в своем

выражении; и никто, знакомый с выражением лица индейцев, не стал бы с готовностью приписывать ни ему, ни предыдущему образцу курганной скульптуры какую-либо цель в подобном изображении, если бы не знал об обстоятельствах их обнаружения. На этой, как и на других головах, лицо покрыто татуировками, а уши продырявлены; и, судя по сильно налипшему оксиду меди, не может быть никаких сомнений в том, что они были украшены кольцами или подвесками из этого металла. Другие портретные скульптуры и терракоты, либо найденные в курганах, либо обнаруженные в регионе, где они в основном распространены, фигурируют в работах Сквайера, Скулкрафта, Лэфема, Фостера, Джонса и в отчетах Американского этнологического общества. Большинство из них как произведения искусства уступают уже описанным. Но если они и обладают какой-либо ценностью как указания на физиогномический тип древних американских рас, то, как правило, подтверждают идею преобладающего разнообразия, а не единообразия формы черепа и черт.

Обнаружение скульптурной головы со следами индейских черт, среди множества других типов, соответствует другому интересному факту, а именно тому, что в курганных скульптурах изображены животные, чуждые этому региону и даже североамериканскому континенту. Это представляет собой параллель с хорошо известными примерами этрусских ваз, отлитых в форме голов негров, и греческой керамики, расписанной теми же характерными чертами и густыми волосами. Образцы того и другого хранятся в коллекциях Британского музея и представляют собой интересное свидетельство как постоянства негритянского типа, так и знакомства греческих и этрусских художников с африканскими чертами лица задолго до христианской эры. Аналогичные примеры иностранной портретной живописи привлекли внимание к древним памятникам Египта, а также к барельефам гробницы Дария Гистаспа в Персеполе: они представляют собой интересные иллюстрации имитационного искусства, используемого для увековечения этнических особенностей физиономии. Предположим, следовательно, что строители курганов были оседлым населением, столь же отличным от современной им индийской расы, как классические народы древности отличались от варварских племен за Альпами и Рейном: не более удивительно проследить подлинно индийские черты в курганных скульптурах, чем обнаруживать черты даков или галлов на колонне Траяна. Это доказывает, что строители курганов были знакомы с типом американских индейцев, но не более того. Свидетельства действительно весьма отчетливо указывают на то, что они не были одного типа, поскольку большинство скульптурных человеческих голов, найденных до сих пор в их древних хранилищах, не воспроизводят индийских черт.

Физический тип Строителей Курганов снова будет рассмотрен в следующей главе; но пока интересно отметить, что даже в характеристиках этого портрета-скульптуры проявляются отличительные качества. Способность к подражанию проявляется в выразительных разновидностях стиля, в современном индийском искусстве. Некоторые племена, такие как алгонкины, ограничиваются буквальным воспроизведением природных объектов, в то время как другие, такие как бабины, предаются гротескной и изобретательно разнообразной игре фантазии. Но интеллектуальное развитие, подразумеваемое в индивидуальной портретной живописи, выходит за рамки этого и действительно редко встречается у народов на более ранних стадиях цивилизации. Даже среди цивилизованных мексиканцев имитация человеческого лица и фигуры, по-видимому, редко выходила за рамки гротеска; и хотя скульпторы Центральной Америки и Юкатана проявили художественную мощь, соответствующую цивилизации грамотного народа, все же в большинстве их статуй и рельефов мы видим подчинение человеческих форм и черт символике их мифологии или простым

декоративным требованиям. Таким образом, кажется, что на фоне общего распространения склонности к искусству подражания, как у древних, так и у современных народов американского континента, строители курганов, хотя и работали в узких рамках, развили в себе способность ценить егемельчайшие детали, которые можно проследить только в других местах среди отборных скульптур Ушмаля и Паленке.

Этому подражательному мастерству мы обязаны другими работами, которые имеют важное значение в связи с этнологическими проблемами, затрагивающими древнее население Нового Света. Уже упоминалась любопытная коллекция каменных трубок, найденных в одном из небольших курганов "Маунд-Сити". Они включали в себя некоторые скульптурные человеческие головы, но чаши большинства из них были вырезаны в виде фигур зверей, птиц и рептилий. На них древние скульпторы, по-видимому, расточали свое художественное мастерство с такой тщательностью, с какой не обращали внимания ни на какие другие менее скоропортящиеся произведения, по одному которым мы теперь можем судить об их интеллектуальном развитии. "Не только," как господа. Сквайер и Дэвис наблюдать, "особенности различных объектов достоверно представить, но их особенности и привычки в какой-то степени выставлены. Выдра изображена в характерной позе, держащей во рту рыбу; цапля тоже держит рыбу; а ястреб сжимает в когтях маленькую птичку, которую разрывает клювом. Пантера, медведь, волк, бобр, выдра, белка, енот, ястреб, цапля, ворона, ласточка, канюк, попугай, тукан и другие местные и южные птицы; черепаха, лягушка, жаба, гремучая змея и т.д. Узнаются с первого взгляда";^[106] и в дополнение к ним, ягуар или пантера, пума, лось, опоссум, аллигатор и многочисленные наземные и водоплавающие птицы, включая несколько разновидностей сов, цапель и других видов, были признаны среди более поздних открытий. Многие из них представлены в характерных позах, с большим мастерством и точностью портретной живописи. Буйная фантазия древних скульпторов также иногда проявляется в юмористических масках и нелепых приспособлениях, таких как голова гуся, вырезанная из твердого черного камня, которая при взгляде на спину превращается в человеческий череп. Некоторые из этих работ, похоже, были выполнены, подобно спортивным наброскам современного художника, только с целью собственного удовлетворения.

Незаконченная резьба показывает процесс, с помощью которого она была изготовлена. Жаба в характерной позе, но лишь грубой формы "очень хорошо демонстрирует способ изготовления. В то время как общая поверхность кажется покрытой полосами, бегущими во всех направлениях, как будто полученными в результате трения, складки и линии явно вырезаны каким-то более грубым инструментом. Следы орудия труда, отколовшего части длиной в четверть дюйма, слишком отчетливы, чтобы допустить малейшее сомнение в том, что при работе использовался режущий инструмент. " Опять же, на другом наконечнике трубы, выполненном в форме птицы ", линии, обозначающие перья, бороздки клюва и другие более тонкие детали, вырезаны или выгравированы на поверхности одним ударом. По-видимому, использовался какой-то заостренный инструмент, и видны отметины там, где он иногда выскальзывал из-под контроля гравера. Действительно, весь внешний вид образца указывает на то, что работа была выполнена быстро опытной рукой и что различные части были выдвинуты одновременно. Свобода ударов могла быть результатом только длительной практики; и мы можем сделать вывод, что производство труб занимало особое место в промышленной организации строителей курганов ". Но это, хотя и весьма интересно, не должно нас удивлять, поскольку искусство изготовления стрел, требовавшее как умения, так и опыта,

рассматривалось лесными племенами как особое ремесло; и даже сейчас изготовление трубок не полностью заброшено.

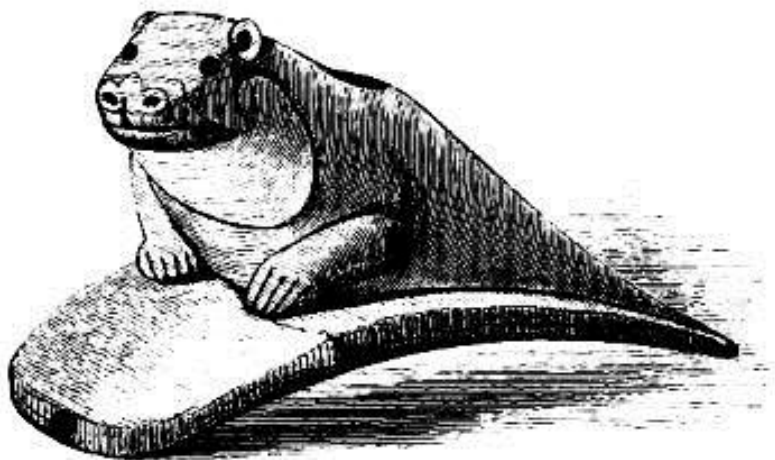

Рис. 80. Ламантин, скульптура из трубы.

Таким образом, до сих пор такие средства позволяют нам заглядывать в то далекое прошлое. Мы видим трудолюбивого скульптора за его работой; и, безмолвно беседуя с ним о его любимых работах, мы узнаем кое-что о его собственном физическом облике, о широте его географического опыта, о его умственных способностях и интеллектуальном развитии. Керамика из курганов аналогичным образом дополняет наши знания об искусстве и цивилизации той эпохи, в которую она была произведена. Но следующая по важности после представленных таким образом свидетельств миниатюрная скульптура из курганов приобретает свою главную ценность благодаря указаниям, которые они дают о масштабах и характере географических связей их владельцев. Благодаря точности изображения столь большого разнообразия предметов, скопированных из жизни животных, они свидетельствуют о знании в долине Миссисипи фауны, характерной не только для южных, но и для тропических широт, простирающихся за пределы Перешейка на южный континент; и наводят на мысль либо об искусствах, заимствованных из иностранного источника, и о сношениях, поддерживаемых с регионами, где цивилизация древней Америки достигла своего наивысшего развития; либо же указывают на миграцию на северный континент расы древних могильников Центральной и Южной Америки, принеся с собой искусство тропиков и модели, полученные от животных, знакомых их отцам в Северной Америке. родина расы.

Из курганов Огайо были извлечены семь скульптурных фигур одной из самых интересных из этих экзотических моделей - ламантина, или ламантина. Этот китообразный-фитофаг, который в зрелом возрасте достигает от пятнадцати до двадцати футов в длину, встречается только в тропических водах. Виды обитают в устьях рек Центральной и межтропической Южной Америки, а также на восточной и западной сторонах тропической Африки и иногда поднимаются по рекам на большое расстояние от моря. Примеры были замечены Гумбольдтом в Рио-Мета, притоке Ориноко, в тысяче миль выше его устья. Они также встречаются среди Антильских островов и на побережье полуострова Флорида. Наиболее характерные детали их формы, которые особенно привлекли внимание, когда ламантин впервые был представлен европейцам, точно воспроизведены в скульптурах Кургана. Фантазия помогла преувеличить особенности этого странного животного первым европейским путешественникам, и от них оно

получило название Сирены. Но его наиболее примечательной особенностью является передняя лапа, занимающая обычное место плавника китообразных, но имеющая настолько близкое сходство с человеческой рукой, что обычно предполагается, что название ламантин было присвоено ему первыми испанскими исследователями по этой причине.^[107] Согласно церковной естественной истории, он причислен к рыбам; и его мясо пользуется особым спросом в церкви Святого Христофора, Гваделупе, Мартинике и в различных населенных пунктах Южной Америки во время Великого поста. Таким образом, его форма знакома аборигенам Южной Америки, а когда-то была столь же хорошо известна жителям Антильских островов и, вероятно, древним жителям побережья Персидского залива. Но мы должны объяснить другими причинами открытие точных изображений этого вида среди скульптур, обнаруженных на курганах далеко в глубине штата Огайо; и то же замечание применимо к ягуару или пантере, кугуару, тукану; возможно, к канюку, а также к попугаю. Большинство этих животных неизвестны в Соединенных Штатах; некоторые из них совершенно неизвестны ни в одной части североамериканского континента. Другие могут быть отнесены к попугаю, который, хотя по сути является южной птицей и распространен вокруг залива, иногда появляется в глубине страны; и поэтому может стать известным строителю курганов, не совершавшему путешествий, на его северной родине.

Важность такого свидетельства того, что древние обитатели долины Сциото имели некоторые знания о тропических животных, и даже о тех, которые обитали исключительно на южном континенте, не ускользнула от внимания исследователей курганов. Это даже побудило их колебаться в присвоении имени тукана скульптурам, относительно дизайна которых не могло быть других разумных оснований для сомнений. Ссылаясь на скульптуры ламантина, они отмечают: “Эти необычные реликвии имеют прямое отношение к некоторым вопросам, связанным с происхождением курганов. С точки зрения материала и мастерства изготовления они неотличимы от целого класса найденных в них останков и, очевидно, являются работой тех же рук, что и другие изображения зверей и птиц; и все же они точно представляют животных, обитающих (и только в небольшом количестве) на расстоянии тысячи миль от берегов Флориды, или — если птицы, по-видимому, принадлежащие к отряду зигодактильных, действительно предназначены для изображения туканов, — обитающих только в тропических регионах Южной Америки. Либо одна и та же раса, обладавшая повсюду сходным стилем изготовления и черпавшая свои материалы из общего источника, существовала одновременно на всей территории, разделявшей их, и поддерживала постоянную связь; либо в какой-то период произошла миграция с юга, принеся с собой характерные остатки земли, из которой она произошла. Скульптуры ламантинов слишком точны, чтобы их могли изготовить те, кто не был хорошо знаком с этим животным и его повадками”. Что касается изображений тукана, то прилагаемая гравюра на дереве (рис. 81) послужит достаточной иллюстрацией. Она воспроизведена со значительной точностью, хотя и уступает некоторым из лучших образцов курганной скульптуры. Наиболее важным отклонением от правильности детализации является то, что спереди у него три пальца вместо двух, хотя два правильно изображены сзади. Он наклоняет голову, чтобы взять пищу из грубо очерченной человеческой руки; и поскольку известно, что блестящее оперение тукана приводит к тому, что его часто приручают уроженцы Гвианы и Бразилии, это не только подтверждает идею о его изображении в рассматриваемых скульптурах, но и наводит на мысль, что у строителей курганов могли быть вольеры, подобные тем, в которых ацтекские касики собирали птиц великолепного оперения и красивой формы со всех концов своей мексиканской империи.

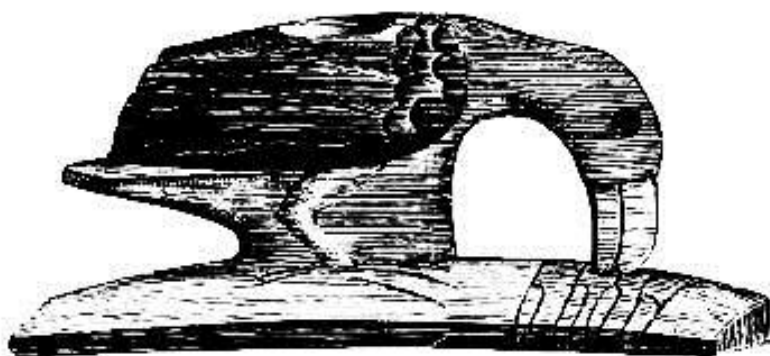

Рис. 81.—Тукан, Скульптура из трубы.

Если мы не допустим такого промежутка времени, которого может быть достаточно для значительных изменений климата и фауны долины Огайо, приведенные к настоящему времени свидетельства позволяют сделать вывод, что либо все указанные таким образом обширные регионы были заселены в какой-то отдаленный период обычной расой; либо мы должны признать в таких признаках знакомства с естественной историей тропиков и даже южного континента доказательство того, что тот самый народ, который получал весь свой металл из обширных северных областей озера Верхнего, сам мигрировал из южных широт, богатых металлическими рудами.

Различные соображения склоняются в пользу идеи такой миграции, а не поддержания связей и обмена между людьми одной расы в столь обширных и географически обособленных регионах. Если строители курганов владели некоторыми искусстваами и моделями не только Центральной, но и Южной Америки: они также использовали в своих искусных изделиях жемчуг и раковины Флоридского залива; обсидиан из Мексики; слюду, которую, как полагают, привозили с Аллеганских гор; нефрит, подобный тому, который Гумбольдт описал среди редких материалов древнего производства в Чили; свинец из Висконсина; и медь, и, вероятно, серебро, из Онтонэгона и полуострова Кьюино. Тот факт, что некоторые из их наиболее искусно вырезанных изображений изображают птиц и четвероногих, принадлежащих к столь далеким южным широтам, естественно, наводит на мысль о центральном регионе, где искусство культивировалось в масштабах, неизвестных в долине Миссисипи; и что эти предметы, изготовленные там, где подобные модели предоставлены местной фауной, остаются лишь свидетельствами древних сношений, поддерживавшихся между этими широтами и местностями, где, как известно, изобилуют только ими в настоящее время. Но в противовес этому следует в полной мере оценить тот факт, что ни реликвии, ни обычаи, которые они иллюстрируют, не относятся исключительно к южным широтам; и при этом они не преобладают среди единичных свидетельств древней и более развитой цивилизации, которыми изобилует Центральная и Южная Америка. Мы также должны помнить, что разнообразный характер материалов, использовавшихся в искусстве строителей курганов, указывает на широкий спектр отношений; хотя нельзя предположить, что они поддерживались во всех случаях прямым общением.

Ранние исследователи американской археологии, подобно старшей школе британских антикваров, придавали полный размах системе теоретизирования, которая выстраивала всеобъемлющие этнологические схемы на самых незначительных предпосылках; но в более разумной осторожности более поздних авторов прослеживается тенденция впадать в

противоположную крайность. Возможно, господа. Сквайер и Дэвис иногда позволяют себе преувеличивать достоинства замечательных произведений искусства, обнаруженных и опубликованных в результате их совместных трудов; но последующие критики либо чрезмерно обесценили их, либо решили проблемы, связанные с такими открытиями, приписав их изготовлению неопределенному иностранному источнику. Мистер Скулкрафт особенно проявил склонность недооценивать художественные способности, заметные в некоторых из них; в то время как мистер Хейвен, который полностью признает их искусное исполнение, выводит из самого этого факта свидетельство иностранного производства. После описания оружия, керамики и личных украшений, найденных в курганах, последний автор добавляет: “и вместе с ними были найдены скульптурные фигурки животных и человеческие головы в форме трубок, выкованные с большой деликатностью и душой из самых твердых камней. Последние из названных являются реликвиями, которые подразумевают очень значительную степень искусства; и если бы считалось, что это работа людей, с останками которых они найдены, это значительно усилило бы удивление тому, что искусство скульптуры среди них не было проявлено в других предметах и местах. Тот факт, что почти все более изысканные образцы ручной работы представляют птиц или наземных и морских животных, принадлежащих к другой широте; в то время как жемчуг, ножи из обсидиана, морские раковины и медь в равной степени свидетельствуют о далеком, хотя и не внеконтинентальном происхождении, может, однако, исключить возможность их признания в качестве доказательств местной промышленности и мастерства”.^[108]

Рис. 82.—Перуанская черная посуда.

Повторное рассмотрение уже приведенного списка животных, изваянных древними мастерами по изготовлению трубок, не может не убедить исследователя в том, что утверждение о том, что почти все они принадлежат к разным широтам, является преувеличением. Истинный интерес и трудность этого вопроса заключаются в том факте, что наряду с таким количеством скульптурных фигур животных, относящихся к данной местности, были обнаружены и другие, изображенные с таким же духом и точностью, хотя и принадлежащие к разным широтам. Тем,

кто знаком с ранними скандинавскими и британскими древностями, такое отнесение курганных скульптур к иностранному происхождению из-за того, что их модели частично заимствованы из отдаленных источников, должно показаться ненужным предположением, которое только смещает акценты, не уменьшая трудности. На скульптурных стоячих камнях Шотландии, относящихся, по—видимому, к завершающей эпохе язычества и первому распространению там христианства, можно увидеть тигра или леопарда, обезьяну, верблюда, змею и, как предполагают некоторые, слона и моржа, наряду с другими изображениями или символами, заимствованными, подобно моделям Строителей курганов, не из местности, настолько близкой, что допускает теорию прямых торговых сношений или недавней миграции, а из отдаленных районов Азии или Африки. Наиболее заметное различие между имитациями иностранной фауны на шотландских памятниках и в древних американских скульптурах состоит в том, что первые иногда обнаруживают, как и следовало ожидать, общепринятые характеристики традиционного типа; в то время как вторые, если они предоставляют свидетельства миграции, в какой-то мере склонны доказывать, что она произошла более недавно и в местности, не столь отдаленной, чтобы препятствовать всякому возобновлению контактов с исконной родиной. Следы такого же воспроизведения незнакомых предметов, действительно, заметны в скульптурах кургана. Объекты, изображенные наименее правдиво, в некоторых случаях представляют собой животных, чуждых региону, где были найдены только такие произведения искусства. Но южноамериканский тукан скульптора из кургана, изображенный на предыдущей странице, безусловно, не уступает прилагаемым образцам мастерства подражания перуанского скульптора, выполненным на сосуде из черной керамики (рис. 82), который сейчас находится в коллекции Общества антикваров Шотландии, хотя следует помнить, что последние являются работой художника, которому, как можно предположить, был знаком оригинал. Некоторые животные, выгравированные на древних памятниках долины Миссисипи, далеки от точности подражания, приписываемой им в сопроводительном тексте, но характерная индивидуальность других демонстрирует замечательную способность к подражанию. Мрачное выражение, придаваемое более чем одной из жаб, полно юмора; и некоторые из более грубых человеческих голов можно описать как портретные наброски в стиле Панча. Но после всех необходимых выводов из преувеличений восторженных наблюдателей остаются многочисленные свидетельства художественного мастерства и изобретательности, оправдывающие удивление, что народ, способный выполнять такие работы, не оставил после себя крупных памятников своего искусства. Хотя, однако, это не дает достаточных оснований для переноса их происхождения в другой регион, мы все же можем с интересом ожидать открытия аналогичных производств в некоторых крупных центрах цивилизации коренных американцев.

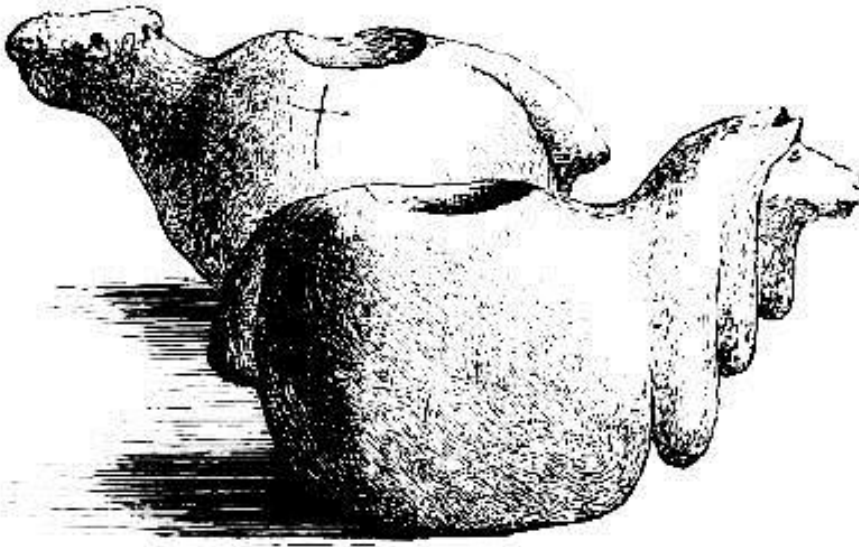

Рис. 83.—Перуанские каменные ступки.

За одним или двумя редкими исключениями, предметы, в точности похожие на курганные скульптуры, до сих пор не встречались за пределами долин, где изобилуют другие следы строителей курганов; но сходство между скульптурными курганными трубками и многочисленными миниатюрными каменными ступками, найденными в Перу, слишком поразительно, чтобы его не заметить. Из двух приведенных здесь примеров (рис. 83) один представляет собой ламу из Уармачако в Перу, находящуюся в коллекции Исторического общества Нью-Йорка. Он вырезан из мелкозернистого черного камня и имеет длину четыре дюйма. Другой, из темно-коричневого сланца, взят с рисунка, сделанного мистером Томасом Юбанком, когда он был в Перу. Больше число из тех, кого он видел, представляют ламу и ее сородичей - альпаку, гуаноко и викуню. Все они выдолблены точно так же, как чаша скульптурных курганных трубок, но не имеют боковой перфорации или мундштука. Вероятно, их использовали в качестве ступок, в которых перуанцы растирали табак в порошок, размалывая его маленьким пестиком до тех пор, пока он не нагревался от трения, после чего его принимали за нюхательный табак. Переход от этой практики к вдыханию паров гари прост; и соответствие между древней перуанской ступкой для табака и каменной трубкой Строителя курганов заслуживает внимания, если принять во внимание имитации птиц южного континента, найденные среди скульптур курганов. Доктор Чуди описывает четыре перуанские ступки, сохранившиеся в Вене, вырезанные из порфира, базальта и гранита; и он добавляет: "Непостижимо, как древние перуанцы без помощи железных инструментов могли так красиво резать камень.

Отсутствие какой-либо другой миниатюрной резьбы в северных курганах также заслуживает внимания, если рассматривать ее в связи с идеями религиозного поклонения, навеянными содержимым алтарей в курганах. Идолопоклонство в его наиболее ярких, а также в некоторых из самых варварских форм преобладало, как мы знаем, среди народов Мексиканской долины в период Завоевания. Памятники Юкатана и Центральной Америки не оставляют места для сомнений в том, что поклонение таким видимым олицетворениям божественных атрибутов, какие могли придумать их скульпторы, составляло заметную часть их религиозных служб. В предыдущей главе также упоминались грубо смоделированные и изваянные идола,

сопровождающие другие древние останки в захоронениях в Теннесси. Другие были найдены в уакалах Чирики, на Панамском перешейке, наряду с многочисленными золотыми реликвиями и множеством прекрасных образцов керамики. Эти факты делают тем более странным тот факт, что среди стольких следов имитационной скульптуры в курганах не было выкопано ни одной реликвии, явно предназначенной для поклонения, или найдено при таких обстоятельствах, которые связывали бы их с религиозными практиками строителей курганов. Но замечательные характеристики искусно вырезанных трубок и их очевидная связь со службами, сопровождавшими некоторые обряды жертвоприношения или кремации, могут указывать на то, что они играли важную роль в религиозных церемониях древней расы; и на это искусство и обычаи современных племен помогают пролить некоторый любопытный свет.

Насколько мы можем сейчас заключить из свидетельств, представленных реликвиями, связанными с употреблением табака, оно, по-видимому, было так же знакомо древним племенам Северо-запада и аборигенам канадских лесов, как и племенам американских тропиков, уроженцем которых является *Nicotiana tabacum*. На самом деле к северу от великих озер не было обнаружено таких замечательных хранилищ, какие были обнаружены исследователями курганов в долине Сциото; но даже сейчас трубка монополизировала изобретательное искусство многих племен, и некоторые из их самых любопытных легенд и суеверий связаны с излюбленным национальным инструментом. Среди них достоинство освященного временем использования придало ему святость, которая сохранилась во многом благодаря своей древней силе; и, соответственно, обращение к этому, изучающему американские древности, оправдано, поскольку это связующее звено, соединяющее настоящее с древним прошлым. Но стоит отметить, что форма курганных труб существенно отличается от бесконечного разнообразия узоров, созданных индийской изобретательностью. Поэтому необходимо некоторое рассмотрение искусства современных мастеров по изготовлению трубок, а также местных обычаев и традиций, связанных с употреблением табака, как средства сравнения древних и современных рас Нового Света.

В Старом Свете идеи, связанные с курительной трубкой, достаточно прозаичны. Чубук иногда может ассоциироваться с поэтическими грезами восточного мечтателя, а кальян - с приятными фантазиями англо-индейца, отдыхающего в тени своего бунгало; но его соблазнительная старинная тайна и все его символическое значение относятся к Новому Свету. Лонгфелло, соответственно, вполне уместно открывает свою "Песнь о Гайавате" упоминанием "трубки мира". Повелитель Жизни спускается в горы прерии, отламывает кусок красного камня из каменоломни и, с удивительным искусством сделав из него трубку, набивает ее корой красной ивы, превращает лес в пламя бурным своим дыханием и, разжигая его, курит калумет как сигнал народам. Племена собираются по божественному зову с рек, озер и прерий, чтобы выслушать предупреждения и обещания, которыми Великий Дух стремится направить их; и, сделав это, воины закапывают свои боевые дубинки, выкуривают свою первую трубку мира и расходятся:

“В то время как Владыка Жизни, восходя,

Сквозь разрыв облачных завес,

Через врата небес,

Исчез у них перед глазами

В клубящемся вокруг него дыму,

Пуквана трубки мира!”

В этом, как и в других отрывках своего национального эпоса, американский поэт воплотил заветные легенды Нового Света: место действия "Гайаваты" он поместил на высотах каменоломни "красная трубка" в Кото-де-Прери, между реками Миннесота и Миссури.

На вершине хребта между этими двумя притоками Миссисипи возвышается отвесный утес, красиво отмеченный горизонтальными слоями светло-серого, розового или телесного кварца. От подножия этого холма параллельно ему тянется ровная прерия шириной около полумили; и именно здесь добывают знаменитый красный трубчатый камень на глубине от четырех до пяти футов от поверхности в овраге у истоков ручья Трубчатый камень, притока реки Биг-Сиу. Многочисленные раскопки указывают на то, что в этой местности проживали индейские племена. “То, что это место посещали на протяжении веков все соседние племена, - говорит Кэтлин, - которые прятали боевую дубинку, приближаясь к нему, и сдерживали жестокость ножа для снятия скальпелей, опасаясь мести Великого Духа, который не замечает этого, не покажется странным или противоестественным, когда станут известны их суеверия. В том, что такой обычай существовал, нет и тени сомнения, и это произошло так недавно, что свидетелями его были сотни и тысячи ныне живущих индейцев из разных племен, от многих из которых я лично почерпнул информацию ”.^[109]

Предприимчивый путешественник говорит в другом месте о тысячах надписей и рисунков, замеченных им на соседних скалах; чувство, которое они вызывают, было таким образом проиллюстрировано индейцем, чей портрет он написал, когда был в стране манданов: “Брат мой, — сказал Мандан, - ты нарисовал мой портрет, и он мне очень нравится. Мои друзья говорят мне, что они могут видеть, как двигаются глаза, и это, должно быть, очень хорошо; это, должно быть, отчасти живое зрелище. Я рад, что это сделано, хотя многие из моих людей боятся. Я молод, но сердце у меня сильное. Я запрыгнул на Камень Целительства; я пустил в него стрелу, и ни один мандан не сможет отнять ее. Красный камень скользкий, но моя нога была верна; она не поскользнулась. Брат мой, эту трубку, которую я дарю тебе, я принес с высокой горы; она направлена к восходящему солнцу. Оттуда мы привезли много трубок и унесли их с миром. Мы оставили наши тотемы на скалах; мы вырезали их глубоко в камнях; они там и сейчас. Великий Дух сказал всем народам встретиться там с миром, и все народы спрятали боевую дубинку и томагавк. Дакота, наши враги, очень сильны; они взяли в руки томагавк, и кровь наших воинов пролилась на камни. Мы хотим посетить наши лекарства. Наши трубы старые и изношенные”.

Лекарство, или Прыгающая Скала, о которой здесь идет речь, представляет собой отдельно стоящую колонну, стоящую на высоте от семи до восьми футов от обрывистой скалы; и прыжок через эту пропасть - смелый подвиг, который молодые воины стремятся совершить. На это Кэтлин указал вождь племени сиу, чей сын погиб при покушении. Конический курган отмечал место его захоронения; и хотя святость этой древней нейтральной территории была нарушена, и сиу теперь отказываются допускать к ней другие племена, это произошло совсем недавно. Памятники многих племен на гравированных камнях; многочисленные раскопки, могильные холмы и другие земляные сооружения поблизости; и время от времени находимые при случайных раскопках или в древних оссуариях и могильных холмах трубки, изготовленные из любимого материала: все это подтверждает индейскую традицию о том, что это была признана

нейтральной территорией племенами к западу и многими из тех, что к востоку от Миссисипи, куда они совершали регулярные паломничества, чтобы обновить свои трубки из камня, освященного следами Великого Духа. Видны следы его шагов, глубоко врезанные в скалу и напоминающие след большой птицы!

Традиции мандан, касающиеся этого священного места, представляют особый интерес, поскольку миграции этого некогда могущественного индейского народа были прослежены из страны, лежащей между озерами Эри и Цинциннати, вниз по долине Огайо, мимо могил древних строителей курганов, а оттуда вверх по западному рукаву Миссисипи, вплоть до вымирания почти всей нации из-за опустошительной оспы в 1838 году в их последних поселениях в верховьях Миссури. Место их последнего пристанища находится к северу от страны сиу, во владении которой каменоломни для производства трубного камня теперь принадлежат по закону сильнейшего. Соответственно, сиу несут ответственность за сохранение традиций данной местности. Ибо, хотя они таким образом бросили вызов его самой священной характеристике и таким образом пренебрегли повелением Великого Духа, они не менее твердо придерживаются суеверных идей, связанных с этим местом.

Одна из этих легенд связана со своеобразными особенностями этой сцены. Пять больших гранитных валунов образуют заметные объекты в ровной прерии поблизости от карьеров пайп-стоуна; а две ямы под самым большим из них считаются сиу обителью духов-хранителей этого места. Кэтлин, который отламывал и уносил с собой фрагменты этих священных валунов, замечает: “Что касается бедного индейца, то его суеверное почитание их таково, что ни одна травинка не ломается и не гнется под его ногами в радиусе трех-четырёх шагов от них, где он останавливается и в смиренной мольбе, бросая им затычки табака, просит разрешения выкопать и унести красный камень для своих трубок”. Ибо здесь, согласно индийской традиции, произошло не только таинственное рождение трубки мира, но и постпотопное сотворение человека.

Об учреждении трубки мира индейцы сиу рассказывают следующим образом: “Много веков спустя после появления краснокожих людей, когда все племена были в состоянии войны, Великий Дух созвал их вместе у Красных Скал. Он стоял на вершине скалы, а красные народы собрались внизу, на равнине. Он вынул из скалы кусок красного камня и сделал большую трубку. Он курил над ними всеми; сказал им, что это часть их плоти; что, хотя они на войне, они должны встретиться в этом месте как друзья; что это принадлежит им всем; что они должны делать из этого клевету и курить ее ему всякий раз, когда хотят умиловить его или заручиться его расположением. Дым из его большой трубки окутал их всех, и он исчез в его облаке. При последнем затяжке его трубки язычок пламени перекатился по камням и расплавил их поверхность. В этот момент две индийские девушки прошли в пламени под двумя целебными камнями, где они остаются и по сей день. Голоса Цомекостиэ и Цомекостевонди, как их называют, иногда раздаются в ответ на мольбы просителей, и их нужно умиловить, прежде чем заберут трубочный камень”.

Подношение табака является обычным подарком, и, по-видимому, оно использовалось в подобных богослужениях с самого раннего периода общения с европейцами. В рассказе о путешествии Дрейка в 1572 году говорится, что туземцы принесли с собой маленькую корзинку, сделанную из тростника и наполненную травой, которую они называли тобак. Это было расценено как умиловительное приношение; и автор впоследствии отмечает: “теперь они

пришли к нам во второй раз, принеся с собой, как и прежде, перья и мешочки с табаком в качестве подарков или, скорее, даже для жертвоприношений, будучи убеждены, что мы боги”. Хэрриот подобным же образом рассказывает в своем “Кратком и правдивом отчете о новооткрытой Земле Виргинии” о растении, которое испанцы обычно называют табаком, но местные жители называли его уппувок. “Этот уппувок пользуется у них таким большим уважением, что они думают, что их боги чудесным образом довольны им, после чего иногда они разводят тлеющие костры и бросают в них немного порошка для жертвоприношения. Находясь во время шторма на водах, чтобы умиротворить своих богов, они подбрасывали немного в воздух и в воду; поэтому, когда рыбу ловят недавно, они подбрасывают немного в нее и в воздух; также после того, как опасность миновала, они также подбрасывают немного в воздух; но все это делается со странными жестами, топаньем, иногда танцем, хлопаньем в ладоши, поднятием рук и воззрением в небеса, произнося при этом и бормоча странные слова и звуки”.

Подобные обычаи и идеи умиловительных жертвоприношений среди южных индейских племен шестнадцатого века показывают, что подношения табака, которые сиу до сих пор делают духам, обитающим в карьере по производству трубчатого камня, имеют не просто местное происхождение, но в древности были такими же универсальными, как и сама трубка мира. Подобные религиозные объединения также не ограничивались излюбленным наркотиком северного континента. У перуанцев растение кока заняло место табака; и доктор Чуди утверждает, что, по его мнению, индейцы считали его чем-то священным и таинственным. “Во всех церемониях, будь то религиозных или военных, он использовался для производства дыма при больших жертвоприношениях или как само жертвоприношение. Во время богослужения жрецы жевали листья коки; и считалось, что, если их не снабжать ими, милость богов невозможно умиловить”. Христианство, просуществовавшее более трехсот лет, не искоренило веру индейцев в полезные свойства священного растения. В шахтах Серро-де-Паско пережеванную коку бросают на твердые жилы металла, чтобы умиловить рудничных гномов, которые, как считается, в противном случае сделали бы горы непроходимыми; а листья коки тайно кладут в рот мертвым, чтобы облегчить переход в другой мир. Таким образом, мы находим в суевериях, увековеченных среди индейцев южных Кордильер, поразительные аналогии с теми, которые сохранились среди сиу и придают характер странным обрядам, практикуемым ими в каменоломне “Красная трубка” в Кот-де-Прери.

Одна из индейских традиций, связанных с этой местностью, которая, по-видимому, увековечивает идею всеобщего потопа, была так передана выдающимся жителем Книстено в верховьях Миссури по случаю вручения Кэтлин красивой трубки из красного камня: “Во время великого паводка, который произошел много веков назад и уничтожил все народы земли, все племена краснокожих собрались на Кото-де-Прери, чтобы убраться с пути вод. После того как они собрались здесь со всех сторон, вода продолжала подниматься, пока, наконец, не покрыла их всех сплошной массой, и их плоть не превратилась в красный трубчатый камень. Поэтому он всегда считался нейтральной территорией; он одинаково принадлежит всем племенам, и всем разрешалось доставать его и курить вместе. В то время как все они тонули в толпе, молодая женщина, Кваптаху, девственница, зацепилась за ногу очень большой птицы, которая пролетала над ними, и ее отнесло на вершину высокого утеса неподалеку, который возвышался над водой. Здесь у нее родились близнецы, и их отцом был боевой орел, и с тех пор ее дети населили землю”. Идея о том, что красный трубчатый камень - это плоть их предков, является излюбленной среди разных племен. Когда Кэтлин и его отряд попытались проникнуть в священную местность, они были остановлены индейцами сиу, и один из них, обращаясь к нему,

сказал: “Эта красная трубка была дана краснокожим людям Великим Духом. Это часть нашей плоти, и поэтому это отличное лекарство. Мы знаем, что белые подобны огромному облаку, которое поднимается на востоке и накроет всю страну. Мы знаем, что они получают все наши земли; но если когда-нибудь они добудут нашу красную трубку, им придется очень дорого заплатить за это”. Так получилось, что даже на самом дальнем Западе индеец чувствует роковое прикосновение этой белой руки; и интригам заинтересованных торговцев приписывается вторжение сиу на священную нейтральную территорию, где, на памяти ныне живущих, каждое племя на Миссури курило вместе со своими врагами, в то время как Великий Дух поддерживал мир среди своих краснокожих детей.

Таким образом, помимо таких указаний на художественную силу подражания, которой отличаются древние мастера по изготовлению трубок, представляет интерес наблюдать другие элементы сравнения или контраста между памятниками мастерства строителей курганов и многочисленными образцами скульптуры из трубок, изготовленными современными племенами.

Несмотря на бесконечное разнообразие трубок древних строителей курганов, во всем прослеживается один общий тип. Изогнутое основание образует стержень и ручку, из центра которых поднимается чаша, как показано на рис. 78, так что она является законченной в том виде, в каком ее нашли; в то время как современные индейцы обычно используют стержень-трубку и приписывают ему особые достоинства орудия. Знахарь украшает его со своим самым изощренным мастерством, и все племя относится к нему с благоговением. Следовательно, корень, по-видимому, характерен для современной расы; если на самом деле он не является отличительным признаком происхождения северных племен, отличающихся от толтеков и других древних народов. Одна из идей, на которую наводят подобные сравнения, состоит в том, что в священных ассоциациях с трубкой строителей курганов мы имеем указания на контакт между мигрирующей расой из Центральной или Южной Америки, где не обнаружено суеверного использования трубки, и одним из северных племен, среди которых подобные суеверия наиболее тесно переплетены со всеми их священными мистериями.

Огромное разнообразие отличает трубки современных индейцев: отчасти это связано с местными возможностями подбора подходящего материала, а отчасти также с особым стилем искусства и отделки, который стал традиционным для этого племени. Легко обрабатываемый красный трубчатый камень пользовался всеобщим спросом из-за красоты его цвета и текстуры, а также таинственных свойств, присущих ему. Но трубчатые скульптуры многих племен можно отличить не менее определенно по материалу, чем по излюбленному традиционному рисунку.

У индейцев ассинобойн прекрасный мрамор, слишком твердый, чтобы допустить мелкую резьбу, но поддающийся тщательной полировке, разрезают на трубки изящной формы и делают настолько чрезвычайно тонкими, что они почти прозрачны. При зажигании тлеющий табак просвечивает насквозь и приобретает необычный вид ночью или в темном помещении. Другой любимый камень - грубая разновидность яшмы, также слишком твердая, чтобы ее можно было украшать замысловатыми украшениями. Но выбор материала ни в коем случае не определяется неизменно удобствами, которые предоставляет положение племени. мистер Кейн сообщил мне, что, спускаясь по реке Атабаска, недалеко от ее истока в Скалистых горах, он наблюдал, как его проводники-ассинобойны выбирали любимую голубоватую яшму из изъеденных водой камней в русле реки, чтобы нести домой для изготовления трубок, хотя в то

время они были в добрых пятистах милях от своих жилищ; а мои собственные проводники-чиппева таскали куски скалы из трубочного камня в устье реки. Река Нипигон, хотя им предстояло преодолеть несколько сотен миль, прежде чем они доберутся до своих домов. Такая традиционная приверженность выбору материалов, характерных для отдаленного источника, а также сохранение особых форм и узоров имеют ценность как ключи к прежним миграциям и признаки родства между разрозненными племенами.

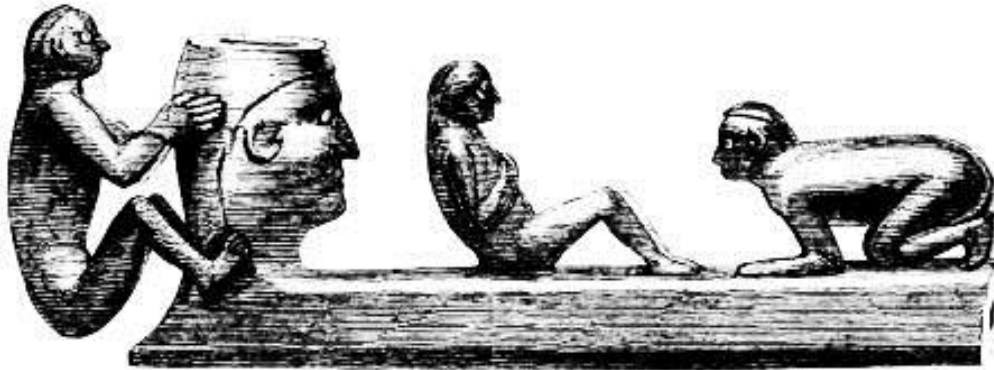

Рис.84.—Трубка Чиппева.

Чиппева, живущие в верховьях озера Верхнее, вырезают свои трубки из темного мелкозернистого камня, добываемого на озере Гурон; и часто представляют группы животных и человеческие фигурки с большим художественным мастерством. Пабахмесада, или Летун, старый чиппева, все еще живущий на Большом острове Манитулин на озере Гурон, широко известен как Пвагунека, Мастер по изготовлению трубок, буквально “он делает трубки”. Несмотря на контакт с индейцами-христианами островов Манитулин, он решительно придерживается языческой веры и обрядов своих отцов и сопротивляется любым посягательствам цивилизации. Он собирает свои материалы на любимых курортах разных племен, используя мухкухда-пвахгунахбек, или черный трубочный камень с озера Гурон; вахбе-пвахгунахбек, или белый трубочный камень, добытый на острове Святого Иосифа; и миско-пвахгунахбек, или красный трубочный камень из прерий Кото. Его пила, с помощью которой сначала грубо вырубается камень, сделана из куска железного обруча; и другие его инструменты соответственно грубы. Тем не менее мастерство Пабахмесада показывает, что он мастер своего дела; как видно из характерной иллюстрации его гениальной скульптуры, выгравированной здесь (рис. 84) с оригинала, хранящегося в музее Университета Торонто.

Рис. 85.—Труба Бабина.

Но самыми сложными и любопытными образцами трубочной скульптуры являются те, что выполнены индейцами шимпсиан или бабин, которые также искусно вырезают из дерева и кости. Они проявляют большую изобретательность в плетении из травы шляп и водонепроницаемых корзин или котелков; а также в изготовлении плетеных сеток, которыми они ловят уликона, разновидность корюшки, в изобилии встречающейся в реках вдоль их побережья. Они действительно превосходят дикарей Северного тихоокеанского побережья по художественному мастерству; однако, судя по всему, при столкновении с белыми их истребление неизбежно в недалеком будущем. Фронтиспис, рисунок 1. иллюстрирует характерную физиономию этого народа. Это портрет Каскатачью, вождя племени шимпсиан, по эскизам, сделанным мистером Полом Кейном во время путешествия по их стране. На нем одна из местных шляп, сделанных из крашеной и заплетенной в косички травы. Шимпсеяны принадлежат к племени тлинкетов, племена которых простираются на север до Берингова залива. Они не лакомятся китом, потому что это один из их племенных тотемов, но жир морской свиньи и тюленя - любимое лакомство. Бабины, или индейцы с большой губой, — как чаще всего называют шимпсейцев, — получили это название из-за деформации нижней губы у женщин племени, вызванной вставлением куска дерева в прорезь, сделанную в младенчестве, и увеличивающейся в размерах до тех пор, пока губа не выступает наподобие утиного клюва; и среди деревянных масок, которые они вырезают в натуральную величину, эта выступающая губа является неизменной характеристикой масок женщин. Другие, не менее странные обычаи подчеркивают различие между полами и сохраняются даже после смерти. Их женщин заворачивают в циновки и кладут на возвышение или в каноэ, поднятое на шестах, в то время как тела мужчин неизменно сжигают. Индейцы шимпсеяны и клалам, населяющие остров Ванкувер и побережье в окрестностях залива Шарлоттс-Саунд, вырезают чаши, подносы и другую утварь из голубой глины или сланца, из которого также делают свои трубки, и украшают их множеством хитроумных и гротескных приспособлений. Одна из этих трубочек поменьше и попроще, показанная на рис. 85, помещена здесь рядом с шедевром Пабахмесада, художника из племени Чиппева. Ничто не могло бы лучше проиллюстрировать контраст между изобретательным искусством подражания алгонкинской скульптуре из трубки и буйной причудливостью бабинской резьбы. Распространены большие и сложные узоры, иногда инкрустированные костью или слоновой костью и охватывающие каждый местный или иноземный предмет, адаптированный к фантазии скульптора. Тот же талант к резьбе находит место для проявления в их гребнях из слоновой кости, а также в половниках и ложках, сделанных из рогов горного козла, который является одним из основных животных, на которых они охотятся на суше. Резьба по глиняному камню строго местного дизайна встречается главным образом на их трубчатых скульптурах и состоит из человеческих фигур и странных чудовищ, сочетающих человеческие и звериные формы, в которых часто можно проследить любопытные аналогии со скульптурами Центральной Америки. Но наблюдательность и имитация наиболее ярко проявляются в резьбе по глиняному камню, изображающей предметы иностранного происхождения. Коллекции, собранные Исследовательской экспедицией Соединенных Штатов, которая сейчас находится в Вашингтоне, включают многочисленные образцы этого класса, представляющие европейские дома, форты, лодки, лошадей и огнестрельное оружие; и воспроизводящие в мельчайших деталях шнуры, блоки и другие мелочи судоходства, часто посещающего побережье. Пример, показанный на рис. 86, представляет собой любопытное сочетание местных и иноземных элементов; его можно

рассматривать как традиционное изображение местным художником охоты на медведя в окрестностях одной из станций Компании Гудзонова залива. Головы животных на некоторых человеческих фигурах представляют собой гротескные маски, которые уже упоминаются как одна из их любимых резных фигур и особая отрасль местного искусства. Они выполнены из дерева в натуральную величину и ярко раскрашены; их носят во время грандиозных танцев племени.

Рис. 86. Скульптура из трубы Бабина.

В некоторых более крупных трубках вся группа представляет большую часть гротескного изобилия фантазии, смешанного с имитациями природы, которые составляют очарование церковных скульптур тринадцатого века. Фигуры в самых причудливых позах искусно переплетены и соединены замысловатыми орнаментами; промежуточные пространства перфорированы, чтобы придать большую легкость целому. Но хотя такие сравнения хорошо рассчитаны на то, чтобы напомнить причудливые изделия средневекового резца-скульптора, они не основаны ни на каком подражании европейским образцам. Стиль их искусства полностью американский; и черты тех же самых своеобразных приемов и способов мышления, которые отличают некоторые из наиболее законченных скульптур Юкатана, вызывают большой интерес, когда они распознаются в столь отдаленных регионах и в произведениях грубых индейских племен.

Но в то время как современный индеец, таким образом, соперничает в совершенстве своего искусства с искусной скульптурой курганов из трубок, все его суеверное почтение приберегается для чубука трубки. От этого зависит безопасность племени в мирное время и его успех в войне. Соответственно, он охраняется с ревнивой заботой и преподносится на танцах врачевания или во время военного совета с таинственными церемониями. Даже в таких торжественных случаях, пока используется мундштук от медицинской трубки, безразлично, будет ли прикрепленная к нему чаша богатейшей резьбы или обычная глиняная трубка торговца. Его обладателю принадлежат многие особые привилегии и почести. Проходить между ним и огнем не только неуважительно, но и к несчастью. Для его пользования предоставлен декоративный шатер, а других его официальных принадлежностей так много, что часто ему требуется содержать несколько лошадей для их перевозки. Для обертывания освященного чубука трубки используется халат из медвежьей шкуры, и, завернутый таким образом, его обычно несет любимая жена сановника. Но его ни в коем случае нельзя обнажать в ее присутствии; и если женщина, даже случайно, бросит на него взгляд, восстановить его достоинства можно только с помощью утомительной церемонии.

Среди портретов индейцев, выполненных мистером Полом Кейном, есть один, на котором изображен Кеа-кеке-саковау, главный вождь племени кри, которого он встретил на Саскачеване, занимающийся сбором военного отряда против черноногих. У него было с собой одиннадцать медицинских трубочек - новички разных групп, которые присоединились к нему. Появляется мрачный старый вождь, разукрашенный в боевую раскраску и держащий в руке одну из трубок, украшенную головой и оперением орла. Прежде чем приступить к своей работе, художник должен был стать свидетелем церемонии “открывания мундштука медицинской трубки”, в ходе которой он выкурил каждую из одиннадцати трубок; и, таким образом, привлеченная к делу, его картина была признана великим лекарством, призванным внести существенный вклад в успех партии войны.

Молодой полукровка кри признался художнику, что в духе дерзкого скептицизма он однажды тайком бросил черенок целебной трубки и пинал его ногами; но вскоре после этого был убит ее официальный носитель, и последовали такие несчастья, что у него не осталось сомнений в святости этого хранителя и мстителя за честь племени.

Но все идеи и суеверия, которые иллюстрируют подобные обычаи, присущи только современным индийцам. Трубки строителей Курганов показывают, что они не пользовались трубчатым стержнем; и то же самое, по-видимому, было и у мексиканцев до Завоевания. На протяжении всего великого труда лорда Кингсборо следы использования трубки встречаются редко; а там, где они все же встречаются, они, как правило, подтверждают идею о том, что ни в Мексике, ни в Центральной Америке она не была наделена такими священными атрибутами, какие были присущи ей древней расой долины Миссисипи и которые в других, но не менее своеобразных формах сохраняются у индейских племен Северо-запада.

Различные ранние авторы, посвященные обычаям американских индейцев, ссылаются на искупительные жертвоприношения, которые представляют собой поразительные, хотя и грубые аналогии с древними жертвоприношениями огнем на курганных алтарях. Хирн описывает обычай чиппева после пролития крови бросать все свои украшения, трубки и т. Д. В общий костер, разведенный на некотором расстоянии от их вигвамов; а Уинслоу рассказывает о нанохиггансетах Новой Англии, что у них был большой дом, к которому обычно прибегали несколько человек, которых он считает священниками; но он добавляет: “Туда в определенное время прибегают все их люди и предлагают своим богам почти все богатства, которые у них есть, в виде котлов, шкур, топориков”. , четки, ножи и т.д., все это жрецы бросают в большой огонь, который они разводят посреди дома”.^[110] Однако аналогии, которые, по-видимому, прослеживаются в подобных практиках племен, удаленных от мест обитания древних строителей курганов, в конце концов, незначительны и в них отсутствуют наиболее важные элементы, придающие особый характер древним курганным алтарям. Употребление табака больше не является характерной чертой Нового Света; но, возможно, что в виде употребления его любимого наркотика мы увековечили как обычай простого чувственного наслаждения то, что когда-то было торжественным ритуалом, связанным с таинственным поклонением священным оградкам и курганам-алтарям долины Миссисипи. Овьедо, который является самым ранним авторитетом, по крайней мере, в сколь-нибудь подробных сведениях о курении табака среди местных племен, говорит о нем как о дурном обычае, практикуемом среди индейцев Эспаньола и вызывающем бесчувственность; его очень ценили карибцы, которые называли табак кохиба и “воображали, что, когда они были пьяны от его паров, сны, которые они видели, были в некотором роде вдохновенными”.^[111] Опять же, Джироламо Бенцони рассказывает в

своих " путешествиях по Америке", недавно переведенных с издания 1753 года контр-адмиралом Смитом: "В Испании и на других островах, когда их врачи хотели вылечить больного человека, они отправлялись туда, где должны были ввести дым, и когда он был полностью опьянен им, лечение в основном было произведено. Придя в себя, он рассказал тысячу историй о том, что был на совете богов, и о других высоких видениях".^[112]

Многие индийские легенды приписывают табаку божественное происхождение. Вождь племени Саскуэханна рассказал о двух охотниках из племени, которые разделили приготовленную ими оленину с прелестной скво, которая внезапно появилась перед ними; и, вернувшись к месту своего пиршества тринадцать лун спустя, они обнаружили, что на том месте, где она сидела, рос табак. Хэрриот, участвовавший в экспедиции сэра Уолтера Рэли в 1584 году, утверждает, что индейцы Виргинии считали табак средством особого наслаждения, которому Великий Дух имел обыкновение свободно предаваться, и что он даровал его им, чтобы они могли разделить его наслаждение. Повторяющиеся намеки также относятся к его опьяняющему действию как влиянию, аналогичному тому, которое вызывало видения и вдохновение в их снах натошак. Следовательно, отнюдь не кажется невероятным, что первоначальная практика вдыхания табачных паров была связана исключительно с суеверными обрядами и гаданиями; так что табачное растение могло играть определенную роль в поклонении древних строителей курганов, аналогичную роли вдохновляющего пара, над которым устанавливался дельфийский треножник, когда жрица Аполлона готовилась произнести речь божественным оракулам.

[100] Смотрите Доисторические анналы Шотландии, том i. стр. 496-498.

[101] Доисторические расы Соединенных Штатов, стр. 293.

[102] Впоследствии эта коллекция была приобретена для музея Блэкмора.

[103] Древние памятники долины Миссисипи, стр. 245, рис. 145.

[104] Коренные расы Земли, стр. 183.

[105] Древние памятники долины Миссисипи (№ 143).

[106] Древние памятники долины Миссисипи, стр. 152.

[107] Это производное от испанского Мапо некоторыми этимологами отвергается как коренное карибское Manattoui.

[108] Археология Соединенных Штатов, стр. 122.

[109] Иллюстрации нравов и т.д. североамериканских индейцев. Автор: Гео. Кэтлин. Восьмое издание. Том ii. стр. 167. Смотрите продолжение. Амер. Philosoph. Соч., т. x. с. 274.

- [110] Масса. Хист. Сборник, Вторая серия, том ix. стр. 94.
- [111] Генеральная история Индии, второе издание. стр. 74.
- [112] История Нового Света . Джироламо Бенцони. Общество Хаклюит, 1857.

КОНЕЦ

НАПЕЧАТАНО Т. И А. КОНСТЕБЛЯМИ, ТИПОГРАФАМИ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА,
В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ ЭДИНБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕПИСЧИКА

Исправлены орфографические ошибки и типографские опечатки. Там, где встречаются множественные варианты написания, используется большинство.

Некоторые иллюстрации были перенесены для облегчения верстки страницы.

[Конец доисторического человека: исследования происхождения цивилизации в Старом и Новом Свете, автор Дэниел Уилсон.]